

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК

VII

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

Редакционная коллегия

Ф. Я. ПРИЙМА (ответственный редактор), **В. А. СМИРНОВ**,
Т. С. ЦАРЬКОВА

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК, VII

*Утверждено к печати Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом АН СССР)*

Редактор издательства *Н. А. Храмова*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *О. И. Буркова, С. В. Добрянская и К. С. Фридлянд*

ИБ № 9147

Сдано в набор 19.10.79. Подписано к печати 5.02.80. М-36506. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 15=21 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 20.78. Тираж 13950. Изд. 7496. Тип. зак. 824. Цена 1 р. 80 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука», 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Н 70202-515
042 (02)-80 550.80.4603010101.

© Издательство «Наука», 1980 г.

І. СТАТЬИ

Ф. Я. Прийма

Н. А. НЕКРАСОВ и М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

В первый период своего пребывания в Петербурге (1838—1848) М. Е. Салтыков-Щедрин был известен относительно небольшому кругу литераторов. Отчасти этому способствовало то обстоятельство, что ко времени высылки молодого писателя «за вредный образ мыслей» в Вятку (апрель 1848 г.) ни одно из появившихся в печати его произведений (стихотворения, рецензии, повести «Противоречия» и «Запутанное дело») не было подписано его собственным именем. Остается неизвестным, был ли знаком в этот период юный Салтыков с Некрасовым, хотя поводов для их сближения уже в то время было немало. В своих автобиографических признаниях, относящихся к лицейскому периоду, Салтыков-Щедрин писал: «Журналы читались с жадностью, но в особенности сильно было влияние „Отечественных записок“, и в них критики Белинского и повести Панаева, Кудрявцева (и Герцена) и др.»¹

По окончании лицея Салтыков, как известно, посещал «пятницы» М. В. Петрашевского, где особенно сблизился с критиком В. Н. Майковым и экономистом-социологом В. А. Милютиным. Но нередко бывал он также и на квартире М. А. Языкова, куда часто заходил Белинский и члены его кружка. Здесь не один раз видела юного Салтыкова А. Я. Панаева: «Его большие серые глаза, — вспоминает она, — сурово смотрели на всех, и он всегда молчал».² Мемуаристка колоритно изобразила при этом происходившую на квартире Языкова в присутствии Салтыкова сцену бурного «распекания» Белинским А. С. Комарова.

Таким образом, к апрелю 1848 г. Некрасов, если даже он не успел познакомиться с Салтыковым лично, мог обладать известными сведениями о нем как начинающем поэте и авторе двух повестей, напечатанных в «Отечественных записках».

По отбытии «вятского плена», продолжавшегося около 8 лет, в начале 1856 г. Салтыков-Щедрин возвращается в Петербург. Его писательские наблюдения, накопленные за время ссылки, нашли художественное преломление в «Губернских очерках», предназначавшихся вначале для «Современника». Рукопись очерков, врученная автором Тургеневу, не получила его одобрения и была отклонена затем Некрасовым. Очерки были переданы Салтыковым-Щедриним в «Русский вестник». Опубликованные там в 1856 г., хотя и в урезанном цензурой виде, они принесли громкую известность автору. В том же году в «Русском вестнике» напечатал Сал-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. XVII. М., 1975, с. 469—470. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: С.-Щ., том (римская цифра), страница (арабская цифра).

² Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1948, с. 392.

тыков-Щедрин и свою статью «Стихотворения Кольцова», подвергнушуюся перед этим цензурному запрещению в «Библиотеке для чтения».

Возникшие в связи с женитьбой (1856) планы упрочения материального положения семьи, равно как и еще не угасшая вера в то, что чиновничья служба в государственном аппарате будет способствовать общественному прогрессу в большей мере, чем сочинительство, заставляли Салтыкова-Щедрина совмещать литературную деятельность сначала со службой в Министерстве внутренних дел (1856—1858), затем (1858—1862) с должностью рязанского, а впоследствии тверского вице-губернатора.

С 1857 г. по инициативе Н. Г. Чернышевского автор «Губернских очерков» был привлечен к сотрудничеству в журнале «Современник». В октябрьской книжке журнала за этот год был напечатан его рассказ «Жених». В письме к Тургеневу от 30 июня 1857 г. Некрасов писал: «В № 6 „Современника“ Чернышевский написал отличную статью по поводу Щедрина».³ Ровно через полгода журнал напечатал вторую (столь же содержательную и доброжелательную) статью о «Губернских очерках», автором которой был Н. А. Добролюбов. Не пройдет, однако, и месяца, как Некрасов в письме к Тургеневу (от 27 июля 1857 г.) напишет следующее: «Гений эпохи — Щедрин — туповатый, грубый и страшно зазнавшийся господин. Публика в нем видит нечто повыше Голя!» (X, 355).

Логично полагать, что в июле 1857 г. Некрасов отказался удовлетворить какую-то просьбу или претензию Салтыкова-Щедрина, и последний, припоминая печальную историю с публикацией «Губернских очерков», увидел в этом не случайность, не мелкое недоразумение, а последовательно недружелюбное отношение к себе редакции «Современника» в целом. Увидел и соответствующим образом прореагировал на это. Следует тут же заметить, что бурная эмоциональная вспышка Некрасова в цитированном выше письме отнюдь не была характерна для его общего отношения к автору «Губернских очерков».

Для высказанной здесь догадки известную аргументацию, как нам представляется, можно найти в двух письмах Салтыкова-Щедрина к П. В. Анненкову, написанных спустя полтора года. В первом из них, от 29 января 1859 г., посылая на отзыв рукопись рассказа «Развеселое житье», Салтыков-Щедрин писал: «Вот какой редактор Некрасов. Я его много раз просил прочесть мой рассказ (благо остался с лишком месяц до напечатания) и сказать мне, не нужно ли что переделать. И все-таки не добился, чтоб он его прочел. Вероятно, прочтет в корректуре и расставит запяты» (С.-Щ., XVIII, 210). В следующем же письме к тому же адресату, от 3 февраля 1859 г., читаем: «Я получил письмо от Некрасова <...> Он пишет, что „Развеселое житье“ ему понравилось, но я как-то не доверяю его похвале, потому что он все в воздухе нюхает и заботится только об том, чтоб на публику впечатление было» (С.-Щ., XVIII, 213).

Разномыслие в отдельных частных вопросах литературной жизни и различного рода недоразумения во взаимоотношениях Некрасова и Салтыкова-Щедрина не носили, однако, принципиального характера. И если в первые годы сотрудничества автора «Губернских очерков» в «Современнике» некоторые расхождения между Некрасовым и Салтыковым-Щедриным приходилось смягчать и устранять Чернышевскому и Добролюбову,

³ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X. М., ГИХЛ, 1952, с. 345. Далее на протяжении всего сборника ссылки на это издание (т. I—XII, 1948—1953) даются в тексте, с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).

то в период, когда последних уже не было у журнального руля, разногласия устранялись без чьего-либо посредничества, собственными усилиями Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Закрытый властями летом 1862 г. в связи с арестом Чернышевского, «Современник» возобновил свою деятельность лишь в начале следующего года. Именно в это время и становится членом его редакции Салтыков-Щедрин, объединявший в своем лице выдающегося художника и первоклассного публициста. Он вступает в эту должность в момент, когда в результате размежевания либералов с демократами из журнала Некрасова из-за идейных разногласий уходит ряд видных сотрудников. В истории русского общественно-литературного движения приход Салтыкова-Щедрина в редакцию «Современника» явился событием огромного значения.

Став ведущим публицистом журнала революционной демократии, Салтыков-Щедрин в первом своем хроникальном обзоре «Наша общественная жизнь» (Современник, 1863, № 1—2) писал: «По всей вероятности, читатель, который возьмет в руки эту первую книжку возобновленного „Современника“, прежде всего спросит себя: очистились ли мы постом и покаянием?»

Что пост был — это достоверно: в этом в особенности убедилась сама редакция «Современника». Не то чтобы идея поста была совершенно противна „Современнику“, но, конечно, было бы желательно, чтобы сроки воздержания были назначаемы несколько менее щедро рукой <...>

Что же касается до вопроса о покаянии, то на него мы постараемся ответить в продолжение последующих десяти месяцев настоящего года» (С.-Щ., VI, 9—10).

Никакого ожидаемого властями покаяния со стороны редакции, разумеется, не последовало. Активно полемизируя с охранительной, почвеннической и различного рода рептильной журналистикой, возобновленный «Современник» продемонстрировал свою верность традициям Чернышевского и Добролюбова, и в этом следует видеть прежде всего заслугу Салтыкова-Щедрина.

Когда реакционная газета «Наше время», намекая на учиненную самодержавием расправу с Чернышевским и другими лидерами «Земли и Воли», злорадствовала в 1863 г. по поводу того, что теперь «даже так называемые нигилисты побойчее замолкли», Салтыков-Щедрин осмелился взять под защиту пострадавших от правительственного террора «нигилистов» и указать на подкупность избобличающей их прессы. «„Замолкли!“, — писал он. — Слышите ли вы радость, которая сочтена в этих словах прискорбного публициста! „Замолкли!“ — но почему замолкли, любезный публицист? не известна ли вам причина этого молчания? <...> Я очень хорошо понимаю <...> что вы должны быть обрадованы молчанием „нигилистов побойчее“ <...> Только жаль, что вы уж очень скромны: не назвали „нигилистов побойчее“ по именам и не доложили вашим читателям о причине их молчания. Чего доброго, они ведь могут подумать, что это вы заставили их замолчать! <...> Подумайте только, какую вы благодарность можете получить от современников за подобное указание! благодарность, быть может, вящую той, которую уже вы получаете!» (С.-Щ., VI, 56).

Не однажды пришлось выступать Щедрину-публицисту и в защиту Некрасова, которого враждебная «Современнику» печать любила избирать мишенью для своих как откровенно грубых, так и зашифрованных нападок. Показательна в этом отношении заметка Салтыкова-Щедрина «Литературная подпись. Соч. А. Скавронского», опубликованная в первой книжке «Современника» за 1863 г. Она подводила последнюю черту

под тяжбой И. С. Тургенева с «Современником», возникшей в начале 1860 г. в связи с написанием Добролюбовым статьи «Когда же придет настоящий день?», посвященной тургеневскому роману «Накануне» (1859). Через всю статью критика проходит мысль о том, что благие стремления и красивые слова Рудиных и Лаврецких не подтверждаются делами, не находят осуществления; тургеневские герои, поступки которых не отвечают все возрастающим потребностям действительности, становятся «лишними людьми». Отдавая себе отчет в этой слабости, Тургенев не сумел все же преодолеть ее и в новом романе. Писатель не случайно нашел главного героя в болгарине, да и он-то показан главным образом в сфере психических переживаний. «Если бы это входило в план автора, — писал Добролюбов, — то он должен был бы поставить своего героя лицом к лицу с самым делом — с партиями, с народом, с чужим правительством, с своими единомышленниками, с вражеской силой... Но автор наш вовсе не хотел, да, сколько мы можем судить по всем его прежним произведениям, и не в состоянии был бы написать героическую эпопею. Его дело совсем другое: из всей Илиады и Одиссеи он присваивает себе только рассказ о пребывании Улисса на острове Калипсы и далее этого не простирается».⁴

Ознакомившись с содержанием добролюбовской статьи сразу же по ее написанию, автор «Накануне» предъявил Некрасову ультиматум: в случае появления статьи в «Современнике» Тургенев отказывался от сотрудничества в журнале. После нелегких цензурных мытарств статья Добролюбова была все же напечатана в третьей книжке журнала за 1860 г., и, сохраняя верность своему слову и внимая советам ближайших друзей, Тургенев решает прервать всякие отношения с «Современником».

Иного рода чувствами обуреваем был Некрасов: не теряя надежды на возобновление дружеских взаимоотношений с Тургеневым, он пишет ему в январе 1861 г. в Париж письмо, в котором читаем: «Но и тут я не виноват; поставь себя на мое место, ты увидишь, что с такими людьми, как Чернышевский и Добролюбов (людьми честными и самостоятельными, что бы ты ни думал и как бы сами они иногда ни промахивались), — сам бы ты так же действовал, т. е. давал бы им свободу высказываться на их собственный страх. Итак, мне думается, что и не за это ты отвернулся от меня. Прошу тебя думать, что я в сию минуту хлопочу не о „Современнике“ и не из желания достать для него твою повесть — это как ты хочешь, — я хочу некоторого света относительно самого себя, и повторяю, что это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебе. Это тебя насмешит, но ты мне в последнее время несколько ночей снился во сне» (X, 441—442).

Ответное письмо до нас не дошло, но отдельные места из него Тургенев приводил по памяти в своем «Письме к издателю „Северной пчелы“» (1862, № 334, 10 декабря): «Я тогда же отвечал г. Некрасову положительным отказом, сообщил ему мое твердое решение не участвовать более в „Современнике“».⁵

Со времени последнего некрасовского письма к Тургеневу проходит без малого два года, и вот в «Северной пчеле» (1862, № 316, 22 ноября) появляется статья некоего А. Ю., в которой находилась следующая, осуждавшая редактора «Современника» фраза: «Пусть... г. Некрасов *жерт-*

⁴ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. VI. М.—Л., 1963, с. 119. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Д., том (римская цифра), страница (арабская цифра).

⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Соч., т. XV. М.—Л., 1968, с. 142—143.

вует... г. Тургеневым, Дружининым, Писемским, Гончаровым и Авдеевым и издает „Современник“!». Несмотря на то что фраза эта вышла из-под пера неизвестного поклонника тургеневского дарования, автору «Отцов и детей» она не пришлась по вкусу, и он тотчас же послал упомянутое выше «Письмо к издателю „Северной пчелы“» (в черновике оно называлось «Письмо в „Северную пчелу“ о жулике Некрасове»), в котором утверждалось, что не Некрасов отказал в сотрудничестве Тургеневу, а сам Тургенев не пожелал больше сотрудничать в некрасовском журнале. Примечательны следующие слова этого письма: «...весною 1861 г. г-н Некрасов писал мне в Париж письмо, в котором с чувством, жалуясь на мое охлаждение, возобновлял свои лестные предложения и, между прочим, доводил до моего сведения, что видит меня почти каждую ночь во сне».⁶

В использовании Тургеневым частного письма редакция «Современника» была вправе увидеть попытку бросить тень не только на Некрасова, но и на журнал в целом. На тургеневский выпад удобнее всего было отвечать Салтыкову-Щедрину, что он и сделал в памфлетной заметке «Литературная подпись. Соч. А. Скавронского». Напечатанная в журнале «Время» жалоба А. Скавронского (псевдоним Г. П. Данилевского) на Н. Скавронского (псевдоним А. С. Ушакова), который якобы в корыстных целях «похитил» псевдоним, закрепленный за Г. П. Данилевским, не могла служить темой для сколько-нибудь серьезных суждений и выводов. Однако нотки самовозвеличения, звучащие в жалобе Г. П. Данилевского, позволяли Салтыкову-Щедрину пристегнуть к его памфлетной заметке и полемическую реплику в адрес Тургенева, реплику, ради которой, может быть, была написана вся заметка. Извиняясь перед читателем за малозначительность темы, автор заметки писал: «Нам невозможно было иначе поступить, потому что в последнее время самохвальство сделалось какою-то эпидемическою болезнью между русскими литераторами. Поверит ли, например, кто-нибудь, что один литератор вдруг ни с того ни с сего объявил недавно в „Северной пчеле“, что он так велик, что его даже во сне видит другой литератор? Что должна думать и чувствовать публика, которую потчуют подобными заявлениями? Публика недоумевает; она видит, что по поводу всех этих снов можно только предложить себе вопрос, что сей сон значит?» (С.-Щ., V, 337).

Готовность Салтыкова-Щедрина прийти на помощь Некрасову в трудных ситуациях борьбы за репутацию журнала вызывала у поэта чувство глубокой признательности. Эпизодов взаимной поддержки и выручки в истории многолетней совместной журнальной деятельности Некрасова и Салтыкова-Щедрина было немало, и о некоторых из них будет сказано несколько ниже. Следует, однако, сразу же заметить, что источником указанного взаимопонимания являлись сходство их общественно-политических и эстетических воззрений и общность стоявших перед ними задач.

Успехи и промахи своей гражданской и литературной деятельности Некрасов постоянно соотносил с «этическим кодексом» Белинского, Добролюбова и Чернышевского («На меня их портреты укоризненно смотрят со стен» — II, 406), хотя он и был далек от слепого им подражания. Гораздо более автономно в этом отношении было поведение Салтыкова-Щедрина, но и для него мировоззренческие и этические традиции и нормы Добролюбова и Чернышевского были высокоавторитетными.

Общественно-политические взгляды юного Салтыкова-Щедрина кристаллизовались в кружке М. В. Петрашевского, в атмосфере идей фурье-

⁶ Там же, с. 142; ср. с. 364.

ризма и утопического социализма, и принципами мужицкого демократизма «революционеров 61-го года» писателю пришлось овладеть уже после «вятского плена». Напомним, что в статье 1856 г., посвященной творчеству Кольцова, такие стихотворения поэта, как «Удалец», «Измена суженой», «Песнь разбойника», «Тоска по воле» и «Дума сокола» (которым отечественная прогрессивная критика всегда давала самую высокую оценку), Салтыков-Щедрин отнес к разряду произведений, в которых, по его словам, «этот разгул, эта жажда необузданности и безобразия являются на первом плане. Жгучее чувство личности, не умеренное благотворным сознанием долга, разрывает все внешние преграды и, как вышедшая из берегов река, потопляет, разрушает и уносит за собою все встречающееся на пути» (С.-Щ., V, 27). В этих стихотворениях Кольцова автор статьи находил разновидность народных разбойничьих песен, «содержанием для которых служит дикий и необузданный разгул человека, почувствовавшего себя без узды» (там же).

Видеть в приведенных словах выражение революционно-демократической точки зрения было бы грубой ошибкой, поскольку в них обнаруживается известное родство с концепцией так называемой «юридической школы» (С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин и др.) о понизовой вольнице как силе, подрывающей русскую государственность. Влияние воззрений этой школы Салтыков-Щедрин преодолевает уже к концу 1850-х годов, о чем позволяет судить его рассказ «Развеселое житье» (1859), эпиграфом к которому взяты слова:

Станет царь-государь меня спрашивать:
Ты скажи, детинушка, крестьянский сын!
Уж ты с кем воровал, с кем разбой держал?

Эпиграф взят из разбойничьей песни «Не шуми, мати, зеленая дубравушка», которую автор рассказа по цензурным соображениям называет бурлацкой. В конце рассказа приводится отрывок из другой еще более многозначительной разбойничьей песни «Голова ль моя, головушка...», — отрывок, излагающий раскаяние разбойника:

Вы простите меня, люди божи,
Помолитесь за мои грехи,
За мои ли грехи тяжкие!
Не успел я на народ взорити,
Как отсекли мою буйну голову.

Рассказ представляет собой своеобразный социологический этюд о разбойничестве. «Попап я на эту линию постепенно» (С.-Щ., III, 159), — говорит о себе герой, холоп господина Семерикова, от имени которого ведется рассказ. Отпущенный в Москву по оброку, он ослушался хозяина, пошел не в повара, а в лакеи. Насильственно возвращенный в деревню, он влюбляется в крепостную девушку Машу, «облюбованную» Семериковым. В назидание влюбленным и окружающим барин ссылает Машу на скотный двор, а героя отдает в рекруты. Герой спасается от солдатчины бегством в лес, откуда и начинается постепенное, «поэтапное» отчуждение его от «мира» и привычной крестьянской жизни.

Итак, не простая «жажда необузданности и безобразия», а проявление чувства протеста против помещичьего произвола, вынуждающего обыкновеннейших крестьян противопоставлять себя обществу и становиться на путь преступлений. Рассказ «Развеселое житье» заставляет вспомнить четвертую статью о народной поэзии Белинского, в которой он первопричиной возникновения удальцов и разбойников считал «не-

устройство и шаткость общественного здания».⁷ «Стесненность и ограниченность условий общественной жизни, — говорил критик, — безусловная зависимость слабого и бедного от произвола сильного и богатого, словом *кошихинский* характер администрации и общественной нравственности: все это заставляло людей, чаще всего с сильными натурами, искать какого бы то ни было выхода из тесноты и духоты на простор и при-волье души».⁸

Следует вспомнить при этом и Некрасова, песня которого о Кудеяре-атамане в первой редакции начиналась словами:

Было во время далекое,
Жил человек удалой,
Маялся, маялся с пашнею
Да и ударил в разбой.⁹

(III, 550)

Интерес Салтыкова-Щедрина, как, впрочем, и Некрасова, к теме разбойничества был связан с их размышлениями о судьбах русского крестьянства, в частности о перспективах крестьянского движения. Как бы неприглядно ни выглядело разбойничество, оно представляло собой одну из форм крестьянского протеста против существующего государственного и общественного правопорядка.

С комплексом тех же вопросов связано и отношение Салтыкова-Щедрина к расколичеству, или старообрядчеству. В период вятской ссылки писателя это отношение было, как справедливо утверждает в комментариях к «Губернским очеркам» С. А. Макашин, «безусловно отрицательным», «близким к официальной точке зрения». «Определялось такое отношение в первую очередь идейной позицией писателя — позицией просветителя и утопического социалиста. Идейный ученик Белинского и Пеграшевского, он усматривал в религиозной догматике старообрядцев, а также в таких формах их социального протеста, как уход от „мирской жизни“ в скиты, глубоко реакционное начало» (С.-Щ., II, 544).

Вряд ли, однако, можно согласиться с другим утверждением того же исследователя: «Впоследствии, в начале 60-х годов, Салтыков изменил свое отношение к преследованиям раскольников властями, а в самом расколе стал более пристально интересоваться его социальной, а не религиозно-бытовой стороной <...> Но принципиального своего отношения к расколу Салтыков не изменил и остался совершенно чужд той его идеализации, как политической оппозиционной силы, которая возникла в 60-е годы в некоторых демократических и революционных кругах (Щапов, Кельсиев, Огарев и др.)» (С.-Щ., II, 544—545).

Думается, что в 60—80-е годы известной «идеализации» раскола не остался чужд и автор «Губернских очерков». По крайней мере, изменив после напряженных и длительных изучений и раздумий свой взгляд на

⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. V. М., 1954, с. 439.

⁸ Там же.

⁹ Свообразным комментарием к песне о Кудеяре может служить и сцена спора Клима Лавина с разбогатевшим за счет разоряющихся крестьян прасолом-скупщиком, для которого разбойники — «всех грешней»:

«Известно, кто: разбойники!»
А Клим ему в ответ:
— Вы крепостными не были,
Была капель великая,
Да не на вашу плешь!

Набил мощну: мерещатся
Везде ему разбойники;
Разбой — статья особая,
Разбой тут не при чем!

(III, 356)

предмет, в статье «Современные движения в расколе» (1863) он призывал общественность отрешиться от понятия о расколе «как о чем-то мертвом, вращающемся исключительно в сфере сугубой аллилуйи и перстосложения», видя в нем «великую нравственную силу» (С.-Щ., V, 400, 64), живучесть которой обусловлена причинами как религиозного, так и социального характера. Еще в 1857 г., касаясь вопроса о преследовании раскольников, Салтыков-Щедрин писал: «Здесь не может быть речи о том, находится ли заподозренный субъект в обладании истины или нет; здесь весь вопрос заключается в том, что субъект этот есть представитель известного убеждения, которое образовалось в нем не случайно, а вследствие продолжительной и трудной работы мысли, и что по этому самому обладатель такого убеждения не заслуживает того высокомерного презрения, с которым относятся к нему люди, убежденные в своем праве потому только, что обладают материальными средствами, чтоб поддержать это право. Практическая мудрость всех времен и народов положительно доказывает, что такое вмешательство материальной силы в сферу нравственных убеждений не только не уничтожает сии последние, но еще более раздражает их и возводит на ту ступень ожесточения, которая преступает даже пределы самого слепого фанатизма» (С.-Щ., V, 64).

Изучая раскол как явление «генерическое», Салтыков-Щедрин приходит к мысли, что явление это «не составляет исключительной собственности одного какого-либо народа; напротив того, все члены семьи человеческой имели свою эпоху аскетического фанатизма» (С.-Щ., V, 40). Основная ценность изучения старообрядческого быта, по мнению писателя, состоит в обогащении наших представлений о внутренней жизни народа, о скрытых в его недрах интеллектуальных и нравственных потенциях. В написанной Салтыковым-Щедриним в апреле 1864 г. хронике «Наша общественная жизнь» читаем: «Страсть к сектаторству достаточно-таки распространена у нас на Руси, и в большей части случаев мы довольно ловко справляемся с нею. По крайней мере большинство так называемых расколов свидетельствует о замечательных организаторских способностях русского человека и о далеко не заурядной его силе в деле пропаганды. Мы не можем произнести слово „раскол“, чтобы с этим словом в мыслях наших не соединялось представление об организации плотной, и почти непроницаемой. Это последнее качество, т. е. непроницаемость, представляет, конечно, их порочную сторону, но в то же время оно свидетельствует и о силе, богатой задатками в будущем. Если правда, что расколы безразлично замкнуты и для света и для тьмы, то правда и то, что это свойство временное, составляющее результат случайных, неблагоприятствующих обстоятельств, и что с наступлением иных условий оно должно исчезнуть само собою. Но организаторские способности останутся навсегда и, вынеся на себе целое историческое иго, конечно, могут получить в будущем только более роскошное и пышное развитие» (С.-Щ., VI, 347).

О чем идет речь в приведенном отрывке? В момент, когда печать русской радикальной демократии не переставала жаловаться на неспособность русского крестьянства к осознанному и организованному социальному протесту, признание Салтыковым-Щедриним в народе силы, «богатой задатками в будущем» (пусть этими словами характеризовалась лишь та часть народа, которая примыкала к расколу), — это признание воодушевляло демократического читателя верой в неизбежность народной революции в России.

Народная революция как событие отдаленной перспективы постоянно присутствовала в сознании Салтыкова-Щедрина. Лишенная в его пред-

ставлении четких контуров, она тем не менее не имела ничего общего ни с бунтом на коленях, изображенным писателем в «Истории одного города», ни с «водевилем с переодеванием», как назвал он тургеневскую попытку изобразить в романе «Новь» народнический путч.

В рецензии на роман Г. П. Данилевского (А. Скавронского) «Воля» Салтыков-Щедрин писал: «Есть тут даже крестьянский бунт, заправский крестьянский бунт с „пророком“ и „пророчицей“... Ну, вот это уж и нехорошо, г. Скавронский! Ну, как-таки братья за такой предмет! ведь это не то, что „бювешки“ и „манжешки“ описывать, ведь это сюжет серьезный!» (С.-Щ., V, 416). Отсюда становится понятным, насколько серьезным представлялось сатирику дело с подготовкой и организацией действительного крестьянского бунта в масштабах всей страны.

В суждениях о старообрядческом движении Салтыков-Щедрин, на наш взгляд, во многом сближался с Некрасовым, мнения которого по этому вопросу можно реконструировать, опираясь на его художественное творчество. О том, что поэт вводит в поэму «Кому на Руси жить хорошо» «старика из секты скрытников Никифора Каргопола» и других странников и богомольцев прежде всего как носителей идеи о царе-антихристе, обстоятельно рассказано в книге о Некрасове В. А. Архипова. «Нет сомнения в том, — пишет исследователь, — что революционная ситуация в России, повсеместное недовольство крестьян отразились в активизации раскольнических сект, в их численном росте, в их проповеднической деятельности, в изменении ее характера и в усилении влияния ее на крестьян. Массовое „странничество“ — один из показателей напряженного положения в стране и глубокого брожения в народе. Отсюда повышенное внимание Герцена к раскольникам, желание помочь им; отсюда интерес к раскольникам Чернышевского, которого обвиняли в установлении связи с ярославским сектантом Дорофеем; отсюда постоянная слежка жандармских пщеек за сектантами наряду со слежкой за революционно настроенным студенчеством и революционно-демократической журналистикой».¹⁰

Еще со времени своей службы в Вятке, когда Салтыков-Щедрин расследовал ряд дел о раскольниках, он стал знатоком специальной литературы по этому вопросу. С практикой старообрядческого движения неплохо был знаком и ярославец Некрасов, поскольку в Ярославской губернии две трети крестьянских дворов были старообрядческими. Не исключена поэтому возможность, что по вопросам раскола Некрасов и Салтыков-Щедрин обменивались друг с другом своими наблюдениями и мнениями. Заметим, кстати, что в своем «Сказании о странствии инока Парфения» (написано в 1857 г., при жизни автора в печати не появлялось) Салтыков-Щедрин, цитируя митрополита Макария, писал о секте странников (скрытников): «Эти сектанты почитают не только совершенное отчуждение от русской церкви, но вместе совершенное непризнание над собой царской и всякой земной власти и, при невозможности бороться с нею, бегство от антихристового владычества, удаление от семейства, общества, от подчинения каким бы то ни было гражданским законам и странствование в лесах и пустынях» (С.-Щ., V, 48). И не от Салтыкова ли получил Некрасов первые сведения о скрытниках, представителю которых, Кропильникову (Никифору Каргополу), поэт вложил в уста адресованную становому бесстрашную фразу: «Ты враг Христов, антихристов посланник!» (III, 359).

И Салтыковым-Щедриним, и Некрасовым старообрядчество воспринималось как неотъемлемая (хотя и своеобразная) часть русского крестьян-

¹⁰ Архипов В. А. Поэзия труда и борьбы. Очерки творчества Н. А. Некрасова. Ярославль, 1961, с. 268.

ства, обладавшая всеми достоинствами и слабостями последнего. Следует сказать, что по вопросу о революционных потенциях русского мужика, в частности мужика-старообрядца, в среде русской радикальной демократии 1860—1870-х годов не было единого мнения. Напомним, что рассказы Николая Успенского, на появление которых с энтузиазмом откликнулся в 1862 г. Чернышевский, всего лишь через шесть лет получили отрицательную оценку Салтыкова-Щедрина. «Оказалось, — писал он в знаменитой статье «Напрасные опасения», — что под углом зрения г. Н. Успенского русский крестьянский мир представляет собою не более не менее как обширное подобие дома умалишенных. Мужик этого писателя не имеет в голове ни одной мысли, ни одной серьезной заботы; это какое-то нелепое животное, которое вечно празднует, вечно пьянствует, а в промешутках говорит глупые слова» (С.-Щ., IX, 31).

Автор «Губернских очерков» призывал молодых литераторов писать о простолюдине правдиво, без «елейной ограниченности» и «идиллически-пейзанского хныканья», свойственного сочинениям Д. В. Григоровича, но писать вполне уважительно, так, «чтобы сквозь грубые покровы, застилающие исследуемый предмет, суметь показать человеческий образ во всей его полноте» (С.-Щ., IX, 34).

Еще в 1863 г. в рецензии на «Повести» Кохановской (Н. С. Соханской) Салтыков-Щедрин заявлял, что народная жизнь «заключает в себе единственный базис, помимо которого никакая человеческая деятельность немислима» (С.-Щ., V, 375). В позднейших публицистических работах сатирика (статья «Напрасные опасения», шестое письмо из «Пишем о провинции» и т. д.) мысль эта варьировалась неоднократно. «Щедрин был великим народолюбом, — заявляет один из признанных знатоков его творчества, — но не в славянофильском, или народническом, или толстовском смысле, он любил народ без слепого его обожествления, без „идолопоклонства“, глубоко понимая как сильные, так и слабые стороны народной жизни своего времени».¹¹

Как согласуется, однако, безграничная любовь сатирика к «простолюдину» с тем обобщающим образом народной массы, который под именем «глуповцев» был выведен им в «Истории одного города», опубликованной в 1871 г.? «Глумлением над народом» назвал новую книгу Салтыкова-Щедрица А. С. Суворин, и этот ярлык был подхвачен не только консервативной, но отчасти и демократической критикой. Чем же отличалась трактовка народной жизни в «Истории одного города» от того осужденного самим Щедриним изображения народа, которое было дано в рассказах Н. Успенского?

Для того чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо снова обратиться к статье «Напрасные опасения», которая непосредственно предшествовала созданию истории города Глупова. Прибегая к эзопизмам, автор статьи проводил мысль о том, что русская литература вступила в новую фазу развития, требующую новых идей, новых тем и новых типов. «Какими бы симпатичными чертами ни рисовали мы „лишнего человека“ — все же это явление болезненное, а не нормальное» (С.-Щ., IX, 11—12). Искать деятельных и положительных типов нужно в народной среде, хотя она, может быть, «представляет собою грубую и неприятную на взгляд массу, изнемогающую под игом разнородных темных сил» (С.-Щ., IX, 22). Эти типы «необходимо вызвать из мрака, в котором они

¹¹ Бушмин А. С. Народ в изображении Салтыкова-Щедрина. — В кн.: О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. М.—Л., 1960, с. 278—279.

ютятся, необходимо очистить от случайных наносов для того, чтобы разглядеть то нравственное изящество, которое они в себе заключают» (курсив мой, — Ф. П.) (С.-Щ., IX, 23).

Автор статьи «Напрасные опасения» опирался в своих суждениях на наследие Добролюбова, в частности на его статью «Черты для характеристики русского простонародья» (1860). Под «грудой всякой дряни, нанесенной с разных сторон на наше простонародье» (Д., VI, 277), Добролюбов учил находить «истинную нежность и деликатность души» (Д., VI, 264). Жестокость исторической судьбы, столетия татарского ига и крепостного права оказали, по его мнению, пагубное воздействие на врожденные внутренние свойства русского простолюдина, насильственно исказив присущую его натуре деликатность наслоениями смирения и покорности: «А как скоро жизнь получит свой естественный ход, тогда и внутренние свойства человека скоро примут свое прямое направление» (Д., VI, 267).

В какой же мере была реализована «летописцем» города Глупова задача, которую Салтыков-Щедрин, развивая идеи Добролюбова, выдвигал перед молодым поколением писателей: очистить изображаемые народные типы от «случайных наносов», «чтобы разглядеть то нравственное изящество, которое они в себе заключают»?

В статье «Напрасные опасения» предъявлялись требования к эпическим жанрам литературы, и автор считался с ними и сам в таких произведениях, как «Тихое пристанище», «Сон в летнюю ночь», «Попехонская старина» и др. «История одного города», как произведение сатирического и философского плана, задачей которого не являлось изображение действительности в формах самой действительности, вынадало из этого ряда и воссоздавало жизнь средствами высокого сатирического обобщения и обострения. В сатире Щедрина глуповцы начисто лишены того «нравственного изящества», которое рекомендовал автор своим собратьям по перу разыскивать в народной среде под корой «случайных наносов». Характерно, однако, что последние под названием «наносных атомов» упоминаются и в «Истории одного города». Автор не видит в своем повествовании «ничего такого, что посягало бы на достоинство обывателей города Глупова. Это люди как и все другие, с тою только оговоркою, что природные их свойства обросли массой наносных атомов, за которой почти ничего не видно. Поэтому о действительных „свойствах“ и речи нет, а есть речь только о наносных атомах» (С.-Щ., VIII, 372—373).

Но есть ли какая-либо надежда на излечение глуповцев от нравственно-политического недуга, которым они страдают? И нельзя ли объяснить вакханалию преступлений и бесчинств глуповских градоначальников все тем же процессом обрастания их природных свойств «наносными атомами»?

Вопросы эти волновали Щедрина не только при написании «Истории одного города», но и десятилетием раньше. В повести «Тихое пристанище» сочувственно изображаемый вдохновитель полулегального молодежного кружка Крестников в ответ на возгласы о тотальном нравственном загнивании общества заявляет: «Во-первых, общество никогда не бывает растленно, может быть растленною только часть общества, и притом та именно, которая, так сказать, играет на поверхности его, но чтобы могла быть растленною масса общества, никогда не принимавшая в жизни деятельного участия, никогда не пользовавшаяся правами, — это дело несбыточное. Масса слишком девственна; она в целости сохранила всю чистоту мысли, всю ясность и неприхотливость жизненных запросов.

Снимите с нее только ярмо безмолвия, дайте возможность высказаться, и вы удивитесь сами как мудрой ее прозорливости, так и простоте и неприязнительности ее отношений к жизни» (С.-Щ., IV, 286).

Почти такого же взгляда придерживается писатель и в «Истории одного города». Управители и управляемые резко противопоставлены у него друг другу. Надеяться на исправление первых бессмысленно, это изверги рода человеческого, извне сюда пришедшие. Что же касается самих глуповцев, то хотя от их природных свойств не осталось «почти ничего», надежда очиститься от коры «наносных атомов» для них еще не утрачена. «Не забудем, — говорит автор «Истории одного города, — что летописец преимущественно ведет речь о так называемой *черни*, которая и доселе считается стоящею как бы вне пределов истории. С одной стороны, его ответственному взору представляется сила, подкраиваясь издали и успешная организовать и укрепить, с другой — рассыпавшиеся по углам и всегда застигаемые врасплох людюшки и сироты. Возможно ли какое-нибудь сомнение насчет характера отношений, которые имеют возникнуть из сопоставления стихий столь противоположных?» (С.-Щ., VIII, 372).

Опрокинуть противостоящую им организованную силу глуповцы могут лишь силою собственной организованности — таков итоговый вывод знаменитой сатиры Салтыкова-Щедрина. К подобного рода выводу приходил писатель во многих своих произведениях, где на сцене появлялись представители народной массы.

«Среди народных персонажей „Благонамеренных речей“, — писал Е. И. Покусаев, — мы не встретим деятельных борцов за крестьянские интересы, не встретим богатыря Савелия или Ермилы Гирина. Щедринские мужики — пассивные протестанты. Доведенные до отчаяния сутяжничеством какого-нибудь генерала Голозадова, Андрей Герасимовы не находят еще никакого другого выхода, как „удавиться“».¹²

Некрасов неоднократно обращался к сатире, но он не был, как Салтыков-Щедрин, сатириком по преимуществу. Будучи поэтом и создателем эпических полотен из народной жизни, он выступал не только в роли ее правдивого живописца, но и в роли ее певца. И сравнивая Некрасова и Щедрина в этом отношении, мы не можем не заметить, что в магистральных тенденциях своего творчества они не расходятся, а сближаются друг с другом.

Так же как и Щедрин, Некрасов видел обновленную социальным переворотом Россию лишь в отдаленной перспективе, видел, что только высокий уровень политического сознания народных масс может обеспечить победу над самодержавием. Именно Некрасову принадлежат знаменитые слова:

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

(I, 127)

И так же как и Щедрин, с чувством тоскующей любви изображал он драматические эпизоды, в которых доведенные помещичье-крепостническим произволом крестьяне, подобно «холопу примерному, Якову верному», разражались порой бесцельными вспышками пассивного социального протеста.

13 августа 1870 г. Салтыков-Щедрин писал из Петербурга Некрасову, находившемуся в Карабихе: «„Историю одного города“ исправил по Вашим замечаниям и отдал сегодня набирать. Но положительно, ежели

¹² Покусаев Е. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина. М., 1963, с. 381.

Вы не приедете, боюсь, что будет какая-нибудь пакость. Пожалуйста, приезжайте» (С.-Щ., XVIII₂, 53).

Нам неизвестны замечания, о которых писал Салтыков-Щедрин. Но что рукопись его «Истории» в целом была одобрена поэтом, сомневаться не приходится. И совсем не случайно почвеннический журнал «Заря» облыжно обвинял и Некрасова в том, что он, так же как и Щедрин, «не прочь грустно посмеяться или тоскливо поглумиться над народом».¹³

Ультрарадикалы из «Русского слова» пропагандировали тезис о том, что установление нового общественного правопорядка станет возможным лишь при условии, если «мыслящие люди» составят большинство движущих сил общества. Против подобного рода теоретических загибов приходилось не раз выступать Щедрину-публицисту, и его спор с радикалами «Русского слова» был назван журналом «Эпоха» «расколом в нигилистах».

Однако ни критические замечания Салтыкова-Щедрина о «некоторой произвольной регламентации подробностей» (С.-Щ., VI, 324) в романе «Что делать?» Чернышевского (при положительной оценке произведения в целом), ни критика политической и эстетической платформы «Русского слова» не давали сколько-нибудь серьезных оснований для зачисления главного публициста «Современника» в разряд «постепеновцев», как это пытались делать демократы экстремистского толка.

Заслуживает внимания тот факт, что в цикле статей «Наша общественная жизнь», который создавался в разгар споров Щедрина с «вислоухими», он вел напряженную и последовательную борьбу с реакционной журналистикой, предпринимавшей отчаянные усилия в целях политического разоблачения так называемого «нигилизма». Из двенадцати статей цикла семь статей (1-я, 3-я, 5-я, 7-я, 8-я, 10-я и 11-я) частично или полностью были посвящены глубоко продуманной реабилитации «нигилизма». Стремясь усыпить бдительность цензуры, сатирик делает вид, что введенное в обиход Тургеневым слово «нигилист» лишено какого бы то ни было политического смысла. «Таким образом, нигилист, не обозначая собственно ничего, прикрывает собой всякую обвинительную чепуху, какая взбрет в голову благонамеренному, и если б Иван Никифорович Довгочун знал, что существует на свете такое слово, то он, наверное, назвал бы Ивана Ивановича Перерепенко не дурнем с писаною торбою, а нигилистом» (С.-Щ., VI, 17).

Со страстью революционного борца защищает сатирик от официозных «Московских ведомостей» неизменный предмет их ненависти и злобы. «Предметом этим, — пишет он, — служит русское молодое поколение, которое обвиняется в революционных тенденциях, которому приписываются всякие антисоциальные намерения, на которое, наконец, указывается как на какое-то пугало, достойное омерзения. Беспрестанно возвращается газета к этому неистощимому источнику своих скорбей и опасений и своею бранью отравляет лишённые волос головы старых кашлунов, ее читающих. Кашлуны читают и разевают рты, словно туда посылают им любимые их катышки из грецких орехов с творогом; они читают и начинают подозревать, что в собственных их недрах завелось какое-то растлевающее начало, что собственные их дети, молодые кашлуныта, перестали ходить к обедне, не признают властей и надругаются над священным правом собственности» (С.-Щ., VI, 141—142).

До убийственного сарказма доходит негодование сатирика в его характеристике главного бастиона антинигилизма, вдохновляемого тем же

¹³ Заря, 1870, № 3, с. 153; № 9, с. 133.

Катковым, — «Русского вестника». «Образовалась целая литература, — пишет Салтыков-Щедрин, — поставившая себе целью исследовать свойства ядов, истекающих из молодого поколения, или, лучше сказать, не исследовать, а представить в живых (более или менее) образах, что молодое поколение никуда не годно, что оно не имеет будущего и что оно сплошь одарено способностью испускать из себя гангрену разрушения. Бессмысленное слово „нигилисты“ переходит из уст в уста, из одного литературного органа в другой, из одного литературного произведения в другое. Беллетристы положительно упиваются им; даже г. Григорович, сей цветок, взлелеянный на полях не фигурального, а настоящего всероссийского нигилизма, — и тот торопится с своею лепточкой, и тот несет какую-то микроскопическую сориночку и опускает ее в „Русский вестник“, это верное и неизменное хранилище родимого сора» (С.-Щ., VI, 315).

Реакционная сущность целого ряда антинигилистических повестей и романов («Бродящие силы» В. П. Авенариуса, «Цыгане» В. П. Ключникова, «На распутье» В. Г. Авсеенко и др.) была раскрыта Салтыковым-Щедриним в специальных рецензиях и статьях. Яркое представление об отношении великого сатирика к этому виду сочинительства дает его письмо к Некрасову, отправленное из Парижа 2(14) октября 1875 г.: «На днях у Тургенева читал Соллогуб комедию свою, в коей изображается нигилист ворующий, — со мной сделалось что-то вроде истерики. Не помню, что я говорил, но Соллогуб так перепугался, что просил прощения и предлагал сжечь свое дурацкое сочинение» (С.-Щ., XVIII₂, 213).

Экстремисты из «Русского слова», возлагая все свои упования на «мыслящий пролетариат», игнорировали народную массу, тогда как Щедрин, видя в ней «центр тяготения» мыслящей России, внушал «образованному слою», революционной молодежи в особенности, мысль о необходимости «выйти из своей замкнутости» (С.-Щ., VI, 342), сблизиться с народом, поднимать его культуру и гражданскую сознательность.

Обращение к средствам эзоповского письма давало Щедрину относительно широкую возможность разоблачать появлявшиеся в реакционной беллетристике пародии на образ революционера. Труднее было писателю реализовать другую часть задачи, о чем он постоянно мечтал, — создавать позитивные образы революционных деятелей. Типы дворянских революционеров, с точки зрения Щедрина, не обладали особой актуальностью. Любопытно в этом отношении его письмо к П. В. Анненкову от 20 ноября (2 декабря) 1875 г.: «В виде эпизода хочу написать рассказ „Паршивый“. Чернышевский или Петрашевский, все равно. Сидит в мурье, среди снегов, а мимо него примиренные декабристы и петрашевцы проезжают на родину и насвистывают „Боже, царя храни“, вроде того, как Бабурин пел. И все ему говорят: стыдно, сударь! у нас царь такой добрый — а вы что! Вопрос: проклял ли жизнь этот человек или остался он равнодушен ко всем надругательствам, и все в нем старая работа, еще давно, давно до ссылки начатая, продолжается. Я склоняюсь к последнему мнению. Ужасно только то, что вся эта работа в заколдованной клетке заперта» (С.-Щ., XVIII₂, 233).

К созданным Салтыковым-Щедриним образам революционеров или родственным им типам пропагандистов идей революционной демократии исследователи относят Крестникова и Веригина из повести «Тихое пристанище», Непочтительного Короната из цикла «Благонамеренные речи», учителя Крамольникова из рассказа «Сон в летнюю ночь» и ряд эпизодических образов из других щедринских произведений 1870—1880-х годов. Не следует забывать, что в отдельных произведениях писателя (статья «Современные призраки», «Письма о провинции» и др.) возникает на

мгновение и образ народной революции, то в виде «гневных движений истории» (С.-Щ., VI, 394), то названный «минутами прозрения» (С.-Щ., VII, 335) или «светозарными нашими грезами» (С.-Щ., VI, 347). Пробуждение гражданского сознания в народной среде ассоциировалось, как правило, в сознании Щедрина с понятием света. И не случайно идея хождения в народ метафорически была названа им «внесением луча света в омертвелые массы» (С.-Щ., XVI, 378).

В отличие от Салтыкова-Щедрина Некрасов как публицист редко соприкасался с темой освободительной борьбы. Зато в его поэтических замыслах (далеко не полностью осуществленных), как ни у кого из соотечественников его по перу, тема эта получила монументальное отображение. В них поэт откликнулся на все важнейшие тенденции и события революционной борьбы в России своей эпохи (восстание декабристов, движение петрашевцев, «революционеров 61-го года», хождение в народ, политические процессы 1860—1870-х годов и т. п.). Целая серия стихотворений и глава «Пир на весь мир» в поэме «Кому на Руси жить хорошо» были посвящены образам «народных заступников», исторически существовавших или же созданных художественным воображением поэта.

Лишь немногие произведения Щедрина распространялись в списках, в то время как многие стихотворения Некрасова еще до их написания были рассчитаны на «потаенное» распространение — в списках или же изустно, чему способствовали и их относительно небольшие размеры и поэтическая форма. Поэма «Белинский», стихотворения, посвященные Чернышевскому, Добролюбову, Писареву и т. п., получили известность задолго до их нелегальной или подцензурной публикации. Некрасову первому удалось осветить и воспеть деятельность вождей прогрессивной русской мысли и революционной борьбы.

Как и Щедрин, Некрасов не мог не откликнуться на обывательские толки о «разрушителях основ государственности, религии и частной собственности — нигилистах».

О «нигилисте», отправляемом в сопровождении жандармов в Сибирь, повествует стихотворение «Еще тройка»:

Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?

.....
Ответа нет. Бушует вьюга,
Вся тройка в сторону — с испуга
Шарахнулась. Озялься, кнутом
Ямщик по всем по трем стегает;
Телега скрылась за холмом,
Мелькнула вновь — и улетает,
Куда Макар телят гоняет!..

(II, 315)

Симпатизируя «нигилистам», Некрасов, как и Салтыков-Щедрин, был против закрепления бранной клички «нигилист» (в буквальном переводе — «отрицатель») за сторонниками активной борьбы с самодержавием и крепостничеством. В полемическом ответе «Неизвестному корреспонденту» (1864) Щедрин писал: «Если бы, например, г. Тургенев или кто другой известную часть русского общества обозвал „дураками“, неужели же нашлись бы люди, которые ухватились бы за это выражение и начали бы говорить: „вот мы, „дураки“,“, „вот у нас, „дураков“,“, и т. д.? Я думал и думаю, что слово „нигилисты“ совершенно столько же бессмысленно в настоящем случае, как и слово „дураки“; и те, кто с гор-

достью повествует о себе: „мы нигилисты“, или не понимают сами, что говорят, или сознательно говорят чепуху» (С.-Щ., VI, 472).

Перекличку с приведенным мнением находим мы и в некрасовском стихотворении «Газетная» (1865), где законопослушный цензор с многолетним стажем встревожен проникновением идейной «заразы» в его собственную семью, в поступки и рассуждения родного сына:

Я однажды ему пригрозил:
 «Что ты бесишься? что ты чудачишь?
 В нигилисты ты, что ли, вступил?»
 — Нигилист — это глупое слово, —
 Говорит, — но когда ты под ним
 Разумел человека прямого,
 Кто не любит живиться чужим,
 Кто работает, истины ищет,
 Не без пользы старается жить,
 Прямо в нос негодяя освищет,
 А при случае рад и побить —
 Так, пожалуй, — зови нигилистом,
 Отчего и не так? — Каково?
 Что прикажете с этим артистом?
 Я в студенты хотел бы его,
 Чтобы чин получил... но едва ли...
 — Что чины? — говорит, — ерунда!
 Там таких дураков насажали,
 Что их слушать не стоит труда

 Там мне скажут: ты сын палача!

(II, 226)

Заметим, что в некрасовском «нигилисте» нетрудно уловить черты сходства с «кашдунятами, переставшими ходить к обедне», о которых писал Салтыков-Щедрин (С.-Щ., VI, 142).

Будучи поэтом лирического склада, Некрасов не мог не отобразить в стихах и своих отношений с поколением «революционеров 61-го года», своих отступлений от выработанного ими «нравственного кодекса», своих политических «грехов». Отсюда широко известные некрасовские покаянные стихи, продиктованные его обостренной гражданской совестью. С исторической дистанции нашей эпохи мы вправе оценить их не только как особый раздел автобиографической лирики Некрасова, но и как поэзию, отобразившую кризисные состояния в жизни того поколения передовой русской интеллигенции, которое сформировалось под гнетом «жесточкого фатума» (II, 287) 1840-х годов и у которого поиски правильных методов борьбы с самодержавием осложнялись рефлексией и внутренними колебаниями.

У Щедрина нет покаянных признаний как особой жанровой формы. Но продиктованные своеобразием момента и личной обостренной гражданской совестью самоупреки были и у него, например в имеющих автобиографический характер жалобах героя сказки-элегии «Приключение с Крамольниковым»: «Все, против чего ты протестовал, — все это и поныне стоит в том же виде, как и до твоего протеста <...> Ты протестовал, но не указал ни того, как люди шли вглубь и погибали, а ты слал им вслед свое сочувствие <...> Правда, ты не способен идти следом за этими людьми; ты не способен изменить тем добрым раздражениям, которые с молодых ногтей вошли тебе в плоть и в кровь» (С.-Щ., XVI₁, 205). Крамольников был «коренной попехонский литератор», обладавший чуткой гуманной душой. И скорбь его была, разумеется, не только личной скорбью.

Общностью основных мировоззренческих позиций объяснялись как характер личных взаимоотношений Некрасова и Щедрина, так и понимание ими задач редакционно-журнальной деятельности. Активное сотрудничество Щедрина в «Современнике» длительностью не отличалось (1863—1864), оно было прервано его трехлетней службой в Пензе, Туле и Рязани, где он возглавлял работу Казенных палат. Лишь с 1868 г., когда, вынужденный оставить государственную службу, Щедрин возвращается в Петербург, он отдается без остатка и навсегда литературно-журналистской деятельности. На протяжении целых десяти лет (1868—1877) Щедрин работает в обновленных «Отечественных записках» Некрасова, который пригласил его на должность соредактора. В этот период устанавливаются безоблачно-дружеские взаимоотношения между двумя выдающимися писателями-демократами и закладываются те идеологические принципы «Отечественных записок», о которых при закрытии журнала (апрель 1884 г.) будет сказано в правительственном постановлении: журнал «не только открывает свои страницы распространению вредных идей, но и имеет ближайшими своими сотрудниками лиц, принадлежащих к составу тайных обществ».¹⁴

Когда М. А. Антонович и Ю. Г. Жуковский, бывшие члены редакции закрытого в 1866 г. «Современника», выступили спустя три года с печально известной брошюрой «Материалы для характеристики современной русской литературы», Салтыков-Щедрин взял на себя смелость аргументировать полную несостоятельность обвинений, предъявленных авторами Некрасову, определив при этом систему применяемых ими полемических приемов как нечистоплотное «торквемадство» (С.-Щ., IX, 334).

В том же 1869 г., когда еще не улеглись шум и кривотолки вокруг брошюры Антоновича и Жуковского, гражданской репутации Некрасова был нанесен не менее сильный удар, и исходил он от Тургенева, опубликовавшего в апрельском номере «Вестника Европы» свои «Воспоминания о Белинском», в которых давняя вражда мемуариста к Некрасову нашла полный выход. Обратившись в своих воспоминаниях к периоду 1846—1847 гг., когда Плетнев передавал издание «Современника» новой редакции, т. е. И. И. Панаеву и Некрасову, Тургенев обвинял последнего в неблагородном отношении к великому критику. Некрасов, говорилось в «Воспоминаниях», сманил Белинского в «Современник», чтобы предоставить ему должность наемника, а не права одного из хозяев журнала, обещанные ему ранее. В подтверждение сказанного Тургенев приводил выписки из двух писем критика, датированных началом 1847 г. Автор «Отцов и детей» заявлял при этом, что он не желает «поднимать старые дрязги», и, по-видимому, поэтому, предавая гласности письма Белинского, имя Некрасова всюду заменил тремя звездочками, хотя в конце воспоминаний предусмотрительно сообщил, что в 1843 г. он, Тургенев, сам был свидетелем, как Белинский, не жалея сил, «выводил в люди господина Некрасова (без трех звездочек! — Ф. П.), который в то время еще нуждался в дружеской опоре, ибо еще не успел сделаться ни тем богатым человеком, ни тем официальным поэтом Английского клуба, каким он стал впоследствии».¹⁵

Отдавая себе отчет в бестактности слов, прозрачно намекавших на прочитанный Некрасовым 15 апреля 1866 г. в Английском клубе злополучный «мадригал» в честь генерала М. Н. Муравьева, Тургенев вычерк-

¹⁴ Правительственный вестник, 1884, № 89, 20 апреля.

¹⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. в 28-ми т. Соч., т. XIV, с. 51—53 и 332.

нул их позднее, при включении «Воспоминаний о Белинском» в собрание своих сочинений.

Некрасов был уже в Париже, когда ему попала в руки апрельская книжка «Вестника Европы» с тургеневскими мемуарами. Ознакомившись с ними, поэт сразу же садится за письмо к Щедрину, пытаясь изобличить неблагоприятность тургеневских побуждений. То, что в столь драматической ситуации Некрасов обратился за моральной поддержкой к Щедрину, говорит, разумеется, о многом. Смысл его письма сводился к следующему. Мемуарист, по словам Некрасова, не потрудился даже упомянуть имя Ивана Панаева, который, внося Плетневу 25 000 рублей, стал главным участником купли, а следовательно, и главным распорядителем финансовых дел журнала, с чем он, Некрасов, не мог не считаться. Только через несколько лет, при обновлении контракта с Плетневым, к имени Панаева было присоединено имя Некрасова. Тем не менее Некрасов не снимал с себя ответственности за то, что он поддержал высказанное Панаевым мнение о том, что предоставлять Белинскому долю участия в предприятии было бы губительно для дела из-за тяжелой болезни великого критика. Сделав умирающего Белинского пайщиком журнала, издатели связали бы себя обязательствами по отношению к Марии Васильевне Белинской, жене критика, которую, как писал Некрасов, все они не любили, «не исключая и Тургенева, который, между прочим, сочинил на нее злые стихи» (XI, 131).

И далее, в примечании, Некрасов добавил к сказанному: «По манере обращения» Тургенева со мною я должен был бы напечатать эти стихи и отпереться было бы ему трудно, ибо их слишком многие знают, привожу — конечно, не для печати и даже не для распространения под рукою, собственно для вас — три куплета:

Отец твой, поп бездельник,
Облопавшись кутьи,
Зачал тебя в сочельник
От гнусной пощады.

Хоть и рожден болваном,
Пошел однако впрок
На масле конопляном
Взлепаянный цветок.

И что ж? Теперь наш пастырь,
Наш гений, наш пророк
Кладет на брюхо пластырь
И греет он пупок!¹⁶

Тургенев в «Воспоминаниях о Белинском» подчеркивал безупречность своих взаимоотношений с критиком, публикация же цитируемой тургеневской эпиграммы представила бы их в ином освещении. Но как была бы воспринята литературной общественностью эта скандальная перебранка, явно не способная возвысить ни одну из спорящих сторон?

Не удовлетворившись первой редакцией письма, Некрасов пишет вторую. В ней и самый текст эпиграммы и ее оценка отсутствуют — по-видимому, эпизод этот даже для частного письма был сочтен автором неуместным. Не вошел этот эпизод и в последующие две редакции письма. Для нас остается неизвестным, существовала ли вообще беловая редакция этого письма, а если существовала, то было ли письмо отправлено Щедрину. Скорее всего оно осталось незавершенным и неотправленным,

¹⁶ Базилиевская Е. В. Мнимая эпиграмма Некрасова. — Звенья, вып. 1. М.—Л., 1932, с. 188.

однако четыре черновые редакции его убедительно свидетельствуют, каких мучительных переживаний стоили Некрасову тургеневские «Воспоминания о Белинском».

«Тургенев, — писала исследовательница приведенной нами эпиграммы Е. В. Базилевская, — никогда не узнал о том, что весьма счастливо избежал тогда наихудшей из „плюх“ («плюхами» сам Тургенев называл наносимые ему его противниками удары).¹⁷

В конце 1869 г. (Отечественные записки, № 9) Салтыков-Щедрин выступил с рецензией на книжку стихотворений Я. П. Полонского, увидев в них «бесконечную канитель слов, связь между которыми обуславливается лишь знаками препинания», и «несносную пугливую мысль, не могущей вызвать ни одного определенного образа», а в авторе — одного из поэтов-эклектиков, «производящих свое литературное взяточничество втихомолку со всех знаков, произрастающих на литературной ниве» (С.-Щ., IX, 345). В защиту Полонского от нападок Щедрина выступил в «С.-Петербургских ведомостях» (1870, № 8) сам Тургенев, задетый столь неуважительным отзывом на многолетний труд близкого ему поэта. Он писал: «Что же касается до критика „Отечественных записок“, то ограничусь тем, что выражу ему одно мое убеждение, над которым он, вероятно, вдоволь посмеется. Нет никакого сомнения, что в его глазах патрон его, г. Некрасов, неизмеримо выше Полонского, что даже странно сопоставлять эти два имени; а я убежден, что любители русской словесности будут еще перечитывать лучшие стихотворения Полонского, когда самое имя г. Некрасова покроется забвением. Почему же это? А просто потому, что в деле поэзии живуча одна только поэзия и что в белыми нитками сшитых, всякими пряностями приправленных, мучительно высиженных измышлениях скорбной музыки г. Некрасова — ее-то, поэзии-то, и нет на грош...».¹⁸

В тургеневском протесте на страницах популярной столичной газеты Салтыков-Щедрин увидел попытку серьезный разговор о назначении искусства свести к «наездническому» спору о том, чьи друзья талантливее, — попытку, которую нельзя было оставлять без ответа. Повод для ответа явился лишь через год, им была новая поэтическая книга Полонского, «Сноп», увидевшая свет в конце 1870 г. Рецензируя ее, Щедрин отвергал правомерность «чистого искусства» и отстаивал мысль, что Сервантес, Гете, Шиллер, Байрон и другие великие художники слова «полагали в основу своих произведений действительные стремления и нужды человечества» (С.-Щ., IX, 397). «Зачем вы, — писал он далее, отвечая Тургеневу, — втаптывая в грязь целое общественное направление, ропщете, жалуетесь на каких-то врагов, обзываете их клиентами (нарек на тургеневский протест, где Некрасов был назван «патроном» Щедрина, — Ф. П.) и наездниками, потому только, что люди этого направления в свою очередь находят ваши протесты лишеными разумных оснований?» (С.-Щ., IX, 399).

В полемической части своей рецензии на «Сноп» Щедрин обстоятельно аргументировал мысль о том, что сотрудников «Отечественных записок» связывает с Некрасовым не «клиентизм», не ощущение материальной зависимости от него, как предполагает Тургенев, а их принадлежность к определенным убеждениям и общественно-литературному направлению, характерным выразителем которого является Некрасов.

¹⁷ Там же, с. 194.

¹⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Соч., т. XV, с. 159—160.

Великолепное мастерство Щедрина-полемиста в рецензии на «Снопы» проявилось также и в том, что по вполне понятным соображениям он должен был защищать Некрасова, не называя его по имени.

В отличие от Щедрина, «великого учителя проводить положительные идеи в отрицательной форме», Некрасов, не чуждавшийся сатиры, испытывал неодолимую потребность в прославлении «зеленого шума» (II, 148) жизни, в создании положительных образов и типов. «Народные массы, — писал Щедрин, — еще не в состоянии выделять из себя отдельных героических личностей» (С.-Щ., IX, 323), и созданные им народные типы выступают преимущественно носителями «роевого сознания». Носителями роевого фольклорного сознания являются и семь мужиков в знаменитой поэме Некрасова. Но автор «Кому на Руси жить хорошо» был всецело устремлен к изображению народной толпы в расчлененном, дифференцированном виде. Рассыльный Минай, Савелий-богатырь, Яким Нагой, Клим Лавин, Матрена Тимофеевна — живые, не сливающиеся друг с другом образы, и это составляет одну из наиболее значительных заслуг великого поэта.

Отдавая себе отчет в том, что и Некрасов и Салтыков-Щедрин являются неповторимыми творческими индивидуальностями, каждая из которых обладает собственным типом образного мышления и восприятия действительности, рассматривая их на литературном фоне эпохи, мы все же видим в них больше сходства, чем различий.

Одной из сходных особенностей Некрасова и Салтыкова-Щедрина является их мастерство в воспроизведении национального колорита изображаемого. Тургенев в заметке к английскому переводу «Истории одного города» писал: «Целиком перевести ее невозможно, и западная публика, я думаю, не поняла бы и не оценила бы ее».¹⁹ Почти то же можно сказать и о «Кому на Руси жить хорошо», оценивая существующие переводы этой поэмы на иностранные языки. Гораздо успешнее преодолеваются трудности, возникающие при переводе на иностранные языки сочинений Льва Толстого, Достоевского, Тургенева. И дело здесь не только в том, что язык Щедрина отличается большим количеством идиоматических выражений; процент их, кстати сказать, не выше, чем у Крылова, однако басни Крылова переводить легче, чем сочинения Щедрина или «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова. Дело в том, что переводы из Некрасова и Щедрина сравнительно с переводами других авторов заметно проигрывают в передаче национального колорита и своеобразия не только характеров, но и обстоятельств изображаемой действительности.

Общностью мировоззренческих позиций, родственностью творческого метода и длительным общением на журналистском поприще было обусловлено также и заметное сходство тематики и образительных средств двух великих писателей-демократов, на что обратило внимание еще дореволюционное литературоведение и что стало предметом пристального изучения в советскую эпоху.

Так, например, еще в 1930 г. В. Е. Евгеньев-Максимов в своей книге «Некрасов в кругу современников» убедительно показал, что «Дневник провинциала» (первая часть) Салтыкова-Щедрина нашел отражение в некрасовской поэме «Современники» (в ее второй части — в «Героях времени»).

¹⁹ Там же, т. XIV, с. 253.

Ряд интересных наблюдений и соображений о значении творчества Некрасова для Щедрина (разработка темы женщины-крестьянки и т. д.) высказал в 1959 г. А. С. Бушмин.²⁰

Вопрос о воздействии публицистики Щедрина на «Железную дорогу», поэму «Современники» и лирику Некрасова был обстоятельно изучен в работе С. Ф. Баранова.²¹

Изучению характерных некрасовских реминисценций в творчестве Щедрина посвятил в 1960 г. свою работу А. М. Гаркави.²²

Обстоятельное изучение этого вопроса не входит, однако, в нашу задачу, так как он заслуживает особого исследования. Трудности в изучении влияния и заимствований применительно к Щедрину и Некрасову осложняются тем, что здесь простая констатация факта, в чьем произведении появился тот или иной образ, еще не дает ответа на вопрос о действительном источнике образа. Замыслы, возникавшие в творческом сознании Некрасова, еще до своего закрепления на бумаге преломлялись порой в публицистике Щедрина и в обогащенном им виде снова возвращались к Некрасову.

Искренность дружеских чувств к Щедрину нашла поэтическое воплощение в некрасовском стихотворении «Отъезжающему», написанному 12 апреля 1875 г. на обеде в честь отбывавшего за границу адресата:

О нашей Родине унылой
В чужом краю не позабудь
И возвратись, собравшись с силой,
На оный путь — журнальный путь.

(II, 395)

Находясь за границей на излечении и временами теряя всякую надежду на выздоровление, Щедрин «рвался душою в Россию» (С.-Щ., XVIII₂, 283). «По-видимому, не сладко там, — писал он весной 1876 г. П. В. Анненкову. — Хлопоты с цензурой унизительные, и, право, я удивляюсь Некрасову, как он выдерживает это <...> Боюсь, что он устал: что-то начинает поговаривать об отставке. А без него мы все — мат» (там же).

Болезнь Салтыкова-Щедрина приводила в уныние Некрасова, опасавшегося за жизнь своего ближайшего соратника. Судьба распорядилась, однако, иначе. Возвратившийся после 14-месячного отсутствия на родину Щедрин застал умиравшего Некрасова. В письме к Анненкову от 25 ноября 1876 г. Щедрин сообщал: «Месяц тому назад возвратился сюда Некрасов из Крыма. Не просто больной, а безнадежно <...> И вот этот человек, повитый и воспитанный цензурой, задумал и умереть под игом ее. Среди почти невыносимых болей написал поэму, которую цензура и не замедлила вырезать из 11-го №» (С.-Щ., XIX₁, 33).

После смерти Некрасова, когда обязанности редактора перешли к Щедрину, «Отечественные записки» просуществовали еще около пяти лет; в апреле 1884 г. они были закрыты правительством. С усилением роли Н. К. Михайловского в журнале усилилась в нем и пропаганда специфически народнических концепций. Несмотря на это «Отечественные записки», как и прежде, продолжали сохранять за собой авторитет

²⁰ Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М.—Л., 1959, с. 137—139.

²¹ Баранов С. Ф. М. Е. Салтыков-Щедрин и Н. А. Некрасов. — Учен. зап. Иркутского гос. пед. ин-та. Кафедра литературы, 1959, вып. XV, с. 3—31.

²² Гаркави А. М. Щедрин и Некрасов. — Учен. зап. Калининградского гос. пед. ин-та, 1960, вып. VII, ч. 1, с. 62—75.

наиболее влиятельного периодического органа, объединявшего вокруг себя лучшие силы передовой русской литературы.

Общностью идейных позиций и творческих устремлений Некрасова и Салтыкова-Щедрина была во многом predeterminedена и общность судьбы их идейно-художественного наследия. Сражавшиеся с Некрасовым и Щедриным при их жизни столпы русского либерализма с 1890-х годов начинают все чаще и все настойчивее выдавать себя за едва ли не единственных хранителей их традиций и наследия. В большей мере, чем имя Некрасова, использовалось либералами и кадетами с этой целью имя Салтыкова-Щедрина. Так, например, усиленно спекулировал именем Щедрина П. Б. Струве. Выступая в качестве представителя «нового направления» в русской общественной мысли, под которым подразумевался «свободный от мистики и романтизма и сориентированный на европейские идеалы» «легальный марксизм», Струве писал в 1896 г., что это направление ищет и находит своих предков «в рядах классической русской литературы». «Ближайшим из таких предков, — продолжал он, — являются Тургенев и Салтыков».²³ Имея в виду подобного рода «откровения», В. И. Ленин в статье 1912 г. «Еще один поход на демократию» писал: «Особенно нестерпимо бывает видеть, когда субъекты, вроде Щепетева, Струве, Гредескула, Изгоева и прочей кадетской братии, хватаются за фалды Некрасова, Щедрина и т. п.».²⁴

Представителями «„старой“ народнической демократии»,²⁵ противостоявшей лагерю либералов, считал Щедрина и Некрасова В. И. Ленин. «Революционеры 61-го года, — писал он в 1911 г., — остались одиночками и потерпели, по-видимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов».²⁶

В сфере художественного творчества наиболее верными соратниками «революционеров 61-го года» были Некрасов и Салтыков-Щедрин. Печатью бессмертия отметила история их литературное наследие и их имена.

²³ Струве П. На разные темы. СПб., 1897, с. 230.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 84.

²⁵ Там же, т. 48, с. 89.

²⁶ Там же, т. 20, с. 179.

А. М. Гаржави

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОЭМЫ «В. Г. БЕЛИНСКИЙ»

Свою первую поэму «В. Г. Белинский» Некрасов написал весной 1855 г.,¹ когда в России после мрачной николаевской реакции начинался новый общественный подъем. Одной из важнейших задач, вставших в ту пору перед русской литературой, было создание образа положительного героя. Замечательным примером такого героя и явился Белинский, умерший семь лет назад.

Поэме посвящено несколько статей.² Сведения о ней содержатся также в работах более общего характера и в комментариях к изданиям сочинений Некрасова. Однако творческая история поэмы изучена мало. Между тем она представляет особый интерес — и в силу исключительной политической остроты произведения, и потому, что ее исследование может пролить дополнительный свет на раскрываемую в поэме общность идейных позиций Некрасова и Белинского.

Рассматривая творческую историю поэмы, выделим наиболее важные вопросы: 1) работа Некрасова над текстом поэмы; 2) поэтическая характеристика заветов Белинского и ее источники.

1

Приступая к созданию поэмы, Некрасов поставил перед собой задачу — сказать о Белинском нечто самое важное. Но содержание поэмы представлялось еще неясно, о чем свидетельствуют многочисленные варианты начала. Колебался поэт также в выборе формы повествования и стихотворного размера.

Ряд набросков начала поэмы содержится в Записной тетради № 3, среди других некрасовских черновых автографов.³

Первый набросок (л. 12) выдержан в тоне объективного изложения (от третьего лица) и написан трехстопным анапестом:

¹ Иногда первой поэмой Некрасова называют «Сашу» (см.: Маслов В. С. Первая поэма Н. А. Некрасова («Саша»). Автореф. канд. дис. Л., 1956), однако это неточно: «Саша» была завершена лишь в конце 1855 г.

² См.: Груздев А. И. Поэма Н. А. Некрасова «Белинский». — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1955, т. 120; Опришко Е. Н. Некоторые идейно-композиционные особенности поэмы Н. А. Некрасова «В. Г. Белинский». — Науч. зап. Днепропетровского ун-та, 1964, т. 74, вып. XVIII; Гришунин А. Л. Поэма Некрасова «В. Г. Белинский» (к истории текста). — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. 1821—1971. М., 1974.

³ Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ), ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5764.

Недосказанной многострадальной
 Наступил этой жизни конец
 Сокрушается в думе печальной
 Много теплых и добрых сердец
 Это был человек бескорыстной

(I, 487—488)

На том же листе (л. 12) — второй набросок, представляющий собой две строчки александрийского стиха. Известную субъективность придает повествованию присутствие авторского «я»:

Я долго размышлял над жизнью твоей
 Великий человек, безвестный для людей

(I, 488)

«Безвестный для людей» — указание на цензурный запрет, которому подверглись труды Белинского и само его имя в период «мрачного семилетия».

Третий набросок начала — три строки, написанные пятистопным хореем (л. 43). По сравнению с предыдущим наброском лиризм усилен; автор, так сказать, «сближается» с героем, которого он называет своим другом:

[Доносив терновый свой венец
 Бедный друг! ты умер наконец
 Сокрушен мучительным недугом] ⁴

Строки эти Некрасов зачеркнул; затем начал переносить их на новый, тогда еще чистый лист тетради, вновь зачеркнул и тут же стал писать поэму четырехстопным ямбом.

На этот раз он создал значительную часть поэмы, соответствующую примерно трем четвертям ее окончательного текста. Связное изложение занимает 6 страниц и идет от конца тетради к началу (Записная тетрадь № 3, л. 76 об.—74). Это — первая (черновая) редакция поэмы, незаглавленная, с датирующей авторской пометкой: «4 апр(еля) 1855 г.» (л. 76 об.). Редакция эта осталась незавершенной: она обрывается на строке, совпадающей с 148-м стихом окончательного текста: «По-своему отозвалась» (л. 74; ср.: I, 144).

Первоначально эта редакция открывалась стихами (л. 76 об.):

[Сложив тяжелый свой венец,
 Белинский> умер наконец,
 Убит мучительным] недугом...
 Я был [его ближайшим] другом

Повествование здесь (как и в предшествовавшем наброске) ведется от лица автора, причем даже особо подчеркивается близость дружеских отношений автора с героем поэмы.⁵

От первого лица написаны и стихи, предназначавшиеся, очевидно, для концовки первой редакции (л. 73 об.):

⁴ Строки опубликованы, см.: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 1. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия. Изд. 2-е), с. 570. Однако эта публикация неточна: первые две строки напечатаны в обратной последовательности. В автографе слева от этих строк стоят цифры 2 и 1, показывающие правильный порядок чтения.

⁵ Впервые отмечено в моей статье, см.: Гаркави А. М. Поэзия Н. А. Некрасова в годы «мрачного семилетия» (1848—1855). — Учен. зап. Калнинградского пед. ин-та, 1956, вып. 2, с. 55.

[Средь поколения другого
Его достойно помянут
И набросал я эти строки
Больной неверною рукой
Пусть прогремят не надо мною
Потомства позднего упреки]

Стих «Больной неверною рукой» имел автобиографическое значение: Некрасов в ту пору был тяжело болен. Ср. в начале поэмы строку, появившуюся уже в первой редакции: «Мои страданья были люты» (л. 76 об.; ср.: I, 144).

Затем, в ходе работы над первой редакцией поэмы, Некрасов забравал форму повествования непосредственно от лица автора, возможно, потому, что считал неэтичным подчеркивать короткость своих личных отношений с Белинским в произведении, в котором последний прославлялся как великий человек.⁶

Работа над первой редакцией поэмы оборвалась. Главная причина этого была связана, впрочем, не столько с творческими поисками, сколько с цензурными обстоятельствами. И характеристика Белинского,⁷ и описание исторического фона, как они были намечены в первой редакции поэмы, явно не вмещались в цензурные рамки. Поэт, прекрасно знакомый с цензурными нравами своего времени, не мог не понимать этого. Оставив первую редакцию незаконченной, он ограничился лишь тем, что набросал начерно (в той же Записной тетради № 3) еще несколько фрагментов для нее, по большей части отличавшихся особой политической остротой. Рассмотрим два из них.

В первом отрывке говорится о Д. П. Бутурлине, поставленном в 1848 г. во главе пресловутого секретного комитета по делам печати (л. 61 об.):

Спасибо в нем⁸ сидели люди
Честней чем был из них один
Палач науки⁹ Бутурлин
Который не жалея груди и проч.

Во втором — о Белинском и о тех членах его кружка, которые еще при жизни великого критика обнаруживали «умеренность» во взглядах,

⁶ Е. Н. Опришко объясняет это изменение в форме повествования тем, что Некрасову-поэту «была чужда романтическая жажда самораскрытия» (Опришко о Е. Н. Некоторые идейно-композиционные особенности поэмы Н. А. Некрасова «В. Г. Белинский», с. 187). Не исключая такого объяснения (хотя романтизм трудно уловим даже в первых набросках поэмы), мы полагаем, что в данном случае немалую роль сыграли соображения этического порядка.

⁷ А. И. Груздев (Груздев А. И. Поэма Н. А. Некрасова «Белинский», с. 51) относит к характеристике Белинского также стихи «Уж новый гений подымал Тогда главу свою меж нами...» и т. д. (I, 143). В действительности «новый гений» — это Гоголь (как уже давно указывается в комментариях к изданиям Некрасова). Слова о «новом гении» перекликаются со словами «Склончался Пушкин...» и т. д. (I, 143). Сопоставление Гоголя (нового гения) с Пушкиным (прежним гением) было обычным в тогдашней критике.

⁸ Т. е. в комитете.

⁹ Впоследствии (в третьей редакции поэмы) Некрасов вместо «палач науки» написал «фанатик ярый». Эту замену он сделал, очевидно, из опасения цензурно-полицейских репрессий (выражение «палач науки» было крайне «крамольным»). В современных изданиях печатается по-разному: то «палач науки», то «фанатик ярый». В поддержку чтения «фанатик ярый» высказался А. Л. Гришунин (Гришунин А. Л. Поэма Некрасова «В. Г. Белинский», с. 468—470). Мы считаем, что необходимо печатать «палач науки» (подробную аргументацию см. в статье: Гаркави А. М. Состояние и задачи некрасовской текстологии. — В кн.: Некрасовский сборник, вып. V. Л., 1973, с. 169—170).

а впоследствии стали типичными либералами (л. 61 об.):

И между тем как перед ним
Его соратники смирялись
И в подлецов преображались¹⁰
Он был один непоколебим

(I, 144)

Сделав эти «заготовки» для себя, для памяти, Некрасов решил переработать поэму, приспособить ее к цензурным условиям.

Очевидно, на этом этапе творческая история поэмы «В. Г. Белинский» переплетается с творческой историей стихотворения «В больнице». На связь этих двух произведений обратил внимание К. И. Чуковский, который, однако, многое перепутал. Он писал (в комментарии к стихотворению «В больнице»): «Судя по черновикам, стихотворение „В больнице“ было первоначально задумано как вступление в поэму „Белинский“. Согласно этому раннему замыслу, умирающий в подвале „бедный и честный писатель“ обращался перед смертью к молодым литераторам с горячим призывом отдать все силы на служение народному благу.

Эту предсмертную честную речь
В форме быть может нестройной
Ныне хочу от забвенья сберечь...
Вот что сказал нам покойный...

Дальше следовало поэтическое изложение заветов великого критика. Впоследствии эти строфы были перенесены Некрасовым (в сильно переработанном виде) в поэму „Белинский“, откуда частично перешли в стихотворение „Русскому писателю“ и окончательно стабилизировались в диалоге „Поэт и гражданин“. А стихотворение „В больнице“ приобрело новый сюжет» (I, 562—563).

Приведенная К. И. Чуковским строфа действительно имеется в черновике (Записная тетрадь № 3, л. 33; см.: I, 482).¹¹ Она завершает набросок, начинающийся стихом «В позднюю пору вошли мы в подвал...» и состоящий из 16 строк.¹² Но на ней текст наброска обрывается. Слова «Дальше следовало поэтическое изложение заветов великого критика» — это уже домысел комментатора. «В сильно переработанном виде» набросок «В позднюю пору...», действительно, отразился в поэме «В. Г. Белинский», но не перешел ни в стихотворение «Русскому писателю», ни в диалог «Поэт и гражданин». В наброске (написанном дактилем: нечетные стихи — четырехстопным, четные — трехстопным) рассказывалось, как друзья разыскали и посетили умиравшего в подвале бедного и честного писателя. «Рад я! — он тихо и грустно сказал, — Что навести больного», — и решил перед смертью передать друзьям свои завет-

¹⁰ В современных изданиях печатается:

Его соратники редели,
Смирялись, пятились, немели.

Такое текстологическое решение представляется дискуссионным, поскольку Некрасов отказался от более резкого варианта: «Его соратники смирялись И в подлецов преображались», исходя, видимо, не из идейных или творческих побуждений, а лишь из соображений цензурных и главным образом тактических: предание гласности этих строк, где «подлецами» названы деятели типа П. В. Анненкова и В. П. Боткина, с которыми поэт в ту пору еще поддерживал отношения, привело бы к скандалу. К настоящему времени эти соображения давно утратили силу.

¹¹ Пунктуацию ее мы исправили по подлиннику.

¹² На том же листе сверху — предварительный зачеркнутый набросок из 6 строк (см.: I, 482).

ные мысли. Содержание этих мыслей осталось неизвестным, о нем можно лишь строить догадки. Не исключено, что Некрасов хотел вложить в уста этого персонажа рассказ о Белинском или изложение заветов Белинского, начав, таким образом, переработку поэмы (первая редакция которой, не доведенная до конца, была, как уже говорилось, написана четырехстопным ямбом).

Кстати, связь наброска «В позднюю пору...» со стихотворением «В больнице» также сложная: совпадают стихотворный размер и образ «бедного и честного писателя» (в стихотворении этот образ разработан детально), но в наброске вовсе нет темы «больничных» впечатлений, которая в стихотворении стала основной.

Таким образом, возможно, что набросок «В позднюю пору...» появился в связи с работой над поэмой «В. Г. Белинский», а позже от него «ответвилось» стихотворение «В больнице».¹³ В поэме же «В. Г. Белинский» набросок трансформировался так: правя первую редакцию, Некрасов перед ее текстом вписал 4 строки, представляющие собою сжатое изложение наброска (л. 76 об.):

В одном из переулков дальних
Среди друзей своих печальных
Поэт в подвале умирал
И перед смертью им сказал.

(I, 141)

Так «выкристаллизовалось» начало поэмы «В. Г. Белинский», которое повторилось затем во всех последующих ее редакциях. Оно представляет собою сильно сокращенный и «переведенный» из дактиля в ямб набросок «В позднюю пору вошли мы в подвал...».

Следующее за этим новым началом прежнее начало поэмы («[Сложив тяжелый свой венец, Белинский] умер наконец, Убит мучительным] недугом...») Некрасов переправил следующим образом (л. 76 об.):

Как я, назад тому семь лет
Другой бедняк покинул свет,
Таким же изнурен недугом.

(I, 141)

Так был решен вопрос о форме повествования: весь рассказ о Белинском был вложен в уста умирающего в подвале поэта. Любопытна переделка последней строки (вместо «Убит мучительным недугом» — «Таким же изнурен недугом»): Некрасов косвенно указал, что умиравший в подвале поэт был, как и Белинский, болен чахоткой, оттенив сходство судьбы этого поэта с судьбою критика.

Но этой правкой не была устранена явная «нецензурность» первой редакции. Чтобы обойти это препятствие, Некрасов создал вторую редакцию поэмы (в тетради автографов, хранящейся в ЦГАЛИ).¹⁴ Выправленный и перебеленный текст первой редакции заканчивался здесь 106-м

¹³ В Записной тетради № 3 (л. 41 об., 40) имеется набросок начала стихотворения «В больнице», начинающийся (как и окончательный текст стихотворения) строкой «Вот и больница. Светя, показал...» и по содержанию не связанный с поэмой «В. Г. Белинский». Он относится (судя по положению в тетради) к весне 1855 г. Полностью же стихотворение «В больнице» было создано, очевидно, лишь осенью этого года. В Солдатенковскую тетрадь (ГБЛ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 10786), которую Некрасов передал для издания 7 июня 1855 г., оно не вписано (значит, к тому времени, очевидно, и не было написано), — туда вложена (позже) печатная вырезка с его текстом. Напечатано же оно было в № 10 «Современника» за 1855 г.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 5.

стихом («И он пришел, племей безвестный!..»), т. е. обрывался перед самым «опасным» местом. Дальнейшая часть первой редакции, отличавшаяся наибольшей политической смелостью, во вторую редакцию уже не вошла. Вместо яркой характеристики взглядов великого критика («Не пощадил он ни льстецов, Ни подлецов, ни идиотов...» и т. д.) во второй редакции было дано лишь общее представление о них. После стиха 106 шла вставка из 11 строк, заканчивавшаяся так (тетрадь ЦГАЛИ, л. 3 об.):

Святее Правды и Науки
 Не знал он в жизни ничего,
 Любил он родину глубоко,
 Служил ей честно — и высоко
 Свое призванье понимал.
 Он говорил нам, он писал...

(I, 486)

Затем следовала вложенная непосредственно в уста Белинского новая формулировка его воззрений: «Напрасно быть толпе угодней...» и т. д., всего 20 строк. Ничего специфичного для образа Белинского, ничего такого, что напоминало бы о нем как о неповторимой творческой индивидуальности, в них не было. Несколько позже Некрасов придал этим строкам заглавие «Русскому писателю» и опубликовал в виде отдельного стихотворения. В этом стихотворении мысль о гражданственности подлинного искусства высказана лишь в общих выражениях. Оно не отличалось большой цензурной остротой.¹⁵ Его публикация в «Современнике» (1855, № 6) не вызвала цензурных осложнений. Позже (в 1856 г.) оно вошло (с небольшими изменениями) в диалог «Поэт и гражданин». «Поэт и гражданин» навлек на Некрасова цензурные гонения, но строфы, перешедшие из стихотворения «Русскому писателю», не были упомянуты ни в одном цензурном документе.

Стихотворением «Русскому писателю» (но без заглавия), вложенным в уста Белинского, и завершалась вторая редакция поэмы.¹⁶

Вторая редакция не датирована, но, опираясь на датирующие пометки Некрасова в других автографах, можно с уверенностью утверждать, что поэт работал над нею между 4 и 23 апреля 1855 г. Датой «4 апреля

¹⁵ Возможно, Некрасов и написал это стихотворение для того, чтобы, включив его в поэму в качестве «заветов» Белинского, придать ей «цензурность». В Записной тетради № 3 наброски стихотворения «Русскому писателю» соседствовали с текстом поэмы. В них была еще вступительная строфа в честь Александра II (л. 73):

Когда, подвигнутый любовью,
 Народа Русского Глава
 Дарует каждому сословью
 Его законные права.

(I, 503—504)

Эту «вынужденную» строфу Некрасов никогда не публиковал. Нельзя также не заметить, что в устах Белинского, умершего еще в 1848 г., она была бы явным апахронизмом.

¹⁶ Затем в рукописи (тетрадь ЦГАЛИ, л. 4) следовал набросок:

Таков он был — и таковы
 Его суровые творенья.
 [Для быстроты пищеваренья,
 Для праздной лени, для молвы]

(I, 486)

Этот набросок, видимо, не был продолжением второй редакции: знак вставки на полях скорее всего указывает, что набросок назначался для другого места поэмы.

1855 г.» он, как уже говорилось, пометил предшествующую (первую) редакцию. Конечная же дата определяется по положению второй редакции в тетради ЦГАЛИ: здесь все стихотворения записаны подряд, причем многие из них датированы. Тетрадь открывается именно второй редакцией поэмы «В. Г. Белинский» (без заглавия и даты, л. 1—4). В дальнейшей части тетради выставлены следующие даты: «23 апреля 1855 г.» (л. 6) — под стихотворением «Свадьба»; «24 апреля 1855 г.» (л. 6 об.) — под стихотворением «К**» («Давно — отвергнутый тобою...»); «1854 ноябрь—1855 апрель» (л. 8 об.) — под стихотворением «Воспоминание. (Памяти Аксенковой)»; «1 мая <1855 г.>» (л. 16 об.) — под одной из промежуточных редакций поэмы «Саша».

Вторая редакция не удовлетворила Некрасова, очевидно, потому, что взгляды Белинского не были переданы в ней с должной конкретностью и выразительностью. Когда в 1855 г. цензурный запрет с имени Белинского был снят, Некрасов, вероятно, мог бы опубликовать поэму в ее второй редакции, но не сделал этого. Он принял другое решение: вернуться к тому смелому изложению взглядов Белинского, которое было намечено в первой редакции поэмы, т. е. доработать и завершить первую редакцию. Это и было осуществлено в окончательной (третьей) редакции. Наиболее ранний дошедший до нас ее текст (авторизованная копия, рукой А. Я. Панаевой) содержится в уже упоминавшейся Солдатенковской тетради.¹⁷ Следовательно, работа над третьей редакцией (и над поэмой вообще) была закончена до 7 июня 1855 г. (день, когда Некрасов передал тетрадь К. Т. Солдатенкову).

Солдатенковская тетрадь была подготовлена для издания. Но поэма «В. Г. Белинский» помещена в особом ее разделе, имеющем пометку «Не для печати».¹⁸ Пометку эту не следует понимать в том смысле, что Некрасов навсегда отказался от публикации поэмы. Обходя цензуру, он нередко придерживался выжидательной тактики.¹⁹ Так было и в данном случае — в этом убеждает дневниковая запись Некрасова от 23 августа 1877 г.: «Сегодня ночью вспомнил, что у меня есть поэма — „В. Г. Белинский“. Написана в 1854 или <185>5 году — нецензурна была тогда <...> Теперь из нее многое могло бы пройти в России в новом издании моих сочинений» (XII, 27).

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о распространении текста поэмы в рукописях и о появлении ее в бесцензурных заграничных, а впоследствии (после смерти Некрасова) и в отечественных изданиях.²⁰ Однако этот вопрос уже не относится к теме настоящей статьи, поскольку и циркуляция поэмы в рукописях, и опубликование ее проходили без участия автора, в подавляющем большинстве случаев даже без его ведома.

2

К наиболее смелым местам поэмы принадлежала поэтическая характеристика взглядов Белинского (имеем в виду прежде всего те строки, которые Некрасов попробовал было заменить стихотворением «Русскому писателю»).

¹⁷ ГБЛ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 10786, л. 132—139.

¹⁸ Там же, л. 132.

¹⁹ См. об этом: Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 8, 36.

²⁰ См. об этом: Гаркави А. М. Произведения Н. А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX в. — Учен. зап. Калнинградского пед. ин-та, 1957, вып. 3; Гришунин А. Л. Поэма Некрасова «В. Г. Белинский», с. 462—463.

На какие источники опирался Некрасов, создавая ее? По этому поводу были высказаны два мнения. Ссылаясь, в частности, на поэму «В. Г. Белинский», В. Е. Евгеньев-Максимов писал: «Стремление представить Белинского именно политическим трибуном имело свое реальное основание, между прочим, и в том, что беседы Белинского с Некрасовым, да и не только с ним одним, в значительной мере были беседами на политические темы».²¹ Ю. Г. Оксман же указывал: «Некрасов, давая в 1855 г. в своей нелегальной поэме „Белинский“ первую развернутую характеристику великого критика, строил ее на материалах именно письма к Гоголю».²²

Эти два мнения не являются взаимоисключающими. Беседы Белинского, надо думать, оставили свой след в поэме. Примечательны в этом отношении строки о Белинском из первой редакции поэмы: «[Он говорил: я всё разрушу И не оставлю ничего]» (Записная тетрадь № 3, л. 75 об.; ср.: I, 485). Они не находят аналогии в письме Белинского к Гоголю, зато заставляют вспомнить о речах Белинского в дружеском кругу, в которых он, судя по воспоминаниям современников, призывал к разрушению старого мира и прославлял «мать святую гильотину».²³ Но другие мысли, приписанные в поэме Белинскому, близко соответствуют тексту письма и, вероятно, именно к письму восходят.

Письмо Белинского к Гоголю произвело огромное впечатление на многих передовых людей, в том числе, конечно, и на Некрасова. В некрасоведческой литературе уже отмечалось наличие отзвуков письма в стихотворении Некрасова «За городом» (выражение «сильные и сытые земли» — I, 540), в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (строки о насмешках крестьян над попами — III, 651—652). Отзвуки письма, надо полагать, имеются и в других произведениях поэта. Когда Некрасов в «Медвежьей охоте» в проникновенном лирическом обращении к памяти Белинского восклицал: «Едва ль не первый ты заговорил О равенстве, о братстве, о свободе...» (II, 279), он едва ли не имел в виду то место письма, где великий критик напоминал о принципах «свободы, равенства и братства».²⁴

В поэме «В. Г. Белинский» на восприятие письма к Гоголю настраивают уже стихи, в которых речь идет об эпохе 1840-х годов:

Потребность сильная была
В могучем слове правды честной,
В открытом обличенье зла...

(I, 143)

За ними следует строка «И он пришел, плебей безвестный!..», а затем — характеристика взглядов Белинского. Первоначально в ней были стихи «[Он всё клеймил, что было ложно, Рутинно, гнило и ничтожно]» (Записная тетрадь № 3, л. 74 об.; см.: I, 486), которые Некрасов зачеркнул уже в первой редакции поэмы. Содержание обличительной проповеди Белинского в них было отражено, но лишь в общих чертах. Некрасов же, очевидно, стремился к конкретности. В окончательном тексте проповедь Белинского изложена так:

²¹ Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 1. М.—Л., 1947, с. 350.

²² Оксман Ю. Г. Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ. — Учен. зап. Саратовского ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1952, т. XXXI. Вып. филологический, с. 195.

²³ См.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1950, с. 244.

²⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956, с. 214 (далее при ссылках на письмо Белинского к Гоголю страницы указываются в тексте в скобках).

Не пощадил он ни льстецов,
 Ни подлецов, ни идиотов,
 Ни в маске жарких патриотов
 Благонамеренных воров!
 Он все предания проверил,
 Без ложного стыда измерил
 Всю бездну дикости и зла,
 Куда, заснув под говор лести,
 В забвенье истины и чести,
 Отчизна бедная зашла!
 Он расточал ей укоризны
 За рабство — вековой недуг. . .

(I, 143—144)

Именно на эти строки поэмы ссылались В. Е. Евгеньев-Максимов и Ю. Г. Оксман, высказывая вышеприведенные мнения об источниках некрасовской характеристики Белинского. Мнение Ю. Г. Оксмана о связи этой характеристики с письмом Белинского к Гоголю подтверждается тем, что в ней перечислены именно те явления российской действительности, которые обличал Белинский в своем письме: крепостное право, гнилой бюрократический аппарат, рептильные нравы, живая официальная идеология и т. д. К каждой некрасовской формулировке можно привести параллели из письма к Гоголю, причем сходство подчас проявляется и на словесном уровне. Приведем несколько примеров.

«*Не пощадил он ни льстецов, Ни подлецов, ни идиотов. . .*». — Ср. в письме: «Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти. . .» (с. 214); «Постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем *religiosa mania*, он тотчас же земному богу подкурит больше, чем небесному. . .» (с. 216); о реакционных литераторах типа С. А. Бурачка говорится как о «глупцах» (с. 216).

«*Ни в маске жарких патриотов Благонамеренных воров!*». — В письме о России говорится как о стране, в которой «нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей» (с. 213).

«*Без ложного стыда измерил Всю бездну дикости и зла. . .*». — В письме: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что вы делаете? . . .» (с. 214); «Большинство же нашего духовенства всегда отличалось < . . . > диким невежеством» (с. 215), и т. п.

«. . . *заснув под говор лести. . .*». — Ср. в письме: «Россия в ее апатическом полусне» (с. 213).

«*Он расточал ей укоризны За рабство — вековой недуг. . .*». — В письме говорилось о том, что Россия «представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми» (с. 213); «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права. . .» (с. 213); России нужно «пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе» (с. 213).

Перекликаются с письмом Белинского к Гоголю и следующие строки из первой редакции поэмы (Записная книжка № 3, л. 74 об.):

[Гонитель лжи и лицемерья
 Срывал с ворон павлиньи перья,
 Он ненавидел подлецов,
 Индифферентов], идиотов. . .

(I, 485—486)

«Гонитель лжи и лицемерья...». — Эта формулировка весьма подходит к автору письма к Гоголю. Ср. в письме: «Нельзя умолчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедают ложь и безответственность как истину и добродетель» (с. 212); «По-Вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь!» (с. 215); «Когда человек весь отдается лжи, его оставляют ум и талант!» (с. 218—219); «Мысль сделаться каким-то абстрактным совершенством <...> ведет неизбежно к лицемерию, ханжеству, китаизму» (с. 218).

«... Индифферентов...». — В письме с иронией говорилось, что русское духовенство «можно похвалить за образцовый индифферентизм в деле веры» (с. 215).

Показав Белинского как обличителя старого мира, Некрасов в своей поэме раскрыл положительные идеалы великого критика и его единомышленников. При этом он употребил выражения, опять-таки заставляющие вспомнить о письме к Гоголю. В поэме и ее черновых вариантах (тетрадь ЦГАЛИ, л. 3 об.):

Он честно истине служил
(I, 141)

Любил он родину глубоко...
(I, 486)

Ср. в письме: «Нельзя перенести оскорбленного чувства истины...» (с. 212); «Тут дело идет об истине, о русском обществе, о России» (с. 220); «Да, я любил Вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею страной, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса» (с. 212).

В поэме:

Он духом был смелей и чище
(I, 141)

... В нем кипел
Родник богатых сил природных —
Источник мыслей благородных
(I, 142)

О! сколько есть душой свободных
Сынов у родины моей,
Великодушных, благородных.
(I, 144)

Ср. в письме (о передовых читателях): «Я не в состоянии дать Вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила Ваша книга во всех благородных сердцах» (с. 212); «Их энтузиазм к Вам исходит из такого чистого и благородного источника» (с. 219).

Количество подобных сопоставлений можно было бы увеличить. Но и приведенных примеров достаточно для вывода, что в поэме отразилось письмо Белинского к Гоголю. Создавая образ великого критика, Некрасов, очевидно, вспоминал и о своих беседах с ним. Но ко времени работы над поэмой прошло уже семь лет со дня смерти Белинского. Содержание бесед должно было сохраниться в памяти Некрасова по преимуществу лишь в общем виде; конкретные слова и выражения, в этих беседах употребленные, в большинстве своем уже не могли быть воспроизведены. Поэтому в основном Некрасов ориентировался на письмо к Гоголю.

М. М. Гин

**ЭВОЛЮЦИЯ ЗАМЫСЛА «МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА»
И ДУХОВНАЯ ДРАМА НЕКРАСОВА 1866—1867 гг.**

Переломные, кризисные ситуации в творческой биографии художника достойны особого внимания. Обычно кризис знаменует собой итог сложных и глубоких размышлений и переживаний, крах прежних верований, взглядов и идеалов, коренную переоценку ценностей, в результате которой художник либо выходит на новую дорогу (Л. Толстой), либо, если не хватает сил найти такую дорогу, оказывается в тупике (Гоголь).

В последнем случае положение также не всегда является безвыходным, и путь, который не удалось найти Гоголю, прокладывали те, кто шел ему на смену, продолжал его традиции. Процесс развития литературы, таким образом, оказывается поступательным. Впрочем, кризис отнюдь не обязателен, и далеко не у каждого художника возникает необходимость пересмотреть свои взгляды, отречься от старого в поисках нового. Подобных кризисов не было у Пушкина, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, не говоря уже о писателях, творчество которых было непродолжительным (Лермонтов, Добролюбов).

Некрасов кризис художественного роста пережил в ранней молодости, одновременно с отречением от юношеского романтического идеализма после неудачи сборника «Мечты и звуки». О глубине и драматизме этого кризиса можно судить по ряду документов и фактов. Из раннего письма поэта к сестре Е. А. Некрасовой, от 9 ноября 1840 г., видно, какое глубокое разочарование он пережил тогда, придя в конце концов к убеждению в бессмысленности всей жизни: «Не в том ли состоит искусство жить, чтоб уметь самого себя заставить признаться, что не стоит жить; что ты не живешь, а состоишь на службе, которой отставка — смерть?». И далее, в этом же тексте, поэтическая иллюстрация его мысли:

Я день и ночь тружусь для суеты,
И ни часа для мысли, для мечты...
Зачем? На что? Без цели, без охоты!..
Лишь боль в костях от суетной работы,
Да в сердце бездна пустоты!

(X, 18—19)

Внешне это настроение выразилось в уничтожении сборника «Мечты и звуки» и в том, что он, по его словам, отказался «писать серьезные стихи» (XII, 22). Буря, как известно, была полезной и помогла поэту выйти на новую, подлинно некрасовскую дорогу, по которой он двигался до конца своих дней. Из этого, однако, не следует, что творческий путь

Некрасова после середины 40-х годов был прямолинейным и гладким, без сучка и задоринки, как хорошо знакомая накатанная дорога.

Менялись жизненные обстоятельства, менялись исторические условия русской жизни, и это не могло не отразиться на творчестве такого социально чуткого поэта, как Некрасов. На очередь дня выдвигались новые задачи, от решения которых уйти было невозможно.

Особое значение в этом плане имела вторая половина 60-х годов, когда реакция перешла в наступление, а демократические силы переживали крах своих надежд и иллюзий. Цензурный натиск в это время испытывала на себе вся литература, вся журналистика, но тем больший гнет обрушился на Некрасова, как редактора наиболее прогрессивного издания. И можно ли представить себе большие потери, чем те, что выпали на его долю? Добролюбов в могиле, Чернышевский на каторге, «Современник» закрыт?.. Нет рядом и женщины — друга и единомышленника, какой прежде была А. Я. Панаева, а позже станет З. Н. Викторова. Одиночество...

Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прошли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов все больше на пути —
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина! прости!...

(II, 261—262)

Каждое слово — крик о боли. И в то же время чувства поэта, как и одиночество, с которым они связаны, отражают не только личное, но и общее, социальное. Источник наших представлений о духовных переживаниях Некрасова тех лет — его покаинная лирика, та самая, что связана с «муравьевской историей». Сегодня едва ли надо доказывать, что эти стихи отражают не столько «ложный шаг», сколько духовную драму, сложные и мучительные искания, сомнения и колебания и в конечном счете победу над ними.

Личный героизм, гражданское мужество, жертва, самопожертвование — эти вопросы не дают покоя и звучат тем острее, чем сильнее связаны с личностью и судьбою автора... «По-моему, геройство — шутство» (II, 515), — вырывается в наброске одного из первых ответов на упреки. Что это — крик боли, отчаяние от ощущения тупика? Ни то ни другое. Набросок останется в рукописи, но мысль, выраженная в нем, войдет в другое стихотворение и там будет объяснена и освещена контекстом:

Блажен, кто в юности слепой
Погорячится и с размаху
Положит голову на плаху...
Но кто, пощаженный судьбой,
Узнает жизнь, тому дороги
И к честной смерти не найти.
Стоять он будет на пути
В недоумении, в тревоге
И думать: глупо умирать,
Чтоб им яснее доказать,
Что прочен только путь неправый;

Глупей трагедией кровавой
 Без всякой пользы тешить их!

(II, 312)

Это стихотворение с его трагическим финалом:

Я жить в позоре не хочу,
 Но умереть за что — не знаю —

тоже оставляет отнюдь не радостное впечатление. И все-таки это далеко не тупик: в сознании живет ощущение своего кровного родства с народом («капля крови общая с народом») и своего личного вклада в благотворную работу на народной ниве:

Я призван был воспеть твои страданья,
 Терпением изумляющий народ!
 И бросить хоть единый луч сознания
 На путь, которым бог тебя ведет.

Как бы все это ни преуменьшалось в порыве покаянного самобичевания, полностью исчезнуть из сознания это все-таки не могло.

Покаянная лирика Некрасова принадлежит к золотому фонду русской лирики, к самому значительному в поэзии самого Некрасова; трудно представить себе более яркое отражение духовной драмы поэта, разрешение которой могло произойти только в более или менее отдаленном будущем.¹ И все же лирическая поэзия Некрасова по самой природе своей не полностью отражает весь ход его духовных исканий и размышлений тех лет.

В поисках дополнительных (к покаянной лирике и к уже цитированным выше документам, вроде письма-исповеди к сестре или писем 1840—1850-х годов к Тургеневу) источников мы вновь обращаемся к художественному творчеству Некрасова. Особый интерес представляет незавершенный замысел драмы «Медвежья охота». Чтобы в полной мере убедиться в этом, предпримем экскурс в его творческую историю.

Этот замысел отнюдь не обойден вниманием нашей науки. Не раз более или менее тщательному обследованию подвергались его творческая история, проблематика, жанровая природа.² И все-таки с уверенностью можно сказать, что в полном объеме значение его остается нераскрытым.

В свое время первоначальный вариант драмы для чтения «Как убить вечер» и «Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“» рассматривались как два хотя и связанных генетически, но вполне самостоятельных произведения, их даже печатали в разных томах собрания сочинений Некрасова. Сегодня уже, кажется, никто не сомневается, что это части одного замысла — сложного, многопланового и многосюжетного, в силу своей незавершенности не сведенного воедино. Не подвергая это сомнению, необходимо все-таки отметить существенные, качественные различия между разрозненными сценами ранней редакции

¹ О покаянной лирике см.: Гин М. М. Проблема долга перед народом в поэзии Некрасова. — Русская литература, 1961, № 2, с. 50—64.

² См.: Чуковский К. И. Миша. Предисловие к «Медвежьей охоте». — В кн.: Чуковский К. И. Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926, с. 291—301; Некрасов и театр. Л.—М., 1948, с. 218—236; Гин М. М. К творческой истории лирической комедии «Медвежья охота». — В кн.: Гин М. М. О своеобразии реализма Н. А. Некрасова. Петрозаводск, 1966, с. 262—287. См. также комментарии к драме: К. Чуковского и А. Максимовича (II, 679—701), К. К. Бухмейер, Л. Е. Генина, О. Н. Гречиной, С. И. Эткиной (IV, 645—649), В. Э. Вадура (в кн.: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 639—645).

(«Как убить вечер») и сценами, опубликованными в журнале — «Отечественных записках» за 1868 г. («Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“»).

Ранняя редакция — социально-бытовая драма для чтения. Действие ее разворачивается обстоятельно и неторопливо, на широком фоне картин охоты, в которой участвуют столичные господа разных рангов (немецкий барон-посланник, директор какого-то департамента, его сослуживцы), разночинец-лесничий, деревенские мужики, бабы и даже ребята-тишки. Здесь такие благоприятные возможности для противопоставления народа и господ, что в литературоведении одно время даже утвердилось мнение, будто именно в этом противопоставлении и заключается пафос всей драмы.³ Но тут же имеется сюжетная линия, связанная с судьбой Любы Тарусиной (по-видимому, главная в драме), явно выходящая за пределы простой антитезы «народ — господа». Намечались, очевидно, и другие сюжетные линии. Эпической неторопливости и обстоятельности соответствовал и свободный белый стих ранней редакции, в то время как в журнальных «Сценах» — рифмованный вольный ямб. Тематическое обогащение осуществлялось через монологи и особенно диалоги разных персонажей.

Прежде всего необходимо разобраться в датировке редакций. Авторскими датами снабжены «Сцены», опубликованные Некрасовым, и рукописи к ним. Наиболее ранняя дата относится к одному из монологов Миши: «Писано в феврале 1867 года». В наборной рукописи в конце пятой сцены имеется дата: «2—4. Март»; дата под всем текстом «Март 1867 года» исправлена на «Весна 1867 года. Париж и Флоренция».⁴ С такой датой «Сцены» публиковались и в «Отечественных записках».

Приведенные даты позволяют говорить о двух этапах работы над подготовкой «Сцен» к печати: в России до отъезда за границу, куда Некрасов отправился в середине марта, и в Париже и Флоренции в марте—апреле того же года, где работа была завершена не позднее первой декады апреля, так как 11 апреля (ст. ст.) Некрасов был уже в Ницце (XI, 84).

В 1867 г. опубликовать «Сцены» не удалось, очевидно, по цензурным причинам;⁵ появились они в сентябрьской книжке «Отечественных записок» за 1868 г., но к этому времени могла относиться лишь самая незначительная стилистическая правка.

Раннюю редакцию («Как убить вечер») датировать труднее, так как авторские даты здесь отсутствуют. Опорой могут служить анализ ее содержания и стихотворения, связанные с ее текстом. Среди них песня «Молодые», датированная автором 1866 г. Более ранние стихотворения, позднее намечавшиеся к включению в «Медвежью охоту», — «Еще скончался честный человек» (1855—1856) и «Свобода» (1861) — первоначально создавались, очевидно, вне связи с данным замыслом. Следовательно, работа над драмой велась и в 1866 г. Рукописи и содержание произведения позволяют также четко отделить то, что написано до выстрела Каракозова (4 апреля 1866 г.) и «муравьевской истории», от диалога между Мишей и Пальцовым, не только писавшегося после этих событий, но и в значительной мере связанного и обусловленного настроениями, вызванными ими.

³ См.: Чуковский К. И. Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926, с. 229; Некрасов и театр, с. 222, 234.

⁴ ГБЛ, ф. 195, оп. 1, М.5749.

⁵ См. примечания В. Э. Вауру в кн.: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2, с. 639—640.

Первоначально характеристика обстановки, сложившейся в годы муравьевского террора (конец третьей сцены журнального текста), завершалась стихами, намекающими на «мадригал» Некрасова М. Н. Муравьеву. Приводим два их варианта:

- а. Администратор покачулся
Писатель глупость сочинил
Ура! весь город встрепенулся
- б. Администратор оступился
Писатель глупость сочинил
Ура! весь город оживился
Как будто праздник наступил!
Подставить ногу наше дело,
Помочь подняться — никогда.⁶

Но это забраковано, потому что неясна роль писателя и администратора, неясно, почему им следует сочувствовать. Остаются в рукописях и другие фрагменты, связанные с воспоминаниями о «мадригале» Муравьеву и набросанные на том же и соседнем листах рукописи: «Пропшел паденья миг позорный и он...», «Весь пыткой нравственной измятый...», «Время гнусного бесславья, поголовного стыда...». На смену пришел следующий вариант:

Когда писатель наш любимый
Внезапно глупость сочинит
Когда администратор чтимый
Свихнется — злу понаровит
Как мы стремительно и смело⁷
Бросаем грязью в них тогда
Подставить ногу — наше дело,
Помочь подняться — никогда!
Не содрогнется ни в едином
Душа пред мыслью простой
Что меньше честным гражданином
Что меньше умной головой!
Мы торжествуем непритворно...
А почему? Прошу покорно
Узнать! Писатель бедный мой
Быть может ты в труде как в друге
Искал спасения в недуге
В душевной буре роковой
Нет, словно праздник нам утрата...
Понять бы можно как-нибудь,
Что рады случаю лягнуть
Собраты падшего собрата...
Но ты, о публика моя,
Чему ты рада?..⁸

Текст этот если и не вполне законченный, то во всяком случае близок к окончательному, но и он обречен был остаться в рукописи, так как в нем слишком явно ощущалась связь с личностью автора, с его раной, причем настолько свежей, что прикоснуться к ней было невозможно. Однако полностью эту связь не удалось устранить: она ощущается и в окончательном тексте — в стихах о «непонятном злорадстве» русского общественного мнения:

⁶ ИРЛИ, ф. 203, № 1, л. 1—2.

⁷ Этому стиху предшествуют четыре варианта:

- а. [Как мы охотно дружно смело]
- б. [О как мы в грязь их топчем смело]
- в. [(1 нрзб.) их в грязь втоптать тогда]
- г. [Как торжествуем мы тогда]

⁸ ГБЛ, ф. 195, оп. 1, М.5749. См.: II, 572, 574—575.

Зато с каким зловещим тактом
 Мы неудачу сторожим!
 Заметив облачко над фактом,
 Как ступешаться мы спешим!
 Как мы вертим хвостом лукаво,
 Как мы уходим величаво
 В скорлупку пошлости своей!
 Как негодуем, как клеветцем,
 Как ретроградам рукоплещем,
 Как выдаем своих друзей!
 Какие слышатся аккорды
 В постыдной оргии тогда!
 Какие выдвинуты морды
 На первый план! Гроза, беда!..
 Облава — в полном смысле слова!..

(II, 272)

Настроения, связанные с «муравьевской историей», здесь нетрудно почувствовать, особенно при сопоставлении с только что приведенными фрагментами. Постараемся очертить сам круг идей и настроений, охвативших тогда Некрасова и отразившихся в «Сценах», опубликованных в журнале, и в связанных с ними материалах.

На основании анализа рукописей уверенно можно утверждать, что в раннюю редакцию («Как убить вечер») входила лишь сцена четвертая — диалог между князем Воехотским и бароном фон Гребеном о «вольней бесчувственности» и «спасительном невежестве» русского мужика — след от нее остался в рукописи «Как убить вечер». Точно известно также место в этой рукописи двух песен — «Песни о труде» и «Песни» («Отпусти меня, родная...»).

Что же касается диалога между Мишей и Пальцовым (сцены третья и пятая), то, очевидно, отдельные моменты в их речах, вроде гневных филиппик против светских франтов и администраторов, в каком-то контексте могли входить в диалог Миши и Остроухова ранней редакции, однако в последнюю не могло входить то, что составляет основную тему их собеседования в сценах третьей и пятой, ибо она неразрывно связана с настроениями, вызванными выстрелом Каракозова и сопровождавшими его событиями.

В «Сценах» осуществляется следующий шаг по сравнению с покаянной лирикой Некрасова этих лет: от осмысления своей личной судьбы поэт переходит к осмыслению судеб русского освободительного движения. Именно в этом и проявился своеобразный исторический подход, присущий «Сценам». И конечно, в каждой реплике, в каждом слове диалога двух героев «Сцен» присутствует автор, человек сороковых годов и шестидесятник, в судьбе и личности которого отразились традиции той и другой эпохи. Драмы русского освободительного движения он переживает как свои собственные и себя самого тоже рассматривает строго исторически. Более того: думы о собственной судьбе и приводят в конечном счете к раздумьям о судьбах поколения людей. Как в опубликованных, так и в рукописных вариантах «Сцен» это прослеживается с не оставляющей сомнений убедительностью.

Лиричность повлияла и на самый жанр драмы; это проявилось в авторском определении «Сцен» как «лирической комедии». В ранних редакциях нет и следов этого определения, да и не могло его там быть, ибо пьеса «Как убить вечер» в отличие от «Сцен» очень далека от лирической комедии. В процессе работы изменялась жанровая природа замысла: социально-бытовая драма для чтения перерастала в лирическую комедию. Это обстоятельство необходимо учесть — в ряду многих других —

при ответе на вопрос, почему «Медвежья охота» осталась незавершенной.

Известна заметка Некрасова (на полях журнального текста «Сцен») о том, что ему «скучно досказывать басню», поскольку он уже «сказал, что особенно занимало, что казалось важным и полезным».⁹ Дело обстояло сложнее: нам уже приходилось отмечать, что закончить драму мешала, очевидно, не столько «скука», сколько сложность и многоплановость замысла, не вмещавшегося даже в довольно просторные рамки драмы для чтения.¹⁰ Причины незавершенности замысла следует связывать и с жанровыми различиями: «Сцены», написанные в ином жанровом ключе, выражающие самое важное и дорогое для автора, трудно совместить с социально-бытовой драмой.

Некрасова интересует главное в сложившейся обстановке кризиса освободительного движения и реакционного террора середины 60-х годов. В чем причины господствующей паники и аморализма? Почему «покидается боец почти один на полдороге»? (II, 271). Почему это время, «помня порядочных людей», выдвигает вперед продажных? Почему гибнет множество важных идей? Пристально всматриваясь в действительность, стремясь разобраться в окружающем, найти ответы на волнующие его вопросы и пути к преодолению кризиса 1866—1867 гг., Некрасов и приходит к тому экскурсу в прошлое, который составляет основу собеседования Миши и Пальцова.

Здесь следует отметить и своеобразие общественно-политической позиции Некрасова тех лет, которое выражалось прежде всего в том, что он явно стремится защитить людей сороковых годов от упреков шестидесятников, подчеркнуть их исторические заслуги, выявить здоровое ядро в их взглядах, их исторические заслуги, объяснить и оправдать их очевидные слабости. Такая оценка российской либеральной интеллигенции, людей сороковых годов, прежде у Некрасова не встречавшаяся, выражена в ряде его стихотворений тех лет. Например, в одном из них он обращается с таким призывом:

Бог на помощь! бросайся прямо в пламя
И погибай!
Но кто держал когда-то то же знамя,
Тех не пятнай!
Не предали они — они устали
Свой крест нести,
Покинул их дух Гнева и Печали
На полпути. . .

Опубликовать это отдельным произведением, как первоначально намечалось (под заглавием «Молодому поколению»), поэт не решился. Он включил эти стихи в «Сцены», где они явно ослаблены контекстом — сведениями о последующей деградации «уставших», об их отказе от идеалов молодости. И вместе с тем в окончательном тексте «Сцен» также ощущается стремление защитить их и оправдать, именно потому, что и они «держали то же знамя» (в окончательном тексте: «кто твоё держал когда-то знамя»). Отношение поэта к ним неоднозначно: он отнюдь не склонен скрывать их слабости и все-таки напоминает об их исторической роли. Признавая и понимая беспочвенность и внутреннее бессилие типа «лишнего человека», автор устами Миши все-таки подчеркивает:

⁹ Некрасов Н. Стихотворения. Посмертное издание. Т. IV. СПб., 1879, с. LXXV—LXXVI.

¹⁰ Гин М. М. О своеобразии реализма Н. А. Некрасова. Петрозаводск, 1966, с. 286—287.

Но я недавно начал понимать,
Что мы добром должны их поминать...

Можно ли представить себе Некрасова рядом с героем стихотворения «Человек сороковых годов», в натуру которого вошла привычка понижать голос «перед влиятельным лицом»? Однако сам Некрасов ощущает себя человеком того же поколения. Вместе с тем поэт далек от его идеализации. Когда речь заходит о «либерале-идеалисте», «диалектике обаятельным», стих Некрасова подчас приобретает сатирическое звучание. Может быть, поэтому эти стихи часто воспринимаются однолинейно, в чисто сатирическом плане, без учета их двунаправленности. Отождествление ранних и поздних редакций, печатных «Сцен» и комедии «Как убить вечер» способствует такому восприятию.

Особенности общественно-политической позиции Некрасова следует, очевидно, объяснять сложившимися тогда условиями — наступлением реакции, кризисным состоянием прогрессивной части русского общества и тем одиночеством поэта, о котором уже упоминалось. Стремление как-то расширить социальную базу в конечном итоге рождалось из невозможности опереться на широкое демократическое движение. Отсюда и попытка обращения к людям 40-х годов, российским либералам, стремление выявить то, что может служить почвой для сближения и объединения усилий. В одном из вариантов монолога Миши об этом сказано с достаточной отчетливостью:

Ведь если ты таких, как я, бракуешь,
Откуда же людей ты наwerbуешь,
Чтоб новые порядки водворять?
Мы все такие — лучше негде взять!

(II, 576)

Поскольку люди 40-х годов и отношение к ним — в центре внимания автора, это не могло не наложить отпечатка на замысел «Медвежьей охоты» и его дальнейшую эволюцию. Обратим внимание лишь на один вопрос, но такой, без которого невозможно понять этот замысел в целом и особенно «Сцены», опубликованные самим автором. Речь идет о так называемой трансформации Миши и Пальцова, настолько изменившихся, что создается впечатление, будто в последней сцене они поменялись местами.

В. Е. Евгеньев-Максимов, впервые обративший внимание на это обстоятельство, сущность его видел «в том, что Миша становится похожим на Пальцова, а Пальцов — на Мишу». Свои недоумения ученый эмоционально выражает цепью вопросов. «Мыслимое ли дело», чтобы в уста Миши вкладывались некрасовские характеристики николаевских времен; «мыслимое ли дело», чтобы Миша мог дать характеристику «либерала-идеалиста», «диалектика обаятельного»; «мыслимое ли дело», чтобы ему поручались некрасовские призывы к «молодому поколению»; «мыслимое ли, наконец, дело», чтобы им произносились проникновенные некрасовские слова о Белинском? И отвечает на них: «Все это чисто риторические вопросы. Конечно, совершенно немыслимо, чтобы Миша мог все это говорить».

Но ведь он все это говорит. В. Е. Евгеньев-Максимов объясняет странный факт так: «Некрасов, второпях подготавливая в печать отрывки своей незаконченной пьесы, перепутал если не имена действующих лиц, то отрывки, содержащие их речи».¹¹ Возникают, однако, вопросы: по-

¹¹ Некрасов и театр, с. 228—229.

чему же в дальнейшем поэт так и не внес в текст исправлений? Ведь «Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“» автором печатались трижды: в 1868 г. в журнале «Отечественные записки» и в 1869 и 1874 гг. в четвертой части сборников его «Стихотворений». Можно ли представить себе, что, неоднократно готовя к печати это произведение, поэт так и не заметил вкрапшуюся путаницу? Или заметил, но не счел нужным исправлять, хотя речь идет о чисто технической и очень небольшой правке (заменить имена)? И то и другое предположения представляются маловероятными, но вопросы эти никто не ставил, а гипотеза В. Е. Евгеньева-Максимова получила поддержку в комментариях к IV тому двенадцатитомного собрания сочинений Некрасова и, насколько нам известно, не была подвергнута критической проверке.

Недавно этого вопроса попусту коснулся В. Б. Смирнов и пришел к выводу, что «Некрасов и не стремился к определенной социально-психологической заданности своих героев (Пальцова и Миши, — М. Г.), используя диалог между ними лишь как удачную форму выражения важных общественных идей и не сливаясь ни с одним из них».¹² Иными словами, были бы речи произнесены, а кто их произнесет — Некрасову не важно. Но так ли это?

Прежде всего следует отметить, что при всех реальных или мнимых отличиях Миши пятой сцены от Миши третьей сцены есть между ними несомненная внутренняя, органическая связь, убеждающая, что это одно и то же лицо, и не случайно именно Миша произносит если не все, то многое из того, что может показаться невозможным, невысказанным в его устах. Заключается эта связь в следующем. В третьей сцене Миша призывает своего собеседника Пальцова:

«Держись на русской точке зрения» —
И ты утешисься, друг мой!

«Русская точка зрения» здесь не связывается со славянофильством. В контексте этот призыв означает необходимость рассматривать каждое явление с учетом условий и обстоятельств русской жизни, т. е. придерживаться исторической точки зрения. Именно это делает в пятой сцене Миша. Чтобы понять и сегодняшний день, и перелом, пережитый русским обществом в последнее десятилетие, он обращается к прошлому, ко временам крепостничества, к сороковым годам, и это накладывает определенный отпечаток и на даваемую им характеристику «диалектика обаятельного», и на обращение к молодому поколению; отсюда и «лучший перл со дна души» — восторженные воспоминания о Белинском и Грановском.

Так реализуется в его речах в пятой сцене та самая «русская точка зрения», к которой он призывал в третьей сцене. Есть, следовательно, в этих речах определенная логика, связь, и поэтому ни о какой путанице говорить не приходится. Миша произносит именно то, что должен сказать он, а не Пальцов. Как же складывался образ Миши в замысле Некрасова и как складывалась характеристика этого образа в нашей литературе?

В связи с публикацией ранних редакций драмы в свое время к образу Миши обратился К. И. Чуковский. В его статье Мише уделяется преимущественное внимание, пафос ее в доказательстве, что прототипом Миши послужил М. Н. Лонгинов.¹³ Статья в значительной мере даже

¹² Смирнов В. Б. Н. А. Некрасов и журнальная поэзия «Отечественных записок». Уфа, 1972, с. 50.

¹³ М. Н. Лонгинов — известный библиограф, сотрудничавший в «Современнике» Некрасова.

приобрела характер очерка о Лонгинове. Основные аргументы: «Лонгинов называл себя „писатель не для дам“, и Некрасовский Миша называет себя „писатель не для дам“. <...> Лонгинов сделал большую карьеру, и этот говорит о себе: министром буду».¹⁴ Доводы эти вполне убедительны, их и сегодня трудно поколебать. Необходимо только заметить, что все они базируются на ранней редакции драмы («Как убить вечер»).

Ничто из того, на чем основывались заключения Чуковского, не вошло в текст, опубликованный самим автором, за исключением разве упоминания во ввводной ремарке о том, что Миша «действительный статский советник» (очевидно, рудимент ранней редакции, поскольку сама эта деталь в «Сценах» никакой роли не играет), и самого имени «Миша», не настолько экзотического, чтобы его связывать только с личностью Лонгинова. Вообще же приметы Лонгинова — библиограф, «поэт не для дам» и преуспевающий чиновник с характерными для него взглядами — остаются в ранней редакции. Да и связь образа с личностью Лонгинова обратила на себя внимание лишь после того, как стала известна ранняя редакция. Характерно, что современники и сам «прототип», всегда чуткие к подобным вещам, даже не догадывались об этой связи.

В напечатанных «Сценах» это по существу уже другой герой. На первый план в нем выдвигаются его гуманные взгляды; ему, правда, не хватает гражданского мужества (в этом Некрасов отдает себе отчет), но в то же время он сам признает: «Мы все такие — лучше негде взять». В ранней редакции Миша говорит:

Я был всегда за крепостное право.
Против свободы я протестовал.

А в печатных «Сценах» и в рукописных вариантах к ним он противник крепостничества, насилия, гнета. В одном из вариантов он даже близок к Белинскому, лично с ним знаком:

Не знаешь ты, каков Белинский был?
Кто знал его, кто был с ним лично близок,
Тот, может быть, чудес не натворил,
Но ни один покамест не был низок.
По счастью рано я сошелся с ним...¹⁵

Но в окончательный текст это не входит, видимо потому что слишком сближает Мишу с Белинским. Такое сближение не входило в задачи Некрасова.

Любопытна в этой связи судьба монолога «Я лучший перл со дна души достал», который должен был следовать после воспоминаний о Белинском и Грановском. Это исповедь Миши, удачная по стиху (Некрасов над нею напряженно работал, имеются разные редакции), но в окончательный текст она тоже не вошла, очевидно потому, что в ней слишком выступает авторская ирония, так же как в стихах, образовавших стихотворение «Человек сороковых годов» и связанных с этой исповедью.

Ориентация на традиции 40-х годов, отнюдь не обычная у Некрасова, приводит к тому, что рядом с Белинским оказывается именно Грановский. Грановский, несомненно, достоин глубокого уважения, и Некрасов иных чувств никогда к нему не питал, но он мог назвать и другие имена. К примеру, несколько лет спустя, в «Недавнем времени» (1871),

¹⁴ Чуковский К. И. Миша. Предисловие к «Медвежьей охоте», с. 297.

¹⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2, с. 543.

он нашел возможным напомнить о «юноше-гении» Добролюбове, «произнесшем бессмертную фразу: „В настоящее время, когда...“» (II, 342). И то обстоятельство, что здесь он ограничивается апелляцией к 40-м годам и людям 40-х годов, не случайно.

Новый поворот в отношении автора к главному герою предопределяет и изменения в самой структуре произведения. Теперь оба героя, и Пальцов и Миша, не антиподы, но «насыщены» чертами, присущими поколению 40-х годов, да и автор причисляет себя к нему. Поэтому журнальные «Сцены» — не диалог-столкновение и не диалог-спор, а диалог-собеседование духовно близких людей. В сущности каждый из них может оказаться выразителем идей и чувств автора. Но есть определенный смысл в том, что им становится в большей мере Миша, чем Пальцов. Миша наиболее полно выражает тот социально-психологический тип, который здесь в центре внимания автора, и поэтому именно в его душе автор стремится найти «лучшие перлы» — это соответствовало общему замыслу произведения.

Конечно, немислимо представить себе, чтобы Миша ранней редакции произносил все то, что мы узнаем от него в журнальном тексте «Сцен», но дело в том, что в ходе работы этот образ претерпел такую резкую трансформацию, которая побуждает утверждать: Миша ранней редакции и Миша в «Сценах» — это по существу два разных образа.

Кое-что в настроениях, отразившихся в «Сценах из лирической комедии „Медвежья охота“», оказалось скоропреходящим: миновал момент и миновало стремление смягчить свое отношение к людям 40-х годов, российским либералам, сблизиться с ними — в условиях нового демократического подъема 70-х годов для этого уже не было почвы. Все изложенное не оставляет сомнений в том, что перед нами материал не только своеобразный, сложный, но и значительный.

Давно и прочно вошли в наше сознание блестящие характеристики Белинского и Грановского, «диалектика обаятельного», «человека со роковых годов». Некоторые лирические отступления, вроде «Не понимаем мы глубоких мук...», достойны стать рядом с лучшими образцами русской и мировой лирики. Выдержала испытание временем некрасовская концепция русского освободительного движения: она и сегодня представляется правильной.

Косвенное свидетельство значения «Сцен» — использование их Достоевским. Характеристика либерала-идеалиста оказалась настолько убедительной, точной и емкой, что полностью принята Достоевским, легла в основу образа Степана Трофимовича Верховенского в «Бесах».¹⁶ Конечно, герой Достоевского и некрасовский либерал-идеалист 40-х годов далеко не одно и то же: в первом случае индивидуальный характер, детально и обстоятельно разработанный в большом романе, во втором — лишь в общих чертах очерченный социально-психологический тип, но именно этот тип лежит в основе созданного Достоевским образа, а цитаты из Некрасова проходят через весь роман. И это тем более показательно, что Достоевский отнюдь не разделяет взглядов и оценок Некрасова, его отношения к людям 40-х годов. Если по Некрасову их заслуга в том, что они подготовили общественное движение 60-х годов, то по Достоевскому в этом — их вина. Однако некрасовский тезис о преемственной связи между первыми и вторыми, как и некрасовская характеристика «диалектика обаятельного», разделяется и Достоевским.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Гин М. М. Достоевский и Некрасов. (Два мировосприятия). — Север, 1971, № 11, с. 121—122.

Исключительно велико значение духовной драмы, отразившейся в «Сценах из лирической комедии „Медвежья охота“», для творчества Некрасова. Само собой разумеется, Некрасов не мог дать ответ на все возникавшие вопросы, да и сложнейшие противоречия, мучившие поэта, никакими раздумьями не могли быть преодолены, потому что это были противоречия не одной личности, а всей русской действительности. Решить их могла только история. Естественно, и «Медвежья охота» не дает ответа на все вопросы, волновавшие автора, но дает нечто не менее важное — возможность лучше понять духовный мир поэта, направление его духовных исканий.

Духовная драма Некрасова 1866—1867 гг. не стала толчком к коренной переоценке всех ценностей, как кризис поэта в 40-е годы, о котором говорилось выше, но она сыграла, образно говоря, большую очистительную роль: она не только способствовала осмыслению «трудного времени» России и русского освободительного движения, не только помогла духовно подготовиться к будущему, к 70-м годам — новому этапу в русском освободительном движении, но, главное, идейно подготовила последний этап творчества Некрасова.

В следующем году после завершения работы над сценами из «Медвежьей охоты» создается стихотворение «Душно! без счастья и воли...», пронизанное призывом к революционной буре. Вскоре же Некрасов приступил к работе над историко-революционными поэмами на декабристские темы. И все последующее его творчество — лирика и создававшиеся тогда части поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — сознательно и уверенно ориентировалось на запросы и потребности русского освободительного движения 70-х годов, революционных народников, участников «хождения в народ». Конечно, его сомнения и колебания не были полностью преодолены и в это время, но позднее творчество Некрасова, в том виде, как оно нам известно, было бы просто невозможно без того, что им было пережито и передумано во второй половине 60-х годов.

Б. Л. Бессонов

ОБ УТРАЧЕННОЙ ПЕРЕПИСКЕ А. Я. ПАНАЕВОЙ и НЕКРАСОВА
(ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ)

Из переписки Некрасова и Панаевой известны четыре письма.¹ Существует еще одна публикация (X, 365—366).² Ее история необычна. Она заслуживает особенного внимания.

Вот ее текст:

«... Довольно того, что я до сих пор прикрываю тебя в ужасном деле по продаже имения Огарева. Будь покойна: этот грех я навсегда принял на себя, и, конечно, говоря столько лет, что сам запутался каким-то непонятным образом (если бы кто в упор спросил: «каким же именно?», я не сумел бы ответить по неведению всего дела в его подробностях), никогда не выверну прежних слов своих наизнанку и не выдам тебя. Твоя честь была мне дороже своей, и так будет, невзирая на настоящее. С этим клеймом я умру... А чем ты платишь мне за такую — знаю сам — страшную жертву? Показала ли ты когда, что понимаешь всю глубину преступления перед женщиной, всеми оставленной, а тобою считавшейся за подругу? Презрение Огарева, Герцена, Анненкова, Сатина не смыть всю жизнь, оно висит надо мной... Впрочем, ты можешь сказать, что вряд ли Анненков не знает той части правды, которая известна Тургеневу, — но ведь только части, а всю-то знаем лишь мы вдвоем да умерший Шамшиев... Пойми это хоть раз в жизни, хоть сейчас, когда это может остановить тебя от нового ужасного шага. Не утешаешься ли ты изречением мудреца: нам не жить со свидетелями нашей смерти?! Так ведь до смерти-то позор на мне...» (X, 365—366).

Автором этого текста принято называть Некрасова. Текст был впервые опубликован М. К. Лемке в составе собрания сочинений Герцена как часть комментария к письму 839.³

Публикация вызвала разноречивые отклики.

В 1930 г. дочь Панаевой, Е. А. Нагродская, проживавшая в это время в Париже, обратилась в «Последние новости» с письмом следующего содержания:

¹ См.: Литературное наследство, т. 53—54. М., 1948, с. 117—120 (письма к Некрасову от 30 июня, 8 и 9 июля 1855 г.; автографы в ГБЛ); Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. III. М.—Л., 1952, с. 229 (отрывок письма к Некрасову, датированный 1862 г.; более полный текст см.: Музей-квартира Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 16, ед. хр. 15; автограф не сохранился).

² См. также: Некрасов Н. А. Собр. соч., т. V. М.—Л., Госиздат, 1930. с. 382—383.

³ См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. VIII. Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1917, с. 272 (комментарии к письму Герцена к М. К. Рейхель от 11 апреля 1856 г.). Далее все ссылки на это издание даются в тексте: Герцен, том (римская цифра), страница (арабская цифра).

«Многоуважаемый г-н Редактор!

В номере 3235 вашей уважаемой газеты в талантливой и интересной статье г-на Словцова⁴ упомянуто о появившемся в первый раз (если не ошибаюсь, в 1918 г.) в чьей-то статье письме Некрасова к Панаевой по поводу наследства Огаревой.⁵ Я, как дочь Панаевой-Головачевой, хорошо знаю всю эту историю и утверждаю, что такого письма Некрасов не мог написать моей матери и такого письма не писал. Это не трудно проверить, сделав экспертизу этого „исторического“ документа.

Когда было сочинено это письмо? И кем? Если за последнее время и каким-нибудь фанатическим поклонником Некрасова, желающим во что бы то ни стало оправдать своего кумира, — то бог с ним, но если оно было найдено в архивах одного писателя, уже давно умершего в „больших чинах и орденах от литературы и от правительства“,⁶ то, как мне ни тяжело выступать с разоблачениями, я выступлю.⁷

К сожалению, я не имею связей с литературным миром в Петрограде,⁸ чтобы просить о производстве экспертизы документа, но буду глубоко благодарна тем, кто сможет и пожелает это сделать.

Примите уверение в совершенном уважении

Е. Нагродская».⁹

Предположение о Григоровиче как о возможном авторе (или владельце) комментируемого письма несостоятельно. Однако основанием для подозрений Нагродской могло послужить ее знакомство с семейным архивом,¹⁰ и можно лишь пожалеть, что вслед за приведенным письмом в ре-

⁴ См.: Словцов Р. Душевная драма Некрасова. — Последние новости, 1930, № 3235, 30 января. Статья посвящена книге «Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах», составленной Г. М. Иссерлин и Т. Ю. Хмельницкой (Л., 1930).

⁵ В 1918 г. Нагродская находилась еще в России и уже тогда могла быть осведомлена о публикации Лемке К Нагродской в поисках материалов обращались некрасоведы; см. предисловие К. И. Чуковского к кн.: Некрасов Н. А. Стихотворения. Пг., 1920, с. V—VI; см. также письмо Нагродской к К. И. Чуковскому: ГБЛ, ф. 620 (в этом недатированном письме, относящемся к дореволюционному времени, упоминается В. Е. Евгеньев-Максимов).

⁶ Речь идет о Д. В. Григоровиче. Ср. о «чинах и орденах» Григоровича в статье: Плещеев А. Д. В. Григорович. 30 лет со дня смерти (22 декабря 1899—1929). — Возрождение, 1930, № 1675, 2 января.

⁷ Нагродская должна была знать о реакции Григоровича на мемуары ее матери. Григорович писал, обращаясь к Панаевой: «В воспоминаниях ваших вы не довольствуетесь выставить в неблагоприятном свете тех, которых вы подозреваете в несочувствии к вам; вы преднамеренно извращаете каждое их действие, стараетесь очернить их память, не останавливаетесь перед клеветой» (черновик недатированного письма см.: ЦГАЛИ, ф. 138, оп. 1, ед. хр. 58). Панаева, видимо, ожидала ответной акции Григоровича, и это могло быть темой ее разговоров с дочерью. Первые главы воспоминаний Григоровича были опубликованы незадолго до смерти Панаевой (Русская мысль, 1893, № 1, 2).

⁸ Нужно, однако, отметить, что в Ленинграде жила дочь Нагродской В. В. Дрешер (см. ее письмо к А. А. Саксаганской от 15 декабря 1932 г.: ЦГАЛИ, ф. 1511, оп. 1, ед. хр. 35), с которой был в это время знаком К. И. Чуковский (об этом знакомстве сообщила мне — на основании дневниковой записи К. И. Чуковского — Е. Ц. Чуковская; пользуясь случаем выразить ей свою благодарность).

⁹ Нагродская Е. Письмо в редакцию. — Последние новости, 1930, № 3240, 4 февраля.

¹⁰ Архив Панаевой не сохранился. Незадолго до революции на одном из своих «вторников» Нагродская рассказала, что по завещанию своей матери она сожгла письма Некрасова (сообщено мне С. А. Рейсером; за эту важную справку выражаю ему благодарность; см. также: XI, 449).

дакцию не последовало других выступлений.¹¹ Письмо Нагродской осталось незамеченным.

В научной литературе сообщение Лемке произвело сенсацию: «Документ огромного значения»;¹² «документ, имеющий огромное биографическое, а вместе с тем и историко-литературное значение»;¹³ «это письмо очень важно для понимания роли Некрасова в „огаревском деле“».¹⁴ Подлинность документа признана безусловно: «... стиль и характер письма не оставляют сомнения в его принадлежности Некрасову» (X, 366); «сомневаться в подлинности письма невозможно».¹⁵

Но вывод Лемке о том, что во всем виновна Панаева (Герцен, VIII, 272), поддержки не получил. «Разве вправе исследователь безо всякой проверки, как некую объективную истину, заносить на скрижали истории эти крики и жалобы?», — спрашивает К. И. Чуковский.¹⁶ «Рассмотрение этого документа, — отмечает Я. З. Черняк, — приводит нас к совершенно обратным, нежели выводы Лемке, заключениям <...> Письмо, подтверждая виновность Панаевой, не освобождает и автора письма от ответственности».¹⁷ Точка зрения А. Г. Дементьева совпадает с мнением К. И. Чуковского: «Очевидно, что жестокие упреки Некрасова Панаевой, как и его страстное самоосуждение, не соответствовали реальному положению вещей».¹⁸

Отметим, что в приведенных суждениях несогласие с комментатором, в сущности, переходит в полемику с автором опубликованного письма, т. е. фактически ставится под сомнение объективная достоверность сведений, содержащихся в документе.

Что касается собственно комментариев Лемке, включающих цитированное выше письмо, то в них содержится крайне тенденциозная интерпретация «огаревского дела» — о деньгах, взысканных с Н. П. Огарева в пользу его жены Марии Львовны и не полученных этой последней. Лемке пытается отвести свидетельства современников, сообщающих, что Некрасов называет виновной Панаеву, не принимая обвинений в свой адрес со стороны Герцена и других.

Комментарии Лемке строятся на затемняющих существо дела оговорах, на умолчаниях и передержках. Например, цитируя слова А. П. Пятковского: «Н. С. Курочкин со слов Некрасова передавал мне, что в этом хищении виноват был не сам Некрасов, а одна приближенная к нему особа»,¹⁹ Лемке вынужден констатировать: «Некрасов все-таки не скрыл

¹¹ Нагродская скончалась 19 мая 1930 г. (см.: Последние новости, 1930, № 3345, 3346, 3348; Возрождение, 1930, № 1814). Бумаги Нагродской в парижских архивах не обнаружены; за эту справку, наведенную по моей просьбе, благодарю А. И. Бестужева-Панаева.

¹² Чуковский К. И. Жена поэта (Авдотья Яковлевна Панаева). Пб., 1922, с. 23. В позднейшем издании своей работы К. И. Чуковский эту оценку не повторил (см.: Чуковский К. Некрасов. Л., 1926).

¹³ Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов как человек, журналист и поэт. Л., 1928, с. 67.

¹⁴ Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.—Л., 1933, с. 212.

¹⁵ Дементьев А. Г. «Огаревское дело». — Русская литература, 1974, № 4, с. 140.

¹⁶ Чуковский К. И. Жена поэта, с. 23.

¹⁷ Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский... с. 216.

¹⁸ Дементьев А. Г. 1) «Огаревское дело», с. 141; 2) Письмо Некрасова Панаевой (еще раз об «огаревском деле»). — В кн.: Н. А. Некрасов и его время, вып. II. Калининград, 1976, с. 54.

¹⁹ Пятковский А. Две встречи с А. И. Герценом (из моих воспоминаний). — Наблюдатель, 1900, № 2, с. 304.

тайну от всех» (Герцен, VIII, 275). Однако он сразу же делает оговорку: «тайна» была раскрыта «под секретом и коротко» (там же). Какой же, однако, это секрет, если в него посвящен Курочкин?

По словам Лемке, Тургенев, «не скрыв <...> от Герцена, что виновник всего — Панаева», сделал это, однако, «так неэнергично и неуверенно, что Огарев и Герцен сошли в могилу в твердом убеждении, что именно Некрасов заставил нищенствовать Марию Львовну и лишил Огарева того остатка, который должен был получиться от продажи орловского имения» (Герцен, VIII, 273). Смысл тургеневского письма в этой интерпретации скрыт и переиначен. «Дело он (Некрасов, — Б. Б.) взвалил на Панаеву», — так повял Герцен письмом Тургенева.²⁰ Одновременно Герцен считал, что все это действительно «шло через Авдотью Яковлевну».²¹

«Тургенев потому не порывал с Некрасовым, — пишет далее Лемке, — что был уверен в невинности последнего» (Герцен, VIII, 271). Снова сознательная неправда. Узнав о конце «огаревского дела», Тургенев сказал: «Слава богу, сняли, наконец, с себя пятно»,²² имея в виду и Некрасова.

Подобным же образом Лемке обходит и воспоминания Чернышевского. «Он <...> не назвал Панаеву, сказав вскользь о ее муже. Ясно, что роль А. Я. была ему неизвестна» (Герцен, VIII, 275). Так пишет Лемке о тех воспоминаниях, где говорится: «Истина могла бы быть достовернейшим образом узнана Герценом, если бы он захотел навести справки о ходе перемен в личных отношениях Некрасова (явный намек на Панаеву, — Б. Б.) за те годы, в которые были делаемы г. Огаревой неприятные ее мужу распоряжения. Но Герцен имел неосторожность высказать свое мнение, не ознакомившись с фактами, узнать которые было бы легко» (т. е. здесь не было «тайны»)²³.

Ясные указания Чернышевского заволакиваются у Лемке туманом: «...впоследствии Н. Г. узнал истину, хотя и не вполне, но по крайней мере в той части, которой было достаточно для реабилитации самого Некрасова» (Герцен, VIII, 273). Словом «истина» здесь обозначено убеждение в том, что Некрасов взял чужую вину на себя. Значит, все-таки Чернышевский знал о роли Панаевой в «огаревском деле»? Нет, утверждает Лемке вопреки собственной оговорке, Чернышевский считал Панаеву невинной; иначе он ее «презирал бы», а этого мы не видим (там же).²⁴ Возникает вопрос: кого же Некрасов назвал Чернышевскому для своей «реабилитации»? Неужели, зная вину Панаевой, он указал на другое лицо? Вызывает недоумение и выражение «впоследствии Н. Г. узнал истину». Воспоминания, приведенные выше, касаются 1850-х—на-

²⁰ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XXVI. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 106 (см. также у Лемке: Герцен, VIII, 552).

²¹ Там же, т. XXV, с. 338 (см. также у Лемке: Герцен, VIII, 268).

²² См. письмо Н. Н. Обручева к Добролюбову от 7 декабря 1860 г. (Герцен, X, 478; Лемке неточно печатает этот текст, ср.: ИРЛИ, фонд Н. А. Добролюбова, ед. хр. 2050).

²³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. I. М., 1939, с. 734 (письмо к А. Н. Пышину от 21 января 1884 г.). См. также: Ляцкий и Евг. Н. Г. Чернышевский в редакции «Современника». — Современный мир, 1911, № 11, с. 174 (Лемке неоднократно цитирует этот источник: Герцен, VIII, 173—174).

²⁴ Чернышевский действительно не «презирал» Панаеву. Но здесь был особый оттенок чувства: «Я был защитником — правого ли дела? — не умею сказать, но — защитником женщины» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 143 (письмо к А. Н. Пышину от 25 февраля 1878 г.); см. также: Чернышевский в Сибири. Переписка с родными, т. III. СПб., 1913, с. 53). Хотя эти слова сказаны по иному поводу, но они характеризуют позицию Чернышевского по отношению к Панаевой и в истории «огаревского дела».

чала 1860-х годов. Позднейших сведений от Некрасова Чернышевский не получал. И вообще была ли необходимость в «реабилитации»?

Нетрудно заметить, что цель комментариев заключается в том, чтобы привести известные факты в полное соответствие с вновь публикуемым документом. Допущенное при этом вольное обращение с историческим материалом указывает на то, что публикатор письма был далек от научных заданий.

Читатель комментариев должен либо забыть о фактах, запечатленных в подлинных документах — в письмах Тургенева, Чернышевского, Герцена, наконец самого Некрасова, и довериться тексту письма, приводимого Лемке, либо признать, что в этом письме нет ни единого слова правды. Первое невозможно, второе — беспрецедентно. Поэтому допустимо предположить, что источник текста недостоверен.

Исходя из сказанного, произведем архивную экспертизу сведений о письме, приводимых Лемке.

В состав комментария входит справка, в которой указан архивный источник. «В одном из дел III отделения «собственной» е«го» императорского «величества» канцелярии, — пишет Лемке, — мною найдена копия письма Некрасова к А. Я. Панаевой, попавшего в перлюстрацию, скопированного в той части, которая показалась интересной специалисту-чиновнику, датированного, по словам копииста, сентябрем 1857 года и отправленного затем (в подлиннике) по месту назначения» (Герцен, VIII, 272).

Письмо, попавшее в перлюстрацию, — авторитетный источник текста. Копия в данном случае дополняет автограф, ибо к ней прилагаются точные сведения о письме. Однако у Лемке архивная справка этих сведений не содержит. В ней не указаны место и точная дата (по штемпелю) почтового отправления, пункт назначения, а также перлюстрационный номер. В бумагах III отделения эти данные обязательны, и если Лемке их не приводит, то это делается сознательно.

Вместо конкретных данных — сведения, не идущие к делу. Зачем писать «копия письма, попавшего в перлюстрацию», когда и без того ясно, что копии частных писем в бумагах III отделения и есть результат перлюстрации? Зачем говорить о том, что текст показался чиновнику «интересным»? Это само собой разумеется. Нужно ли, наконец, было пояснять, что письмо было отправлено адресату в подлиннике? Куда же еще и в каком еще виде оно могло быть отправлено? Эта ненужная информация создает лишь видимость справки.

Приведенная в справке дата — «сентябрь 1857 года» — является безусловно фиктивной. Я. З. Черняк называет ее «неверной»,²⁵ К. И. Чуковский — «фальшивой».²⁶ Действительно, в сентябре 1857 г. Некрасов и Панаева не могли состоять в переписке, которой угрожала бы перлюстрация: в начале этого месяца они поселились в общей квартире и из Петербурга не выезжали.²⁷

²⁵ Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский..., с. 213. См. также: Некрасов Н. А. Собр. соч., т. V. М.—Л., 1930, с. 382 (здесь письмо датировано 1862—1863 гг.).

²⁶ Чуковский К. И. Что вспомнилось. — В кн.: Чуковский К. И. Несобранные статьи о Н. А. Некрасове. Калининград, 1974, с. 81. В цитируемой мемуарной записи (сделанной в больнице зимой 1967/68 г.) допущена описка: адресатом письма назван Герцен.

²⁷ Существует, однако, версия, согласно которой Панаева в сентябре 1857 г. находилась в Париже. «Панаева, только что вернувшаяся на родину, — пишет А. Г. Деметьев, — вскоре (судя по ее письму к И. А. Панаеву от 30 августа 1857 года. — «Литературное наследство», т. 53—54, стр. 128) снова нежданно оказалась во Франции. Интересующее нас письмо Некрасова к Панае-

В той же справке сказано: «На копии пометка незнакомой мне рукой: „к докладу; навести справку под рукой“» (Герцен, VIII, 272).

Происхождение этой пометы столь же сомнительно. Такие пометы, обычные в делах III отделения, всегда сопровождаются указанием даты представления к докладу, резолюцией и датой решения за подписью шефа жандармов. В справке, приведенной Лемке, этих сведений нет, а примечание о том, что пометы сделаны «незнакомой» исследователю рукой, неправдоподобно, ибо почерк начальствующих чинов III отделения Лемке знал превосходно — это видно из его же комментариев к другим документам того же архива. Да и о чем было наводить «справку под рукой», т. е. тайно, если Некрасов и без того находился под агентурным надзором. А если все-таки нужна была справка, то до ее наведения вряд ли могла появиться помета «к докладу». Для чего, наконец, нужно было докладывать в высшей инстанции о письме, если «огаревское дело» разбиралось открыто судом?

Лемке приводит название источника: «Дело 1854 г., III эксп., „О частных письмах, передаваемых в ведение и распоряжение главноуправляющего III отделением с. е. и. в. канцелярии, ч. 2-я“» (Герцен, VIII, 272). Казалось бы, путь к документу открыт. Однако в справке отсутствует главное — номер архивного дела, а то, что указано, — заголовок — не встречается вообще в описях III отделения. Но допустим, что искомое дело не было зашифровано и сменило заглавие. Даже и в этом редчайшем случае его можно было бы обнаружить — по служебному справочному алфавиту, включающему фамилии и инициалы всех лиц, упоминаемых в письмах, подвергшихся перлюстрации. Однако и справочный алфавит не приводит к искомому делу.²⁸

Если бы дело существовало в действительности, то уже в 1905—1906 гг. письмо было бы обнаружено. Именно в эти годы Лемке — и только он — работал в архиве III отделения над материалами по эпохе 1820—1850-х годов (Герцен, I, с. IX—X).²⁹ Можно не сомневаться, что если бы документ был действительно обнаружен, он был бы опубликован до появления комментариев к письму 839 в печати.

Кроме того, из работ Лемке отчетливо видно, что в этом архиве в 1905—1906 гг. он успел ознакомиться лишь с делами, входившими в 1-ю экспедицию.³⁰ Только однажды приводится документ с указанием

вой «...» было послано во Францию «...» Это в свою очередь помогает понять, почему письмо Некрасова подверглось перлюстрации (Дементьев в А. Г. «Огаревское дело», с. 141). Соображения А. Г. Дементьева основываются на упомянутом им письме Панаевой, опубликованном в «Литературном наследстве» (публикация С. А. Рейсера). Недатированное письмо Панаевой к И. А. Панаеву от 30 августа из Парижа отнесено здесь к 1857 г. Между тем оно написано четырьмя годами позднее. Панаева сетует на молчание Некрасова и упоминает о лечении в Марселе. Все это имело место лишь в 1861 г. Летом этого года Некрасов не отвечал на письма Панаевой (см., например, его признание в письме к И. А. Панаеву от 20 августа 1861 г.: «...писать как-то не приходилось, после получения ее писем» — X, 456). В 1857 г. Панаева не останавливалась в Марселе и жаловаться на молчание Некрасова не могла, ибо Некрасов был ее спутником во время путешествия.

²⁸ Данные справочного алфавита сообщила мне З. И. Перегудова (ЦГАОР), которую благодарю за ценное указание.

²⁹ Занятия Лемке в архиве возобновились приблизительно в 1919 г. — во всяком случае после того, как том сочинений Герцена с письмом 839 был уже напечатан. См.: Лемке Мих. Как создали процесс Чернышевского. — Былое, 1919, № 14, с. 113 (ср.: Герцен, XII, 157); см. также письма А. А. Шилова к Лемке: ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 1230.

³⁰ Сведения о том, будто Лемке тайно пользовался архивом — с помощью должностного лица, снимавшего копии с документов, подтверждения покамест не

на 3-ю экспедицию, но именно эта ссылка, как показано выше, и оказалась фиктивной.

Поскольку архивная справка не достоверна, мы не обязаны видеть в письме подлинный документ.

* * *

Неслучайно корреспонденция не поддается реальному комментарию. Читаем первые строки: «Довольно того, что я до сих пор прикрываю тебя в ужасном деле по продаже имения Огарева. Будь покойна: этот грех я навсегда принял на себя...».

Что означает «прикрываю тебя»? Предотвратить судебный процесс Некрасов не мог, а объявить себя виноватым, не признавая вины за собой, он не хотел. Защищаясь от обвинений, Некрасов указывал на Панаеву. «Это документально доказанный факт, — писал в свое время К. И. Чуковский, — и покуда Мих. Лемке не опровергнет его, все его восторги перед рыцарским отношением Некрасова к женщине будут казаться пустой насмешкой».³¹

Слова «ужасное дело по продаже имения Огарева» также необъяснимы. Речь может идти лишь об Уручье, приобретенном у Огарева Шаншиевым. Покупка была произведена по доверенности Огаревой. В ней не было ничего особо «ужасного». «Передача имения в руки Шаншиева, — пишет в этой связи А. Г. Дементьев, — вовсе не означала присвоения имения <...> С точки зрения Марьи Львовны <Огаревой> не все ли было равно, кто приобрел имение».³² Некрасову не в чем было здесь «прикрывать» Панаеву.³³

Продолжаем цитату: «... и, конечно, говоря столько лет, что сам запутался каким-то непонятным образом (если бы кто в упор спросил: «каким же именно?», я не сумел бы ответить по неведению всего дела в его подробностях)...».

Слова «говоря столько лет» противоречат дате письма и выпадают из хронологии «огаревского дела». Вопрос о полной выплате капитала, принадлежавшего Огаревой, возникает не ранее марта 1855 г.³⁴ Герцен узнал о судебном иске весной 1856 г. Ранее этого времени у Некрасова не было повода для объяснений. Письмо, как мы знаем, датировано сентябрем 1857 г. Каким же образом получилось «столько лет», в течение которых Некрасов якобы называл себя виноватым?

получили. Подобная практика, правда, существовала, но применительно к тем делам, которые поступали на имя исследователя в период его работы в архиве по официальному разрешению. Согласно воспоминаниям В. Е. Евгеньева-Максимова, машинистка, служившая в архиве Министерства внутренних дел, негласно перепечатывала ему материалы (см. XIII главу воспоминаний В. Е. Евгеньева-Максимова «Из прошлого. Записки некрасововеда», подготавливаемую Т. С. Царьковой к опубликованию в следующем, VIII выпуске «Некрасовского сборника»; за эту справку благодарю Т. С. Царькову).

³¹ Чуковский К. И. Жена поэта, с. 24.

³² Дементьев А. Г. «Огаревское дело», с. 140—141.

³³ Я. З. Черняк, относя письмо к «гораздо более позднему времени», утверждает, что «продажи имения никакой не было» и что Некрасов об этом за давностью лет «позабыл» (Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский... с. 215). Получается, что Некрасов вспомнил в письме о том, чего не было. Во всей некрасовской биографии мы не знаем подобного случая, даже в период его предсмертной болезни.

³⁴ См.: Бессонов Б. Л. К истории «огаревского дела» (по новонайденным материалам). — Русская литература, 1978, № 3, с. 141.

Не мог Некрасов писать Панаевой и о «неведении» дела в «подробностях». Все расчеты шли через него (см., например, его письмо к Добролюбову, датированное декабрем 1860 г., о выплате 12 тысяч рублей серебром по «делу Огарева» из средств «Современника»: X, 432).

«...никогда не выверну прежних слов своих наизнанку и не выдам тебя. Твоя честь была мне дороже своей, и так будет, невзирая на настоящее. С этим клеймом я умру...».

Оговорка «невзирая на настоящее» указывает на обострение конфликта с адресатом письма. А между тем осень 1857 г. была для Некрасова временем относительного успокоения. «Таким мягким, умным и дружественным я его почти никогда не видел», — рассказывает о Некрасове А. В. Дружинин в письме к В. П. Боткину от 10 сентября.³⁵ «Ты, говорят, здоров и весел», — пишет Тургенев Некрасову в ноябре, основываясь на сообщениях петербургских друзей.³⁶

«Показала ли ты когда, что понимаешь всю глубину преступления перед женщиной, всеми оставленной, а тобою считавшейся за подругу?».

Еще одна фактическая несообразность. Никто Огареву не оставлял. Ее поверенная Панаева высылала ей деньги и извещала ее о событиях петербургской жизни.³⁷

«Презрение Огарева, Герцена, Анненкова, Сатина не смыть всю жизнь, оно висит надо мной...».

Подобное объединение имен в письме Некрасова невозможно. Со стороны П. В. Анненкова и Н. М. Сатина Некрасов не замечал презрения — с ними у него сохранились прежние отношения: с Анненковым приятельские, с Сатиным уважительно-деловые (несмотря на то что Сатин был поверенным Огарева в судебном деле против Панаевой). Не могла приведенная фраза о презрении относиться и к Огареву, с которым он находился в отношениях открытой вражды (X, 432). Из названных лиц Некрасов считался лишь с мнением Герцена, зная, что тот его презирает за советы М. Л. Огаревой в деле взыскания сумм с ее мужа по безденежным векселям.

Но дело не только в том, что Герцен не мог быть приравнен к прочим названным лицам, но также и в том, что упоминание этого имени было опасным. Осмотрительный в переписке, Некрасов не называл и не мог назвать это имя в почтовой корреспонденции.³⁸

«Впрочем, ты можешь сказать, что вряд ли Анненков не знает той части правды, которая известна Тургеневу, — но ведь только части, а всю-то знаем лишь мы вдвоем да умерший Шамшиев...».

Эта фраза противоречит той, где говорилось о незнакомстве с делом. Примечательно также и то, что Шамшиев назван «Шамшиевым» в отличие от некрасовского «Шамшиев» (в 1840-е годы — «Шеншиев») (X,

³⁵ См.: Краснов Г. В. К расколу редакции «Современника». — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 124.

³⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма, т. III. М.—Л., 1966, с. 166. См. также: Русская мысль, 1902, № 1, с. 123.

³⁷ «Панаева вовсе не оставила Марью Львовны, а по обоюдной доверенности до конца дней подруги выплачивала ей проценты с ее капитала», — справедливо замечает А. Г. Дементьев, но, объясняя слова в письме о «преступлении», добавляет: «По-видимому, и здесь Некрасов был в неведении относительно важных подробностей дела» (Дементьев А. Г. «Огаревское дело», с. 141). Некрасов и здесь не был «в неведении». О том, как выплачивались проценты, он знал из писем к Панаевой, предназначавшихся и ему в части, касавшейся деловых расчетов.

³⁸ См.: Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский..., с. 214.

145, 430). Вряд ли здесь было ошибочное прочтение — почерк Некрасова не из трудных. Но, главное, как объяснить, что Шаншиев назван «умершим», если он умер гораздо позднее? ³⁹

«Пойми это хоть раз в жизни, хоть сейчас, когда это может остановить тебя от нового ужасного шага». Действительные устремления Панаевой были иными: она хотела мирного соглашения. ⁴⁰

«Не утешаешься ли ты изречением мудреца: нам не жить со свидетелями нашей смерти?! Так ведь до смерти-то позор на мне. . .». Непонятно, как эти строки попали в текст отрывка, скопированного цензурой. В них нет ничего интересного для жандармов.

Не решаясь взять под сомнение подлинность документа, но отмечая в нем несоответствие фактам некрасовской биографии, исследователи исходили из мысли о том, что писавший не отвечал за свои слова, находясь в состоянии крайнего возбуждения. Некрасов не верил в «те необдуманные и жестокие слова, которые вырвались у него в этом письме», полагает К. И. Чуковский; далее он пишет: «Не ясно ли, что все это письмо есть один из эпизодов их романа, одна из супружеских ссор, которых у них было множество?». ⁴¹ Такое же объяснение предлагает и А. Г. Дементьев: «. . . письмо было написано Некрасовым в связи с жестокой ссорой между ним и Панаевой, в часы глубокого волнения и раздражения, когда упреки и обвинения, одно беспощаднее другого, так и просились на бумагу». ⁴²

Анализ письма, проделанный выше, не подтверждает этой концепции. Характер отмеченных несообразностей в содержании письма таков, что его нельзя отнести за счет возбуждения в минуту ссоры. Это сплошная несообразность — хронологическая, деловая, бытовая, психологическая, совершенно беспрецедентная. Ответственность за нелепые утверждения ложится не на Некрасова, писавшего якобы в состоянии невменяемости, а на составителя комментариев к письму 839.

* * *

По приведенным выше соображениям мы решаемся утверждать, что письмо к Панаевой в публикации Лемке Некрасову не принадлежит.

Вопрос касается «огаревского дела», от которого «не отмахнуться», поскольку оно безусловно относится «и к литературе, и к истории журналистики, и к общественному движению». ⁴³ Поэтому было бы недостаточным ограничиться атетезой, т. е. отведением авторства. Важно выяснить обстоятельства, при которых письмо появилось и закрепилось в некрасоведении. Важно также установить, кто был автором документа.

Ряд сомнительных выступлений Лемке уже был отмечен в литературе.

³⁹ Там же, с. 214, 226—233. Дату смерти Шаншиева — сентябрь 1884 г. — установила Т. С. Царькова, обнаружившая его могилу на Лазаревском кладбище в Ленинграде. А. Г. Дементьев предполагает, что слово «умерший» — ошибка, допущенная копистом (Дементьев А. Г. «Огаревское дело», с. 140). Но ведь на этой «ошибке» основан смысл письма: Шаншиев «должен» был умереть, иначе клятва «не выдать» Панаеву была бы бессмысленной, ибо Шаншиеву были известны все подробности «огаревского дела».

⁴⁰ См. письмо Панаевой к И. А. Панаеву от 12 июня 1857 г.: Литературное наследство, т. 53—54, с. 128. См. также письма Огарева к Сатину и к М. М. Каркозову, относящиеся, по-видимому, к концу 1855 г. (Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский. . ., с. 216—217).

⁴¹ Чуковский К. И. Жена поэта, с. 23.

⁴² Дементьев А. Г. 1) «Огаревское дело», с. 141; 2) Письмо Некрасова Панаевой (еще раз об «огаревском деле»), с. 54.

⁴³ Дементьев А. Г. «Огаревское дело», с. 130.

Не будем рассматривать указаний на небрежности, домыслы и ошибки⁴⁴ и отметим лишь ссылки Лемке на книги и документы, не обнаруженные учеными.

В 1917 г. К. И. Чуковский опубликовал под заглавием «Каменное сердце» отрывок из неизвестного прозаического произведения Некрасова.⁴⁵ Лемке уничтожающе отозвался об этой находке, заявив, что ему знаком полный текст этой повести, изданной якобы в литографии Злотникова в Перми в 1884 г. за подписью «Н. А. Н.» и под заглавием «Как я велик! Повесть из жизни литературного гения».⁴⁶ Начались поиски книги. На вопрос В. Е. Евгеньева-Максимова о ее местонахождении Лемке отвечал, что он ее получил в 1918 или 1919 г. на один вечер от человека, которого он позднее не мог отыскать.⁴⁷ Не мог отыскать после смерти Лемке (он умер в 1923 г.) этого человека и В. Е. Евгеньев-Максимов. Безуспешно в 1920-е годы разыскивал книгу К. И. Чуковский.⁴⁸ Разысканиями С. П. Шестерикова было установлено, что в России не существовало литографии, обозначенной в описании книги.⁴⁹

О сведениях, сообщенных Лемке, К. И. Чуковский позднее писал: «Все это, конечно, очень странно. Зная огромный интерес к Достоевскому и Некрасову, нельзя не удивляться тому, что в необъятной литературе, посвященной обоим писателям, эта публикация осталась никому, кроме Лемке, неизвестна. А если каким-то чудом стала доступна ему одному, почему он не обнаружил ее, почему не сообщил о ее существовании (если не мог обнаружить)? Почему он ждал, чтобы я нашел одну главу этой повести — и лишь тогда выступил с сенсационным известием? По его словам, эта книжка была у него недолго. Но все же была. Значит, он знает, кто владелец этой книжки. Почему он скрыл его имя? Почему не убедил владельца, что напечатание никому не известной повести Некрасова о Достоевском несет ему и прибыль и почет? Что заставляет этого владельца вот уже 40 лет прятать от читателей свое сокровище?

⁴⁴ См., например: Мендельсон Н. Судьба литературного наследства А. И. Герцена. — Литературное наследство, т. 7—8. М., 1933, с. 289 (указано на публикацию писем без сверки по подлиннику); Черняк Я. З. Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Чернышевского? — Там же, т. 62. М., 1955, с. 426 (домысел об участии Обручева в составлении прокламации «Что делать войску?» — Герцен, XI, 314); Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов, 1968, с. 637 (примеч. И. В. Пороха) (произвольные сокращения и изменения в тексте подлинника «Списка лиц, у которых предполагается сделать <...> обыск» — Герцен, XV, 391—393).

⁴⁵ См.: Драгоценная находка. Незданная повесть Н. А. Некрасова о Белинском, Достоевском и Тургеневе. — Нива, 1917, № 34—37, с. 554—570. См. также: Незданные произведения Н. А. Некрасова. СПб., 1918.

⁴⁶ Маврин М. [Лемке М.]. Незданные произведения Н. А. Некрасова. СПб., 1918. [Рец.]. — Книга и революция, 1920, № 1, июль, с. 36.

⁴⁷ См.: Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. II. М.—Л., 1950, с. 199—200.

⁴⁸ См.: Некрасов Н. «Тонкий человек» и другие незданные произведения. Собрал и пояснил Корней Чуковский. М., [1928], с. 230.

⁴⁹ Шестериков С. Ненайденная повесть Некрасова «Как я велик!». Библиографическая загадка. — Литературное наследство, т. 49—50. М., 1946, с. 611—612. Вслед за статьей С. П. Шестерикова появилось в «Литературном наследстве» сообщение А. К. Шарца о том, что в его книжном собрании находилась ныне утраченная книга, которую описал Лемке (Шарц А. Письмо в редакцию. — Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 587). С критикой этого сообщения выступил на заседании в Музее-квартире Некрасова (28 мая 1977 г.) и в Обществе книголюбов (16 января 1978 г.) М. Д. Эльзон. Статью М. Д. Эльзона «Существовала ли книга Некрасова „Как я велик!“?» см. в кн.: Альманах библиофила, вып. 7. М., 1979, с. 79—83.

Не то ли, что „Как я велик!“ — фальшивка, неумелая подделка подлинного текста?»⁵⁰

В комментариях к письмам Герцена (X, 224, 425—427; XVI, 70—86, 338), к сочинениям Добролюбова и в книге «Политические процессы в России 1860-х гг.» Лемке цитирует и излагает записи рассказов А. А. Слепцова,⁵¹ и в частности запись, где будто бы говорится о том, что помещенное в «Колоколе» «Письмо из провинции» за подписью «Русского человека» («Колокол», лист 64) принадлежит Чернышевскому.⁵² Источник, названный Лемке в обоснование авторства, был воспринят критически,⁵³ в частности и потому, что Слепцов писал свои мемуары с участием Лемке. Найденные фрагменты воспоминаний Слепцова⁵⁴ не прояснили вопроса. Страниц, посвященных «Письму из провинции», обнаружить не удалось.

«Былое и думы» в издании Лемке публикуются с указанием на записку 1869 г., в которой Герцен для Огарева составил подробное оглавление мемуаров (Герцен, XIV, 855). На основании этой записки устанавливается порядок расположения отдельных глав. Сама записка, однако, не публикуется. По этому поводу Н. М. Мендельсон пишет: «В издании, так тщательно собравшем всякую мелочь, написанную рукой Герцена, такое упоминание комментатора о рукописи исключительного значения, текста которой не дано, совершенно непонятно».⁵⁵ По мнению С. А. Рейсера, этот таинственный документ является скорее всего «плодом его (Лемке, — Б. Б.) полемического замысла».⁵⁶

⁵⁰ Чуковский К. И. Что вспомнилось, с. 81—82.

⁵¹ См.: Добролюбов Н. А. Первое полн. собр. соч., т. IV. СПб., 1912, стб. 35—36; Лемке М. Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам). Изд. 2-е. М.—Пг., 1923, с. 166—167, 318.

⁵² См.: Герцен, X, 224; Лемке М. Политические процессы в России 1860-х гг., с. 167.

⁵³ См.: Нечкина М. 1) Юбилейная литература о Н. Г. Чернышевском. — Историк-марксист, 1928, т. X, с. 220; 2) Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации. — Исторические записки, 1941, т. X, с. 28—39; 3) «Земля и Воля» 1860-х годов. — История СССР, 1957, № 1, с. 107; 4) Возникновение первой «Земли и Воли». — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1960, с. 287—292, 294, 296; Козьмин Б. П. 1) Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену? — Литературное наследство, т. 25—26. М., 1936, с. 576—578; 2) А. И. Герцен в истории русской общественной мысли. — Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1945, № 2, с. 111; Бушканец Е. Г. 1) Н. А. Добролюбов и письмо «Русского человека» в «Колоколе». — В кн.: Доклады и сообщения филологического института Ленинградского гос. университета, вып. 3. Л., 1951, с. 186—187; 2) К вопросу об авторе письма «Русского человека» в «Колоколе» А. И. Герцена. — Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1951, № 2, с. 180—181; Черняк Я. З. Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Чернышевского?, с. 421; Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. I. Саратов, 1958, с. 282 (комментарий И. В. Пороха); Рейсер С. А. Воспоминания А. А. Слепцова. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, т. 3. Саратов, 1962, с. 251, 254—256, 281; Вандалковская М. Г. М. К. Лемке — историк русского революционного движения. М., 1972, с. 151—153, 201—202, 207—208.

⁵⁴ См.: Боград В. Э. О мемуарах А. А. Слепцова. — Литературное наследство, т. 67. М., 1959, с. 679—683; Дьяков В. А. Научная конференция о документах по революционной ситуации 1859—1861 гг. в России. — Вопросы архивоведения, 1960, № 6, с. 61 (сообщение О. М. Михеевой); Рейсер С. А. 1) Воспоминания А. А. Слепцова, с. 258—280; 2) Неизданный отрывок воспоминаний А. А. Слепцова. — В кн.: Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, т. 4. Саратов, 1965, с. 249; Коротков Ю. Н. У истоков первой «Земли и Воли» (неопубликованные страницы из тетради А. А. Слепцова). — Исторические записки, 1966, т. 79, с. 176—209.

⁵⁵ Мендельсон Н. Судьба литературного наследства А. И. Герцена, с. 300.

⁵⁶ Рейсер С. А. Воспоминания А. А. Слепцова, с. 249.

Доказывая участие Н. Н. Обручева в написании статьи «Что нужно народу?», Лемке ссылается на «одно из писем Огарева» в собрании Румянцевского музея. Выяснилось, что такое письмо в фондах музея (ныне в Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина) не зарегистрировано.⁵⁷

Еще один случай неподтвержденной ссылки обнаружился в связи с изданием стихотворений Добролюбова.⁵⁸ Эти стихотворения были опубликованы не по автографу, как утверждал Лемке, а по изданиям вольной печати.⁵⁹

Наконец, в редакторских примечаниях к сочинениям Добролюбова Лемке ссылается на «собственноручный список» работ Добролюбова, будто бы оказавшийся в «многотомном сенатском деле о Чернышевском». ⁶⁰ Позднейшие поиски этого списка были, однако, безрезультатны. Можно считать доказанным, что список, опубликованный Лемке, «никогда не существовал и является плодом фантазии редактора». ⁶¹

В издании статей Добролюбова в серии «Литературные памятники» перечислены признаки, по которым был установлен факт сочинительства: «Исключительная скупость данных об этом автографе в краткой информации Лемке, уклонение исследователя от цитации названного им документа, даже в особенно спорных и ответственных атрибуциях, явные пропуски в издании 1911 г. известных статей Добролюбова и еще более досадные вставки в него некоторых произведений, бесспорно Добролюбову не принадлежавших, не позволяют нам с доверием отнестись к „открытию“ Лемке. Очень настораживает <...> невозможность обнаружить его в течение полувека в тех самых архивных делах, на которые ссылается Лемке». ⁶²

Приведенные нами факты (их число нетрудно умножить) обозначают линию поведения в комментаторской практике Лемке. ⁶³

Вернемся, однако, к «некрасовскому» письму. Теперь его появление не покажется нам случайным. Однако в ряду прочих мистификаций оно занимает особое место: перед нами не упоминание и не отрывочный пересказ, а фабрикация самого документа.

Проследим историю появления этого текста. Напомним, что «некрасовское» письмо увидело свет в середине 1917 г. Восьмой том сочинений

⁵⁷ См.: Черняк Я. З. Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Чернышевского?, с. 422—423.

⁵⁸ См.: Лемке Мих. Н. А. Добролюбов как политический поэт (к 60-летию со дня смерти). — Книга и революция, 1922, № 3 (15), с. 37.

⁵⁹ См. примечания Б. Я. Бухштаба в кн.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. в 6-ти т., т. VI. М., 1939, с. 742. А. М. Гаркави установил, что одно из стихотворений («18 февраля 1856 года»), напечатанных якобы по автографу, написано В. Р. Зотовым (см.: Гаркави А. М. Безымянные стихотворения Владимира Зотова. — В кн.: Н. А. Некрасов и его время, вып. II. Калининград, 1976, с. 72—73).

⁶⁰ См.: Добролюбов Н. А. Первое полн. собр. соч., т. I, с. IV.

⁶¹ Рейсер С. Литературное наследство и проблемы текстологии Н. А. Добролюбова. — Вопросы литературы, 1961, № 11, с. 68.

⁶² См.: Н. А. Добролюбов. Русские классики. М., 1970, с. 540—541.

⁶³ Примечательная подробность: Лемке всюду подозревал подделки. Так, по первому впечатлению, без каких-либо доказательств, он объявляет фальшивкой статью «Русская колония» Герцена, помещенную в «Русском слове» (1913, № 103, 4 мая; см. недатированное письмо К. И. Чуковского к Лемке: ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 1207), а позднее сам же включает ее в собрание сочинений (Герцен, XIX, 415—418). Затем он указывает на подделку «муравьевской оды» Некрасова (см. письмо К. И. Чуковского к Лемке от 4 июля 1919 г.: ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 1207). Текст, отмеченный Лемке, действительно не был некрасовским, но вместе с тем он и не был поддельным, а принадлежал иному лицу (см.: Бухштаб Б. Я. О тексте «муравьевской оды» Некрасова. — В кн.: Бухштаб Б. Я. Библиографические разыскания по русской литературе XIX столетия. М., 1966, с. 109—116).

Герцена, включавший письмо 839 и комментарий к нему, был набран в мае 1915 г. и позднейшей правке не подвергался (это видно из переписки Лемке с Р. В. Ивановым-Разумником, державшим корректуру издания).⁶⁴ Комментарий к письму был составлен не позже июля 1914 г. (ибо в августе Лемке был мобилизован в действующую армию) и не ранее, чем в конце 1911 г., когда вышла книга М. О. Гершензона «Образы прошлого», на которую Лемке ссылается (Герцен, VIII, 269).⁶⁵ Что касается текста письма, то, возможно, он предназначался для другого труда — о Некрасове.⁶⁶

У Лемке была подсобная картотека, к которой с разрешения владельца иногда допускались К. И. Чуковский⁶⁷ и В. Е. Евгеньев-Максимов.⁶⁸ В 1916 г. В. Е. Евгеньев-Максимов, заручившись ходатайством Р. В. Иванова-Разумника,⁶⁹ писал Лемке: «... не разрешите ли Вы мне прочесть ту часть Вашего комментария к сочинениям Герцена, в которой Вы говорите об огаревском деле <...> Я заканчиваю большую статью „Некрасов и люди сороковых годов“ (пойдет в «Голосе минувшего») и хотя в ней не буду особенно подробно останавливаться на отношениях Герцена и Некрасова, но все же, не зная, как Вы смотрите на эти отношения, боюсь провраться».⁷⁰ На этот раз Лемке ответил категорическим отказом.⁷¹ Объяснить это можно тем, что в том же письме сообщалось о допуске в те же архивы, где в свое время работал Лемке. Фиктивная архивная ссылка на фонды III отделения могла быть раскритикована.

Как уже отмечалось выше, К. И. Чуковский критически отозвался о комментариях Лемке к письму 839. В частности, он писал: «Для нас, например», многое в этом документе сомнительно, и мы хотели бы, чтобы Мих. Лемке, с помощью имеющихся у него материалов, эти наши сомнения рассеял».⁷² Это замечание, прежде чем оно появилось в печати, было высказано в устной форме и притом в присутствии Лемке — во время доклада в Доме искусств.⁷³ Реакция Лемке была болезненной:

⁶⁴ 26 мая 1915 г. Р. В. Иванов-Разумник известил Лемке о том, что пять дней тому назад были набраны 16—24-й листы восьмого тома (письмо 839 с приложенным к нему комментарием было помещено в составе 17-го листа) (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473, л. 35). Тираж 1917 г. печатался по этой корректуре без сколько-нибудь заметных вставок, ибо нумерация страниц полностью сохранилась (там же, л. 37).

⁶⁵ О напечатании книги см.: Книжная летопись Главного управления по делам печати, 1911, № 48, 3 декабря (под № 29102).

⁶⁶ См. дневниковую запись Лемке от 23 мая 1913 г. (после встречи с К. И. Чуковским): «Чуковский серьезно взялся за Некрасова. Увидел, что хорошо может сделать эту работу, о которой я все еще мечтал до последнего времени. Но теперь, конечно, брошу. Я дал ему все указания, какие мог, *ничего не скрыл, чего он не ожидал*» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 14, л. 226 об.—227). Последняя фраза (курсив мой) вряд ли подразумевает «некрасовское» письмо.

⁶⁷ См.: Чуковский К. И. Что вспомнилось, с. 81.

⁶⁸ См. письмо В. Е. Евгеньева-Максимова к Лемке, датируемое 15 мая 1915 г.: ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 412, л. 2—2 об.

⁶⁹ См. письмо Р. В. Иванова-Разумника к Лемке от 27 марта 1916 г.: ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473, л. 55.

⁷⁰ ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 412, л. 4 (письмо от 24 марта 1916 г.).

⁷¹ Там же, л. 5 (объяснительное письмо В. Е. Евгеньева-Максимова к Лемке от 2 апреля 1916 г.). См. также ответное письмо Лемке от 11 апреля: Царькова Т. С. Корреспонденты-некрасоведы профессора В. Е. Евгеньева-Максимова. — В кн.: Некрасов и русская литература. Ярославль, 1976, с. 106; полный текст письма Лемке см.: Музей-квартира Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 38, ед. хр. 46.

⁷² Чуковский К. И. Жена поэта, с. 24.

⁷³ Чуковский К. И. Что вспомнилось, с. 81. К. И. Чуковский запомнил точную дату доклада — не 1919 г., а май 1920 г. (см.: Дом искусств, 1921, № 1,

«Он порывисто сорвался с места и, бормоча ругательства, демонстративно покинул зал».⁷⁴ Как мы видим, Лемке боялся разоблачения.

* * *

Зная о неподлинности письма, легче заметить то, что должно было привлечь на себя внимание изначально: на его близость к определенному кругу литературных источников.

Многие мысли и выражения этого письма можно встретить в тех документах, которые были знакомы Лемке и им же в значительной части приведены в собрании сочинений Герцена.

Прежде всего нужно отметить определенное соответствие отдельным мотивам из переписки Некрасова. Обещание в интересующем нас письме сохранить все происшедшее в тайне напоминает высказывание Некрасова о Панаевой в письме к Тургеневу от 5 апреля 1861 г.: «По-моему, всякая история, увеличивающая гласность дела, где замешана женщина, глупа и бессовестна» (X, 448).⁷⁵ В этих словах (не вполне соответствующих поведению Некрасова) виден прообраз этической ситуации, развитой в анализируемом письме.

Несомненное сходство — не только в этической ситуации, но и в характере чувства, и в поведении, и в выражениях — наблюдается при сравнении «некрасовского» письма с письмами Герцена к Н. А. Огаревой-Тучковой и к Огареву: обещание хранить тайну, готовность взять все последствия на себя, горький упрек подруге в неблагодарности, презрение к самому себе.

Почти для каждой частной подробности, фигурирующей в письме и создающей иллюзию достоверности, можно найти аналогию в мемуарах и переписке.

Выражение «этот грех я навсегда принял на себя» воспринимается как измененная фраза из герценовского письма к Огареву от 3 июня 1867 г.: «Я беру весь крест и все последствия на себя».⁷⁶

«Ужасное дело по продаже имения Огарева» — это отголосок воспоминаний Анненкова о «даровом захвате имения», принадлежавшего Огареву.⁷⁷

«Женщина, всеми оставленная» — это сведение (неверное) сообщается в мемуарах Огаревой-Тучковой, где говорится о М. Л. Огаревой, якобы оставленной «без всяких средств к существованию» и содержавшейся «Христа ради каким-то крестьянским семейством близ Парижа».⁷⁸

с. 69). Упомянутый выше отклик Лемке (в июльском номере «Книги и революции» за 1920 г.) на публикацию К. И. Чуковского явился актом «возмездия» за доклад Лемке, между прочим, писал: «Делать доклад для буржуазно-развращенной массы <...> это одно <...> а давать свободному русскому народу памятники его культуры в виде беспашабашно-одесского фельетона — это, как говорят в той же Одессе, две большие разницы» (Книга и революция, 1920, № 1, июль, с. 36). Лемке явно уклонялся от полемики по существу и переходил на личности, намекая на то, что К. И. Чуковский вырос в Одессе и начинал там свой путь журналиста.

⁷⁴ Чуковский К. И. Что вспомнилось, с. 81.

⁷⁵ См. также: Пыпин А. Н. Н. А. Некрасов. СПб., 1905, с. 199 (книгу Пыпина Лемке цитирует, см., например: Герцен, VIII, 271).

⁷⁶ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XXIX, кн. 1, с. 113 (см. у Лемке: Герцен, XIX, 341).

⁷⁷ Анненков и его друзья. СПб., 1892, с. 116 (цитаты из этой книги см.: Герцен, VIII, 279—281).

⁷⁸ Огарева-Тучкова Н. А. Воспоминания (1848—1870). М., 1903, с. 307 (см. ссылку на эти воспоминания: Герцен, VIII, 275).

«... вряд ли Анненков не знает той части правды, которая известна Тургеневу» — источник этого уточнения просматривается в воспоминаниях тургеневского корреспондента — Анненкова, а также в письме самого Некрасова к Тургеневу от 7 июня (26 мая) 1857 г., в словах об истории «огаревского дела»: «Ты лучше других можешь знать, что я тут столько же виноват и причастен, как и ты, например» (X, 340).⁷⁹

Транскрипция «Шамшиев» (вместо «Шеншиев» и затем «Шаншиев» у Некрасова) воспроизводит транскрипцию Огарева в его показаниях III отделению.⁸⁰ В изложении «огаревского дела» этот источник для Лемке был основным (Герцен, VIII, 269; см. также: VI, 171; X, 478). Та же транскрипция принята в работах М. О. Гершензона об Огареве.⁸¹

Вряд ли будет ошибкой сказать, что эффектный конец письма («Не утешаешься ли ты изречением мудреца: нам не жить со свидетелями нашей смерти?!») восходит к начитанности публикатора.⁸²

Не лишним будет также отметить своеобразную связь комментария к письму 839 с воспоминаниями Панаевой, но связь по принципу антитезы. Так, в передаче Панаевой Некрасов признается, что не считает себя «безупречным рыцарем». ⁸³ В комментариях Лемке, построенных на «обнаруженном» им письме, изображается «рыцарская защита чести любимой женщины» (Герцен, VIII, 272).⁸⁴ Панаева пишет о «грязном поступке», в котором несправедливо был обвинен Некрасов.⁸⁵ Лемке аналогичным образом обвиняет саму Панаеву: «виновница всего грязного дела» (там же).

Первообраз архивной справки находим в фондах III отделения. У Лемке: «Дело <...> о частных письмах <...>, ч. 2-я»; в архиве: «Книга по частным сведениям <...>, часть 2-я». ⁸⁶ Лемке был знаком с этой описью (Герцен, XI, 41—42), куда вошли аннотации писем, подвергнутых перлюстрации в 1857 г., во втором полугодии. Отсюда и датировка письма, и ссылка на перлюстрацию.

Самый зыбкий, а вместе с тем и самый наглядный признак неподлинности письма — литературный. Мотивы тайны и мистификации, исключительность ситуации (как ограбленная подруга, поработоченный друг, замысел нового преступления), крайние проявления добра и зла — все это слишком напоминает литературные образцы, и прежде всего авантюрный роман.

Некрасов в этом письме не просто «рыцарь», а рыцарь-фанатик. Пусть он невиновен, пускай его незаслуженно презирают, пусть совершившая преступление подруга предпринимает «ужасный шаг», он будет скрывать ее низкое поведение и брать вину на себя. В этом самоуничтожении — крайняя гордость, поза судьбы, упоение собственным благо-

⁷⁹ См. также: Пыпин А. Н. Н. А. Некрасов, с. 170.

⁸⁰ ЦГАОР, ф. 109, 1-я экспедиция, 1849 г., д. 67, ч. 1.

⁸¹ См.: Гершензон М. Образы прошлого. М., 1912, с. 529. Лемке цитирует эту книгу (Герцен, VIII, 269). Транскрипция «Шамшиев», употребленная Лемке в комментариях, фигурирует и в письме Е. Я. Колбасина Тургеневу от 26 ноября 1860 г. (Герцен, X, 478).

⁸² К сожалению, источник цитаты обнаружить не удалось. Здесь мог бы помочь каталог библиотеки, принадлежавшей Лемке (библиотека была приобретена «Международной книгой»).

⁸³ Головачева (Панаева) А. Я. Русские писатели и артисты (1824—1870). СПб., 1890, с. 330 (см. ссылки Лемке на эту книгу: Герцен, VIII, 272, 273).

⁸⁴ Ср. свидетельство Н. К. Михайловского: «...хоть „на час“, но Некрасов бывал „рыцарем“» (Михайловский Н. К. Отклики, т. II. СПб., 1904, с. 39).

⁸⁵ Головачева (Панаева) А. Я. Русские писатели и артисты, с. 330.

⁸⁶ Подробную характеристику этой единицы хранения см.: Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский. . . , с. 214—245.

родством. Всюду моралистический тон, сентенции с приведением цитат; ни в чем не заметно живого чувства, вместо него навязчивые идеи, будь то мысль о принесенной жертве или сознание своей обреченности. Соответственно и Панаева здесь не живое лицо, а маска, застывшая в выражении алчности и тиранства.

Эти образы, представляющие лишь отвлеченные свойства характеров — сверхблагородство и крайнюю низость, не имеют портретного сходства прежде всего потому, что они являются произвольным беллетристическим результатом усилий, которым недостает необходимой культуры письма.

Такое же впечатление оставляет стиль послания: «нажим» на эпитеты («ужасное дело», «ужасный шаг», «страшная жертва»), игра на контрастах («честь — позор», «вся жизнь — до смерти», «навсегда — никогда — хоть раз»), однообразная лексика («грех», «преступление», «клеймо»), стертые образы («не выверну слов наизнанку», «презрение <...> не смыть», «в упор спросил»), громкая фраза «под занавес» («Не утешаешься ли ты изречением» и т. д.).

Ни личность, ни стиливая манера Некрасова не были образцами для исполнителя. Перед нами тот случай, когда успех архивной «находки» связан не с имитацией текста, а с его самодовлеющим содержанием.

Публикация Лемке принадлежит своему времени — той эпохе, когда осведомительное движение прошлого века стало впервые предметом исследования. Среди прочих сложных проблем, вставших перед историками, возникла проблема «Некрасов и Герцен». Любовь к поэту и уважение к редактору «Современника» и «Отечественных записок» не примирились с тем обвинением, которое Герцен высказал недвусмысленно, — с обвинением в корыстной причастности к «огаревскому делу».

Эта ситуация породила — вследствие недостатка документальных данных — версию о тайной и добровольной зависимости Некрасова от Панаевой. Лемке не первый выдвинул эту версию. В 1902 г. однофамилица поэта Е. С. Некрасова написала статью, в которой доказывалось, что Некрасов мог отвести, но не отвел по моральным соображениям обвинение Герцена. «Ведь для доказательства своей невиновности, — писала Е. С. Некрасова, — он должен был свалить всю вину на женщину, да еще любимую, отдать ее на публичный позор и при этом неминуемо открыть свое отношение к ней не только перед публикой, но и перед ее мужем. На это он не пошел. У него был рыцарский взгляд на дело, где замешана женщина».⁸⁷

Неубедительность этой концепции стала ясна для самой Е. С. Некрасовой. Статья была предназначена для «Русской мысли», но в редакцию не поступила. «Не могу решиться ее напечатать: я чересчур чувствую сделанную мной натяжку», — писала Е. С. Некрасова редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву 17 ноября 1902 г.⁸⁸

Лемке, возможно, знал содержание этой статьи. Он переписывался с Е. С. Некрасовой⁸⁹ и имел доступ к ее архиву (Е. С. Некрасова умерла в 1905 г. — Герцен, VIII, 239, 271). Нетрудно заметить, что Лемке руко-

⁸⁷ Некрасова Е. С. Герцен и Некрасов. — ГБЛ, ф. 196, карт. 1, ед. хр. 18, л. 61.

⁸⁸ См.: Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский..., с. 300. См. также примечание Е. С. Некрасовой на обложке статьи: «Рукопись, где все усилия употребляю, чтобы оправдать Некрасова, и чувствую, какую натяжкой дышит мое оправдание» (ГБЛ, ф. 196, карт. 1, ед. хр. 18).

⁸⁹ См. письма Лемке к Е. С. Некрасовой: ГБЛ, ф. 196, карт. 15, ед. хр. 5. Письма Е. С. Некрасовой к Лемке см.: ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 773.

водили те же чувства, какими был продиктован замысел Е. С. Некрасовой: он хотел оградить Некрасова от обвинений, предъявленных Герценом, не задевая авторитета последнего. Только такой вариант «письма», в котором Некрасов является жертвой слухов, распространяемых им же самим, чтобы ввести в заблуждение и Герцена, ради спасения чести Панаевой, — только такой «документ» отвечал поставленной цели. И Лемке его «обнаружил» и обнародовал.

В комментариях Лемке писал: «С чувством полного нравственного удовлетворения могу сказать, что такая оценка Некрасова, какую неоднократно повторял Герцен, а с ним и после него еще целый ряд современников, совершенно неверна. Истинное положение дела, наоборот, еще раз рисует нам Некрасова с положительной стороны» (Герцен, VIII, 268).

Публикуя несуществующее письмо, с фиктивной архивной справкой, Лемке, разумеется, рисковал. Однако риск был не слишком велик, ибо архивом III отделения ведал Департамент полиции, допускавший в свои фонды немногих исследователей, лишь по представлению министра внутренних дел. Сенатский архив был также доступен немногим. Лемке был, например, уверен, что к делу о Чернышевском, кроме него, «никто <...> допущен не был» и что оно «никому больше не известно».⁹⁰ После того как допуск в архив III отделения был прекращен, Лемке дважды просил разрешения возобновить прерванную работу, но получал «немотивированный отказ» и пришел к заключению, что запрет распространялся на всех ученых «прогрессивного образа мыслей» (Герцен, I, с. IX—X). Поэтому, видимо, он и решился выступить с рискованной публикацией.

Как могла эта публикация более полувека остаться незаподозренной? Много вызывало сомнение: и невозможность найти документ в хорошо сохранившихся фондах III отделения, и дата письма, и противоречия фактам некрасовской биографии и обстоятельствам «огаревского дела», но, несмотря на все это, письмо продолжало считаться некрасовским.

Объяснение нужно искать, вероятно, в научном авторитете Лемке. Сомнения ученых таяли перед доверием к знатоку редких книг и труднодоступных архивов: «такой авторитетный исследователь, как Лемке...»;⁹¹ «М. К. Лемке, неоспоримые архивно-книжные знания которого...»;⁹² «крупный ученый, человек весьма компетентный в вопросах библиографического порядка»,⁹³ и т. п.

Действительно, Лемке был в свое время наиболее энергичным публикатором документов из архивов III отделения, Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел, Сената и других государственных учреждений, — документов, значение которых было огромно и для науки, и для текущей общественной жизни. Это и материалы цензуры, и следственные дела Чернышевского, Герцена, М. И. Михайлова и многих других. Кроме того, к Лемке стекались документы из частных собраний. Он был знатоком русской пореформенной журналистики, в том числе эмигрантской. Крупнейшим итогом его трудов явились собрания сочинений Герцена и Добролюбова, ставшие базой для всех последующих изданий. Комментарий к собранию сочинений Герцена в 800 печат-

⁹⁰ См.: Добролюбов Н. А. Первое полн. собр. соч., т. I, с. IV.

⁹¹ Чуковский К. И. Жена поэта, с. 23.

⁹² Шестериков С. Ненайденная повесть Некрасова «Как я велик!». Библиографическая загадка. — Литературное наследство, т. 49—50, с. 611.

⁹³ Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. II, с. 199.

ных листов дал Лемке «непререкаемое право на прочную, долгую, глубокую благодарность всех друзей русской литературы».⁹⁴

Сколько бы, однако, ни было велико чувство естественного доверия к неутомимому публикатору, оно неизбежно вступает в противоречие с объективной логикой фактов, накапливаемых Некрасоведением. Неслучайно «некрасовское» письмо, хотя и считающееся до сих пор подлинным, плохо усваивается литературой.⁹⁵ К нему обращаются только в случаях внешней необходимости — когда нужно привлечь все материалы по «огаревскому делу». Эта реакция отторжения сама по себе выступает симптомом недоверия к документу.

В случаях сомнительной публикации, относящейся к прошлому времени, объектом внимания становится сам публикатор.

Обратимся к научно-этическим взглядам Лемке.

От историка — в том числе и от историка современности — Лемке требует честности. Это требование, естественно, он предъявляет и к самому себе. В период войны 1914—1917 гг., находясь в царской ставке в должности главного цензора (т. е. отвечая за перлюстрацию переписки), Лемке тайно копирует документы с грифом «секретно». Незадолго до смерти он публикует их и в предисловии к книге пишет: «...я смотрел на свой труд как на отчет перед собственной совестью <...> Я весьма внимательно следил за собою и всегда соблюдал основное требование к такого рода историческим источникам — правдивость и искренность».⁹⁶ Если мы обратимся к первым выступлениям Лемке в печати в качестве журналиста, то мы увидим то же требование честности в сочетании с пламенно выраженной партийностью. В 1900 г. в письме к Н. К. Михайловскому Лемке пишет о том, что он хочет «высоко держать знамя честного работника вполне определенного лагеря» и что он «фанатически предан» и «фанатически во всем» следует его, Михайловского, взглядам.⁹⁷

Лемке решительно не принимает академизма: «...это что-то мертвое, холодное, бесстрастное, что-то уже не человеческое, что-то лишнее любви к человеку, что-то за пределами его горячих исканий, что-то недоступно важное».⁹⁸

Все эти моменты — «фанатическая» партийность, пыл полемиста, «горячая» любовь к предмету занятий, повышенный интерес к разного рода мистификациям — соединились в обстоятельствах появления и даже в сюжете «некрасовского» письма, в его общем духе, и это лишний раз указывает на то, что именно Лемке был автором документа.

Средства, к которым прибегнул Лемке, противоречили цели и привели к непредвиденным результатам. Включенное в корпус некрасовских сочинений, рассмотренное письмо понижает авторитет Некрасова.

Лемке писал о Некрасове: «Мы отнюдь <...> не склонны поощрять изображение кого бы то ни было, а Некрасова меньше других, иконой, не допускающей жизненной реставрации. Нет, все это старо и пошло и постепенно уже выходит из обихода нашей литературы».⁹⁹ Но вопреки

⁹⁴ Мендельсон Н. Судьба литературного наследия А. И. Герцена, с. 286.

⁹⁵ Может быть, не случайно в собрании сочинений Некрасова в 8 томах (М., Гослитгиздат, 1965—1967) публикация Лемке не воспроизводится.

⁹⁶ Лемке Мих. 250 дней в царской ставке. Пг., 1922, с. XVI.

⁹⁷ См.: Вандалковская М. Г. М. К. Лемке — историк русского революционного движения, с. 12.

⁹⁸ Лемке Мих. 250 дней в царской ставке, с. 644.

⁹⁹ Маврин М. [Лемке М.]. Неизданные произведения Н. А. Некрасова. (Рец.), с. 36.

этой декларации Некрасов в письме, о котором мы говорим, приобретает иконописный облик.

В 1906 г. Лемке писал с искренним возмущением о жандармах, сфабриковавших подложные документы для осуждения Чернышевского,¹⁰⁰ а спустя одиннадцать лет сам напечатал несуществующее письмо для обвинения Панаевой в «преступлении».

Выходящее ныне первое академическое собрание сочинений и писем Некрасова будет свободно от публикации Лемке.

¹⁰⁰ Лемке М. К. Дело Н. Г. Чернышевского (по неизданным материалам). — Былое, 1906, № 3—5. См. также переиздания: Лемке Мих. 1) Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского (по неизданным документам). СПб., 1907, с. 201—502; 2) Политические процессы в России 1860-х гг., с. 161—502.

II. ПОЛЕМИКА

О. В. Алексеева

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНОМ ТЕКСТЕ «ПИРА НА ВЕСЬ МИР»

В Некрасоведении среди других проблем до конца еще не разрешена проблема основного текста «Пира на весь мир» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». История написания и попыток публикации его в целом известна. Эта часть поэмы была завершена уже тяжелобольным поэтом в сентябре—октябре 1876 г. и набрана в составе 11-го номера «Отечественных записок» за 1876 г. Однако последовал строжайший цензурный запрет, и «Пир на весь мир» был вырезан из всех экземпляров тиража журнала. В донесении председателя С.-Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрова начальнику Главного управления по делам печати В. В. Григорьеву говорилось: «Стихотворение Некрасова „Пир на весь мир“, которое вследствие изображенных в нем возмутительных сцен крепостного права, мученичества русского солдата и вообще народного безысходного горя до такой степени смуцало цензуру, что мы готовились войти с представлением об аресте ноябрьской книжки».¹

На больного поэта цензурный запрет произвел тягчайшее впечатление. В том же месяце М. Е. Салтыков-Щедрин писал П. В. Анненкову: «Месяц тому назад возвратился сюда Некрасов из Крыма. Не просто больной, а безнадежно <...> И вот этот человек, повитый и воспитанный цензурой, задумал и умереть под игом ее. Среди почти невыносимых болей написал поэму, которую цензура и не замедлила вырезать из 11-го №. Можете сами представить себе, какое впечатление должен был произвести этот храбрый поступок на умирающего человека. К сожалению, и хлопотать почти бесполезно: все так исполнено ненависти и угрозы, что трудно даже издали подступиться».²

И все же Некрасов пытался получить разрешение цензуры на печатание «Пира на весь мир». По свидетельству Н. А. Белоголового, больной поэт «несколько раз принимался за переделки поэмы, пользуясь короткими промежутками между страшными болями и записывая стихи на отдельных листах бумаги».³ На основании записи, сделанной А. Н. Пыпиным в записной книжке от 15 января 1877 г., можно полагать, что Некрасов делал попытку поместить «Пир» еще в декабрьском номере «Отечественных записок» («У Некрасова <...> Он рассказывал, что делается с его стихотворением „Пир на весь мир“. Его вынули из декабрьской книжки»⁴). Отчасти Некрасов был введен в заблуждение передан-

¹ Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 221.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. XIX, кн. 1. М., 1976, с. 33.

³ Белоголовый Н. А. Воспоминания. М., 1897, с. 451.

⁴ Литературное наследство, т. 49—50. М., 1946, с. 190. Возможно, Пыпин ошибочно называет ноябрьский номер «Отечественных записок», из которого был вырезан «Пир». «декабрьской книжкой».

ным ему известием о том, что В. В. Григорьев в частном разговоре якобы подавал надежду на положительное решение Цензурным комитетом вопроса о публикации «Пира».

Поэт снова пытается поместить свое произведение — уже в январской книжке «Отечественных записок» за 1877 г. и «одновременно сделать другую вещь: теперь же выпустить книжку своих стихов, поместить туда „Пир“ и новые стихотворения и представить в цензуру, которой нечего будет сказать против этого издания».⁵ Некрасов посылает В. В. Григорьеву письмо, где, в частности, говорится: «... теперь прибегаю к вашему превосходительству с просьбою ускорить решение по этому делу, т<ак> к<ак> поэма моя предназначена в № 1 „Отечественных Записок“, срок выхода которого приближается». Далее Некрасов указывает на те изменения («жертвы»), которые он был вынужден внести в текст: «Я принес некоторые жертвы цензору Л<ебедеву>, исключив солдата и две песни, но выкинуть историю о Якове, чего он требовал под угрозой ареста книги журнала, не могу — поэма лишится смысла... Я же, признаюсь, жалею и тех мест, на исключение которых согласился, — я это сделал против убеждения» (XI, 407—408).

Вся работа большого поэта над «Пиром» в это время была подчинена одной цели: провести сквозь цензуру запрещенное произведение. Состояние его с начала 1877 г. было крайне тяжелым, работать он мог лишь урывками. Вполне естественно, что большинство изменений, внесенных Некрасовым в текст, было вызвано цензурными соображениями. Это действительно были «жертвы», приносимые поэтом, по словам А. А. Буткевич, «со скрежетом зубов, лишь бы последнее, дорогое ему детище увидело свет».⁶ Но «Пир на весь мир», несмотря ни на сокращения, ни на исправления, внесенные поэтом специально для цензуры, так и остался под запретом. По всей видимости, Некрасов был вынужден признать бессмысленность всех попыток протащить «Пир» сквозь цензуру. В минуты, когда боли отступали (см. в письме к П. А. Ефремову от 14—15 марта 1877 г.: «... дошел до того, что в сознании бываю редко...» — XI, 410), он продолжал работать над другими своими произведениями.

Судьба текста, вырезанного из всех номеров тиража ноябрьского журнала, становится ясной из донесения А. Г. Петрова В. В. Григорьеву: «Вырезанные из ноябрьской книжки „Отечественных Записок“ экземпляры все хранятся в целости под замком в типографии <...> У Краевского есть экземпляр корректурных листов; может быть, есть несколько экземпляров корректурных листов у Некрасова (не более 10), остальные же 8100 экземпляров вырезок целы в типографии. Краевский предлагает их сжечь. Чтобы это было исполнено келейно, я могу командировать к присутствию при этом помощника секретаря комитета».⁷ Оттиски, хранящиеся в типографии, были, таким образом, уничтожены без особой огласки. До нашего времени, однако, дошли по крайней мере два экземпляра. Один из них, дефектный, хранится в Рукописном отделе ИРЛИ АН СССР, другой, полный, — в библиотеке ИРЛИ АН СССР среди книг, принадлежавших А. Ф. Кони.⁸ Именно этот текст «Пира» в 1877—

⁵ Литературное наследство, т. 49—50, с. 191—192.

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Письма 1845—1889. — В кн.: Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Л., 1924, с. 021.

⁷ Литературное наследство, т. 49—50, с. 222.

⁸ В воспоминаниях о Н. А. Некрасове А. Ф. Кони упоминает о том, что он получил от поэта «отдельный оттиск той части „Кому на Руси жить хорошо“, в которой изображена эта пронская история («Про холопа примерного — Якова верного», — О. А.) в потрясающих стихах» (Кони А. Ф. Собр. соч., т. 6. М., 1969, с. 264).

1880 г. широко распространялся в списках и подпольных изданиях, закрепляя, таким образом, редакцию 1876 г. В упоминавшемся донесении А. Г. Петрова от 18 февраля 1877 г. с тревогой отмечалось распространение этого текста: «Стихотворение Некрасова „Пир на весь мир“ <...> исключенное из ноябрьской книжки 1876 г. „Отечественных Записок“, ходит по городу <...> Стихотворение это распространяется в рукописных списках».⁹ Текст «Отечественных записок» 1876 г. (в дальнейшем будем называть его «оттиском») насчитывает 1786 строк: основная часть (1—1417) и «Эпилог» (с подзаголовком «Гриша Добросклонов»), состоящий из трех небольших разделов, обозначенных римскими цифрами.

Прямыми документами, подтверждающими намерение Некрасова поместить «Пир» в «Последних песнях», мы не располагаем. Но Л. А. Евстигнеева — вероятно, на основании записной книжки А. Н. Пыпина — говорит о попытке поэта напечатать «Пир» в отдельном издании последних своих произведений «В черные дни», для чего им, по ее мнению, были подготовлены корректурные листы.¹⁰ Эти листы с правкою самого Некрасова содержат отрывок из текста оттиска, озаглавленный «Доброе время — добрые песни» и имеющий подзаголовок «Эпизод из поэмы „Кому на Руси жить хорошо“».¹¹ В исследовательской литературе эта корректура осталась практически незамеченной, о ее существовании лишь кратко сообщает сама Л. А. Евстигнеева.¹² Текст, содержащийся на корректурных листах, уже носит следы позднейшей по сравнению с оттиском правки. Остановимся на этой авторской правке. Намереваясь опубликовать «Пир» хотя бы в виде отрывка, Некрасов был вынужден переделать начало произведения, вводящее читателя в сюжет, конкретно обозначить место действия, ибо связь с предшествовавшей главой («Последышем») в отрывке, естественно, обрывалась, и начало полного «Пира» уже не соответствовало «Эпизоду». Так появляются новые начальные строки:

В конце села «Вахлатчина»,
Где житель — пахарь исстари
И частью смолокур.

После заглавия и подзаголовка Некрасов выставляет дату: 1861. В сочетании с самим названием отрывка — «Доброе время — добрые песни» — дата эта приобретает весьма тенденциозный характер. Она явно предназначена для цензуры, это своего рода маскировка. Желая во что бы то ни стало опубликовать хотя бы отрывок новой части и боясь очередного цензурного запрета, Некрасов идет и на то, что уже именно здесь вводит строки, которые противоречат не только смыслу самой поэмы, но и всей сущности его поэзии в целом:

Доброе время,
Великое время!
Славься народу
Давший свободу.
Дело любви,
Господи правый,
Счастьем и славой
Благослови!..

⁹ Литературное наследство, т. 49—50, с. 222.

¹⁰ Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?». — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. М., 1971, с. 412.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 191 (фонд П. А. Ефремова), оп. 1, № 493.

¹² Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова... с. 412.

Первые две строки Некрасов вычеркивает в корректуре для того, чтобы вынести их как первый вариант заглавия всего отрывка. Поэт убирает и набранные на корректурном листе строки:

Крестьянам письма к сродникам
Писали, «Положение»,
Как вышло, толковали им.

Некрасов не мог оставить эти строки, так как они явно противоречили вынужденному прославлению «доброего времени» и 1861 г. — года реформы. Строки давали понять, что крестьяне отнюдь не собирались одобрять «Положение». Они трактовали его по-своему, вычитывали в нем и то, чего там не было, а чаще вместо царского манифеста создавали свои «золотые грамоты», которые гарантировали им землю и волю. Именно под этим лозунгом и проходило крестьянское движение 60—70-х годов XIX в. Что же касается еще более острых в цензурном отношении мест, то они вообще не включались в этот «Эпизод», который тем не менее так и не увидел света.

Как известно, в официальной печати «Пир на весь мир» появился лишь в 1881 г. на страницах февральского номера «Отечественных записок» в «искаленном виде» (А. А. Буткевич). В этой публикации отсутствуют песни «Веселая», «Солдатская», рассказ о «пенции» и солдатских ранах (диалог Клима и солдата), исключены и отдельные строки:

Которых вместо барина
Драть будет волостной...
Что сраму-то! За девками
Гонцы скакали тройками
По нашим деревням...

и

(В те времена хорошие
В России дома не было,
Ни школы, где б ни спорили
О русском мужике).
Ему все разом вспомнилось,
Что видывал, что слыхивал,
Живя с народом сам,
Что думывал, что читывал,
Все, даже и учителя
Отца Аполинария
Недавние слова:
«Издrevле Русь спасалася
Народными порывами».
(Народ с Ильею Муромцем
Сравнил ученый поп).

В других местах по сравнению с оттиском 1876 г. произведены явно цензурные замены, происхождение которых до сих пор документально не установлено. Позволим себе подробнее процитировать эти замены.

Вместо строк

Слава творцу вездесущему
Днесь и во веки веков!

завершающих легенду о двух великих грешниках, напечатано:

Господу богу помолимся:
Милуй нас, грешных рабов!

Вместо

А их по всей вахлячине
По году гроша не было!

Вахлак тянул «Голодную»
И без соли — приправленный
Корою хлеб жевал.
И то уж благо: с Домною
Делился им

напечатано:

А их по всей вахлачине
Не густо! Благо хлебушком
Вахлак делился с Домною.

Вместо

Кому отдаст всю жизнь свою
И за кого умрет

напечатано:

Что будет жить для счастья
Убогого и темного
Родного уголка.

Вместо

«Средь мира долнего
Для сердца вольного
Есть два пути.
Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую,
Каким идти?
Одна просторная
Дорога торная...»

напечатано:

Нейди просторною
Дорогой торною...

Вместо

Другая гесная,
Дорога честная,
По ней идут
Лишь души сильные,
Любвеобильные
На бой, на труд.
За обойденного,
За угнетенного,
Умножь их круг!

напечатано:

Иные чистые
Пути тернистые
Обретенны...

Вместо

Недаром песнь призывную
Поет — ей внемлют чистые, —
Немало Русь уж выслала
На честные пути
Сынов своих, отмеченных
Печатью дара божьего,
Как тот рыбац архангельский,
Что памятен до днесь.
Как ни темна вахлачина,
Как ни забита барщиной
И рабством — и она,
Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца...

напечатано:

Недаром с чудной песнею
Над Гришею витал.
Года ученья минули,
И юноша, отмеченный
Печатью дара божьего,
Стал пылким и восторженным
Певцом освобождения

Униженных, обиженных
На всей святой Руси.

В журнальном тексте 1881 г. появляются и новые строки, рассчитанные исключительно на цензуру:

Там все мои товарищи
Гуляют с полной пенцией,
Там дело разберут!

и

Славься народу
Давший свободу
и т. д.

На наш взгляд, все изменения, за незначительными исключениями, внесенные в текст ноябрьского номера «Отечественных записок» 1876 г. и появившиеся в печатном тексте 1881 г., являются результатом приспособления этой части поэмы к цензурным условиям.

Что же касается строк, предвещающих песню «Русь»:

Битву кровавую
С сильной державою
Царь замышлял.
Хватит ли силушки?
Хватит ли золота?
Думал, гадал,

которые как бы переадресуют всю песню, прикрепляя ее к размышлениям царя о внешних врагах, то некоторые исследователи обычно считают их принадлежащими последней редакции «Пира». А. М. Гаркави, например, пишет: «Тяжело переживая запрещение „Пира на весь мир“, Некрасов переделал его, чтобы приспособить к цензурным условиям <...> А к песне „Русь“, в которой поэт прославляет поднимающийся на революционную борьбу народ, он присочинил стихи, создавая впечатление, будто речь идет о войне с внешними врагами».¹³ На самом же деле Некрасову пришлось ввести эти строки не после запрещения «Пира», а уже в наборную рукопись, они присутствуют в оттиске и сохраняются в списках и нелегальных изданиях. Поэт понимал невозможность публикации песни без своеобразной ее маскировки: лишь в первоначальном варианте, записанном на отдельном листе, начальных строк текст этой песни не имеет и она называется «Песня Гришина».

В издании 1881 г. текст «Пира» оказался разделенным на пять глав и вступление; четыре главы имеют названия: «Горькое время — горькие песни», «Странники и богомольцы», «И старое и новое», «Доброе время — добрые песни»; последняя небольшая главка оставлена без названия. Все главы имеют римскую нумерацию, причем последняя, пятая по счету, ошибочно обозначена, как и предыдущая, четвертой. Название IV главы, как мы уже отмечали, является вариантом заглавия корректуры «Эпизод из поэмы...», правленной Некрасовым, но это название явно противоречит содержанию самой главы: среди «добрых» песен звучит «Соленая». К сожалению, нам неизвестны ни экземпляр всего текста «Пира», по которому набирался он в 1881 г., ни заметки «на отдельных листах», которые делал Некрасов, изменяя текст оттиска 1876 г.¹⁴ Мы

¹³ Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 199.

¹⁴ Л. А. Евстигнеева полагает, что А. А. Буткевич сделала список «Пира», который зафиксировал «последнюю творческую правку Некрасова» (Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова..., с. 430). Список

располагаем лишь посмертным печатным текстом 1881 г. Обстоятельства публикации его остаются пока еще мало проясненными. Нами обнаружены лишь три корректурных листа текста «Отечественных записок» 1881 г.¹⁵ Эти листы не имеют никакой другой правки, кроме незначительной корректорской, и почти полностью идентичны соответствующим частям журнального текста, за исключением четырех расхождений, заслуживающих внимания:

Текст 1881 г.	Корректурные листы
III	III
1. И старое и новое.	И старое и новое. — Крестьянский грех. — Песня старая: Голодная. — Песня новая.
2. «Мотайте-ка на ус!». Так, значит и «Голодную» Теперь навеки побоку? Эй, други! Пой веселую!	Так, значит, и с крестьянина Грех снят? А как? Мотайте-ка. Мотайте-ка на ус! Так, значит, и «Голодную» Теперь навеки побоку? Эй, други! Пой веселую!
3. Григорий — и ушел.	Григорий — и запел: «Славься народу Давший свободу Доля народа, Счастье его, Свет и свобода Прежде всего» и т. д.
4. Ударил — и запел: 	Ударил — и запел: Солдат

Приведенные примеры дают возможность предположить вмешательство какого-то лица, внесшего сокращения при печатании текста на страницах «Отечественных записок» в 1881 г., и это ставит под сомнение «последнюю творческую волю Некрасова».

Особенно существенно по смыслу 2-е из указанных нами разночтений. Следует обратить внимание и на 3-е разночтение, когда известная песня, которую поют Савва и Гриша, в весьма сокращенном виде дается как песня Гриши.

Мы не можем со всей определенностью считать, что только этими четырьмя разночтениями отличаются корректурные листы от журнального текста, поскольку нам не известна остальная корректура. Трудно делать какие-либо окончательные выводы относительно исправлений на корректурном листе. В нашем распоряжении нет ни рукописи поэта, зафиксировавшей последнюю редакцию «Пира», ни правленных корректурных листов с почерком человека, вносившего в них исправления. Однако ясно одно: у нас нет оснований текст «Пира», напечатанный

«Пира», выполненный А. А. Буткевич (на 22 листах, сшитых в тетрадь) и посланный ею в подарок С. И. Пономареву (ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 278), представляет собой копию оттиска 1876 г., в которую рукой С. И. Пономарева внесены вставки и сделаны исправления, совпадающие с журнальным текстом 1881 г.

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 191 (фонд П. А. Ефремова), № 494.

в «Отечественных записках» 1881 г., считать авторитетным, ибо в этом тексте есть сокращения, произведенные после смерти Некрасова.

Советские исследователи единодушно признают испорченность опубликованного в 1881 г. текста «Пира». Однако при издании собраний сочинений Некрасова в качестве основного источника тем не менее называется публикация 1881 г. (III, 685), как последняя авторская редакция («посмертная (?) редакция») с учетом поправки «на подцензурные публикации» (III, 690). При этом составители приводят целый список строк, которые восстанавливаются ими в основном по оттиску. И в отношении художественного стиля последняя авторская воля признается закрепленной за изданием 1881 г. Сомнения, которые мы высказали относительно правки корректурных листов журнального текста, дают право поставить вопрос: можно ли столь категорично и в отношении стиля считать журнальный текст выражением последней авторской воли?

Так или иначе составители полного собрания и последующих изданий встают на путь откровенной контаминации, используя при этом различные источники: черновые варианты, наборную рукопись,¹⁶ корректурные листы 1876 г., оттиск 1876 г., нелегальное издание 1879 г. и, наконец, журнальный текст «Отечественных записок» 1881 г. Как справедливо отмечала Л. А. Евстигнеева, «контаминация разных редакций недопустима, так как создание новой редакции предполагает коренную переработку всей художественной ткани и новую трактовку образов произведения».¹⁷ Текстолога не может удовлетворить путь контаминации разных редакций «Пира», вызванных различными причинами, сведение этих редакций в одно целое. В изданиях советского времени при осуществлении контаминаций источники текста «Пира» учитываются в различной степени в зависимости от субъективных позиций и концепций того или иного исследователя. В результате возникают существенные разночтения. Так, например, нет полной ясности, какой текст песни Гриши Добросклонова следует считать основным, а какие его строки — вариантами. Лишь сложившейся традицией можно объяснить и печатание в основном тексте четырех строк, которые были вычеркнуты самим поэтом в процессе написания черновика и ни разу больше не повторены им ни в черновиках, ни в беловых рукописях. Речь идет о строках:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Для выбора источника основного текста «Пира» должно руководствоваться теми же правилами, которые приняты для подготовки к печати собраний сочинений других классиков и закреплены в советской текстологической практике: источником для основного текста является последнее прижизненное издание, в котором допустимо восстановление явно искаженных цензурой мест, если мы, разумеется, имеем возможность восстановить подлинное написание таких мест в доцензурном варианте.

¹⁶ Заметим кстати, что впервые полное описание наборной рукописи с подробным указанием разночтений по печатному тексту дал Ю. А. Бахрушин, который обратил внимание исследователей на то, что эта рукопись «будет всегда считаться если не окончательно „каноническим“, то все же первоначальным авторизованным списком текста „Пира на весь мир“» (Бахрушин Ю. А. Первоначальный текст поэмы «Пир на весь мир». — В кн.: Звенья, кн. V. М.—Л., 1935, с. 448).

¹⁷ Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова... с. 423.

Если бы не цензурный запрет, последовавший в самый последний момент перед выходом в свет 11-го номера «Отечественных записок» 1876 г., когда текст «Пира» фактически уже был напечатан в составе этого журнала, у нас не было бы сомнения в том, что перед нами документ, выражающий последнюю волю автора произведения (если вообще уместно говорить о «последней воле» применительно к незавершенной в целом поэме). Некрасов сам готовил текст «Пира» для ноябрьского номера «Отечественных записок» и хотел увидеть его вышедшим в свет хотя бы в том виде, как он представлен в вырезанном оттиске. Только этот оттиск и содержит знаменитые песни, является полной и достоверной редакцией «Пира на весь мир», утвержденной самим поэтом. Именно поэтому текст оттиска и должен быть взят в качестве основного для публикации этой части поэмы. Естественно, что в нем следует восстановить по наборной рукописи некоторые доцензурные строки, «смягчение» которых было вызвано цензурными указаниями, а также строки, по тем же цензурным соображениям замененные точками. Такого рода поправки текста оттиска сведутся к следующему.

1. Следует восстановить замененные отточиями строки:

Славно жить народу
На Руси святой!

2. Вместо строк

В рекруты мальчишек,
В дворян дочерей

восстановить:

Царь возьмет мальчишек,
Барин — дочерей.

3. Вместо строк

Старик из секты скрытников
Никифор, каргопол

восстановить:

Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.

4. Вместо строк

Как тот рыбак архангельский,
Что памятен до днесь

восстановить:

Немало их оплакала
(Увы! Звездой падучею
Пронесется они!)

Все изменения, которые вносил Некрасов в текст «Пира» после его запрещения, вынуждались цензурными обстоятельствами. Безусловно, в процессе работы над текстом, для того чтобы провести его так или иначе через цензуру, Некрасов вносил в этот текст и некоторые стилистические уточнения, добиваясь большей художественной выразительности отдельных строк. Эти уточнения следует все же рассматривать как дополнительную редакцию и учитывать их в разделе «Другие редакции и варианты».

Дорогой Михаил Васильевич Скабелу
Каменистый стелет газ
от Григорьева
2.11.80.

А. И. Груздев

О НАЗВАНИЯХ ГЛАВ В «ПИРЕ НА ВЕСЬ МИР»

«Пир на весь мир» по своему объему занимает среди частей поэмы третье место, уступая первой и третьей частям и превосходя вторую. В среднем на каждую главу первой части приходится около 540 стихов, третьей части — 330, четвертой — 410. Первая часть состоит из пяти глав (Пролог относится ко всей поэме), третья — из восьми глав и Пролога. Каждая из глав получила свое название. Первая часть: 1) «Поп»; 2) «Сельская ярмонка»; 3) «Пьяная ночь»; 4) «Счастливые»; 5) «Помещик». Третья часть: Пролог; 1) «До замужества»; 2) «Песни»; 3) «Савелий — богатырь святорусский»; 4) «Демущка»; 5) «Волчица»; 6) «Трудный год»; 7) «Губернаторша»; 8) «Бабья притча». Вторая часть, «Последыш», разделена на три главы цифровыми обозначениями, заглавий эти главы не имеют. В каждой главе «Последыша» в среднем насчитывается по 443 стиха. Таким образом, число стихов в каждой главе четвертой части, «Пира на весь мир», приближается к среднему числу стихов в главах предшествующих частей.

Членение «Пира на весь мир» на главы диктовалось прежде всего стремлением к гармоничному соотношению частей целого, к наибольшей доступности и ясности текста, вытекало из общей концепции произведения, из стремления прояснить его общий замысел. Текст «Пира» оставался не разделенным на главы до последнего этапа авторской работы над ним. Членения на главы не было ни в одной из рукописных редакций; не было его и в первом печатном тексте, вырезанном из ноябрьской книжки «Отечественных записок» 1876 г. В нем была выделена лишь финальная часть, озаглавленная «Эпilog. Гриша Добросклонов». Следует заметить, что рукописные редакции первой и третьей частей также не были отмечены последовательностью разбивки текста на главы. Окончательное членение и известные нам названия некоторых глав появились лишь на последнем этапе авторской работы. Так, например, в рукописи не была отделена от предшествующего текста и не была озаглавлена 3-я глава третьей части — «Савелий — богатырь святорусский».

Известно, что под влиянием цензурных гонений уже смертельно больной Некрасов начал приспособлять «Пир на весь мир» к требованиям цензуры: были вычеркнуты сотни стихов, вписаны в угоду цензуре строки «Слався народу Давший свободу» и т. д. Но одновременно шла работа и над улучшением текста в художественном отношении. Некрасов вписал многие стихотворные строки свободно, без цензурного принуждения, обогащая текст поэмы, совершенствуя его. Именно в это время он разделил «Пир» на главы по примеру первой и третьей частей и каждой из глав дал название. Вместо слитного текста возникла следующая чет-

кая, глубоко продуманная структура: Введение; глава I — «Горькое время — горькие песни»; глава II — «Странники и богомольцы»; глава III — «И старое и новое»; глава IV — «Доброе время — добрые песни». В это же время Некрасов устранил заглавие финальной части — «Эпизод. Гриша Добросклонов». Поскольку эти заглавия появились одновременно с автоцензурой, не исключено предположение, что и они возникли исключительно по цензурным соображениям и должны быть устранены из основного текста. Такого мнения придерживаются некоторые современные исследователи Некрасова. Тем более что это мнение как бы поддерживается известным письмом Некрасова к В. В. Григорьеву от декабря 1876 г.: «Уродливости, до которых доведено крепостное право, с тем и приведены, чтобы ярче выделить благодеяние отмены его» (XI, 407). Кажется заманчивым предположить, что заглавие «Горькое время — горькие песни» соотносится со старым, дореформенным, а «Доброе время — добрые песни» с новым, пореформенным временем, и, таким образом, четвертая часть в целом якобы получает благонамеренный характер и прославляет «благодеяние отмены» крепостного права. В борьбе с цензурой Некрасов мог приводить подобные доводы, письмо Григорьеву содержит прямые намеки на это.

Однако содержание «Пира», особенно последних глав, имеет прямо противоположный смысл. В основу их заложена отнюдь не благонамеренная, а революционная идея. Уже первая глава, «Горькое время — горькие песни», в первопечатном легальном издании (Отечественные записки, 1881, кн. 2) обращала на себя внимание несоответствием заглавия и содержания: в главе не оказалось ни одной песни. «Барщинная» была устранена по требованию цензуры, «Веселая» — вероятно, вследствие автоцензуры. Их отсутствие при указующем названии главы не могло не обострять интереса читателя к содержанию и образу песен в последующих главах.

Образ песни возник в одном из ранних отрывков задуманной как продолжение «Последыша» главы «Кто всех грешней, кто всех святей. Легенды о крепостном праве».¹ Уже в этом раннем отрывке намечается мотив обусловленности содержания песни состоянием мира и положением людей в нем:

Однако же ко времени
У них свои вахлацкие
Про долю горемычную.

Этот мотив получит многостороннее развитие в последующих редакциях, особенно в редакции «Поминки по крепям», расчлняясь на ряд других мотивов, уточняющих и развивающих общую идею.

Показательна история песни «Веселая» — первой среди песен первой главы, «Горькое время — горькие песни». В различных ее редакциях варьируется мотив породившей ее социальной среды, места и времени появления в вахлачине. Возникает шесть вариантов ее оценки: «мудреная», «семинарская», «модная», «не то чтобы господская» и, наконец, устойчивая оценка — «ненародная»:

[Дьячок с семинаристами,
Гостившими у «батюшки»,
Сначала песню спел.
Не то чтобы господская

¹ См.: Груздев А. Композиция поэмы. Порядок частей. — В кн.: Истоки великой поэмы. Ярославль, 1962.

Та песенка мудреная
Зашла бог весть откуда
В глухие те места]²

Отрывок многократно переписывается, уточняются существенные детали — породившая ее среда, время ее появления в вахлячине:

Та песня ненародная [невеселая]
Зашла бог весть откуда
В глухие те места [в труппу к вахлакам]
Всего-то за три месяца
До «Положенья» царского
С народа крепи снявшего
Народ ее не пел.³

В очередном варианте меняются исполнители песни, возникает иное ее определение («модная») и снова отмечается безучастное отношение к ней со стороны вахлаков.

Чуть ниже в этой же редакции появится новое определение песни — «семинарская», и снова повторится мотив непонимания ее мужиками, «приверженность» их к своим вахлацким песням:

Та песня семинарская
Не очень-то понравилась
Степенным мужикам
А только подзадорила:
Они свою затеяли
Природную вахлацкую
И спели так что на небо
Как словно тучу вызвали
Все ждали: грянет гром!⁴

Эпитет «модная» повторится еще раз; пытаются петь «Веселую» мужики, которые дают ей оценку («... песня верная А есть и слово лишнее»).

Затем отрывок снова переписывается. Автор возвращается к одному из начальных вариантов. Эпитет «ненародная» и замечание «народ ее не пел» пройдут через все последующие варианты до печатного текста включительно — здесь песню поет Григорий Добросклонов, но ее суть по-прежнему непонятна темным и забитым вахлакам:

(Ту песню — ненародную —
Впервые спел сын Трифона,
Григорий, вахлакам.
И с «Положенья» царского,
С народа крепи снявшего,
Она по пьяным праздникам
Как плясовая пелася
Попами и дворовыми —
Вахлак ее не пел,
А слушая, притопывал,
Присвистывал; «веселую»
Не в шутку называл).

(III, 347)

В «Поминках по крепям» намечается контрастное соотношение песен старых с новыми и выражается твердая уверенность в том, что на смену старым, подневольным придут новые песни, свободные и радостные. Примечательно, что возникают новые песни не в крестьянской среде, а при-

² ИРЛИ, ф. 18, № 21200/19 (в прямых скобках даются отрывок или слова, зачеркнутые автором в рукописи).

³ Там же.

⁴ Там же.

вносятся со стороны. Их создают и распространяют новые люди, носители и пропагандисты новых идей. В черновых вариантах отмечено, что эти люди преследуются агентами правительства:

[У нас такой нет песенки
Сказали наши странники,
А есть одна похожая,
Про мужика Пахомушку
Ее к нам барин-странничек
Занес: его отправили
Потом в Москву с жандармами
Недолго погулял!]

(III, 545)

Образ песни в «Пире на весь мир» многосторонен и многогранен. Порожденные старым временем крестьянские песни, такие как «Голодная», «Соленая», «Барщинная» (в черновых вариантах упоминалась «Оброчная»), говорили о крайней бедности, вечной нужде, обездоленности: «Все песни невеселые, Все песни подневольные У русского крестьянина, Других покамест нет». Эта идея и нашла выражение в заглавии-формуле последнего авторского текста — «Горькое время — горькие песни».

Слагавшаяся веками старая песня символизировала старое сознание, несла в себе чувство рабской тоски и подавленности:

Не диво ли? Широкая
Сторонка Русь крещеная
Народу в ней до пропасти
Живет не первый век, —
А ни в одной-то душевке
Во все века прошедшие
И в наши времена
Не загорелась песенка
Веселая беспечная
.....
Тепло животворящее
И радость принося.⁵

В поэме нет и намека, что пореформенное время, т. е. современное состояние мира, могло породить новые песни: «И в наши времена Не загорелась песенка Веселая беспечная». Образ новой песни в сознании поэта ассоциируется не с настоящим, пореформенным, а с будущим временем. «Добрые песни» последней главы поэмы и являются предвестием этого будущего. За него предстоит борьба, но это время непременно наступит:

Придут — бог не без милости
Другие времена
Другие грянут песенки [песни сложатся]
И будут в них не жалобы
На долю подневольную
Не рабская тоска, —
А радость воссмеявшейся
Из мрака и уныния
Воспрянувшей души!⁶

Надежда на приход нового времени и новых песен выражается и в следующей редакции этого отрывка:

Придут, придут, бог милостив!
Другие времена
Другие песни сложатся

⁵ ИРЛИ, ф. 18, № 21200/19.

⁶ Там же.

И будут в них не жалобы
 Не рабская тоска
 А радость воссмеявшейся
 Души народа русского
 Из мрака и уныния
 Воспрянувшей души.⁷

«Другие времена», с которыми связывается появление новых песен («Придут, придут <...> другие времена»), явятся, как это вытекает из существа песен и главы в целом, результатом борьбы народа и новых людей:

И песней тихой ласковой,
 Лишь избранному слышимой,
 Сзывает души честные
 На трудную борьбу.⁸

Суть «добрых» песен в том, что счастье народа впереди, что оно будет завоевано в результате «честного дела» (в печатном тексте), «трудной борьбы» (в наборной рукописи) новых, избранных историей, честных людей. В печатном тексте императивность строк о неизбежности прихода новых времен и о предстоящей трудной борьбе за них несколько приглушена. Так, вместо «Придут, придут <...> Другие времена» появилось: «О время, время новое, Ты тоже в песне скажешься»; вместо «Сзывает души сильные На трудную борьбу» — «Души сильные Зовет на честный путь». Зато со всей определенностью мысль о новых временах и новых песнях выражена в заглавии «Доброе время — добрые песни» и в содержании песен Григория Добросклонова. Почти все песни в последней главе «Пира на весь мир» (исключая «Соленую») созданы или пропеты Добросклоновым.

Цикл «добрых» песен открывается песней о доле народа, исполненной «согласно и сильно» Саввой и Гришей:

Доля народа,
 Счастье его,
 Свет и свобода
 Прежде всего!
 Мы же немного
 Просим у бога:
 Честное дело
 Делать умело
 Силы нам дай!
 (III, 380—381)

Выделенная ритмически и заглавным положением среди других песен Гриши, эта песня — выражение общественных и нравственных идеалов новых людей и четкая программа их действий. Особое значение приобретают слова и словосочетания — «счастье», «свет и свобода». Слово «счастье» — ключевое для всей поэмы. Семь мужиков идут странствовать по Руси, чтобы найти счастливого («Кому живется счастливо, Вольготно на Руси»); счастье народа оказывается делом всей жизни Григория Добросклонова («Григорий твердо знал уже, Что будет жить для счастья Убогого и темного Родного уголка» — III, 384). По признанию героя, цель его действий добиться «воплощения счастья народного» (III, 393).

Призыв стать на честный путь борьбы «за обойденного, за угнетенного» содержит святая песня ангела. Из двух контрастно противопостав-

⁷ ИРЛИ, ф. 18, № 21200/21.

⁸ ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 13, л. 68.

ленных путей сильные душою люди избирают честную, но трудную дорогу борьбы: «По ней идут Лишь души сильные, Любвеобильные, На бой, на труд...» (III, 385).

Знаменитая песня Григория Добросклонова «В минуту унынья...» — поэтическая мечта о ближайшем будущем, когда на путь борьбы вместе с новыми людьми вступит весь русский народ, гражданское сознание которого разовьется под влиянием новых идей:

Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином.

(III, 387)

Миру страданий, невежеству, рабски-бесправной современности («Еще суждено тебе много страдать») противостоит вера в будущее, императивно выраженная в строфе: «Довольно! Окончен с прошедшим расчет...!». Уверенный залог расчета с прошедшим — растущее гражданское самосознание народа.

И, наконец, классическая песня Гриши о силе и слабости загадочной Руси, о ее исторических судьбах, о ее будущем:

Рать подымается
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая.

(III, 390)

Григорий Добросклонов говорит о силе и значимости этой песни, о «великой правде» ее. Им отмечено значение доброй песни в развитии народного самосознания и подъеме народного духа:

Завтра же спую ее вахлячкам — не все же им
Песни петь унылые... Помогай, о боже, им!
Как с игры да с беганья щеки разгораятся,
Так с хорошей песенки духом поднимаются
Бедные, забытые...

(III, 392)

После песни «Русь», предугазывающей будущее Руси загадочной, в сознании Григория оформляется новая, более значительная песня («краше прежней песенка»). В ней-то, в совокупности с предшествующими песнями Гриши, и содержалось разрешение задачи семи искателей счастливого («Быть бы нашим странникам под родною крышею, Если б знать могли они, что творилось с Гришею»).

Итак, авторские названия глав «Пира на весь мир», появившиеся на последнем этапе работы, художественно оправданы и необходимы. Они органически слиты с художественной идеей «Пира», вытекают из нее, проясняют основной смысл поэмы. Они отменяют заглавие ее последнего раздела — «Эпил. Григорий Добросклонов». Для восстановления его нет оснований, так же как для изъятия из основного текста и для переноса в варианты установленных и не отмененных автором названий глав.

В. Г. Прокишин

«ЭПИЛОГ. ГРИША ДОБРОСКЛОНОВ»

Последняя часть первопечатного варианта «Пира на весь мир», вырезанного цензурой из одиннадцатого номера «Отечественных записок» за 1876 г., имела название «Эпиллог. Гриша Добросклонов» и состояла из трех небольших главок. Издание 1879 г. «Вольной типографии» и списки того же времени сохраняют это название. В 1935 г. Ю. А. Бахрушин впервые указал на «Эпиллог», описывая первоначальный текст поэмы — наборную рукопись.¹ В 1960 г. С. А. Червяковский в своем обзоре исследований поэмы писал: «В корректуре, подаренной Некрасовым А. Ф. Кони, имеются следующие строчки:

Эпиллог.

Григорий (?) Добросклонов.

Правда, при окончательной обработке текста Некрасов снял этот заголовок и дал другой: „Доброе время — добрые песни“.² Через десять лет Л. А. Розанова в комментарии к эпосе почти дословно повторила сказанное Червяковским, улучшив информацию лишь за счет снятия неудачного слова «строчки», мешавшего читателю понять, что речь идет о названии «Эпилога», завершающего «Пир» и всю эпопею.

Снятие названия «Эпиллог. Гриша Добросклонов», новое членение текста «Пира» — на введение и пять глав, в том числе «Доброе время — добрые песни», имело драматическую историю.

Убедившись в невозможности провести через цензуру «Пир на весь мир» в том виде, в каком он был подготовлен для ноябрьского номера «Отечественных записок» за 1876 г., Н. А. Некрасов стал намеренно «уродовать» в угоду цензуре первопечатный текст. Он снял три песни — «Веселую», «Барщинную», «Солдатскую» и особенно сильно исказил первоначальный образ Добросклонова. Действие автоцензуры в отношении образа «народного заступника» началось еще в предвидении возможности запрещения. В результате последующей, вынужденной цензурой переработки Гриша приобрел чуждые «народному заступнику» черты «пылкого и восторженного певца освобождения» (III, 576).

В песню «Доля народа», воодушевлявшую на подвиг во имя свободы и счастья обездоленных, было добавлено славословие царю Александру II («Славься, народу Давший свободу!» — III, 575).

И чтобы окончательно отвлечь внимание цензуры от «крамольного» с охранительной точки зрения образа «народного заступника», поэт при-

¹ Бахрушин Ю. А. Первоначальный текст поэмы «Пир на весь мир». — В кн.: Звенья, кн. V. М.—Л., 1935.

² Некрасовский сборник, вып. III. М.—Л., 1960, с. 231—232.

нес еще одну существенную жертву — снял название «Эпилог. Гриша Добросклонов» и дал новую, более нейтральную рубрикацию текста «Пира»: «Введение»; I глава — «Горькое время — горькие песни»; II глава — «Странники и богомольцы»; III глава — «И старое и новое»; IV глава — «Доброе время — добрые песни»; наконец, просто V глава, без названия. В «Отечественных записках» 1881 г. названия глав были напечатаны одинаковым шрифтом с названиями песен, рассказов и легенд («Голодная», «Соленая», «О двух великих грешниках» и т. д.). Все это создавало впечатление путаницы и хаотичности.

Редакция журнала нашла необходимым объяснить это читателям так: «Покойный поэт очень хотел видеть ее (главу «Пир на весь мир», — В. П.) в печати и, уже больной, при смерти, делал в угоду цензуре разные урезки, лишь бы пропустили. В этом именно виде, т. е. с урезками и приставками, поэма печатается теперь».³ Это объяснение по просьбе редактора журнала М. Е. Салтыкова-Щедрина было дано в подстрочном примечании к статье Н. Михайловского «Записки современника».⁴

Как ни странно, но изуродованный «урезками» и «приставками» текст и взят в основу «Пира на весь мир» во всех современных изданиях: так сделано потому, что в таком виде текст был подготовлен самим автором и поэтому считалось, что он выражает последнюю волю Некрасова.

По словам К. И. Чуковского, «цензурные искажения, впервые появившиеся в тексте оттиска, по преимуществу относятся к журнальному тексту 1881 года, который в отношении стиля является последней авторской редакцией» (III, 690), а раз последней по времени, то, значит, и более совершенной по качеству. Но это сомнительно.

Известно, что Некрасов пытался опубликовать «Пир на весь мир», измененный в угоду цензуре, в декабрьском номере 1876 г. и январском номере 1877 г. «Отечественных записок». Л. А. Евстигнеева пишет, что «сохранились три листа второй корректуры».⁵ Ей посчастливилось обнаружить в фонде П. А. Ефремова оттиск «Пира»,⁶ сделанный, как она предположила, для опубликования в составе прижизненного издания «Последних песен» (1877). Какой же из указанных вариантов является последним по времени? Очевидно, тот, который сокращен в пять раз и назван «Доброе время — добрые песни. (Эпизод из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»)».⁷

Что же касается большего или меньшего «совершенства» стиля текста, опубликованного в «Отечественных записках» 1881 г., то оно может быть доказано лишь с помощью сравнительного изучения всех вариантов «Пира».

Некрасов со всей определенностью заявил о давлении цензуры в письме к начальнику Главного управления по делам книгопечатания В. В. Григорьеву. Исключение названных выше песен из состава «Пира», сделанное по требованию цензора Лебедева, поэт называет здесь «жертвой», на которую он согласился «против убеждения» (XI, 407—408).

³ Отечественные записки, 1881, № 2, с. 262.

⁴ См.: Груздев А. И. О месте «Пира на весь мир» в составе поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Страницы истории русской литературы. М., 1971, с. 155.

⁵ Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература (1821—1971). М., 1971, с. 405.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 493.

⁷ Там же.

«Жертвой» цензуре, сделанной «против убеждения», было и снятие названия «Эпилог. Гриша Добросклонов». Однако К. И. Чуковский, восстановивший в «Пире на весь мир» 165 стихов, снятых и замененных другими под давлением цензуры,⁸ почему-то не заметил этого важного изъята. И не только не восполнил этот пробел, но даже и не уведомил о нем читателя. Сняв название «Эпилог. Гриша Добросклонов», Некрасов, как это уже говорилось, ввел новую рубрику текста «Пира», дал новые названия глав. Однако эти новые названия глав оказались навязанными готовому тексту и не всегда ему соответствовали. Так, например, песни «Голодная» и «Солдатская» оказались в главе «И старое и новое», а не в той, которая называется «Горькое время — горькие песни», как требует их содержание. Поистине «горькая» песня Домны, матери Гриши, метко названная вахлаками «Соленой», вошла в главу «Доброе время — добрые песни». Сказание о грешниках — о разбойнике Кудеяре и предателе Глебе, объединенное противоположностью народного приговора им, оказалось разорванным: легенда о Кудеяре попала в главу «Странники и богомольцы», а сказание о Глебе — в главу «И старое и новое». Сопротивление готового текста новой рубрикации оказалось настолько значительным, что последнюю главу поэт вынужден был оставить без названия.

Отказ от выделения части «Эпилог. Гриша Добросклонов» и введение новой рубрикации текста относятся к числу вынужденных цензурой «урезок» и «приставок». Авторский текст, свободный от искажений, сделанных в угоду царской цензуре, явно сопротивляется новой рубрикации как чуждой ему.

* * *

«Эпилог. Гриша Добросклонов» в составе первопечатного варианта «Пира на весь мир» имел значительную самостоятельность. Эта часть была оформлена не только названием, но и особым членением текста на три главки. Первую главку составляла та часть текста, в которой изображается жизнь героя в родной семье и в семинарии. Читатель узнавал в этой главке, что воспитала Гришу не одна родная мать, «батрачка безответная», а вся Вахлачина. Поэтому естественно, что

в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей Вахлачине
Слилась.

В любящем сердце матери родилась скорбная песня о детстве сына. «Соленой» назвал ее «находчивый вахлак». «Голосом молитвенным» пел ее Гриша. Он знал и пел песни старые, народные, сам же сочинял новые, близкие народным.

Во второй главке «Эпилога» Гриша изображался после ночных «поминок по крепям». Впечатления от дружеского общения с земляками, мечтавшими, как и он сам, о лучшем будущем, впечатления от рассказов и легенд о крепостном праве, о том, кто всех грешней, кто всех святей, соединяются в восприятии Гриши с радостным чувством от встречи с родной природой и вызывают вдохновенный прилив творческих сил: «В нем сильно мысль работала И в песне излилась». В результате раз-

⁸ Чуковский Корней. Несобранные статьи о Н. А. Некрасове. Калининград, 1974, с. 61.

мышлений о прошлом, настоящем и будущем родины, народа Гриша приходит к оптимистическому выводу: «Сбирается с силами русский народ И учится быть гражданином» (III, 387). Изображение последующих встреч с крестьянками на лугу, с крестьянскими детьми в лесу и особенно с бурлаком на берегу Волги является предметно-образным выражением той же оптимистической мысли. Песня «Русь» — это итог долголетних размышлений Некрасова о народе, о родине, итог художественного исследования характеров пахарей, подобных Якиму Нагому, Савелию Корчагину, и господских прихвостней, подобных Ипату и Глебу.

Последняя, третья по счету и самая маленькая по объему главка эпилога целиком сосредоточена на раскрытии душевного состояния Гриши. Создателя песни «Русь» радует значительность творческого успеха. Еще большую радость и ощущение счастья доставляют герою эпилога надежда на «воплощение счастья народного» и предчувствие новых творческих достижений.

Готовность идти «дорогой тесною», «дорогой честною» «на бой, на труд», а также радость надежды на достижение «счастья народного» роднят Добросклонова с героями романа «Что делать?». «Счастливые люди» — так назвал свою статью Н. Н. Страхов о героях романа Н. Г. Чернышевского.⁹ Рахметов, Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна вслед за автором романа могли сказать: «Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет света и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы сумеете перенести из будущего».¹⁰ При этом не только могли сказать, но и самоотверженно следовали этому призыву. Героические подвиги во имя прекрасного будущего, совершенные соратниками и последователями автора романа «Что делать?», свидетельствуют о том, что этот призыв был услышан многими лучшими современниками поэта. Призывная песня дошла и до Вахлачины. Вахлачина выдвинула своего героя. Образ «народного заступника» подготавливался произведениями самого Некрасова о «героях деятельного добра», а также других авторов, в частности Н. Г. Чернышевского.

Маленькая по объему третья главка «Эпилога» выполняет очень важную идейно-композиционную роль. Она дает ответ на вопрос, определяющий сюжетное действие: кто счастлив на Руси? Правда, этот ответ внятен только читателям. Семь мужиков, ищущих счастливого, еще не могут знать, «что творилось с Гришею». «Эпилог» мог бы быть завершением не только «Пира на весь мир», но и всей эпопеи. В этом смысле роль «Эпилога» можно уподобить роли «Пролога» первой части, являющегося вместе с тем и «Прологом» всей эпопеи, так как именно в нем зарождается мотив поисков счастливого на Руси, получивший продолжение во всех последующих частях и главах произведения.

Симметрия идейно-композиционной роли «Пролога» первой части и «Эпилога» «Пира» требует соответствующего симметричного расположения их в составе эпопеи: в начале и в конце ее.

Третья главка выделена в том же самом объеме и в последней редакции «Пира на весь мир», с той только разницей, что здесь она оказалась пятой по счету. Но идейно-композиционный смысл этой главки «Пира» был значительно ослаблен «урезками» и «приставками», искавшими сущность образа «народного заступника».

⁹ Библиотека для чтения, 1865, № 4.

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Собр. соч. в 5-ти т., т. I. М., 1974, с. 384.

* * *

Образ Гриши Добросклонова намечается уже в первом варианте «второй главки»: «Русый с нежными чертами молодой семинарист». ¹¹ Другая запись включает его в состав участников «поминок по крепям»: «Тут кроме вахлаков <...> дьячок с двумя семинаристами». ¹² Это своеобразные заметки на память, подобные той, что была сделана в конце рукописи «Бабьей притчи»: «Конец. Эпилог нужен». «Бабьей притчей» завершается «Крестьянка», для завершения же всей части, а может быть и всей эпопеи, «Эпилог нужен». Если справедливо последнее, то эта заметка имеет прямое отношение к творческой истории образа Гриши Добросклонова. Позднее заметки в рукописи «второй главки» были реализованы в ее поэтическом тексте:

Поминки выпли знатные,
Тут были люди разные,
Тут кроме вахлаков
Сидели наши странники,
Дьячок села соседнего
С двумя семинаристами.

(III, 544)

В следующем варианте дьячку дается имя — Емеля Гратисов. В ходе дальнейшей работы дьячок назван Трифоном, а его сыновья-семинаристы — Саввой и Григорием. Братьям понятны и близки невгоды и радости крестьян; они охотно участвуют в крестьянском труде, радуются освобождению земляков от власти «последыша». В первопечатном варианте «Отечественных записок» за 1876 г. и в издании «Вольной типографии» народников о Савве и Грише были и такие стихи:

...парни добрые,
Крестьянам письма к сродникам
Писали; «Положение»,
Как вышло, толковали им.

(III, 573)

В тексте «Пира» в «Отечественных записках» за 1881 г. этих стихов уже нет.

В споре вахлаков, странников и богомольцев о том, кто всех грешнее, кто всех святее, а также и в рассказах о крепостном праве Добросклоновы не участвуют. Их присутствие на пиру вахлаков в это время проявляется лишь в том, что они поют «Веселую». Однако в заключительной части спора Гриша Добросклонов оказывается в центре всеобщего внимания. Нам уже приходилось писать, что герой эпилога изображается здесь в типичной для русских революционных демократов роли пропагандиста. ¹³

Поэт многократно перерабатывал текст речи Гриши, обращенной к его землякам. В первом варианте речь состояла из двадцати стихов. В окончательный текст из двадцати первоначальных вошло только три:

Нет крепя — нет помещика
.....

¹¹ ИРЛИ, ф. 18, № 21200/18, л. 3.

¹² Там же, л. 10.

¹³ Про к ш и н В. «Форме дай щедрую дань...». Уфа, 1972, с. 68 и др.

Нет крепи — Глеба нового
 Не будет на Руси!

(III, 371)

Процесс совершенствования текста пропагандистской речи юного героя наглядно отразился в наборной рукописи, хранящейся в ЦГАЛИ. Первоначальный ее текст:

[Внятно, медленно
 Пространно (Гриша знал уже
 Как надо растолковывать
 Дела необыденные
 Тугому вахлаку).
 Григорий стал доказывать,]
 Что не они ответчики
 За Глеба окаянного
 Всему виною: крепь!
 [Что все грехи: грех барина
 Его холопа верного
 Самоубийцы Якова
 И страшный Глеба грех —

Все — крепи порождение]
 Нет крепи — нет помещика,
 До петли доводящего
 Усердного раба,
 Нет крепи — нет дворового,
 Самоубийством мстящего
 Злодею своему.
 Нет крепи — Глеба нового
 Не будет на Руси.¹⁴

Стихи имеют уже достаточно законченный вид. Но Некрасов стремится сделать их еще более выразительными, еще более лаконичными. Вместо первых шести стихов он написал несколько слов:

Потолковано
 Не мало. В рот положено...

Вместо пяти стихов (10—14), важных по содержанию, но вялых, не обладающих достаточной образностью и убедительностью, он написал четыре новых, гораздо более удачных:

Змея родит змеенышей,
 А крепь грехи помещика,
 Грех Якова несчастного,
 Грех Глеба родила.¹⁵

Уподобление «крепей» змее, а «грехов» змеенышам было счастливой творческой находкой, наглядно и эмоционально выражающей мысль о губительных последствиях крепостного права, о развращающем влиянии его на нравы людей.

В заключительных стихах подводится итог спорам вахлаков о том, кто всех грешнее, раскрывается актуальный смысл спора для развития самосознания крестьян и выражается оптимистический взгляд на будущее народа, освобожденного от крепостной неволи.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 13, л. 60 об.—61.

¹⁵ Там же.

Идеи детерминизма пропагандировались революционными демократами для того, чтобы поднять угнетенных на активную борьбу против враждебных человеку обстоятельств общественной жизни.

В первоначальном варианте, хранящемся в Пушкинском Доме,¹⁶ о впечатлении, произведенном речью Гриши на слушателей, рассказывалось от лица автора. В окончательном тексте это впечатление выражается в форме, более соответствующей структуре эпоса, — в молве народной: «Пошло, толпой подхвачено, О крепи слово верное Третьяк: „Нет змеи — Не будет и змеенышей!“» (III, 372). «Слово верное» «народного заступника» вошло в сознание мужиков. В безымянной народной молве выделяются реплики Прова, дьячка и рассудительного старосты Власа. Пров советует товарищам: «Мотайте-ка на ус!». Дьячок восклицает: «Создаст же бог головушку!». Влас благодарит своего крестника.

Ответ Гриши на добрые пожелания Власа, а также и его просветительская речь тщательно совершенствовались. Изучение вариантов текста приводит к выводу, что в противоположность авторам антинигилистических романов, изображавших пропагандистов идей социализма в виде «шутов гороховых», которых крестьяне не понимают и не принимают, Некрасов стремился показать сердечность отношений «народного заступника» с мужиками, а вместе с тем и различие уровня их развития, различное понимание ими счастья. Заветная мечта Григория Добросклонова идет гораздо дальше того представления о счастье, которое выражается в добром пожелании Власа. Гриша стремится не к богатству, а к тому, чтоб землякам его и «каждому крестьянину жилось вольготно-весело на всей святой Руси» (III, 372). Его личное счастье — в достижении счастья народного.

Пир закончился на рассвете. Вахлаки разошлись по своим домам. Странники и богомольцы, в том числе и семь искателей счастливого, уснули под старой ивой. Савва с Гришей вели домой родителя и вдохновенно пели:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

(III, 380)

В этой песне выражаются заветные мысли и чувства братьев, близкие тем, что частично были уже высказаны Гришей в ответ на пожелание счастья лично ему. «Честное дело делать умело» для того, чтобы всем на Руси жилось «вольготно-весело», — вот в чем источник счастья «народных заступников», прославляемых в эпосе Некрасова.

Очень вероятно, что песней «Доля народа» поэт и предполагал завершить вторую главу второй части в том варианте, который назывался: «Кто на Руси всех грешнее. — Кто всех святее. — Легенды о крепостном праве».¹⁷

В завершеном же варианте «Пира» эта песня — лишь введение к последующему развитию образа «народного заступника», к «Эпilogу. Гриша Добросклонов». Создавая его, поэт стремился вызвать у читателя впечатление завершенности.

В «Эпilogе» характер Гриши Добросклонова соотнесен не только с родной семьей, с родной Вахлачиной, но и с Россией «неизведанных новых путей», по которым «идут лишь люди сильные, любвеобильные».

¹⁶ ИРЛИ, ф. 18, № 21200/24.

¹⁷ ИРЛИ, ф. 18, № 21200/18.

Стремление усилить, сделать более впечатляющей эту эпическую соотнесенность убедительно проявляется в творческой истории фрагмента «Довольно демон ярости...», которым предваряется знаменитая песня «Средь мира дольного».

Первый вариант этого отрывка в рукописи, хранящейся в Центральном государственном архиве литературы и искусства, был следующим:

Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим
Над русскою землей
Еще далеко солнышко
Но ангел милосердия
Уже незримо носится
Над бедными селеньями
Соломою покрытыми
И песней тихой, ласковой
Лишь избранному слышимой
Сзывает души чистые
На трудную борьбу.¹⁸

Поэт зачеркивает восемь первых стихов и дает новый текст, сокращенный в два раза:

Не все ж пути лукавые!
Над Русью оживающей
Иная песня слышится
То ангел милосердия
Над ней незримо носится.¹⁹

Вслед за этим вместо последнего стиха поэт написал «незримо пролетающий» и добавил:

Над нею души сильные
Зовет на честный путь.²⁰

Текст всего фрагмента сократился почти вдвое (семь стихов вместо двенадцати).

Но сокращенный и улучшенный текст также не удовлетворил поэта. Вместо невразумительного восклицания «Не все ж пути лукавые!» Некрасов восстановил три стиха первого варианта о демоне с карающим мечом и дополнил их новыми, указывающими на причину устойчивости «лукавых путей» на Руси. Текст снова увеличился.

В итоге всех этих правок был создан знакомый всем вариант:

Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим
Над русскою землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Над Русью оживающей
Иная песня слышится:
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, — души сильные
Зовет на честный путь.

(II, 384)

¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 13, л. 68.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

Тщательность шлифовки данного фрагмента свидетельствует, что ему придавалось важное значение. «Это авторское отступление, — по мнению Л. А. Розановой, — следует рассматривать в качестве концепционного для всей поэмы, так как в нем характеризовался тот процесс наступления нового, который переживала пробудившаяся Русь».²¹

Вместо двенадцати стихов в первом варианте появилось тринадцать. Это не характерно для Некрасова. Гораздо чаще, совершенствуя первоначальный вариант, поэт значительно сокращает его. В улучшенном тексте нет новых идей, он построен по принципу антитезы, как и в первом варианте. Однако антитеза осуществлена здесь с несравненно большей последовательностью и мастерством. Композиция фрагмента стала безукоризненностройной и выразительной.

Обновленный текст отчетливо разделен на две резко противопоставленные друг другу части. «Рабству тяжкому», его непременным спутникам — «демону ярости», «карающему мечу», «путям лукавым» контрастно противопоставлены «Русь оживающая», «ангел милосердия», его песня, зовущая «души сильные» «на честный путь».

По принципу антитезы построена и следующая за усовершенствованным текстом памятная многим песня «Средь мира дольного» — о двух возможных, резко противостоящих друг другу путях-дорогах:

Одна просторная
Дорога — торная,
Страстей раба,
По ней громадная,
К соблазнам жадная
Идет толпа.

(III, 384)

Другая — тесная
Дорога честная,
По ней идут
Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд.

(III, 385)

Готовность идти «дорогой тесною, дорогой честною» характеризует Гришу Добросклонова как последователя и соратника тех «народных заступников», которые боролись за народное счастье вопреки угрозам тюремного заключения, царской каторги и самой смерти.

Добросклонов неразрывно связан с Вахлячиной, она его родина и кормилица. В «Эпilogе» думы Гриши о родном «уголке», о земляках-односельчанах трансформируются в думы о родине-матери, о России, о русском народе:

С бурлака мысли Гришины
Ко всей Руси загадочной,
К народу перешли.

(III, 389)

В песне «Русь» мысли и чувства «народного заступника» целиком обращены к народу, родине. При всей заботности и отсталости народ России внушает Добросклонову оптимистическую надежду:

Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

(III, 390)

Гриша радуется тому, что в созданной им песне «горячо» сказала «правда» о России, о русском народе. «Мыслью вперед улетаая», он про-

²¹ Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Комментарий. Л., 1970, с. 300.

зревает «воплощение счастья народного». Все это дает ему возможность почувствовать себя счастливым и вызывает новый прилив творческого вдохновения:

Если б знали странники все, что стало с Гришею,
Были бы скорее под родною крышею.²²

Поэт стремится яснее показать и сходство, и различие между Гришей Добросклоновым и мужиками — искателями счастливого. Поэтому он заменяет эти стихи другими:

Быть бы нашим странникам под родною крышею
Если б знали-ведали, что творилось с Гришею.²³

Но странники не только не знали, но и не могли еще знать о том, что «творилось с Гришею». Поэт зачеркивает слова «Если б знали-ведали» и вписывает вместо них более точные: «Если б знать могли они».²⁴

Мотив поисков счастливого обладает неограниченной возможностью развития, так как неиссякаемы представления народа о счастье, о благополучной жизни, о счастливых людях, выраженные в сказках, легендах и т. п. Сказочный образ скатерти-самбранки и генетическая связь сюжетного мотива поисков счастливого с сюжетом сказки «О правде и кривде» призваны напомнить читателю эпопеи об исконности мечты народа о счастье, которой каждый по-своему воодушевляются и семь мужиков — искателей счастливого, и названные выше «счастливыцы» из крестьян, и «народный заступник» Григорий Добросклонов.

Стихийные порывы, смутные догадки крестьян возвышаются у «новых людей» до осознанных стремлений, продуманных идей. Искомое семью мужиками «Избыtkовo село» в представлении «новых людей» синонимично социалистическому обществу, которое Вера Павловна видит в Четвертом сне, а Добросклонов — в радостной мечте о «воплощении счастья народного». Мужики, ищущие «счастливого», еще не могут проникнуть во внутренний душевный мир «народного заступника», однако они внимательно слушают его:

Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:
Осклабился, товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на ус!».

(III, 371—372)

Тут все очень важно и знаменательно: и встреча стихийных выразителей исконного стремления народа к счастью с «народным заступником», и «радостное», «пристальное» внимание мужиков к его словам.

К. Маркс, внимательно следивший за развитием освободительного движения в России, пятью годами раньше создания «Пира на весь мир» писал: «Идейное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко в низах идет брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа».²⁵

«Невидимые нити», связывавшие революционных демократов и революционных народников с народом, были многообразны. Некрасов художественно показал их во взаимоотношениях Гриши Добросклонова

²² ИРЛИ, ф. 18, № 21200/31, л. 63 об. (ср.: III, 568, где вместо слова «стало» — «было»).

²³ Там же.

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 13, л. 72.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 147.

с вахлаками, в его чувствах и мыслях о народе, о России. В первопечатном варианте «Эпилога» размышления Гриши Добросклонова о народе типизировались следующей справкой, данной в скобках:

(В те времена хорошие
В России дома не было,
Ни школы, где б не спорили
О русском мужике).²⁶

Личные впечатления о народной жизни в сознании Добросклонова объединялись с тем, что он читал в книгах, слышал от своих учителей, в частности от отца Аполинария, который говорил семинаристам:

«Издревле Русь спасалася
Народными порывами».
(Народ с Ильею Муромцем
Сравнил ученый поп).²⁷

Усвоенное Добросклоновым сравнение спасительных для родины «народных порывов» с бунтарскими порывами Ильи Муромца было близко к тому, что говорил о народе Савелий, богатырь святорусский, видевший народ в облике Святогора, по лицу которого «не слезы — кровь течет».

Создавая образ «народного заступника», Некрасов упорно работал над теми деталями, в которых раскрывалась связь идей и стремлений героя с народными взглядами и идеалами, а вместе с тем и с идеалами революционной России:

... лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастья
Убогого и темного
Родного уголка.

(III, 384)

Но и его крестный отец, староста Влас, «болел за всю Вахлачину, не за одну семью».

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего! —

так думает и в соответствии с этим поступает Гриша Добросклонов. Но и Савелий Корчагин и его товарищи задолго до рождения Гриши боролись за лучшую «долю», за «свободу» крепостных корежинцев от власти помещика Шалашникова и управителя его имения Фоголя, и имя Ермилы Гирина уже прославлено молвой народною и окружено всеобщим почетом, заслуженным умом, добротой, верностью правде и народным интересам.

Образ «народного заступника» соотнесен не только с образами героев «Пира», но и с образами положительных героев всех предшествующих частей эпопеи, в том числе и с образом самого поэта.

Широкая соотнесенность характера, стремлений и идеалов Гриши Добросклонова с народом, с народным мирозерцанием, с характерами положительных героев эпопеи может быть вполне осознана читателем лишь в том случае, когда будет восстановлен первопечатный текст «Пира» — название последней части его: «Эпилог. Гриша Добросклонов».

²⁶ ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 4, л. 22 (ср.: III, 576).

²⁷ Там же.

«Эпилогу» «Пира на весь мир» Некрасов придавал очень важное значение. Это подтверждается и тщательной шлифовкой его текста, и особой бережливостью к его содержанию при сокращении текста «Пира» для опубликования в книге «Последние песни». Выше уже говорилось, что этот вариант был назван поэтом «Доброе время — добрые песни. (Эпизод из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»)». Из 1434 стихов, посвященных изображению пира вахлаков, в него вошли лишь 53 стиха, так или иначе связанных с образом Гриши Добросклонова. А из 361 стиха «Эпилога» — 306 стихов.

Итак, в основу академического издания «Пира на весь мир» следует, по нашему мнению, взять первопечатный текст. Это единственное прижизненное издание «Пира», полностью подготовленное самим поэтом.

«Пир» с «Эпилогом», дающим ответ на вопрос, кому на Руси жить хорошо, должен стоять в конце эпопеи.

Известное авторское примечание к «Пиру» требует размещения «Последыша» на предпоследнем месте, так, чтобы «Пир» стоял непосредственно за «Последышем». Для «Крестьянки» остается место второй части. Это вполне соответствует авторскому указанию, данному в словах искателей счастливого, обращенных к Матрене Тимофеевне: «Попа уж мы довели, Довели помещика, Да прямо мы к тебе» (III, 245).²⁸

²⁸ Подробнее об этом см.: Прошкин В. Г. О структуре эпопеи «Кому на Руси жить хорошо». — Филологические науки, 1976, № 4.

III. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Б. В. Мельгунов

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРЕДИСЛОВИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ В ЖУРНАЛАХ НЕКРАСОВА

Приступая к изучению редакционных предисловий и примечаний в журналах «Современник» и «Отечественные записки» с 1847 по 1877 г. — к изучению их как своеобразного публицистического жанра, — следует, разумеется, помнить, что это предмет коллективного творчества. Эти тексты писались разными авторами, в разные эпохи, по различным поводам.

Однако то, что на протяжении всех тридцати лет почти бессменным руководителем и самым активным сотрудником журнала был один человек — Некрасов, дает нам право рассматривать эти тексты как некое единство. Можно с уверенностью сказать, что эти небольшие по объему заметки «служебного» характера, взятые в их совокупности, в максимально обнаженной, подчеркнутой форме выражают эстетическую и общественную позицию двух наиболее передовых и последовательных русских журналов.

В круг исследования включены только те предисловия и примечания, которые подписаны редакцией. За его пределами остаются тексты, принадлежащие автору статьи или переводчику, имеющие, как правило, в «Современнике» и «Отечественных записках» соответствующие подписи: «примечание» переводчика», «переводчик», «автор» и проч. Иногда (очень редко) редакция журнала оставляла свои примечания без подписи, но в таких случаях авторство редакции журнала было ясно из самого текста заметки.¹

Некрасовские журналы содержат около девяноста интересующих нас заметок. Почти все они напечатаны мелким шрифтом, помещены под строкой и названы «примечаниями». Однако две трети этих материалов отнесены звездочкой к заглавиям статей и по существу являются предисловиями. Остальная часть — примечания в прямом значении этого слова.

Подписи «редакция» или «примечание редакции» обязывают нас считать автором предисловия редакцию, тем более что та же статья нередко снабжена примечаниями автора и переводчика. С другой стороны, сведения, которые содержат эти предисловия, — биографические материалы, анализ творчества, обзор критической литературы об авторе — говорят иногда о том, что редакция могла быть лишь соавтором специалиста или переводчика.

¹ См., например, редакционные примечания к главе «Шарлотта Корде» из «Истории жирондистов» А. Ламаргина (Современник, 1847, № 5, отд. II, с. 1); редакционное предисловие к статье «Растение и его жизнь» М. Шлейдена (там же, 1848, № 8, отд. II, с. 65), и др.

Известно, что в собственные обзоры литературы, печатавшиеся в «Современнике», Некрасов вставлял иногда характеристики иностранных писателей и их творчества, написанные по его просьбе знатоками европейской литературы, близкими к редакции журнала.² По-видимому, и редакционные предисловия к статьям «ученого» содержания и к переводным произведениям составлялись таким же образом.

В тематическом и жанровом отношении редакционные заметки отличаются большим многообразием. Все же можно сказать, что большая часть их носит полемический характер. Предметом полемики в этих предисловиях и примечаниях являются общественно-литературные проблемы, обсуждаемые автором публикуемой статьи. Однако некоторое количество редакционных заметок написано «по поводу» и по своему содержанию не имеет отношения к обсуждаемым в статье проблемам. Ряд заметок дает определенное представление о принципах работы редакции по подготовке материалов журнального номера к печати.

Среди различных по теме, но всегда отличающихся публицистической направленностью редакционных предисловий и примечаний безусловно заслуживают нашего внимания те из них, которые свидетельствуют об интересе Некрасова и его соредакторов к национально-освободительной борьбе европейских народов.

Не пытаясь дать четкую, законченную классификацию всех редакционных заметок, мы в дальнейшем постараемся рассмотреть наиболее интересные группы этих материалов.

* * *

Известно, что в первые годы издания обновленного «Современника» в нем отчетливо выразились две тенденции. Одна — демократическая, радикальная, весьма строго регламентирующая проблематику журнала, требующая идейной близости сотрудников. Этим журнал обязан прежде всего Некрасову — сподвижнику Белинского и продолжателю его дела. Другая тенденция — либерально-беспринципная, выражающаяся в терпимом отношении к взглядам сотрудников, идейно чуждых демократическому направлению.

Некрасов порой сознательно приглушает, смягчает демократическое содержание журнала материалами, подобными статьям министра просвещения С. С. Уварова³ или доброжелательно-неопределенным рецензиям на брошюры того же Уварова с заглавиями-лозунгами — «Православие, самодержавие и народность»⁴ и т. п. Это — «взятки» Некрасова цензуре, иначе в условиях жесточайшей реакции конца 1840-х — начала 1850-х годов журналу нового типа было не выжить.

Следует также учитывать при этом, что «Современник» в те годы еще не обрел своих постоянных читателей-подписчиков, которых следовало искать во всех слоях русского общества. Достаточно явно борьба указанных двух тенденций выражается и в содержании редакционных предисловий и примечаний, которыми в эти годы особенно часто снабжаются материалы «Современника».

² Так, например, характеристика Карлейля в «Заметках о журналах за декабрь 1855 г. и январь 1856 г.» Некрасова (Современник, 1856, № 2) принадлежит В. П. Боткину (IX, 763).

³ См., например, статью Уварова «Исследование об элевсинских таинствах» с предисловием редакции (Современник, 1874, № 2, отд. II, с. 77—108).

⁴ Современник, 1851, № 3, отд. V, с. 26—27.

Иногда редакция нарочито демонстрировала в своих заметках объективность и терпимость к противным мнениям. Однако эта терпимость распространялась, пожалуй, только на круг тех вопросов общественной и культурной жизни России, которые не имели прямого отношения к основным проблемам эпохи. Так, «Современник» опубликовал статьи А. Серова «Итальянская опера в Петербурге» (1851, № 3) и музыканта Ф. Лангера, указывая в предисловиях к этим материалам, что иной, противоположный взгляд на музыку, выражавшийся «Современником» прежде, не исключает другие взгляды.⁵

Когда политэконом Н. Бунге, автор «Теории кредита», прислал в «Современник» свой «Ответ рецензенту» с требованием поместить полемическую статью, несмотря на ее антисовременниковскую направленность, редакция миролюбиво ответила в предисловии к «Ответу», что она не имеет «никаких притязаний на непогрешимость своих суждений в таком спорном деле, как политическая экономия».⁶

Подобную «широту», терпимость во взглядах редакция проявляла и в критическом отделе «Современника». О вынужденном характере такой редакторской политики также свидетельствуют примечания к некоторым статьям. Постоянно ищущий достойную замену умершему Белинскому, «Современник» публично признавал слабость своего критического отдела и выражал надежду с 1850 г. усилить его.⁷

В мартовском номере журнала 1850 г. была помещена третья статья из серии «Русские второстепенные поэты», начатой знаменитой статьей Некрасова о Тютчеве. Это была статья о поэзии Фета. «Современник» поручил ее П. Н. Кудрявцеву, ранее не печатавшему здесь критических статей. Оценка поэзии Фета в работе Кудрявцева явно не удовлетворяла «Современник». Статья написана с позиций «чистого искусства», все в творчестве Фета критик принимал восторженно. В предисловии к статье Кудрявцева сообщалось, что мнение самой редакции о стихотворениях Фета выражено в напечатанной в этом же номере рецензии на только что вышедший сборник поэта. Статья Кудрявцева рассматривалась здесь как «дополнение» к отзыву редакции. Автор рецензии оценивал Фета лишь как поэта «проходящего по душе ощущения» и полемизировал с Кудрявцевым, сосредоточив свое внимание на слабых сторонах творчества поэта.⁸

Заметный диссонанс в крепнувший хор голосов «Современника» вносил А. В. Дружинин. В начале 1850-х годов он был ведущим критиком журнала (хотя Некрасов постоянно искал ему замену) и одним из активнейших его сотрудников. Некрасов и Панаев понимали, что Дружинин с его проповедью «чистого искусства» «иностранец» для журнала. «Редакция, — писал в одной из своих статей И. И. Панаев, — предоставила ему (Дружинину, — *Б. М.*) полную свободу в своем журнале, как вежливый хозяин предоставляет в своем доме гостю свободу, и считала неуместным прерывать его своими примечаниями и оговорками».⁹

Однако Дружинин нередко злоупотреблял «гостеприимством» «Современника». В двенадцатом своем «письме» «Иностранец» Дружинин весьма едко высмеивал «до крайности плохую» «материальную часть» русских журналов, допускающих большое количество опечаток в иностранных словах. В статье был явный намек и на опечатки

⁵ Там же, № 11, отд. VI, с. 37.

⁶ Там же, 1852, № 11, отд. VI, с. 155.

⁷ См. «От редакции» в № 12 «Современника» за 1849 г. (XII, 137—138).

⁸ Современник, 1850, № 3, отд. VI, с. 4; отд. V, с. 1—5.

⁹ Там же, 1851, № 5, отд. VI, с. 47.

в «Современнике», допущенные по вине Некрасова, не знающего иностранных языков. Редакция, «по чувству беспристрастия не сочтя нужным исключить это место» из статьи Дружинина, была вынуждена все же прервать текст статьи своим редакционным примечанием, чтобы объяснить читателям причины столь частых опечаток.¹⁰

В майском «письме» того же года Дружинин во весь голос заговорил о недостатках современной литературы, которые, по его мнению, заключались в следующем: «Первое, что сатирический элемент <...> не способен быть преобладающим элементом в изящной словесности, а второе, что наши беллетристы истощили свои способности, гоняясь за сюжетами из современной жизни».¹¹ Это был выпад прежде всего против самого Дружинина. В ноябрьском номере «Отечественных записок» 1850 г. от имени всех читателей и подписчиков «Современника», «не исключая и того иногороднего, который пишет письма в редакцию о русской журналистике», выражалось «недоумение» по поводу того, что «Современник» называет себя «литературным» журналом.

Любопытно, что именно в это время (во второй половине 1850 г.) Некрасов получил по почте рукопись начинающего литератора, студента Петербургского университета Н. Н. Страхова, под заглавием «По утрам». Это была юношеская автобиографическая повесть в форме дневника, писанного по утрам, в которой уже намечался «почерк», проглядывал философ-идеалист антидемократического направления, каким стал впоследствии Страхов. Подобно статьям Дружинина (и, по-видимому, не без их влияния), автор повести утверждал, что русские журналы, в том числе и «Современник», это «смесь в кусках самых разнообразных предметов, смесь без связи, без всякого толку и ладу».¹² Редакция «Современника» отказалась печатать повесть Страхова.

Нельзя не упомянуть еще об одном примечании к статье Дружинина. В очередном своем «письме», напечатанном в мартовском номере «Современника» за 1851 г., Дружинин, продолжая развивать свои взгляды на петербургские журналы, солидаризировался со статьей в февральском номере «Библиотеки для чтения», автор которой резко выступил за прекращение всяческой полемики в журналах. Автора статьи в журнале Сенковского удивляло чрезмерное количество журналов в России в сравнении с «просвещенной» Европой, где «пишущее сословие» несравненно более богато талантами. В Англии, являющейся, по мнению автора статьи в «Библиотеке» (и, разумеется, Дружинина), страной классических журналов, имеется всего три журнала по четыре номера в год, составляющие по общему объему не более двух книжек русского журнала. Франция издает один толстый двухнедельный журнал, а в Германии нет ни одного ежесемейника!

«У нас, — писала «Библиотека», — при наших ограниченных литературных средствах, в одно время существуют шесть огромных журналов, а недавно существовало семь». Вывод читатель должен был сделать сам: следует закрыть русские журналы, оставив разве что «Библиотеку для чтения» Сенковского. Примечание редакции, напечатанное мелким шрифтом под строкой, представляет собой довольно крупную по объему заметку. Остроумно и весьма кстати редакция напоминает «Библиотеке» ее нападки на пушкинский «Современник» при его возникновении; ос-

¹⁰ Там же, 1850, № 3, отд. VI, с. 76—77.

¹¹ Там же, № 5, отд. VI, с. 81.

¹² См.: Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 85—87.

новная мысль примечания в том, что «русской литературе во многом нельзя ставить в пример и в укор ни французскую, ни немецкую, ни английскую. Кто не повторяет, что русская литература вся сосредоточилась в журналах. Итак, не пишите о том, что печатается в журналах, и ваш собственный журнал не только не будет отражением текущего периода литературы, но превратится в нечто до того отсталое, до того бесцветное...».¹³

В эпоху подготовки и проведения правительственных реформ, когда положение «Современника» в журнальном мире, его общественная позиция были более прочными и определенными, меняется и характер редакционных предисловий. И если журнал иногда печатал статьи своих идейных противников, то отнюдь не в порядке вынужденной уступки, и редакционные предисловия к ним были совсем не «оборонительного» характера.

Сознание правоты и силы, тонкая издевка звучат в редакционном предисловии к письму М. П. Погодина Н. И. Костомарову «О начале Руси».¹⁴ Реакционная лженаучность теории Погодина была вскрыта Н. А. Добролюбовым в первом номере журнала за тот же год, где одновременно печаталась и статья Костомарова «Начало Руси». Теперь же, когда Погодин потерпел поражение и на публичном диспуте, получившем огромный общественный резонанс, и когда он потребовал напечатать в «Современнике» свое «Письмо» рядом с «Ответом» оппонента, редакция удовлетворила это требование, хотя «Письмо» заключало в себе выпады против «Современника». В последующих — апрельском и майском — номерах журнала теория Погодина была окончательно разбита Костомаровым и жестоко высмеяна Чернышевским.¹⁵

В «Современнике» этого периода встречаются материалы (преимущественно случайных авторов), в предисловиях к которым редакция была вынуждена указать на их незрелость, поспешность в выводах, политическую наивность. Однако это были, как правило, статьи, объективно соответствующие духу и направлению журнала. Приведем в качестве такого примера часть предисловия к статье Л. И. Халютина «Мысли о возможности улучшить быт и нравственность низшего сословия России посредством уничтожения винокурения из хлеба»: «Мнение г. Халютина об уничтожении винокурения из хлеба — конечно, утопическое; но мы помещаем эту статью как доказательство, какая горечь накапливается в людях, близко видящих зло откупов, и к каким крайним мнениям приводит страстное „желание уничтожить это зло“».¹⁶

С подобным же предисловием печаталась в февральском номере «Отечественных записок» 1872 г. первая статья А. Н. Энгельгардта «Вопросы русского сельского хозяйства», где в заостренной форме ставился вопрос об артельных сыроварнях, ведущих к обнищанию и разорению крестьянских семей. Статья вызвала острую полемику, анализ которой дан редакцией в предисловии к «Ответу г. Энгельгардту...» председателя Совета тверского общества сельской промышленности.¹⁷

Идти на «искупительные жертвы» Некрасову все же приходилось иногда даже в лучшие годы «Современника» и «Отечественных записок».

¹³ Современник, 1851, № 3, отд. VI, с. 80—81.

¹⁴ Там же, 1860, № 3, отд. I, с. 257.

¹⁵ Разумеется, это не значит, что костомаровская версия происхождения русской государственности являлась более достоверной. «Современнику» была близка о б щ е с т в е н н а я позиция Костомарова — этим прежде всего и объясняется предпочтительное отношение редакции журнала к Костомарову.

¹⁶ Современник, 1859, № 7, отд. II, с. 97.

¹⁷ Отечественные записки, 1872, № 4, отд. II, с. 332.

Такой «жертвой» — с минимальными, впрочем, уступками, более материального, нежели идейного характера, — можно считать публикацию в «Отечественных записках» очерков Скалдина (псевдоним Еленева). Видный чиновник цензурного ведомства Ф. И. Еленев («Фединька — откупа сын...», как скажет о нем Некрасов в одном из стихотворений — II, 525) предложил Некрасову ряд своих очерков под общим заглавием «В захолустье и в столице». Принять их к печати — значило заручиться поддержкой влиятельного цензора. Кроме того, очерки Скалдина содержали меткую и порою весьма острую критику с позиций буржуазного либерала пережитков крепостнической системы. И предисловие, которым снабдила редакция очерк Скалдина, уже ничем не напоминает верноподданнически-заискивающие предисловия к статьям Уварова в «Современнике» (ответственным редактором журнала той поры был А. В. Никищенко). Неидентичность с воззрениями «почтенного автора» была особо оговорена в редакционном предисловии. Редакция оставляла за собою «право делать под строкою <...> оговорки в тех случаях, где разногласие касается чего-либо существенно важного».¹⁸ И действительно, редакции не раз пришлось делать такие «оговорки». Приведем пока лишь одну из них. В одном из очерков автор весьма туманно говорит о необходимости улучшения деятельности земской полиции «по охранению личной и имущественной обязанности в наших провинциях». Он ратует за создание «коренных условий, обеспечивающих способность и добросовестность <...> полицейских чинов», что, по его мнению, позволит расширить функции полиции.

Эти либеральные мечтания были едко высмеяны в обширном примечании редакции, из которого приводим только начало: «Нам очень жаль, что автор не вошел в подробное объяснение тех коренных условий, которые необходимы для образования хорошей полиции; жаль потому, что без этого его рассуждения о полиции многие поймут неправильно. Им будет ясно одно, что наша полиция слаба и не удовлетворяет своему назначению, и им, пожалуй, будет казаться, что это дело можно поправить усилением численности полицейских чинов или расширением их прав на разные энергические меры, конечно, не прежнего грубого, а нового, цивилизованного характера <...> По численности своей наша полиция превосходит полицию всех государств; таких широких прав на энергические меры и старого и нового масштаба, какими снабжена наша полиция, не имеет никакая европейская полиция».¹⁹

Естественно, что в условиях некоторого спада революционно-демократического движения конца 1860-х — начала 1870-х годов, когда раздумья о будущем России, о формах и методах борьбы захватили все передовое общество, редакции «Отечественных записок» приходилось вступать в полемику не только с прямыми врагами и не только с либералами вроде Скалдина, но и с наиболее радикальными общественными деятелями, которые сотрудничали в журнале.

Мысли о русской революционной эмиграции, о трагическом и почти неизбежном отрыве ее представителей от русской почвы, ведущем зачастую к космополитизму, волновали и самого Некрасова, особенно в начале 1870-х годов, когда поток политических эмигрантов из России заметно увеличился. Достаточно отчетливо отражены эти раздумья в таких стихах, как «Сыны народного бича» (1870), «Притча» (1874), «Салтыкову» (1875). Интересно в этой связи редакционное примечание к статье

¹⁸ Там же, 1868, № 11, отд. I, с. 255.

¹⁹ Там же, № 12, отд. I, с. 591—592.

П. Л. Лаврова (к этому времени уже выехавшего за границу) «Современные учения о нравственности и ее история». Полемическое возражение редакции вызвало следующее утверждение Лаврова: «Та национальность или то государство, которые развили человека, и обуславливают в нравственном отношении его патриотизм, а не случайность происхождения или подданства. Чем хуже государственный строй и чем ниже развита национальность, тем скорее ее развитые люди будут патриотами другой почвы».

«С этим положением автора мы совершенно не согласны, — читаем мы в примечании редакции. — Мы думаем, напротив, чем хуже в стране государственный строй и чем ниже развита национальность, тем священнойшая на каждом развитом человеке обязанность оставаться патриотом именно этой страны, то есть заботиться всеми зависящими от него силами и средствами о развитии именно этой страны». В заключение этой довольно крупной заметки редакция писала: «Автор хотел, вероятно, сказать, что чем хуже государственный строй и чем ниже развита национальность, тем более ее развитые люди в своих воззрениях будут солидарны с странами, выше стоящими по развитию, но это нисколько не снимает с них обязанность всеми силами и средствами заботиться о распространении этих воззрений в своем натуральном отечестве».²⁰

* * *

Среди множества «жанровых» разновидностей редакционных предисловий и примечаний в журналах Некрасова едва ли не самыми интересными являются своеобразные реплики, заметки «по поводу», не имеющие прямого отношения к содержанию публикации, которую они предвзвывают или прерывают. Эти заметки — иногда всего в несколько строчек, а иногда разрастающиеся до размеров небольшой статьи — почти всегда остры, полемичны, значительны. Редакция пользовалась этим жанром «подстрочной публицистики» в наиболее трудные для журналов времена цензурных притеснений, когда примечание, скрытое под текстом статьи и, возможно, дописанное уже после просмотра корректуры цензурой, было единственной возможностью внести живую струю, высказать в журнале свое мнение по тому или иному важному вопросу.

Приведем одно из таких примечаний, чрезвычайно характерное для некрасовского «Современника». Речь идет о публикации «ученой» статьи из «популярных чтений» профессора Шлейдена «О погоде» в сентябрьской книжке журнала за 1848 г. В этой главе автор доказывает, что характер «веселого отаитянина, тупого жителя Огненной Земли, форменного китайца, необузданного бедуина, детского индейца, мужественного англичанина, абстрактного немца, материального североамериканца» формируется климатическими условиями страны. К словам «материального североамериканца» редакция сделала примечание: «Несправедливо относит это автор к североамериканцам; конечно, это так для некоторых провинций, где и теперь еще рабство не считается делом безнравственным, т. е. к некоторым южным штатам».²¹ Ясно, что автор примечания, совершенно неуместного для данной статьи, использует ее лишь как повод для напоминания читателям о безнравственности крепостного права в России, о чем запрещено говорить прямо.

Другое предисловие — в февральском номере «Современника» 1860 г. к отрывку из «Ричарда III» Шекспира, переведенного А. В. Дружини-

²⁰ Там же, 1870, № 5, отд. I, с. 137—138.

²¹ Современник, 1848, № 9, отд. II, с. 74.

ным, — является, по существу, откликом на состоявшееся 10 января 1860 г. первое публичное чтение Литературного фонда. Некрасоведы специально занимались вопросом об участии поэта в этом вечере; только в последнее время этому посвящены две специальные работы, но редакционная заметка о вечере, автором которой, вероятнее всего, был сам Некрасов, так и осталась незамеченной.²² Между тем это предисловие проливает дополнительный свет на отношение Некрасова к публичным выступлениям и на его понимание безгранично возросшей общественной роли деятеля литературы в эпоху революционной ситуации. Приводим лишь часть этой довольно обширной для примечания заметки: «Этот отрывок был читан (г. Маркевичем) 10 января 1860 года в публичном чтении в пользу „Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым“. Шекспиру не будет обидно, если мы скажем прямо, что его произведение сделало менее эффекта, нежели произведения гг. Тургенева, Майкова и др., читанные в тот же вечер. Почему так? Кто виноват в этом? Конечно, не Шекспир и не переводчик, который сделал свое дело мастерски <...> и не публика, которая слушала с напряженным вниманием все, что предлагалось ей в этот вечер. Но публике в этот день было собственно не до Шекспира. Каковы бы ни были таланты, выступавшие перед нею, это были свои, с которыми она в первый раз встречалась лицом к лицу. И она отдала им все громкое выражение своего сочувствия».²³

В эпоху правительственных реформ, когда цензурный гнет был несколько ослаблен, «Современник», а позднее и «Отечественные записки» не отказались от «подстрочной публицистики». Редакция весьма активно использует этот жанр в борьбе с правительственной реакцией. В качестве примера можно привести редакционное примечание к «Литературным и журнальным заметкам» за июль 1872 г. Н. К. Михайловского. «Заметки» писались накануне утверждения Александром II нового цензурного закона (утвержден 7 июля 1872 г.), по которому Комитет министров получал право уничтожить любой номер журнала. В период подготовки этого закона — с конца 1869 г. — наметилась перспектива некоторых цензурных послаблений, поэтому в литературных кругах не оставляли надежду на то, что новый закон будет более либеральным. Тревога и надежда в ожидании нового закона выражены в указанной статье Михайловского, завершающего свои размышления о цензурных порядках цитатой из Некрасова: «Вот приедет барин, барин нас рассудит...». Именно здесь редакция прерывает его своим примечанием. Сообщается, что когда статья была уже набрана, вышли «Дополнения и изменения некоторых из действующих узаконений о печати».

«Дополнения и изменения эти, — замечает редакция, — направлены для затруднения „издания бесцензурных сочинений, наполненных самыми опасными лжеучениями, стремящихся ниспровергнуть священные истины религии, извратить понятия о нравственности и поколебать коренные основы государственного и общественного порядка“ <...> почему никаких солидных гарантий собственности издателей и свободе печати, о которых говорит составитель „Заметок“, в себе не заключают».²⁴

²² См.: Краснов Г. В. Некрасов и литературные чтения. — В кн.: О Некрасове, вып. II. Ярославль, 1971; Гаркави А. М. К теме «Некрасов и литературные чтения». — В кн.: Н. А. Некрасов и его время, вып. 2. Калининград, 1976. См., впрочем, главу VI исследования «Шекспир и русская культура» (М.—Л., 1965; автор главы Ю. Д. Левин), где это предисловие частично цитируется.

²³ Современник, 1860, № 2, отд. I, с. 623.

²⁴ Отечественные записки, 1872, № 7, отд. II, с. 157.

Выпады против нового закона содержала и напечатанная в том же номере статья Демерта «Наши общественные дела». Это послужило поводом для объявления журналу первого предостережения «за резкое порицание недавно изданных законов о народном просвещении». Распоряжение напечатано в августовском номере журнала.

* * *

Приступая к рассмотрению еще одной группы редакционных предисловий и примечаний в журналах Некрасова, напомним вначале один эпизод из мемуаров А. А. Фета, где он «в пример обычной его (Некрасова, — *Б. М.*) бесцеремонности» вспоминает случай «с длинной повестью некрасовского приятеля, тянувшейся через несколько книжек „Современника“. Повесть надоела Некрасову, громогласно зевавшему над ее корректурой, и вдруг на самом патетическом месте, не предупредив ни словом автора, он подписал: „она (героиня, — *Б. М.*) умерла“ и сдал в печать».²⁵

И Фет и Тургенев — мемуаристы не вполне объективные, особенно когда дело касается Некрасова. Но ведь и сам редактор «Современника» писал однажды Тургеневу о том, что он в числе многих дел по редактированию январского номера журнала за 1850 г. «два раза переделывал один роман <...>, раз в рукописи и другой раз уже в наборе...» (X, 140).

Как показывает фронтальный просмотр журналов «Современник» и «Отечественные записки», Некрасов действительно иногда считал нужным прибегнуть к методу «коренного» редактирования, что он и оговаривал обыкновенно в предисловиях. В начале 1862 г. во Франции вышел в свет роман В. Гюго «Отверженные», сразу ставший широко известным. Некрасов знал о работе Гюго над произведением еще осенью 1858 г. и тогда же поручил М. Л. Михайлову, бывшему в Париже, начинать перевод, не дожидаясь выхода «Отверженных» в свет, прямо с корректурных листов. «Не смущайтесь, — писал редактор «Современника» Михайлову, — если в романе есть нецензурные главы — мы переделаем то, что будет можно, и все-таки окажем услугу читателю».²⁶

Роман начал печататься в апрельском номере «Современника» 1862 г. под заглавием «Несчастные». Первая его часть, переделанная в рассказ «Фангина», была помещена со следующим предисловием редакции:

«Новый роман Виктора Гюго возбуждает такое сильное любопытство, что надобно было познакомить с ним и наших читателей. Но первая часть романа, вышедшая в двух томах (напечатанных, впрочем, разгониисто до безобразия), чрезвычайно растянута. Печатать ее в полном переводе значило бы напрасно изнурять читателей и терять бумагу. Потому печатаем эту первую часть в сокращенном рассказе, — уверяем, что, кроме этого метода, конечно, непочтительного к „великому художнику“, не было другой возможности сделать ее сносною в чтении. Как надобно будет потупить со следующими частями: переводить их вполне или также сокращать, — увидим, когда они выйдут».²⁷

Примерно такая же участь постигла роман Д. Гарибальди «Духовное господство». Первая его часть печаталась в февральском номере «Отечественных записок» 1870 г. с редакционным предисловием, в котором

²⁵ Фет А. А. Литературные воспоминания, ч. I. М., 1890, с. 307. См. о том же: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. IV. М.—Л., 1961, с. 386.

²⁶ См.: Некрасовский сборник, вып. III. М.—Л., 1960, с. 257.

²⁷ Современник, 1862, № 4, отд. I, с. 607.

сообщалось, что роман, еще не опубликованный даже на родине автора, получен редакцией «через посредство одного лица, временно проживающего в Италии», и «должен составить в литературе явление не совсем обыденное».²⁸ Однако, готовя к печати вторую и третью части, редакция убедилась, что, как она сообщала в предисловии, «художественная сторона романа капрерского отшельника не отличается особенными достоинствами», и потому две последние части были «напечатаны лишь в извлечениях».²⁹

С произведениями русских авторов редакция обращалась, конечно, более деликатно, чем это изображает Фет. В качестве примера укажем на публикацию в «Отечественных записках» романа Д. Н. Гирса «Старая и юная Россия». Предвидя, что отдельные эпизоды произведения вызовут цензурные затруднения, Некрасов просил автора согласиться на некоторые изменения в тексте. Автор в конце концов согласился, но потребовал каждый пропуск в тексте обозначить отточиями.³⁰ О точном исполнении Некрасовым этого требования свидетельствует следующее примечание к обозначенной двумя строчками точек VII главе второй части романа: «Редакция считает справедливым заявить, что в этой первой половине II части VII глава не могла явиться в печати по совершенно не зависящим от автора обстоятельствам».³¹

Роман Гирса правился в редакции «Отечественных записок» по соображениям цензурного порядка и входит в подробное объяснение этих соображений читателям было, разумеется, «неуместно». Но сокращением, как приемом редактирования, пользовались в журналах Некрасова и тогда, когда редакция была несогласна с тем или иным идейно-теоретическим положением автора. И в этих случаях особым редакционным примечанием указывалось на эти сокращения.

Одно из таких примечаний к статье А. П. Щапова «Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа» обогащает наши представления о позиции, которую занимали Некрасов и его журнал в спорах об исторических судьбах русского народа и степени его социальной активности как раз накануне «хождения в народ».

В указанной статье Щапов весьма подробно говорит о пассивности и покорности национального русского характера, сформировавшегося, по его мнению, под влиянием географической среды и социальных условий. Не вступая в полемику с автором, редакция значительно сокращает эти рассуждения, добросовестно указывая на это в таком примечании: «Здесь следует пространное исследование автора о том, что вследствие того же медленного возбуждения по нервам была медленна, пассивна, умеренна в русском народе возбуждаемость, восприимчивость и сила напряжения воли к деятельности. Оттого „пассивно-эгоистическая покорность духа русского народа давлению исторических обстоятельств его воспитания всегда преобладала над энергической, активной самоопределяемостью и самодеятельностью воли народной“». Мы берем из этого исследования только заключение для связи с последующим».³²

Осталась зато наиболее острая и яркая декларативная часть статьи Щапова, тем самым подчеркнутая: «До тех пор мы будем страдать ум-

²⁸ Отечественные записки, 1870, № 12, отд. I, с. 599.

²⁹ Там же, № 4, отд. I, с. 471.

³⁰ См.: Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов как человек, журналист и поэт. М., 1928, с. 173—174.

³¹ Отечественные записки, 1868, № 4, отд. I, с. 462.

³² Там же, 1870, № 3, отд. I, с. 194.

ственной обломовщиной, пока не употребим над собой энергических усилий, чтобы посредством разумного реально-образованного воспитания молодых поколений генеративно-наследственно развить и воспитать в наших умственных и нравственных способностях такую силу реагенции против всех усыпляющих действий и климата и социального строя, какою европейский разум давно уже обладает...³³

* * *

Об интересе некрасовских журналов к литературной и общественной жизни Западной Европы могут и, думается, должны быть написаны специальные работы. Редакционные предисловия и примечания в «Современнике» и «Отечественных записках» дают и для изучения этой проблемы материал, заслуживающий внимания исследователей. Постараемся показать это, рассмотрев группу предисловий и примечаний, относящихся к Польше.

В основе интереса Некрасова — поэта и редактора к иноязычным литературам лежит прежде всего интерес к национально-освободительной борьбе, отражающейся в этих литературах. Естественно, что внимание к Польше, входившей в состав Российской империи, было постоянным и особенно пристальным. Однако это внимание, стремление познакомить русскую публику с жизнью и литературой свободолюбивого, угнетенного русским самодержавием народа постоянно наталкивалось на прямой запрет или глухое противодействие цензуры.

Смелым выступлением в защиту самобытной польской культуры и против сторонников ее замалчивания было редакционное предисловие к анонимной статье «Польская литература в 1855 году». Редакция обращала внимание русских читателей на «огромную отрасль славянской литературы <...> процветающую преимущественно в границах нашей империи» — почти совершенно им не знакомую. Краткое сообщение об успехах литературы народа, у которого «давно есть своя история», заканчивалось в предисловии вопросом, адресованным, думается, не только к читателям: «Неужели богатая соплеменная нам литература не заключает в себе ничего стоящего внимания и неужели книги, читаемые образованным народом, не заслуживают даже упоминания?»³⁴

Известно, что в дни польского восстания 1863 г. «Современник» не имел ни малейшей возможности выступить с прямой поддержкой польских патриотов. Но известно и другое: что одним из виднейших руководителей восстания стал бывший сотрудник «Современника» З. Сераковский и что близкий к редакции журнала И. Огрызко также сыграл немалую роль в событиях 1863 г. Некрасов и вся редакция бдительно следили за тем, чтобы антипольская «кампания», захватившая в ту пору русскую периодику, не проникла на страницы «Современника».

Новой редакции «Отечественных записок» во главе с Некрасовым пришлось в первый же год выразить свое отношение к антипольским настроениям, сильным даже в либеральных кругах. Резкой, убийственно-насмешливой рецензией встретил журнал выпешдшую в 1868 г. книгу М. П. Погодина «Польский вопрос» (автор рецензии неизвестен)³⁵

В упоминавшихся уже очерках Скалдина автор, говоря о ходе крестьянской реформы в Западном крае, с неприязнью писал о засилии там

³³ Там же.

³⁴ Современник, 1856, № 2, отд. V, с. 121.

³⁵ Отечественные записки, 1868, № 10, отд. II, с. 200—203.

польского «пришлого племени» и о враждебном отношении русского населения Виленской губернии к польским повстанцам. В своем обширном примечании редакция выражает сожаление по поводу того, что автор не разглядел «коренные причины» бедственного положения крестьян Западного края, перекладывая всю вину на поляков. «Пора бы нам, — писала редакция, — разыскать эту причину вместо того чтобы бесплодно толковать о пронырствах и коварствах поляков. Само собой разумеется, что нам трудно рассчитывать на добродетели чуждых нам национальностей, каковы польская или немецкая, когда при настоящем порядке дел этих добродетелей по отношению к крестьянскому сословию не оказываются и в наших собственных соотечественниках. . .»³⁶

Немалый интерес представляет также редакционное предисловие к трагедии Ю. Словацкого «Мазепа», переведенной с польского Н. Л. Пущкаревым и отредактированной самим Некрасовым (Отечественные записки, 1874, № 7). Это предисловие привлекало внимание исследователей. Оно «было написано, — читаем в специальной статье о переводе «Мазепы», — по всем правилам эзоповского языка русской революционно-демократической журналистики. Сказать, что Словацкий — поэт „протеста и отрицания“, сравнив его к тому же с Гейне и Байроном, было все равно, что назвать его революционным поэтом, не употребив опасного слова „революционный“».³⁷

* * *

Несколько слов об атрибуции текстов предисловий и примечаний в журналах Некрасова. По степени вероятности авторства или соавторства Некрасова тексты можно разделить на несколько групп. Об одной из них можно сказать, что составителем этих заметок был, по-видимому, Некрасов. К этой группе следует отнести все предисловия и примечания в отделе беллетристики обоих журналов и большую часть всех редакционных предисловий и примечаний из «Современника» первого десятилетия, когда Некрасов занимался редактированием почти единолично (XII, 52). Однако из-за отсутствия автографов и свидетельств самого Некрасова ни в одном из этих текстов его авторство не может считаться бесспорным.

Вторая группа предисловий и примечаний включает те тексты, где авторство или соавторство Некрасова не может быть исключено.

Третья группа — тексты, автором или соавтором в составлении которых Некрасов не мог быть. Сюда входят редакционные предисловия и примечания, помещенные в журналах во время заграничных поездок Некрасова, а также те, о которых известно, что они принадлежат другим авторам. Известно, например, что примечание к статье М. А. Антоновича и М. Е. Салтыкова-Щедрина «Стрижам» не могло быть написано Некрасовым и принадлежит, по-видимому, Головачеву.³⁸ Впрочем, таких предисловий и примечаний очень немного. Во время заграничных поездок и в летние месяцы, когда Некрасов уезжал в Карабаху, количество редакционных заметок в журнале резко сокращалось.

³⁶ Там же, № 12, отд. I, с. 620.

³⁷ Левин Ю. Д., Рабинович Г. Б. Некрасов и первый русский перевод «Мазепы» Ю. Словацкого. — В кн.: Некрасовский сборник, вып. III. М.—Л., 1960, с. 182.

³⁸ См. письмо А. Ф. Головачева к Некрасову от 25 августа 1864 г.: Архив села Карабахи. М., 1916.

Нет сомнения, что редакционные предисловия и примечания двух первых названных групп должны быть включены в начинающееся академическое издание сочинений Некрасова. С максимальной осторожностью и строгостью отобрав тексты, их следует, по-видимому, поместить в особом приложении к тому, содержащему материалы по биографии и редакторской деятельности Некрасова.

Рассмотренные нами редакционные предисловия и примечания в журналах Некрасова позволяют сделать следующий вывод. Этот аспект творчества редактора «Современника» и «Отечественных записок» не может не учитываться в трудах, посвященных художественной, критической, публицистической и издательской деятельности крупнейшего поэта и журналиста XIX столетия.

Укажем, кстати, еще на одну категорию редакционно-издательских материалов, не получивших должного освещения и осмысления в некрасоведческой литературе и трудах по истории «Современника» и «Отечественных записок». Речь идет о редакционных объявлениях, обращенных к читателям, и других материалах информационного характера, печатавшихся не только в составе самих журналов Некрасова, но и в других периодических изданиях, отдельными афишками и брошюрами. Тексты такого рода, помещенные в двенадцатом томе «Полного собрания сочинений и писем» Некрасова, составляют меньшую половину рассеянных в петербургских, московских и провинциальных изданиях материалов.

Указанные материалы — как «движущаяся эстетика» печатных органов русской революционной демократии — с возможной полнотой должны быть учтены в готовящемся издании академического «Полного собрания сочинений и писем» Н. А. Некрасова.

В. Э. Вацуро

ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ «ОГОРОДНИКА»

Балладе «Огородник» принадлежит заметное место в творчестве Некрасова 1840-х годов. Она появилась впервые в «Отечественных записках» за 1846 г.¹ и сразу же привлекла внимание критики. Ап. Григорьев писал о ней как о воплощении «народного духа».² Рецензент «Иллюстрации» замечал, что «Огородник» — «готовая драма», и в самом деле, в последующие десятилетия на основе этого стихотворения создается несколько драматических произведений, не увидевших света из-за противодействия цензуры.³

Исследователей «Огородника» занимало несколько проблем, связанных с этим стихотворением. Одной из них была проблема образной специфики «Огородника», и более всего связи стихотворения с народно-поэтической традицией. К. И. Чуковский рассматривал его как первый опыт Некрасова в освоении народного творчества, причем опыт, в котором «еще заметны следы ученичества».⁴ Последнее замечание было принято далеко не безусловно; усилия исследователей были направлены главным образом на изучение «фольклорного фона» стихотворения. Так, автор одной из последних по времени статей об «Огороднике» В. М. Сидельников, специально занимавшийся проблемами поэтики народной песенной лирики, произвел подробный сравнительный анализ «Огородника» и народной песни, отметив черты близости в функциональном использовании поэтических средств: эпитета, отрицательных сравнений, анафорических подхватов, поговорочных речений и т. д. Он еще раз обратил внимание и на то — известное, впрочем, — обстоятельство, что «Огородник» не стоит особняком в лирике Некрасова 1840-х годов, включаясь в целую группу других стихотворений, где использовались народно-поэтические средства («В дороге», 1845; «Тройка», 1846; «Псовая охота», 1846, и др.).⁵

При всей справедливости этих наблюдений, пересматривая историографию «Огородника», мы не можем отделаться от ощущения, что исследователям словно не хватает каких-то звеньев для полного понима-

¹ Отечественные записки, 1864, № 4, с. 401.

² Григорьев А. Обозрение журнальных явлений за январь и февраль текущего года. — Московский городской листок, 1847, № 52, с. 207.

³ См.: Гаркави А. М. 1) Поэзия Некрасова и литературная школа Белинского. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия филол. наук, 1954, вып. 19, с. 155. См. также примечания Гаркави в кн.: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений: в 3-х т., т. 1. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 606.

⁴ Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М., 1955, с. 445.

⁵ Сидельников В. М. Лирическая новелла Н. А. Некрасова «Огородник» и народная поэзия. — Вопросы русской литературы, Львов, 1974, вып. 1 (23), с. 32—34.

ния этого стихотворения. Отыскивая их, его ставят в различные контексты, фольклорные и литературные, — контексты близкие, но отнюдь не тождественные в историко-литературном, стилистическом и типологическом отношении. Нет спора, что для обработки сюжета Некрасов обратился к средствам народной поэзии, но в какой мере принадлежит ей самый сюжет? И не только сюжет, но и образная система, включая и характеры?

Вопрос этот немаловажен и также привлекал к себе внимание. Некоторые аналогии из сюжетного репертуара народно-песенного творчества здесь напрашивались сразу же. Известен сюжет песни (баллады) о Ваньке-ключнике и князьях Волконских, сходный с сюжетом «Огородника» в центральной ситуации — любовь холопа и княгини и казнь влюбленных. Эта песня принадлежала к числу очень распространенных; исполнять ее запрещали, но она сохранилась в довольно большом числе записей, в том числе и ранних. Ее записали Пушкин («Тут жил-поживал господин Волконский-князь...») и Кольцов («Как у князя было князя, У князя Волконского...»)⁶ Сюжет попал в литературу, — укажем, например, на «Боярина Оршу» Лермонтова (1836), «Балладу» И. С. Тургенева (1841) и на позднейшую балладу В. Крестовского «Ванька-ключник» (1861). Известен и другой сюжет о холопе и боярской дочери; он есть уже в сборнике Чулкова.⁷ Наконец, в литературе встречаются указания и на третий сюжет — рекрутской песни «Как поймали добра молодца...» («Пошла-то моя буйная головушка...»), в которой молодца ловят «у прилуки красной девицы» и отправляют в солдаты.⁸

Уже самая множественность этих аналогий говорит о том, что фольклор дает нам лишь очень общий контур исходной ситуации. И дело здесь не только в том, что у Некрасова снят балладный мотив измены: любовь «огородника» запретна, но не преступна. Дело еще и в том, что в «Огороднике» сюжет осложнен, он конкретизирован и более новеллистичен. В стихотворении сосуществуют два начала: народно-песенное, обобщенное — в обрисовке «девицы» и «огородника», наделенного всеми чертами фольклорного «добра молодца», — и, с другой стороны, начало бытовой новеллы, с сюжетными и психологическими мотивировками. В этой стилевой стихии появляется в «Огороднике» мотив «перстня».

Аполлон Григорьев весьма проникательно обратил внимание на этот мотив. В сцене с перстеньком и зарождающаяся ревность девушки, которая уже готова стать возлюбленной молодца («От кого у тебя перстеньек золотой?»), и любовная игра («Я давал — не давал золотой перстеньек»), и даже символическое обручение — тоже довольно обычный в народной поэзии мотив, попавший и в письменную литературу.

Второй мотив, столь же существенный, — ложное объяснение. Ванька-ключник дерзко хвалится своей связью с княгиней. Некрасовский «огородник» держит себя иначе. Он обвинен не в прелюбодеянии, а в воровстве, и предпочитает снести стыд, но не выдать истины. Его наказание — не петля и не дыба, а острог и плети. Это тоже не от песни, а от новеллы.

Ощущая, по-видимому, эту двойственность поэтики «Огородника», исследователи стали искать ему аналогий не непосредственно в песен-

⁶ Литературное наследство, т. 79. М., 1968, с. 192, 224, 290, 334—335.

⁷ См.: Сидельников В. М. Лирическая новелла Н. А. Некрасова «Огородник»..., с. 34.

⁸ Андреев Н. Фольклор в поэзии Некрасова. — Литературная учеба, 1936, № 7, с. 64. Текст песни см., например: Народные лирические песни, Л., 1961 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 440.

ном репертуаре, а в литературных обработках фольклора. И здесь естественно возникло имя Кольцова.

Именно в «Огороднике» исследователи темы «Некрасов и Кольцов» находили наибольшую близость к кольцовской образной системе. Тип «огородника» близок к кольцовским «удальцам», с их народно-песенными атрибутами, с их характерным жестом:

Я кудрями трягну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь...⁹

Эти соображения поддерживались и прямой реминисценцией. В «Огороднике» Некрасова:

По торговым селам, по большим городам...

У Кольцова («Что ты спишь, мужичок...»):

По селам, городам,
По торговым людям...¹⁰

Поэзия Кольцова выступала, таким образом, как бы посредником между фольклором в его классическом виде и некрасовским «Огородником». Это положение оказалось в литературе наиболее аргументированным и в настоящее время, кажется, общепризнано. Назывались, впрочем, и другие посредники, но с менее очевидным, а иногда и проблематичным сходством, преимущественно типологического характера, например Лермонтов с его «Песней про царя Ивана Васильевича...».¹¹

Признание того факта, что «Огородник» Некрасова в известной мере обязан своим возникновением песням Кольцова, не лишает нас права искать в литературе и других аналогиях сюжету баллады. Дело в том, что даже ранний Некрасов, Некрасов периода поэтического ученичества, лишь в исключительных случаях ориентировался в собственных стихах на какой-либо один источник. Даже подражая, он воспроизводил типовую литературную ситуацию. В данном же случае мы имеем дело с молодым, но вполне зрелым мастером.

Такую аналогию, как представляется, мы можем назвать, но не в поэзии, а в прозе.

Известно, что в середине 1840-х годов, как раз в годы создания «Огородника», Некрасов довольно близко общается с В. А. Соллогубом — одним из наиболее авторитетных прозаиков круга «Отечественных записок». С 1840 г. Соллогуб начинает печатать в журнале свой «Тарантас» — первые семь глав, а в 1845 г. повесть выходит роскошным отдельным изданием и получает широкую читательскую популярность.

История взаимоотношений Соллогуба с кружком Белинского и с самим Некрасовым — особая исследовательская проблема, разработанная не до конца; она весьма интересна и сложна, но здесь она нас в полном объеме интересовать не может. Достаточно сказать, что на протяжении 1840—1845 гг. отношение Белинского к литературному творче-

⁹ Колесницкая И. М. Некрасов и Кольцов. (Вопросы художественного метода). — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1957, № 229. Серия филол. наук, вып. 30, с. 94—95.

¹⁰ См.: Бухштаб Б. Я. Сатира Н. А. Некрасова в 1846—1847 годах. — Некрасовский сборник, вып. III. М.—Л., 1960, с. 10.

¹¹ См.: Благово В. «Огородник» и «Извозчик». — В кн.: Страницы русской литературы. Л., 1974.

ству Соллогуба менялось, что безусловное признание критиком литературных достоинств напечатанных в «Отечественных записках» глав «Тарантаса» сменилось резким скептицизмом в отношении последующих глав, впервые появившихся в отдельном издании; что обширная статья Белинского о «Тарантасе» должна была нести на себе двойную нагрузку: нужно было поддержать одного из заметных сотрудников журнала и, с другой стороны, выразить решительное несогласие со славянофильской доктриной, которой отдал дань Соллогуб и которая прояснилась окончательно в полном тексте повести. Это все и выполнил Белинский в своем критическом разборе, появившемся в июньском номере «Отечественных записок» за 1845 г.

Почти одновременно в 14-м номере «Литературной газеты» печатается рецензия Некрасова на «Тарантас», во многом — хотя и не во всем — ориентированная на точку зрения Белинского. Параллельный анализ этих двух статей был бы, вероятно, небезынтересен, но для наших целей важно отметить лишь одно место в отзыве Некрасова. Критически оценив опыты стилизаций в народном духе в повести Соллогуба, Некрасов замечает: «„Тарантас“ исполнен страниц превосходных, обнаруживающих сильный талант, меткую наблюдательность, чудную способность рассказа, уловляющего самые поразительные черты с непостижимой легкостью, и не чужд страниц слабых и странных. Первых особенно много в начале, вторых — в конце». К этим «страницам превосходным» он относит те главы, которые печатались некогда в «Отечественных записках», и среди них выделяет три, как он говорит, приводившие читателя «в совершенный восторг»: «Встреча», «Отъезд», «Перстень».

На эту-то главу «Перстень» нам и придется теперь обратить особое внимание.

«Перстень» — вставная новелла, построенная как сказ. Ее рассказывает хозяин постоялого двора — «красивый высокий парень, обстриженный в кружок, с голубыми глазами, с русой бородкой, в синем армяке, перетянут красным кушаком»¹² — «купеческий племянник» Иван Петров Фадеев.

Рассказ его заключается в следующем. Года два назад прислали им из города нового частного пристава. Мещане и купечество отправились представляться, и здесь рассказчик впервые увидел «частнику» — жену пристава.

«Ну уж частника, сказать правду, маков цвет! С собой такая румяная, а глаза что уголья, так и искрятся. Подстрекнул меня нелегкий, загляделся на красотку <...>

Вот с того времени, греха тайть нечего, нашла на меня дурь несказанная: не сплю, не ем, свет посыл... Только и думаешь, как бы забраться к частному...» (с. 50).

Перед нами — контур экспозиции «Огородника»:

Черноброва, статна, словно сахар бела,
Стало жутко, я песни своей не допл.
А она — ничего, постояла, прошла,
Отглянулась — за ней как шальной я глядел.

Все это пока не выходит за пределы самого общего сходства. Но две сюжетные линии и далее развиваются параллельно:

¹² Соллогуб В. А. Тарантас. Путевые впечатления. М., 1955, с. 45. Далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте.

«Вот — недолго спустя, Марья Петровна начала уже прогуливаться мимо моей лавки и заговаривать. „Что это, Иван Петров, как холодно нынче“. — „Видно, сударыня, морозило ночью“. Или: „Каково торгуется, Иван Петров?“ — „Ничего-с, изрядно, не можем жаловаться“» (с. 51).

Некрасовский текст более обобщен — не забудем, что он ориентирован и на народную балладу, и на Кольцова:

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою,
И смеялась со мной, и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Соллогуб рассказывает анекдот — он опускает сюжет в бытовой регистр. Частный сам заходит к Ивану Петрову и становится ему «задушевым приятелем», потому что каждый раз получает водку. В соллогубовском повествовании и иной характерологический ключ. Иван Петров не рассказывает о подробностях начавшейся любви, потому что он не Ванька-ключник и не обобщенный молодец народной баллады. На том месте, где в некрасовском стихотворении — описание «невозвратных ночей» «огородника», у Соллогуба — тактичное умолчание:

«Частный за ворота... а я в дверь... словом...»

Тут рассказчик улыбнулся и остановился опять.

— Словом... Ну, да что тут много толковать! Прошел месяц, другой...» (с. 51).

Вот здесь-то и появляется в рассказе Соллогуба перстень:

«А надо тебе, барин, сказать, что частниха подарила мне колечко червонного золота с голубым цветочком и просила носить на память, только не показывать мужу» (с. 51).

Этот перстень и замечает на пальце Ивана пьяный пристав и обвиняет его в воровстве:

«Не успел я вернуться, а меня уж схватили трое десятских за шиворот, да и тащат в острог. „Помилуйте, я купеческий племянник, не смейте меня трогать“. Ничуть не бывало, связали руки да и посадили в острог, в темную, и наручники надели. Вор, дескать» (с. 52).

У Некрасова:

Вот однажды как крался я в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо: «Держи вора!» кричат.

«Послали за мною, — рассказывает далее у Соллогуба Иван Петров. — Привели меня с инвалидами, как преступника. Стыдно было перед народом, а делать нечего».

У Некрасова:

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел...
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Анекдот Соллогуба оканчивается благополучно. Иван Петров успевает вернуть перстень, и обвинение пристава предстает пьяным бредом. Городничий и секретарь «смекнули дело» и начали хохотать, обвиняемого отпустили домой, а пристава с женой уехали из города. «Городничий сказал только: „А тебе, брат, урок. Не носить перстеньков да не ухаживать за барынями...“» (с. 53).

Драматизм концовки «Огородника» и его яркая социальная окрашенность отделили некрасовскую балладу от ее первоисточника настолько резкой чертой, что близость сюжетных схем потерялась. Даже старинная знакомая Соллогуба Е. П. Ростопчина, обвинявшая Некрасова за социальный вред его «Огородника», не вспомнила о «Перстне»; неизвестно, уловил ли сюжетное сходство и сам Соллогуб. Между тем оно есть, и притом значительно большее, нежели в фольклорных аналогах.

Так определяется еще один вероятный посредник между фольклором и «Огородником», — говорим «посредник», потому что рассказ Ивана Петрова также вряд ли изобретен Соллогубом и восходит, вероятно, к бытовой и, может быть, народной новелле. Эта новелла подверглась у Некрасова переинтерпретации, но баллада удержала ее сюжетную основу. То обстоятельство, что сюжет баллады восходит не к стихотворному, а к прозаическому повествованию, представляется существенным: оно в значительной мере объясняет жанрово-стилистические особенности «Огородника». В стихотворении Некрасова совместились черты баллады, «литературной песни» Кольцова — особого жанрового образования с сильным эпическим элементом,¹³ наконец, бытовой новеллы, на которую теперь мы можем указать точно, — новеллы со своими принципами создания характеров и психологическими мотивировками поведения, не свойственными народной лирической и даже эпической поэзии. «Огородник» был одной из тех синтетических жанровых форм, которые вообще характерны для лирики Некрасова. Напомним, что подобным же образом возникает «Извозчик» (1855) — произведение, которое нередко приводится как жанровая параллель «Огороднику»: «Извозчик» вырастает из целой серии прозаических рассказов на один сюжет, широко распространенный в русской бытовой новеллистике с 1830-х годов; но этот сюжет уже подвергся внимательному обследованию.¹⁴ Настоящая заметка призвана дать некоторый дополнительный материал для изучения генезиса некрасовских поэтических форм.

¹³ См. об этом замечания Ю. В. Стенника в кн.: Русская литература и фольклор (первая половина XIX века). Л., 1976, с. 292—333.

¹⁴ См.: Гин М. М. Из истории борьбы Некрасова с ложной народностью. — Некрасовский сборник, вып. III. М.—Л., 1960, с. 273—280 (с историографией вопроса); Гаркави А. М. К пересмотру традиционного мнения об источнике стихотворения Некрасова «Извозчик». — Учен. зап. Калнинградского гос. пед. ин-та, 1955, вып. 1, с. 63—65. К приведенным в этих статьях материалам о распространенности сюжета о «повесившемся извозчике» как в литературной, так и в устной традиции добавим еще одно указание — «Потсрянную для света повесть» О. И. Сенковского (под псевдонимом «А. Белкин»), напечатанную в «Библиотеке для чтения» в 1835 г.; этот журнал Некрасов читал еще в гимназии (см.: Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М.—Л., 1947, с. 141). В этой повести-памфлете Сенковский упоминает о «Корыстолюбце» Погодина как о переложении «анекдотика», который рассказывает «за самоваром» «сословие московских старух», и далее иронизирует над «психологическими» претензиями автора: «Нам кажется, что ларчик просто открывался: извозчик повесился от жадности, — от того, что лишился нескольких тысяч рублей, которые были у него в руках. Психология может быть уверена, что более тут ничего не было» (Библиотека для чтения, 1835, т. VIII, отд. XI, с. 7). Об этой же повести Сенковский упоминал и в рецензии на «Мечты и жизнь» Н. А. Полевого. См.: Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., 1973, с. 213—214.

В. И. Мельник

ИСТОРИЯ ОДНОГО СЮЖЕТА

(РАССКАЗ НЕКРАСОВА «ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ РУБЛЕЙ»)

Н. А. Некрасов вошел в русскую литературу прежде всего как поэт. Его поэтическое наследие исследовано значительно глубже и тщательнее, нежели его проза. Некоторые проблемы, давно решенные в области поэзии Некрасова, все еще остаются актуальными в отношении Некрасова-прозаика.

Так, например, некрасоведение последовательно, шаг за шагом пришло к полному опровержению неисторического подхода к творчеству поэта со стороны Н. Котляревского и других дореволюционных исследователей, безосновательно утверждавших: «Предшественников он не имел, не имел и наследников. Школы не проходил и школы не создал. Исследователь, если он займется родословной Некрасова, будет избавлен от кропотливых разысканий. Он начнет эту родословную с него самого и на нем ее кончит».¹ Советские исследователи выявили, что поэзия Некрасова отличается не только безусловной и яркой оригинальностью, но и глубоким усвоением традиций русской поэзии, традиций Пушкина² и Лермонтова.³ Можно с уверенностью сказать, что Некрасов имел предшественников, имел он и продолжателей, причем не только в так называемой «некрасовской школе»,⁴ но и в русской поэзии вообще, вплоть до нынешнего времени.⁵

Что же касается прозы писателя, то здесь дело обстоит несколько сложнее. Очевидно, что проблема взаимосвязей Некрасова с прозой 1840-х годов не представляется столь же актуальной, как проблема традиций в его поэзии. Именно поэтому она в сущности и не поставлена как проблема. Ее постановка потребовала бы серьезного изучения ранней некрасовской прозы в ее взаимосвязях с современным фельетоном, анекдотом, авантюрным рассказом, очерком и т. д.

В подходе к ранней прозе Некрасова исследователи руководствуются тем, что в начале 1840-х годов писатель был вынужден заниматься литературной поденщиной. Некрасов сам признавался: «Прозы моей надо

¹ См.: Н. А. Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Пг., 1922, с. 12.

² См., например: Прийма Ф. Я. От Пушкина до Некрасова. — Некрасовский сборник, вып. IV. Л., 1967.

³ См., например: Гиппиус В. В. Некрасов в истории русской поэзии XIX века. — Литературное наследство, т. 49—50. М., 1949.

⁴ Термин «некрасовская школа» ныне прочно вошел в научный обиход. См. об этом: Еголин А. М. О некрасовской школе в русской поэзии. — Вопросы литературы, 1958, № 5; Скатов Н. Поэты некрасовской школы. Л., 1968.

⁵ См.: Скатов Н. Некрасов. Предшественники и продолжатели. Л., 1974.

касаться осторожно. Я писал из-за хлеба. Много дряни, особенно повести мои, даже поздние, очень плохи — просто глупы...».⁶ Со времени В. Горленко, описавшего, как Ф. А. Кони советовал Некрасову «рассказать какой-нибудь известный из жизни случай, приключение», «описать себя»,⁷ в сознании исследователей укрепилось убеждение, что ранняя проза писателя не имеет соприкосновений с литературной традицией, что она вся из жизни. Хотя тот же В. Горленко заметил: «Случалось, что Некрасов заимствовал что-нибудь из прочитанного, как материал для своих литературных работ. Так, фабулы рассказа „Ростовщик“ и водевиля „Шила в мешке не утаишь“ взяты были из повестей Нарезного».⁸ В. Е. Евгеньев-Максимов считает, что известным исключением явились написанные по романтическому шаблону повести «Певца», «В Сардинии».⁹ Его поддержал А. М. Еголин.¹⁰

Между тем очевидно, что, работая «на заказ», Некрасов должен был широко обращаться к литературному материалу и в «жизненных» рассказах и повестях. Он просто не мог не ориентироваться в своей журнально-газетной прозе на современную беллетристику: анекдот, фельетон, очерк и т. д. Именно этот аспект пока мало разработан, а здесь нашлось бы немало интересного. Необходимо прежде всего указать на конкретные источники некрасовской прозы, т. е. приготовить почву и для более глубокого ее осмысления.

Иногда проза Некрасова может обнаружить самые неожиданные параллели. Так, например, широко известный очерк писателя «Петербургские углы», помещенный в сборнике «Физиологии Петербурга», оказывается как-то связанным с очерком Ф. В. Булгарина «Русская ресторация» (1843). Речь идет об образе «зеленого господина», представленного у Некрасова в виде «полуштофа»: «Покачиваясь из стороны в сторону, в комнату вошел полуштоф, заткнутый человеческой головой вместо пробки» (VI, 117). Идея «человека-бутылки» впервые прозвучала в указанном очерке Булгарина: «Это был, — писал Булгарин, — уже пожилой человек, высокого роста, перегибающийся беспрепятственно на все стороны, как будто спирт, переливаясь по всем его жилам, приводил его в движение».¹¹ «Зеленому господину» Некрасова «было, по-видимому, лет шестьдесят» (VI, 116); герой «Русской ресторации» также «пожилой человек». Лицо «зеленого господина» «не имело ничего особенного» (VI, 116), и Булгарин пишет о своем герое: «Лицо его было, как говорится, *лицо без образа*» (с. 44). Самая идея «цветовой» характеристики персонажа («зеленый») могла быть усвоена Некрасовым из этого же источника. «Какое-то удивительное слияние красок, — замечает Булгарин, — в котором господствовали преимущественно два цвета, темно-красный и фиолетовый или синий с фиолетовым отливом), сосредоточиваясь на оконечности длинного его носа, расходилось полосами по фалдам морщин, которыми покрыты были лоб его и щеки» (с. 44). Не-

⁶ Цит. по кн.: Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 1. М.—Л., 1947, с. 242.

⁷ Горленко В. Литературные дебюты Некрасова. — В кн.: Стихотворения Н. А. Некрасова, т. IV. СПб., 1879, с. СII—СIII.

⁸ Там же, с. СIX.

⁹ Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 1, с. 275.

¹⁰ Еголин А. М. Некрасов и поэты-демократы 60—80-х годов XIX века. М., 1960, с. 44.

¹¹ Булгарин Ф. В. Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб., 1843, с. 44. Далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте.

сомненное сходство есть и в биографических данных литературных героев. Оба они — слившиеся учителя и «сочинители». Герой Булгарина «учился изрядно, и был некогда учителем, даже сочинил что-то <...> Но таланта его не уважили, и он с горя — спился с кругом! <...> Прежде пивал запоем, а теперь пьет без просыпу!» (с. 45). «Зеленый господин» также был учителем: «Давно, лет сорок назад окончив курс семинарии, он вступил учителем в какое-то незначительное училище и дело свое вел хорошо». «Что же касается до стихов, то очень немудрено, что зеленый господин и действительно писал стихи» (VI, 117—118), — замечает Некрасов.

Вероятно, Некрасов, обратившись к теме нравственной деградации талантливых, способных людей из интеллигенции, не мог пройти мимо булгаринского персонажа, во многом определившего образ «зеленого господина».

Вопрос о предшественниках и продолжателях некрасовской прозы может быть поставлен и более широко.

Проза натуральной школы выросла на основе массовой беллетристики 1830-х и даже 1820-х годов XIX в. Писатели часто обращались к уже использованным сюжетам, мотивам, положениям, придавая им новое актуальное звучание. Особое значение приобрела тема «лишнего» в социальном плане человека и его борьбы с судьбой. Обратившись к этой теме в рассказе «Двадцать пять рублей», напечатанном в 1841 г. в «Литературной газете», Некрасов затронул самые основы социальной поэтики натуральной школы и не случайно оказался в русле определенной традиции.

В рассказе «Двадцать пять рублей» речь идет о феноменальном неудачнике, которому судьба отказывает с удивительным постоянством во всем и которому не находится места в жизни. Герой в силу роковых случайностей не окончил курса в гимназии, не попал в университет, пролежал полгода в постели, сломав ногу. В довершение всего из-за плохого зрения он влюбляется... в манекен. Пытался покончить с собой — неудачно. «Он решил жить, потому что видел невозможность умереть» (V, 130). Но неожиданный запоздалый выигрыш 25 тысяч рублей обрушивается на него как новое несчастье. С ним происходит удар, и он умирает.

В. Е. Евгеньев-Максимов писал по поводу «Двадцати пяти рублей»: «В этом рассказе чувствуется налет автобиографизма (детство, гимназия, университет, неудачный литературный дебют)».¹² Автобиографизм в рассказе несомненен, особенно в том, что касается «литературного дебюта». Но гораздо более важной представляется вся схема в целом (и отдельные ее части), заимствованная у малоизвестного литератора 1820—1830-х годов Павла Лукьяновича Яковлева.¹³ Рассказ «Двадцать пять рублей» прямо ориентируется на один из прозаических опытов П. Л. Яковлева — на его рассказ «Бедный Макар», напечатанный в 1828 г. и, вероятно, входивший в круг чтения Некрасова.

Бедному Макару нет места в жизни, отсюда его феноменальное невезение. Как и герою Некрасова Дмитрию Ивановичу, ему не повезло уже при рождении, ибо его отец был в это время без работы и не мог

¹² Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 1, с. 269.

¹³ О П. Л. Яковлеве написано довольно мало, см.: Кубасов И. Павел Лукьянович Яковлев. — Русская старина, 1903, ч. 4; Медведев И. П. Л. Яковлев и его альбом. — В кн.: Звенья, кн. IV. М.—Л., 1936; Петряев Е. Д. Люди, рукописи, книги. Литературные находки. Киров, 1970.

найти места. В дальнейшем судьба также преследует его. Для него не оказывается вакансии в университете, уголка в пансионе. По приезде в Петербург Макар не находит места в трактире и вынужден скитаться по улице под проливным дождем. В любви он, как и Дмитрий Иванович, очень неудачлив. Перед смертью, как и Дмитрий Иванович, он произносит монолог, перечисляя свои неудачи в жизни. «Чувствую, что скоро умру, — говорил он, — и радуюсь! Я был лишний на этом свете! Ни дома, ни в службе для меня — не было места! Я любил — и женщины, мною избранные, принадлежали уже другим! Даже в самых невинных желаниях моих я встречал одни неудачи... Умру... земля даст мне место... Вдруг глаза его прояснились: вакансия! вакансия! сказал он... Вздрогнул... — и его не стало!».¹⁴

Рассказ Некрасова, как мы помним, кончался неожиданно. Определенный эффект неожиданности заключается и в финале «Бедного Макара». В обоих случаях судьба преподносит героям свой последний «подарок». Дмитрий Иванович умирает от неожиданного выигрыша 25 тысяч рублей. «В трех местах начинали рыть для Макара могилу — и везде находили место занятым».¹⁵

Тип неудачника был несколько «подновлен» в 1839 г. В. И. Далем в повести «Бедовик». Даль также ориентируется на Яковлева (что косвенно свидетельствует о широком знакомстве беллетристов 1830—1840-х годов с указанным сюжетом) и по примеру «Бедного Макара» называет своего героя «бедным Евсеем». «Бедного Евсея, — пишет Даль, — преследовала, казалось, с давних времен какая-то невидимая вражья сила. Евсей так к этому привык, что уже никогда не равнял себя в этом отношении с прочими людьми, считал себя каким-то пасынком природы и с покорностью подставлял свою повинную мечу и секире».¹⁶

Как и Яковлев, Даль не акцентирует социального аспекта в несчастьях своего героя. Причины неудач коренятся в самой натуре. «Есть же такие бедовики-неудахи на свете!», — резюмирует писатель.

В рассказе Некрасова «социальный мотив выражен очень слабо, — замечает В. Е. Евгеньев-Максимов. — Хотя недостаток денег и неумение ими распорядиться играют важную роль в неудачах героя, однако в основном эти неудачи объясняются тем, что герою фатально не везет».¹⁷ Но сравнивая рассказ Некрасова с произведениями Яковлева и Даля, видишь, что нового внес писатель в разработку традиционного сюжета и в чем выразилась, в частности, его социальность. Некрасов не случайно постоянно заостряет внимание читателя на несоответствии между «добродетелью» героя, его личными достоинствами и теми неудачами, которые его преследуют. Не в самих неудачах, удивительно постоянных (как это было у Яковлева и Даля), заключается смысл произведения, а именно в социальном по своей природе противоречии между добродетельной натурой героя и его неудачливым положением в жизни. «Не балованный от юности, — пишет Некрасов о своем герое, — он вступил в жизнь вполне достойным счастья» (V, 114). Герой Некрасова — не просто неудачник. Если его литературные предшественники никак не оценивались своими авторами, нося в своей натуре причины всех несчастий, то Дмитрий Иванович в этом плане резко от них отличается. У Яковлева и Даля не возникло мысли о возможности из-

¹⁴ Яковлев П. Л. Записки москвича, ч. II. М., 1828, с. 36.

¹⁵ Там же, с. 37.

¹⁶ Отечественные записки, 1839, т. III, отд. III, с. 152.

¹⁷ Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 1, с. 269.

менить судьбу героев, ибо они не видели подлинных причин их неудач. Некрасов же показывает, что причины несчастья у Дмитрия Ивановича отнюдь не в его природных качествах, а в самой действительности. Отсюда у Некрасова возникает мысль о необходимости борьбы с ней. Поэтому он преследует своего героя колкой насмешкой, постоянной иронией — именно за то, что тот и не пытается что-либо предпринять, упоывая на то, что «часто человеку бывает сначала несчастье, а потом вдруг — смотришь, все ему удается!» (V, 120). Поэтому-то так ироничен Некрасов, когда говорит о «добродетелях» своего героя, которые, кажется, лишь по чистой случайности не делают его счастливым. «Утвердительно можно сказать, — замечает писатель о душе Дмитрия Ивановича, — что если б разработать этот рудник, из него вышел бы целый четверик добродетели, без примеси зависти, вражды, честолюбия, самохвальства, нахальства, сплетничества, корыстолюбия и других анбарных принадлежностей человека» (V, 114). Некрасов не может простить своему герою бессмысленной покорности. «А сколько аршин у него терпения, смиренномудрия и кротости! — пишет он. — Терпения в особенности. Он, как свеклосахарные заводчики, твердо верил, что терпение — такая добродетель, которая, рано ли, поздно ли, даст плоды сладкие и многочисленные» (V, 114).

Некрасов дал новый поворот сложившемуся в традицию анекдотическому сюжету о феноменальном неудачнике без места в жизни. Эта традиция была закреплена и развита писателями натуральной школы, и прежде всего Я. П. Бутковым. С рассказом «Двадцать пять рублей» явно перекликается написанный позднее рассказ Буткова «Сто рублей» — одно из лучших в творчестве писателя произведение.

Бутков ориентируется на трех своих предшественников: Яковлева, Даля и Некрасова, правда, в различной степени. В известном смысле рассказ «Сто рублей» своеобразно соединил в себе анализ духовных качеств героя с прежними темами: с яковлевской темой «нет вакансии»,¹⁸ с далевской темой бедного чиновника без места и с некрасовской темой борьбы с судьбой. Таким образом, у Буткова происходит дальнейшее освоение и углубление «социальности».

Если у Некрасова «вина» за несчастья Дмитрия Ивановича поровну распределяется между жестокой действительностью и его собственной пассивностью и покорностью, то Бутков явно сочувствует своему герою, по-иному противопоставляя его жизни по сравнению с Некрасовым. Он возвращается к традиции Яковлева и называет своего героя «бедный Авдей».

Как и Яковлев, Бутков развивает мотив решающего значения и знаменательности неудачи в начале жизни. «Нет вакансии имело влияние на всю жизнь твою!», — писал Яковлев. Несколько более подробно об этом говорит Бутков: «Из-за того что Авдею не посчастливилось родиться впору, следует, что ему и жить не посчастливится. Трудно оступить на первом шагу в этот коварный мир, а там уже и пойдешь спотыкаться, пока не упадешь в могилу!».¹⁹ Бутков заимствует у Яков-

¹⁸ П. Л. Яковлев неоднократно обращался к этой теме. В 1828 г. в «Записках москвича» он писал: «Нет вакансии! Неотразимое слово, которое так часто употребляется, когда дело идет об определении к месту бедняка. „Что делать? Нет вакансии!“» (Яковлев П. Л. Записки москвича, ч. I. М., 1828, с. 86). В статье «Приметы» он снова затрагивал эту тему: «Старые дипломаты были народ хитрый <...> от них-то перешло в наши министерства словечко *нет вакансий*...» (там же, ч. III. М., 1830, с. 103).

¹⁹ Бутков Я. П. Повести и рассказы. М., 1967, с. 89. Далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте.

лева мотив удачи «сверх вакансии». Когда Макар пришел устраиваться на службу, ему говорят: «Ты хочешь служить? А? Но теперь нет для тебя места... разве сверх комплекта».²⁰ Через это проходит и Авдей, однажды все же нашедший себе работу. «Щетинин (хозяин конторы, — В. М.), посмотрев на работу Авдея, был ею доволен, но тут же заметил, что для него вакансии нет, а принимается он *сверх вакансии* <...> Авдей поблагодарил Щетинина за человеколюбие и подумал: „Вот уже на что: и пишу, и служу, и жалование *достаточное* назначено, а все-таки вакансии не имею!.. просто горе!“» (с. 94).

Бедного Авдея с бедным Евсеем Даля роднит иной мотив: оба они оказались уволенными после того, как были счастливо приняты на службу благодаря доброте высокопоставленных лиц. «Председатель гражданской палаты, — рассказывает Даль, — выходил Лирова себе; Евсей был счастлив, как вдруг случилось вот что: гражданская палата по малому числу дел была соединена с уголовною, поэтому Лиров был уволен в отставку, с выдачею ему единовременного годового оклада жалованья».²¹ Та же судьба подстерегала и Авдея. «Он поступил на службу и стал служить <...> Вдруг, в одно прекрасное утро, чиновник с раздутыми щеками, бывший его начальником, объявил ему, что его превосходительство, генерал, переведен в другое ведомство и что по причине преобразования канцелярии он, Авдей, оставлен за штатом, то есть *без вакансии!*» (с. 90).

У Некрасова Бутков позаимствовал самую важную для себя сюжетную ситуацию, составляющую основу рассказа «Сто рублей». Это — неожиданный выигрыш и следующее за ним несчастье. В обоих случаях герой настолько привык к своему неизменному невезению, что первая же крупная удача убивает его. Дмитрий Иванович умирает, а «бедный Авдей» сходит с ума. «Но вот несчастье в самом счастье, — замечает Бутков, — Авдей, по природе людей восприимчивых, чувствительных, слабонервных, не имел нравственной упругости, необходимой для полезного сопротивления не одним дурным (к ним герой уже привык и выбрался, так сказать, определенный иммунитет, — В. М.), а еще более хорошим, блестящим обстоятельствам» (с. 100). По сравнению с Некрасовым у Буткова появляется один важный нюанс, который еще более обостряет социальную сущность конфликта. Если некрасовского героя испугала самая возможность удачи, то Буткову важно подчеркнуть, от какой именно суммы сходит с ума Авдей. Еще в начале рассказа автор задает вопрос, предопределяющий существо конфликта: «Человек <...> стоит той суммы рублей, которою он обладает <...> доселе не дознано, какое именно количество их нужно <...> для человека *данного* ранга» (с. 88). Авдей оказывается человеком такого ранга, что сто рублей сводят его с ума, ибо «все, что ни есть в мире прекрасного и радостного, все, к чему стремятся вздохи, желания и усилия страдальцев, для Авдея выражалось отвлеченным понятием о ста рублях серебром, и те рубли принимали светлый образ абсолютного благополучия» (с. 100).

Концовка рассказа «Сто рублей» аналогична финалу «Бедного Макара» Яковлева. Судьба преследует Макара и за гробом: «В трех местах начинали рыть для Макара могилу — и везде находили место занятым». С Авдеем она поступает не лучше. «Вообразите же, о сострадательные души, — пишет Бутков, — отчаяние Михея и глупую шутку судьбы, постоянно преследующую Авдея: главный доктор, выслушав рассказ Ми-

²⁰ Яковлев П. Я. Записки москвича, ч. II, М., 1828, с. 29.

²¹ Отечественные записки, 1839, т. III, отд. III, с. 154.

хей о причине своего прибытия, отвечал спокойно: „Хорошо! но для ва-шего пациента в доме сумасшедших нет вакансий“» (с. 104).

Можно было бы упомянуть в связи с указанной традицией повесть М. Е. Салтыкова-Щедрина «Запутанное дело». Как и его литературные предшественники, герой повести Мичулин — человек «без вакансии», без места в жизни; он задает себе мучительный вопрос: «Да что же я такое? — повторял он, с бессильною злобою ломая себе руки, — ведь го-ден же я на что-нибудь, есть же где-нибудь для меня место, где оно?».²² Герой Некрасова разыграл свою жизнь в карты, Авдей — в лотерею. Ощущение жизни как лотереи развито и у Мичулина: «Конечно, жизнь — лотерея, да в том-то и штука, что вот она лотерея, да в лоте-рее-то этой билета мне нет».²³ Однако Салтыков разрабатывает проб-лему «вакансии» в социально-антропологическом плане, расширяя и уг-лубляя ее.

В галерею неудачников, людей «без вакансии» какой-то стороной вписывается и Галядкин из «Двойника» Ф. М. Достоевского.

Приведенные здесь параллели представляют собой лишь небольшой опыт исследования прозы Некрасова в ее связях с массовой беллетри-стикой 1820—1840-х годов. Однако этот небольшой опыт показывает, что значение ранней прозы Некрасова может быть осмыслено точнее и глубже, чем это делается ныне, и путь к этому лежит, в частности, че-рез широкое обращение к литературным традициям, которые он под-держивал и развивал.

²² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т., т. I. М., 1965, с. 207.

²³ Там же, с. 243.

Б. Я. Бухштаб

К ИСТОЛКОВАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЯ «ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ»

В послевоенные годы в литературоведении проявился значительный интерес к одному из известнейших произведений Некрасова — к «Песне Еремушке». Специальные статьи о нем опубликовали Ф. И. Евнин,¹ Н. Н. Скатов² и А. М. Гаркави.³ Интерес к «Песне Еремушке» обусловлен в значительной мере тем, что в этом стихотворении стали находить если не противоречие, то во всяком случае неясность. Неясность эта заключается отнюдь не в характере тех взглядов, которые пропагандируются в произведении. Напротив, эти взгляды изложены поэтом с тезисной отчетливостью. Но неясно, к какому сословию, к какой социальной группе обращается автор через голову младенца Еремушки.

Традиционная точка зрения на этот вопрос так сформулирована В. Е. Евгеньевым-Максимовым в его монографии «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова»: «Называя стихотворение „Песней Еремушке“, изображая в нем крестьянского ребенка, Некрасов едва ли не хотел тем самым подчеркнуть, что он обращается не столько к крестьянству вообще, сколько к крестьянской молодежи».⁴

Ф. И. Евнин присоединяется к этой точке зрения, несмотря на то что его статья содержит наблюдения, трудно совместимые с ней. Так, он убедительно доказывает, что в песне няни высмеиваются книга Е. Дыммана «Наука жизни, или Как молодому человеку жить на свете» и книга Н. А. Миллера-Красовского «Основные законы воспитания», дающие такие же рецепты жизненного поведения молодежи, какие няня предлагает Еремушке.⁵ Однако эти книги адресованы вовсе не воспитателям крестьянской молодежи. Анализируя лексику песни «проезжего», исследователь отмечает, что она «выдержана в чисто интеллигентском речевом стиле».⁶ Значит, казалось бы, она не обращена к народной крестьянской среде. Однако Ф. И. Евнин такого вывода не делает.

¹ Евнин Ф. И. «Песня Еремушке» Н. А. Некрасова и идейно-политическая борьба конца 1850-х годов. — Некрасовский сборник, вып. 2. М.—Л., 1956, с. 171—196.

² Скатов Н. Н. «Песня Еремушке» Н. А. Некрасова и революционная обстановка в России конца 1850-х годов. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1966, т. 309, с. 172—183.

³ Гаркави А. М. Возможности лирико-драматического жанра. (К спорам о «Песне Еремушке» Н. А. Некрасова). — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Межвузовский сборник, вып. III. Калининград, 1976, с. 39—49.

⁴ Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 3. М., 1952, с. 148.

⁵ См.: Евнин Ф. И. «Песня Еремушке» Н. А. Некрасова..., с. 185—188.

⁶ Там же, с. 180.

С традиционной точкой зрения порывает Н. Н. Скатов. По его мнению, ни песня няни, ни песня «проезжего» не обращены к крестьянской молодежи. О песне няни он пишет: «Все это: и поучения — поклонись <...>

Чтобы старшие <...> в люди вывели

и пожелания —

<...> с вельможами
Будешь дружество водить,

и, наконец, мечта о „праздной“ жизни — лежит вообще вне опыта народной жизни и поэзии и пришло из каких-то иных общественных сфер. Здесь не народен сам тип мышления». ⁷ А о песне «проезжего» Н. Н. Скатов пишет: «Право, народный поэт достаточно хорошо знал народ, чтобы не обращаться к нему с лозунгами французской революции, с кодексом революционной морали, с формулами, наконец, ученой диалектики:

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Своеобразная цельность этих „городских“, „интеллигентских“ стихов говорит о том, что здесь нет даже малейших попыток непосредственно обращаться к крестьянству». ⁸ Н. Н. Скатов считает, что «Песня Еремушке» обращена «к молодежи вообще», ⁹ но менее всего к крестьянской.

Таким образом, общее между утверждениями В. Е. Евгеньева-Максимова, Ф. И. Евнина и Н. Н. Скатова заключается лишь в том, что «Песня Еремушке» обращена к молодежи. Однако с этим не согласен А. М. Гаркави. Он пишет о Еремушке: «Это — не символ крестьянской молодежи и не символ молодежи вообще, поскольку грудной младенец не является представителем молодежи. Но в соответствии с самой формой колыбельной песни ставится вопрос: каким вырастет Еремушка? Обобщающий смысл этого вопроса, очевидно, таков: каким будет русское крестьянство — пойдет ли оно по пути, указанному в „песне няни“, или по пути, указанному в „песне проезжего“?». ¹⁰

Такое мнение представляется нам неубедительным. Обращение с пропагандистской речью к грудному младенцу есть, конечно, такая же условность, как и подача этой речи под видом колыбельной песни. Впрочем, и сам А. М. Гаркави в дальнейшем указывает, что многие стихи из песни «проезжего» «могли быть восприняты как непосредственное обращение к передовой разночинской молодежи с призывом к революционной деятельности. На такую трактовку, вероятно, рассчитывал и сам Некрасов». ¹¹

Полагаю, что смысл образа младенца здесь таков: младенец — это представитель нового поколения, входящего в мир в новых условиях, способного бороться с тем злом, которое не могут побороть люди, родившиеся и сформировавшиеся в неблагоприятных условиях. Некрасов ведь прямо противопоставляет образ младенца «нам»:

⁷ Скатов Н. Н. «Песня Еремушке» Н. А. Некрасова... , с. 176.

⁸ Там же, с. 180.

⁹ Там же, с. 177.

¹⁰ Гаркави А. М. Возможности лирико-драматического жанра... , с. 45.

¹¹ Там же, с. 48.

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей!..

Думается, что Некрасов обращался не специально к разночинской, крестьянской или дворянской молодежи, но к молодежи с развитыми гуманными понятиями и благородными сердцами. «Мы» — это отживающее поколение интеллигенции, непригодное к борьбе за свободу и счастье народа. Некрасов противопоставляет ему новое, грядущее поколение, в котором появятся подлинные борцы за народное дело. Это не та или иная социальная группа, это пока что «особенные люди»:

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей.

Этих «новых людей», «особенных людей» Некрасов, как и Чернышевский, ждет не из крестьянской среды.

Социальной неопределенности адресата стихотворения соответствует и социальная неопределенность образа Еремушки. До сих пор никто не высказывал сомнения в том, что Еремушка — крестьянский сын. Однако единственный аргумент в пользу этого твердого мнения — то, что «Ерема — специфически крестьянское имя».¹² Но почему же такое специфическое? Носить имя Еремей мог и мещанин, и купец, и попovich (Иеремья). Имя это редко только в дворянстве, однако скудные детали рассказа говорят скорее всего именно о дворянском дитяти.

Ведущий рассказ велит ямщику остановиться у постоялого двора и садится на ступеньки крыльца рядом с женщиной, держащей на руках ребенка. Эту женщину он определяет как няню и так к ней обращается: «Няня! дай-ка мне дитя!». Откуда он знает, что это не мать, не другая какая-нибудь близкая ребенку женщина, а именно няня?

Ответ на этот вопрос дают слова женщины: «Покормись, родимый, грудкою». Перед нами, значит, либо мать, либо кормилица ребенка. Почему же «проезжий» сразу определяет второе? Вероятно, она одета так, как одевали кормилиц в барских домах. «Кормилку дюжую» сразу узнают среди княжеской челяди крестьяне из «Кюму на Руси жить хорошо» («Последыш», стих 104).

Кормилица в крепостную пору — явление почти обязательное в быту господ, но совершенно исключительное в крестьянском быту. Конечно, и крестьянского ребенка могла вскормить другая женщина вместе со своим, например в случае смерти матери от родов, но это не была бы нянюшка, праздно сидящая с ребенком во время сенокоса, когда «вся деревня на лугу». Что ее привело с ребенком на постоянный двор? Может быть, младенец — сын проезжающих господ, остановившихся на постоялом дворе и отпустивших нянюку посидеть с ребенком на воздухе?

Конечно, литературовед не имеет права досочинять сюжет за автора; своими предположениями я только хочу подчеркнуть, что Еремушка — не из крестьянской земледельческой семьи.

Утверждение, что Еремушка — крестьянский сын, но обращенные к нему слова менее всего относятся к крестьянской молодежи, противо-

¹² Евгенийев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 3, с. 148.

речиво. Противоречие снимается, если Еремущка не крестьянский ребенок.

В связи со сказанным становится более сложным вопрос о связи «песни няни» с народным сознанием. Ф. И. Евнин видит выражение ее в фольклорном облике этой песни, подчеркивая вместе с тем, что она выражает «не подлинную народную мудрость, а лишь отсталые настроения пассивной части крестьянства».¹³ Поддерживая точку зрения Ф. И. Евнина, А. М. Гаркави указывает, что «отсталой в ту пору была очень значительная часть крестьянства».¹⁴

Однако здесь надо учитывать не только кто поет, но и кому поют. Мораль, которую вложил поэт в уста няни, и не должна быть народной, поскольку няня поет не крестьянскому, а господскому ребенку. Что же касается имени младенца, то оно, видимо, символично: если образ ребенка символизирует «особенных людей», которые отдадут свои жизни на благо народа, естественно ему и называться народным именем, независимо от происхождения.

Отмечу, что Рахметов — наиболее «символический» персонаж романа «Что делать?» — не наделен никаким личным именем, он просто Рахметов; в образе же народного героя он имеет не только фамилию — Ломов, но и имя — «Никитушка». Думается, здесь прямая аналогия с «Еремущкой».

¹³ Евнин Ф. И. «Песня Еремущке» Н. А. Некрасова... , с. 179.

¹⁴ Гаркави А. М. Возможности лирико-драматического жанра... , с. 46.

М. Д. Эльзон

О ДАТИРОВКЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
«ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ, ЧАСУ В ШЕСТОМ...»

9 ноября 1873 г. Н. А. Некрасов сделал следующую запись в альбом О. А. и П. А. Козловых:¹

«Не имея ничего нового, я долго рылся в моих старых бумагах и нашел там исписанный карандашом лоскуток. Я ничего не разобрал (лоскуток, сколько помню, относится к 1848 году), кроме следующих осьми стихов:

Вчерашний день, часу в шестом
Зашел я на Сенную.
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.
Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

Извините, если эти стихи не совсем идут к вашему изящному альбому. Ничего другого не нашел и не придумал.

Следуют дата (с указанием «С. П. Б.») и подпись.²

Обстоятельства, при которых возникла запись Некрасова, подтверждаются опубликованными позднее воспоминаниями артиста М. И. Писарева. В ответ на просьбу редакции журнала «Русская жизнь» принять участие в благотворительном издании М. И. Писарев предоставил автограф следующего содержания: «Как-то, лет 20 тому назад, покойный Н. А. Некрасов, перебирая при мне свои рукописи, нашел между ними ветхий листок бумаги, написанный сверху донизу карандашом. Рукопись оказалась очень старой, карандаш местами совсем стерся, и мы, из всего написанного, с трудом могли разобрать только 8 строк, которые я тогда же и записал. Вот они: (следует текст стихотворения с разночтением в третьей строке: «девушку» вместо «женщину», — М. Э.). Этого отрывка я не встретил впоследствии ни в одном издании

¹ Альбом, заполнявшийся по просьбе поэта-переводчика, дипломата, камергера П. А. Козлова (1841—1891) или его жены, более известен под названием «альбома Ольги Козловой»; его не следует отождествлять со сложим альбомом дочери О. А. и П. А. Козловых, О. П. Козловой, находящимся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ИРЛИ, ф. 131, № 129). Описание альбома О. А. и П. А. Козловых, находившегося в конце 1920-х годов в Париже, в частном собрании, см.: Апостол П. Альбом О. А. Козловой. — В кн.: Временник Общества друзей русской книги, [вып.] 2. Париж, 1928, с. 55—61.

² Album de Madame Olga Kozlow. М., 1883, с. 171. Дата цензурного разрешения — 24 марта 1883 г. В 1889 г. было выпущено второе, дополненное издание; запись Некрасова находится на той же странице.

полного собрания сочинений Н. А. Некрасова, а потому полагаю, что, переписывая его для вашего сборника, я делаю тем свой автограф заслуживающим внимания многих, без чего, разумеется, был бы не вправе ждать для себя такой чести». Следует подпись-факсимиле.³

Казалось бы, обе записи свидетельствуют о том, что «Вчерашний день...» — «одна из жемчужин» некрасовской лирики,⁴ «первая поэтическая декларация Некрасова зрелого периода его творчества»⁵ — в действительности представляет собой отрывок из неразысканного до сих пор произведения, чуть ли не четверть века пролежавшего в архиве поэта и извлеченного для того, чтобы заполнить страницу в дамском альбоме.

Однако прослеживая историю публикации «Вчерашнего дня...», можно обнаружить, что он обычно воспринимался как вполне законченное, хотя и небольшое по объему произведение. Что же касается датировки, то в первом советском собрании стихотворений поэта (1920) К. И. Чуковский, не зная публикации 1883 г., поместил восьмистишие среди произведений 1861 г., затем в аналогичных изданиях 1927—1934 гг. исправил допущенную ошибку и опубликовал его под 1848 г. (ссылаясь на текст альбомной записи), но в академическом «Полном собрании стихотворений» (1934) по неизвестной причине датировал его уже 1847 г. Наконец, в наиболее авторитетных изданиях — «Полном собрании сочинений и писем» (1948—1953) и «Полном собрании стихотворений» (1967) — принята дата (во втором случае со знаком вопроса), указанная Некрасовым.

Следовательно, вопрос о датировке «Вчерашнего дня...» остается открытым. Для его решения следует рассмотреть содержание стихотворения и определить, могло ли оно быть написано непосредственно в 1848 г. или вообще в 40-е годы, т. е. установить место стихотворения в творчестве Некрасова 40—70-х годов, проанализировать характер альбомной записи и выяснить достоверность свидетельства М. И. Писарева.

В некрасоведческой литературе утвердилось положение, что «Вчерашний день...» представляет собой нечто вроде «физиологического этюда, примыкающего к циклу «На улице» (аналогичный прием использован, например, в «Воре»: «Спеша по улице, запущенной и грязной, Вчера был поражен я сценой безобразной...»), а его содержание составляет описание публичного истязания молодой крестьянки. Образ истязуемой ассоциируется у поэта с образом его Музы и, следовательно, свидетельствует о народном характере творчества Некрасова.

Рассматривая это стихотворение как «физиологический» этюд, можно предположить, что в его основу легли впечатления, полученные поэтом от наблюдения так называемой «торговой казни» (один из ее синонимов, «битие кнутом», вероятно, использован в третьей строке: «*били женщину кнутом*»), проходившей, как правило, на рыночных площадях (в том числе Сенной в Петербурге) ранним утром, при большом скоплении народа.

Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил, —

³ Голодному на хлеб. Альбом автографов писателей, художников, артистов и общественных деятелей. СПб., 1892, с. 22. Запись не датирована; помещена в ряду записей 1891—1892 гг.

⁴ Жданов В. Некрасов. М., 1971, с. 119—120 (сер. «Жизнь замечательных людей»).

⁵ Евгеньев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова. М.—Л., 1953, с. 28—29.

эти слова Поэта могут быть связаны и со «Вчерашним днем...». Между тем в 1848 г. Н. А. Некрасов уже не мог наблюдать то, что описывается им как увиденное накануне: Уложением о наказаниях 1845 г. «торговая казнь», существовавшая в России с XVI в. и вызывавшая (в николаевскую эпоху) «в гораздо большей мере, чем прежде, и в более широких кругах населения не „спасительный страх“, а ужас и отвращение вместе с сожалением к преступнику»,⁶ была отменена. Следовательно, если перед нами только непосредственный отклик, то стихотворение должно датироваться серединой 40-х годов (крайний срок — 1845 г.), причем с учетом, что в первое семилетие своей петербургской жизни (1838—1845) Некрасов действительно был свидетелем истязания на Сенной и мог его описать.

Однако заключительные строки «Вчерашнего дня...» выводят стихотворение далеко за рамки описания конкретного происшествия. Вторая героиня стихотворения — «кнутом иссеченная муза», его другая тема — поэт и цензура. Между тем в конце 30-х—середине 40-х годов, т. е. в то время когда Некрасов мог видеть «торговую казнь», «цензура не проявляла по отношению к поэту той особенной настороженности, с которой она впоследствии подходила к каждому его произведению»,⁷ и, следовательно, вряд ли образ истязуемой крестьянки мог ассоциироваться у поэта с образом его забываемой насмерть музы. Антицензурная тема впервые возникает в стихотворении 1855 г. «Безвестен я. Я вами не стяжал...», где о музе сказано: «И под кнутом без звука умерла». В сатире «До сумерек» (1859) из цикла «О погоде» старый рассылный Минай вспоминает свои встречи с Пушкиным, у которого красные (цензорские) чернила на обезображенной корректуре ассоциировались с проливаемой кровью. Источник цитаты не установлен, но слова «Это кровь моя проливается» мог сказать и сам Некрасов. Характерна фамилия героя стихотворения «Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова 2-го...» (1863), некоторое время возглавлявшего цензурный комитет: «рудометание» означает «кровопускание». Наконец, тема поэта и цензуры стала одним из основных мотивов гражданской лирики Некрасова 70-х годов. Таковы стихотворения «Уныние» (1874) (см. строки: «Не чувствовать над мыслью молотка Я не могу, как сильно ни желаю...», «Со стороны блюстителей порядка Я, так сказать, был вечно под судом»), «Отъезжающему» (1874) («Даже вполголоса мы не певали...», «Сделаешь шаг, А на втором перервут тебе глотку!»), «Угомонись, моя муза задорная...» (1876) («В том лишь виновен, что многого, многого Здесь мне не дали сказать...»), «Баюшки-баю» (1877) («Не бойся цепи и бича»), «Черный день! Как нищий просит хлеба...» (1877), где поэт просит смерти «у друзей, врагов и цензоров», и, наконец, «О муза! я у двери гроба!» (1877) («Не русский — взглянет без любви На эту бледную, в крови, Кнутом иссеченную музу...»).

Незадолго до смерти в беседе с Н. А. Белоголовым Некрасов сказал, что он испытывал на себе цензурный кнут начиная с первого стихотворения.⁸ Это, конечно, преувеличение, но в жизни поэта действительно были периоды, когда он наиболее остро ощущал, что его муза забита насмерть, обагрена кровью. Эти настроения особенно усилились в по-

⁶ Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. Изд. 2-е. СПб., 1904, с. 131.

⁷ Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. [Калининград], 1966, с. 90.

⁸ Белоголовый Н. Воспоминания и другие статьи. М., 1898, с. 387.

следние годы жизни, когда Некрасов уже не мог сказать о себе: «Безвестен я...», но имел полное право обратиться к своей музе со словами: «Сестра народа — и моя!» («Музе», 1876). Складывается впечатление; что стихотворения «Вчерашний день, часу в шестом», «Музе» и «О муза! Я у двери гроба!» образуют своеобразный триптих, созданный на протяжении небольшого хронологического промежутка.

Если в 70-е годы обе темы «Вчерашнего дня...» — тема народности поэзии и отношения поэта с «блюстителем порядка» — были естественны, то для 40-х они несвоевременны. В частности, после 1848 г., в период «мрачного семилетия», поэт не мог публиковать произведений ни о чиновниках или о чиновничьей жизни, ни о тяжелой доле крестьянства. «Те актуальные вопросы, которых в предыдущий период поэту все же удавалось касаться в печати, теперь оказались совершенно запретными».⁹ В этот период основным жанром Некрасова была проза. Столь же преувеличенным (в 1848 г.) было и заявление поэта о народном характере его творчества.

Как установлено в некрасоведческой литературе, путь Некрасова как подлинно народного поэта, отражающего страдания и чаяния многомиллионного крестьянства, начался в период революционной ситуации (условно — с «Размышлений у парадного подъезда», 1859) и продолжался в процессе создания «Кому на Руси жить хорошо» (1863—1876). В 40-е годы народная тема занимала весьма скромное место в некрасовском творчестве, и такие произведения, как «В дороге» (1845), «Огородник» (1846), говорили скорее о мастерстве поэта, чем о подлинной народности его поэзии.

На основании сказанного можно заключить, что создателем «Вчерашнего дня...» мог быть скорее Некрасов 70-х, чем 40-х годов.

Говоря о «Вчерашнем дне...», К. И. Чуковский обычно указывал, что стихотворение не могло быть опубликовано при жизни поэта по цензурным причинам. Поскольку до сих пор не обнаружены сведения, свидетельствующие о том, что стихотворение когда-либо подвергалось цензурному запрету,¹⁰ можно предположить, что Некрасов на протяжении двадцати пяти лет даже не пытался его опубликовать. Однако по ряду соображений это предположение лишено серьезных оснований. Прежде всего, отмена «торговой казни» в 1845 г. открывала возможность публикации произведения на тему, уже утратившую свою остроту. После 1855 г., в период относительных цензурных послаблений, Некрасов мог бы поместить его в своем сборнике 1856 г. среди стихотворений цикла «На улице», тем более что книга не испытала особых трудностей при прохождении через цензуру («буря» разразилась по ее выходе). Поводом к публикации стихотворения могла бы послужить впоследствии отмена крепостного права, когда можно было печатать произведения об ужасах прошлого (тем более двадцатилетней давности). Между тем стихотворение оставалось в архиве поэта. Обстоятельство тем более странное, что в известных набросках воспоминаний о Некрасове Н. Г. Чернышевский сообщал: «...писать без надежды скоро увидеть произведение напечатанным Некрасов не имел влечения. Потому содержание его поэтических произведений сжималось или расширялось соответственно изменениям цензурных условий».¹¹ Вряд ли «Вчерашний день...»

⁹ Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой, с. 94—95.

¹⁰ Во всяком случае такие сведения отсутствуют в достаточно полном списке, приложенном к книге А. М. Гаркави «Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой» (с. 268—291).

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I. М., 1939, с. 744.

был исключением из правила, указанного Чернышевским; можно предположить, что стихотворение Некрасова не было опубликовано на протяжении двух с половиной десятилетий, видимо, только по одной причине — его не было.

Обратимся теперь к альбомной записи Некрасова в целом.

Первое, что останавливает внимание — ее неестественность. Кажется странным, что поэт, к которому обратились с просьбой об автографе, предпринимает для этого специальные разыскания в своем архиве. Судя по другим записям, хозяева альбома отнюдь не настаивали на внесении в него только неопубликованных произведений или отрывков: альбом, украшенный именами почти всех выдающихся русских и французских писателей того времени, содержит, в частности, случайные записи Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, тексты уже опубликованных стихотворений (или переводов) И. С. Аксакова, А. Н. Плещеева, К. К. Случевского, Ф. И. Тютчева и др. Исключение составляют произведения А. Н. Апухтина, увидевшие свет позднее. Следовательно, альбом О. А. и П. А. Козловых — обычное собрание автографов.

По своему оформлению запись Некрасова резко выделяется среди прочих. Отличается она также от известных нам альбомных записей поэта: «Не пошлость старого обычая поэтов...» (конец 30-х—начало 40-х годов), в альбомы М. Фермор (тогда же), О. С. Чернышевской (1857), С. Н. Степанова (1859).

Странно и другое: вполне законченное стихотворение преподнесено как отрывок из некоего большего по объему произведения, из которого, в силу ветхости «лоскутка», удалось воспроизвести всего несколько строк, причем именно тех, к которым трудно добавить какое-либо начало или конец.

И, наконец,стораживает настойчивость, с которой подчеркивается отсутствие новых произведений.

Между тем Некрасову в начале ноября 1873 г. было что записать: именно в это время поэт завершал работу над «Крестьянкой». В письме П. М. Ковалевскому, условно датированном «До 13 ноября 1873 г.», Некрасов сообщал: «Завтра, коли что не помешает, приду к Вам вечером читать свою поэму» (XI, 275). «Крестьянка», писавшаяся летом в Диеппе, была отредактирована к 12 ноября.¹²

По каким-то неизвестным нам причинам Некрасов не захотел использовать какой-либо отрывок из «Крестьянки» в качестве альбомной записи, утаил сам факт работы над поэмой. Вместо этого то ли ассоциативно, то ли экспромтом возникло восьмистишие, записанное в альбом О. А. и П. А. Козловых.¹³

На основании сказанного можно предположить, что запись Некрасова, имитировавшего как содержанием стихотворения, так и описанием внешнего вида рукописи давность создания, была, вероятно, мистификацией. Поскольку одной из тем Некрасова 70-х годов была трагедия его музыки, поэт прибегнул к реализации метафоры «кнутом иссеченная

¹² Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 3. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 457.

¹³ Следует отметить, что в июле—ноябре 1873 г. в поле зрения Некрасова мог оказаться «исторический очерк» Г. И. Студенкина «Заплетные мастера» (Русская старина, 1873, № 7, с. 201—224), посвященный телесным наказаниям в России и сопровождавшийся публикацией соответствующих циркуляров. Статья была приурочена к десятилетию Уложения 1863 г. (общее смягчение наказаний, отмена плетей и розог для женщин).

муза», отнеся стихотворение к давнему времени. Следовательно, в планы Некрасова могла входить публикация «Вчерашнего дня...», но были ли предприняты какие-либо усилия к этому — неизвестно. Можно предположить, что поскольку первая—четвертая части шестого издания «Стихотворений» проходили через цензуру в конце сентября—первой половине октября 1873 г., Некрасов мог бы напечатать «Вчерашний день...» в одной из них, например в составе цикла «На улице», но только в том случае, если бы стихотворение существовало. В пятой и шестой частях, вышедших в феврале 1874 г., содержались главы «Кому на Руси жить хорошо» и юмористические стихотворения разных лет. Следовательно, в третьем томе для «Вчерашнего дня...» места не было. С другой стороны, стихотворение с датой «1848 г.» трудно представить в сборнике под заглавием «Последние песни» (1877).

Во всяком случае несомненно, что вряд ли стихотворение предназначалось только для записи в альбом.

Вопрос о датировке «Вчерашнего дня...» можно было бы считать решенным, если бы мы не располагали свидетельством М. И. Писарева, участие которого в разыскании «лоскутка» до сих пор не подвергалось сомнению.

М. И. Писарев принадлежал к числу горячих поклонников творчества Некрасова, постоянно использовал его произведения в концертных выступлениях. Поэт и артист были лично знакомы, однако дружеской близости (допускающей, в частности, совместный разбор архива) между ними не было: в архиве Некрасова сохранилось одно письмо М. И. Писарева (от 12 января 1872 г., из Самары, о смерти П. И. Якушкина), начинающееся словами: «Милостивый государь Николай Алексеевич»;¹⁴ в архиве М. И. Писарева — одна недатированная записка Некрасова с приглашением отобедать (без обращения) (XI, 380).¹⁵

Между тем после смерти Некрасова М. И. Писарев всячески стремился подчеркнуть свою близость к поэту. Так, в письме к Ф. Д. Нефедову (24 мая 1884 г.) он сообщал о предстоящих гастролях в Астрахани и намерении увидеться там с Н. Г. Чернышевским, «с которым был знаком когда-то очень» давно (1861 г.) в Питере, встречая его нередко у покойного Некрасова».¹⁶

В интервью корреспонденту «Петербургской газеты» М. И. Писарев сообщил, что он познакомился с Некрасовым еще шестнадцатилетним юношей благодаря рекомендательному письму А. Н. Островского.¹⁷ По другим сведениям, также исходящим от артиста, знакомство состоялось в 1864 (или 1865) г., когда М. И. Писарев, заканчивавший юридический

¹⁴ ИРЛИ, ф. 203, № 83. Для сравнения отмечу, что в сохранившихся письмах М. И. Писарева к С. А. Венгерову (1895—1902; ИРЛИ, ф. 377) адресат именуется сначала «Многоуважаемый», а затем «Дорогой».

¹⁵ Записка условно датируется: «1865—начало 1876».

¹⁶ ИРЛИ, ф. 208, № 81. В «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» Н. М. Чернышевской (М., 1953) зафиксирована единственная встреча Н. Г. Чернышевского с М. И. Писаревым летом 1844 г. (с. 537). В «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова», составленной Н. С. Апукиным (М.—Л., 1935), значится только уже упомянутая пригласительная записка (с. 520), хотя, если верить воспоминаниям А. Н. Тверитинова о встрече с М. И. Писаревым в Твери весной 1884 г., последний, «будучи гимназистом, жил у Некрасова, где встречал Н. Г. Чернышевского» (см.: Тверитинов А. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому... СПб., 1906, с. 92).

¹⁷ [Трозицер Ф. Ф.?] М. И. Писарев о Н. А. Некрасове. — Петербургская газета, 1902, 27 декабря, № 355 (подпись: «Spectator»). Это письмо неизвестно. О знакомстве с Некрасовым благодаря А. Н. Островскому М. И. Писарев тогда же рассказал и корреспонденту «Новостей» (1902, 25 декабря, № 355).

факультет Московского университета, написал драму и с благословения знакомых, в том числе А. И. Левитова, воспользовался поездкой в Петербург, чтобы показать рукопись Некрасову и лично представить ее в театральную цензуру. Пьеса Некрасову понравилась, но она не была допущена ни к опубликованию в «Современнике», ни к постановке.¹⁸

В действительности в 1860 г., еще гимназистом, М. И. Писарев написал рецензию на постановку «Грозы» в Малом театре. Рецензия была опубликована,¹⁹ очень понравилась Островскому, и это послужило поводом для знакомства (март—апрель 1860 г.).²⁰ Хотя в эпизодах литературы о М. И. Писареве, связанных с историей его пьесы, имя Островского не упоминается, можно предположить, что рекомендательное письмо было написано им не в 1860—1861, а в 1864—1865 гг. и содержало характеристику даровитого молодого человека, известного своей рецензией и подающего надежды в качестве драматурга. Но тогда М. И. Писарев не мог встретиться с Чернышевским...

После окончания университета М. И. Писарев неожиданно для родных стал актером. До середины 80-х годов он выступал преимущественно на провинциальной сцене, лишь изредка появляясь в Москве и еще реже в Петербурге. Поэтому важно выяснить, мог ли М. И. Писарев в начале ноября 1873 г. оказаться в квартире Некрасова.

Судя по насыщенной датоми статье Н. Ф. Юшкова «Артист-человек», М. И. Писарев в сезон 1872/73 г. играл в Ставрополе, летом 1873 г. выступал в Астрахани, а сезон 1873/74 г. провел в Орле (антреприза П. М. Медведева).²¹ Учитывая, что М. И. Писарев в это время был одним из заметных актеров провинциальной сцены, выходил на подмостки едва ли не каждый вечер, трудно предположить, чтобы он мог быть гостем Некрасова в момент «поисков» «лоскутка».

Следовательно, совпадения в записях объясняются тем, что в распоряжении М. И. Писарева находилась сама книга (альбом О. А. Козловой) или копия некрасовского автографа. Разночтение в третьей строке стихотворения объясняется ошибкой, допущенной при переписывании либо при наборе.

Комментируя стихотворение Некрасова, А. М. Гаркави высказал предположение, что изданный ограниченным тиражом (40 экземпляров) «Album de Madame Olga Kozlow» был М. И. Писареву неизвестен.²² Этому противоречит содержание находящейся в архиве артиста папки, озаглавленной «Выдержки из альбомов и разрозненные списки стихотворений и заметок разных авторов».²³ На л. 1 надпись: «Из Альбома (Album de Madame Olga Koslow). М. 1883. Тип. Гатцука. Никитинский бульвар». Собственный дом». Далее (л. 1—4) воспроизведены записи Я. П. Полонского, Вс. Крестовского, А. Н. Плещеева, А. Н. Островского, И. А. Гончарова, А. Ф. Писемского, А. И. Урусова, И. С. Тур-

¹⁸ См.: Карнеев М. В. Модест Иванович Писарев. СПб., 1893, с. 22. Документальные свидетельства неизвестны. Пьеса считается утраченной.

¹⁹ Обергочный листок, 1860, март, № 19—20. См. также: Карнеев М. В. Модест Иванович Писарев, приложение, с. 1—24.

²⁰ Витензон Р. А. Островский и М. И. Писарев. — Литературное наследство, т. 88. А. Н. Островский. Новые материалы и исследования, кн. 2. М., 1974, с. 164.

²¹ См.: Волжский вестник, Казань, 1897, 24 сентября, № 236. Отмечу, что здесь же приведены довольно подробные сведения о встрече М. И. Писарева с Н. Г. Чернышевским в Астрахани. В книге Н. М. Чернышевской ссылка на эту публикацию отсутствует.

²² Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 1, с. 610.

²³ ИРЛИ, ф. 231, № 11.

генева (с указанием страниц). Анализ списка показывает, что сохранилось только начало; отсутствует, в частности, копия записи Некрасова.

Невольно поддержав мистификацию, М. И. Писарев руководствовался самыми лучшими побуждениями: полагая, что редкое издание альбома является единственным местом публикации стихотворения любимого поэта (об издании 1889 г. артист, возможно, не знал), он использовал приглашение редакции «Русской жизни» для его популяризации. Однако, как удалось установить, это стихотворение уже давно было известно широкому читателю.

11 октября 1883 г. в «Новом времени» (№ 2737) была опубликована большая обзорная статья «Русские писатели в дамском альбоме (Album de madame Olga Kozlow)», подписанная «Прилежный книгочитатель» (псевдоним не раскрыт). Сообщив, что книга, изданная на правах рукописи, оказалась у букиниста, где и была приобретена, автор обзора последовательно воспроизвел (полностью или частично) почти все записи, снабдив их более или менее удачным комментарием. Стихотворение Некрасова было перепечатано полностью.

Ю. В. Лебедев

ОБ ИСТОЧНИКАХ ОБРАЗА ПАВЛУШИ ВЕРЕТЕННИКОВА
В ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

За Павлушей Веретенниковым, героем поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», установилась прочная репутация народолюбца, демократа, близкого по духу таким собирателям устных произведений народа и правдивым бытописателям его жизни, как П. Н. Рыбников, П. И. Якушкин, И. Г. Прыжов, С. В. Максимов и др. Давно было замечено исследователями, что в черновиках поэмы Некрасов намеревался дать своему герою фамилию одного из этих ученых-этнографов: «Сказал тот барин Рыбников» (III, 654).

К. И. Чуковский показал, что в процессе творческой работы Некрасова над образом героя у поэта возникали прямые ассоциации и с другим фольклористом и этнографом — П. И. Якушкиным, с которым он был близко знаком:

Лицо его дворянское
(Лица не переделаешь)
Им, впрочем, примелькалося
На постоянных двориках,
В харчевнях, в кабаках.
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги.

(III, 653)

«Портретность этого изображения, — писал в комментарии К. И. Чуковский, — несомненна. Якушкин действительно происходил из старинной дворянской семьи. Судя по воспоминаниям его друзей и знакомых, он действительно „ходил мужиком“ — в кумачовой рубахе, в черной суконной поддевке и худых крестьянских сапогах. Харчевни и кабаки были для него действительно излюбленным местом сближения с народом» (III, 653). Наконец, в черновиках «Сельской ярмонки» встречалась еще одна деталь, сближающая некрасовского героя с Павлом Якушкиным:

Лицо его корявое
Крестьянам примелькалося.

(III, 476)

«Собирая народные песни, Якушкин, — писал Чуковский, — как известно, заразился „в сплутной деревне“ оспой, следы которой остались у него на лице» (III, 653).¹

¹ См. об этом также: Краснов Г. В. Изображение народа в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» («Пролог», часть первая). — В кн.: О Некрасове.

Однако, не отрицая несомненных признаков сходства между некрасовским героем и одним из возможных его прототипов, сразу же отметим и различия.

П. И. Якушкин действительно происходил из дворянской семьи, но, судя по воспоминаниям, внешность его была лишена каких-либо признаков дворянского благообразия. Напротив, всем бросалась в глаза «несообразность», простонародность его облика. «Мужичка чучелка» — кличка, данная Якушкину учителем немецкого языка Орловской гимназии. Вспомним в этой связи непокорные вихры, «патлы» Якушкина, приносившие немало хлопот директору той же гимназии. С. В. Максимов так писал о русском костюме Якушкина: «Видимый оригинал надел, в сущности, именно то платье, которое наиболее соответствовало его роду занятий, его задушевному побуждению <...> Павел Иванович Якушкин был в русском наряде своем безупречно искренен, а без него решительно немислим».² Н. С. Лесков рассказывал о курьезной истории: в Париже фотографии Якушкина продавались с подписью «Rougatscheff». «Это не был русский костюм, франтоватый, балетный... — замечал близко знавший Якушкина Н. А. Лейкин. — Кафтан Якушкина был из самого грубого сукна, всегда засален, сапоги в большинстве случаев стоптанные и грязные».³

У Некрасова, напротив, появляются намеки на франтоватость, подчеркнутую аккуратность «ряженого барина»: не поддевка, а «поддевочка», не худые сапоги, а «смазные сапоги». При этом у героя ярко выраженные дворянские черты лица («лица не переделаешь!»). Примечательно, что по мере работы над образом штрихи, сближающие Павлушу Веретенникова с Якушкиным, еще более ступшеваются. Исчезают строки о типичном для Якушкина способе общения с народом:

Они им не гнушались,
Водили с ним компанию,
Пивали по душе.

(III, 476)

Нет в окончательном варианте текста и таких слов Веретенникова:

Когда бы то что думаю
О русском мужике
Считал я сущей правдою
Так и сидел бы в Питере
Да книжки сочинял.

(III, 482)

Исключаются, наконец, строки о «корявом лице» героя.

Не потому ли К. И. Чуковский и все идущие вслед за ним некрасоведы доказывают близость Веретенникова к Якушкину в основном на материале черновых набросков? В беловом тексте многие признаки сходства тщательно устранены.

Взамен появляются стихи, в какой-то мере снижающие демократизм образа. Таково, например, сравнение Веретенникова с толпой досужих «статистов» и очеркистов, «знатоков» народной жизни, которые в предреформенное и пореформенное время толпами бродили в Подмоскowie:

Ярославль, 1958; Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Комментарий. Л., 1970.

² См.: Якушкин П. И. Соч. СПб., 1884, с. II—III.

³ Там же, с. LXIX.

У нас пристал третьеводни
 Такой же барин плохонькой,
 Как ты, из-под Москвы.
 Записывает песенки,
 Скажи ему пословицу,
 Загадку загажи.
 А был другой — допытывал,
 На сколько в день сработаешь,
 По малу ли, по многу ли
 Кусков пихаешь в рот?
 Иной угодя меряет,
 Иной в селеньи жителей
 По пальцам перечтет...

(III, 194)

Эти «статисты», от которых Яким Нагой вначале не отделяет и Веретенникова, не замечали светлых сторон жизни русского крестьянства, считали его «глубоко испорченным народом», доказывая эту «испорченность» его «склонностью к пьянству».⁴

Именно таким «знатокам» народной жизни (с Веретенниковым, случайно оказавшимся в их числе) бросает Яким Нагой горькие упреки:

Постой, башка порожняя!
 Шальных вестей, бессовестных
 Про нас не разноси!
 Чему ты позавидовал!
 Что веселится бедная
 Крестьянская душа?
 Пьем много мы по времени,
 А больше мы работаем,
 Нас пьяных много видится,
 А больше трезвых нас.

(III, 193)

«Башка порожняя!» — не слишком ли резки эти слова, если в согласии с установившимся мнением безоговорочно считать прототипом Павлуши Веретенникова умудренного опытом общения с народом П. И. Якушкина, близкого к кругу революционно-демократической редакции журнала «Современник»? Почему в окончательном тексте главы «Сельская ярмонка» герой, получивший имя и фамилию (Павел Веретенников), утратил некоторые очевидные признаки сходства с П. И. Якушкиным? Почему Яким Нагой, с беспощадной прямотой отчитывающий Веретенникова, подносит «демократу-шестидесятнику» такие упреки: «На мерочку господскую крестьянина не мерь!»?

Убедительные ответы на эти вопросы возможны лишь в том случае, если мы примем во внимание факты, до сих пор не попадавшие в поле зрения современных некрасоведов, тем более что эти факты в буквальном смысле слова лежат на поверхности. К. И. Чуковский предполагал, что глава «Сельская ярмонка» написана Некрасовым под впечатлением Нижегородской ярмарки, на которой поэт бывал в 1863 г. По-видимому, тогда же и всплыли в памяти Некрасова ежегодные описания этой ярмарки, принадлежащие перу плодовитого и популярного публициста газеты «Московские ведомости» П. Веретенникова, который сотрудничал в ней с конца 1830-х до начала 1850-х годов.⁵ В «Критико-биографиче-

⁴ Современная летопись «Русского вестника», 1862, № 2, с. 28.

⁵ См., например: Веретенников П. 1) О Нижегородской ярмарке 1840 года. (Из письма Москвитянина в С.-Петербург). — Московские ведомости, 1840, № 83, с. 647; 2) О Нижегородской ярмарке 1846 года. (Письмо в С.-Петербург). — Там же, 1846, № 116; 3) О Нижегородской ярмарке 1843 года. (Из частного письма). — Там же, 1843, № 114, и т. д.

ском словаре» С. А. Венгерова мы находим об этом авторе весьма краткие сведения: «Веретенников Петр Федорович, умер в 1849 году, автор статей о торговле и промышленности». ⁶ Впрочем, для нас этих сведений вполне достаточно. Судя по характеру корреспонденций П. Веретенникова в «Московских ведомостях», ⁷ этот публицист, представитель московского купеческого общества, был человеком довольно умеренных общественных воззрений и очень расплывчатых демократических симпатий.

Мы далеки от мысли видеть в П. Ф. Веретенникове прототип Некрасовского героя. Но, может быть, возникавшие в творческом сознании поэта ассоциации с ним внесли какие-то дополнительные штрихи в складывающийся образ Павлуши Веретенникова.

В окончательной редакции это человек неопытный и молодой, еще легковерно доверяющий мужицким поддакиваниям и готовый записать в книжечку свои поверхностные, не проверенные жизнью наблюдения:

Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валяются —
Обидно поглядеть!

(III, 192)

Вот почему, рисуя портрет Веретенникова, Некрасов подчеркивает юношеское верхоглядство, балагурство и шутовство героя: не Павел, а Павлуша, «гораздый балясничать» «миляга», в «поддевочке», с «книжечкой», «башка порожня», легкий на писания, не проверенные опытом, на «шальные, бессовестные вести». Увы, такой Павлуша еще далек от умудренного опытом, прошедшего буквально через огни и воды Павла Ивановича Якушкина, чей очерк «Велик бог земли русской!» Некрасов в числе других лучших вещей напечатал в «Современнике».

Павлушу Веретенникова в «Кому на Руси жить хорошо» спасают, напротив, молодость и демократическое простодушие. Перед нами юный энтузиаст, еще наивный и легковерный, но уже способный прислушиваться к народным голосам и с благодарностью принимать самые суровые и обидные народные уроки:

«Ай, барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким):
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свињи ходят по земли —
Не видят неба век!..»

(III, 198)

Некрасов изображает жизнь в динамике, в становлении и развитии: таков пафос поэмы «Кому на Руси жить хорошо». И в эпизоде с Павлушей конфликт героя с народом завершается оптимистически: он ведет молодого и неопытного еще демократа-разночинца к духовной зрелости и возмужанию.

⁶ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. (От начала русской образованности до наших дней), т. 1, вып. 2. Изд. 2-е. Пг., 1915, с. 123.

⁷ См. его корреспонденции: «О публичных экзаменах в Московской коммерческой практической академии» (Московские ведомости, 1835, № 101), «О новой книге „Практические упражнения в бухгалтерии“» (там же, 1840, № 35), «Некрология. Василий Лонгинович Лепешкин» (там же, № 42), «О хлебной торговле в Москве. (Письмо в С.-Петербург)» (там же, № 45, 46), «Об удобстве сообщений между Москвой и Нижним Новгородом» (там же, № 79), «О Московском мещанском училище» (там же, № 92), и др.

В. А. Смирнов

В. М. ЛАЗАРЕВСКИЙ — СОВРЕМЕННОК НЕКРАСОВА

«Глянешь до конца света, так бы и кинулся вплавь по этому волнистому морю трав и цветов и плыл бы, упиваясь гулом и пахучим дыханием, до самого края света.

Набежала черная думка, свистнул укрючного — ржет, визжит, бьется на чумбуре; огреешь через лоб нагайкой, кинешься во все лопатки, неси куда знаешь, не только на человека — на порядочный куст не наткнешься, и верится — доскачешь до солнца, что лениво качается в росистой зелени и обнимает пустыню. И стыдно станет своей мелкой раздражительности пред этим покоем широкой силы, благодатно дышащей в пространстве, и едешь свежий, добрый и покойный, когда шепчет густою травою вся безмерная степь и прислушивается к ней, нагнувшись, темно-синее небо».¹

В этих словах — мироощущение человека, не порывающего связи с родной землей, с природой, которую он любил до самозабвения, и вместе с тем человека, обладавшего незаурядным поэтическим даром. Выдержка эта не из рассказа или повести, написанных Лазаревским-старшим в те же годы, — она из его очередного письма (от 5 мая 1846 г.) к В. И. Далю, считавшего Василия Матвеевича честнейшим и благороднейшим человеком, которому одному только и можно «столько вопросов задавать!». «А все потому, что кроме вас, — обращался Даль к Лазаревскому в письме от 2 июля 1850 г., имея в виду его сослуживцев из Министерства уделов, — никто не пишет обстоятельно, да и не всегда верно».²

Его радушие и доброту отмечали многие из общавшихся с ним. М. К. Чалый в книге «Жизнь и произведения Тараса Шевченка» отмечал, что горячую любовь к добру и правде внушила своим детям — шести сыновьям и двум дочерям — «божественная старушка»,³ Афанасия Алексеевна Лазаревская. «Старшего из них, Василия Матвеевича Лазаревского, братья уважали за батька, и недаром: с его помощью все они повыходили в люди и сделались впоследствии весьма полезными деятелями на различных поприщах государственной службы. Семейство Лазаревских представляет редкий образец родственной любви и привязанности».⁴ «Прямой, честный и трудолюбивый, не знавший сделок с совестью, обладая при этом хорошим образованием и отличными способно-

¹ Русский архив, 1894, № 8, с. 542—543.

² Там же, с. 555.

³ Так мать Лазаревского называл Т. Г. Шевченко, см.: Чалый М. К. Жизнь и произведения Тараса Шевченка. Киев, 1882, с. 151.

⁴ Там же.

стями, он во всех житейских положениях оставался верен своим правилам и тем заслужил общее уважение», — отмечается в биографическом очерке.⁵

И еще одно свидетельство, характеризующее личность В. М. Лазаревского. Еще в 1847 г. Шевченко оказией через Лазаревского передал в Петербург просьбу следующего содержания: «Освободить меня от солдатства может только Василий Алексеевич Перовский (в то время член Адмиралтейского совета); у Перовского же, лучше всякого другого, мог бы похлопотать Даль, лично ему человек совершенно близкий».⁶ В день очного знакомства с Лазаревским, 29 марта 1858 г., Т. Г. Шевченко записал в дневнике: «В 12 часов с М. Лазаревским поехали к Василию Лазаревскому. На удивление симпатические люди эти прекрасные братья Лазаревские, и все шесть братьев как один. Замечательная редкость. Василь принял меня как давно невиданного своего друга. А мы с ним в первый раз в жизни встречаемся: от земляк, так земляк!».⁷ И последнее: «Положим, мы не то, что называется в строгом смысле друзья (я так думаю, что отношения, завязываемые в 40 лет, не могут быть названы дружбою, ибо у каждого до этих лет успевают накопиться более желчи и холоду, чем допускает дружба, безусловно понимаемая), но все-таки мы были коротки настолько, что эта короткость обязывает говорить прямо» (XI, 268), — таково признание Н. А. Некрасова в письме к Лазаревскому от 6 сентября 1873 г., свидетельствующее об искреннем и дружественном взаиморасположении поэта и виднейшего сановника (к тому времени В. М. Лазаревский был тайным советником, членом Совета Главного управления по делам печати, членом Совета министра внутренних дел).

Ознакомившись с вышеприведенными свидетельствами, с письмами Лазаревского к Некрасову, Далю, Салтыкову-Щедрину и ответными письмами к нему, с другими прижизненными документами, невольно начинаешь сомневаться в тех характеристиках, которые получил В. М. Лазаревский в современном литературоведении. Автор статьи с сомнительным названием «Лазаревский — осведомитель Некрасова» называет его и «дворянином-крепостником», и «царской гадиной», и «прожорливым цензором», и т. д.⁸ Б. В. Папковский и С. А. Макашин в статье «Некрасов и литературная политика самодержавия»⁹ более «сдержанны» и «корректны»: они называют Лазаревского «Глумовым» и «другом-врагом». Но вот Г. В. Краснов в недавней публикации «В. М. Лазаревский и Н. А. Некрасов. (К истории взаимоотношений)»¹⁰ снова сгущает краски, называя Лазаревского «двуличным, циничным и беспринципным», ставя под сомнение его честность и бескорыстие во взаимоотношениях с близкими и друзьями. Все это убеждает нас, что место, занимаемое Лазаревским не только в биографии Некрасова, но и в литературном процессе в целом, определялось излишне прямолинейно и тенденциозно. На вопрос, задаваемый в «Литературном наследстве»,¹¹ находились ли Некрасов с Лазаревским действительно «в близких, приятельских отношениях», как об этом сообщала до выхода статьи

⁵ Бартеенев П. И. Из бумаг Лазаревского. 1. Биографический очерк. — Русский архив, 1894, № 8, с. 537.

⁶ Там же, с. 545.

⁷ Шевченко Т. Г. Дневник. М., 1939, с. 282 (см. также с. 288—296).

⁸ Звенья, кн. 8. М., 1950, с. 795—800.

⁹ Литературное наследство, т. 49—50. М., 1946, с. 488—506.

¹⁰ О Некрасове, вып. III. Ярославль, 1971, с. 315—318.

¹¹ Литературное наследство, т. 49—50, с. 490.

С. А. Макашина и Б. В. Папковского биографическая литература о Некрасове,¹² следует, вероятно, дать положительный ответ. Иная оценка роли Лазаревского¹³ должна быть доказана убедительно, без менторско-нисходящих интонаций к объекту изучения. Пока же «доказательства вины Лазаревского» построены, как мы убеждаемся, лишь на предположениях авторов и не имеют твердого научного обоснования. Так, заявления о том, что Лазаревский плохо относился к Некрасову, записывал сплетни о нем, ни в одной из статей не подкреплены ни документами, ни дневниковыми записями, ни свидетельствами очевидцев, ни эпистолярием. Так же дело обстоит и с остальными «развенчиваниями» Лазаревского.

Ныне не так уж и много осталось неизвестных и малоизученных некрасовских биографических материалов, тем ценнее те, которые разысканы и обнародованы учеными в разные годы. В этом несомненная заслуга и авторов статей о Лазаревском. Но вместе с тем также важно не исказить смысл этих материалов, не придать им надуманную публикаторами окраску, как произошло с документами, связанными с судьбой Лазаревского, человека, сыгравшего весьма немаловажную положительную роль в судьбе Некрасова и его журнала, личность которого несомненно заслуживает внимания и серьезного изучения.

Но перейдем к конкретному рассмотрению «дела Лазаревского». Можно предположить, что названные выше авторы делают свои безапелляционные выводы лишь на том основании, что Лазаревский был крупным чиновником своего времени и позволял себе при этом дружеские отношения с Далем и Шевченко, Гончаровым и Елисеевым, Некрасовым и Салтыковым-Щедриным. Других оснований, как мы убедились, ознакомившись с названными публикациями, у их авторов не было. Следуя их путем, можно назвать «циничными и двуличными» и бывшего вице-губернатора М. Е. Салтыкова-Щедрина, и председателя Комитета иностранной цензуры Ф. И. Тютчева, и видного государственного деятеля, товарища министра внутренних дел Н. А. Милютина, которому Некрасов посвятил в 1872 г. стихотворение «Кузнец», и многих других русских деятелей той поры. Вульгарное социологизирование привело, например, к тому, что автор статьи «Лазаревский — осведомитель Некрасова», освещая биографию Лазаревского, походя смещает факты. А «смещенные факты» искажают подлинный облик героя статьи согласно заданной тенденции, отвечающей лишь странному заголовку статьи, но ни в коей мере ее литературоведческому смыслу — объективно показать личность Лазаревского в историко-литературном процессе. Так, по мнению этого автора, Лазаревский «пользовался расположением и неограниченным доверием министра М. Н. Муравьева. А всем хорошо известно, что этот кровавый зверь царского правительства, вешатель восставших поляков, лютейший следователь по делу Каракозова, конечно, подпускал к себе только тех, кто сочувствовал его политике, кто ему был „без лести предаан“. Среди них Лазаревский занимал одно из первых мест».¹⁴ Читатель этой статьи, не знающий, что Лазаревский служил в канцелярии М. Н. Муравьева лишь до 1862 г. и затем резко прекратил с ним все отношения,¹⁵ прочитав вышеприведенные строки, пожалуй, решит, что

¹² Некрасов Н. А. Собр. соч., т. V. Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова. М.—Л., Гос. изд-во, 1930, с. 468.

¹³ Литературное наследство, т. 49—50, с. 488—506.

¹⁴ Звенья, кн. 8, с. 796—797.

¹⁵ «В 1862 г. из-за одной неловкой фразы, сказанной им (Муравьевым, — В. С.) Лазаревскому, между ними произошла размолвка, и, несмотря на все ста-

Лазаревский «сочувствовал политике» Муравьева или был ему предан «без лести» и чуть ли не составлял указ министра «о подавлении поляков» в 1863 г., а то и участвовал в 1866 г. в расследовании «дела убийцы царя Каракозова»!

Далее автор статьи «Лазаревский — осведомитель Некрасова» с определенностью очевидца утверждает, что Лазаревского буквально «закармливают обедами и ужинами. Жадный до еды, он всегда отзывается на множество приглашительных записочек, посланных ему Н. А. Некрасовым. То его зовут в ресторан „для сокрушения блинов“, то его уведомляют, что для него „припасли омар и щи“. В другой записочке Некрасов соблазняет этого прожорливого цензора „борщиной и говядиной с трюфелем“. Еще раз просит его „отведать щи“, или, наконец, его зовут „на пробу повара“». И самый «веский» аргумент В. Д. Бонч-Бруевича выглядит так: «И, наконец, когда особой приманки для него под рукой не оказалось, то поэт откровенно так и написал ему: „если не претит Вам перловый суп, то не придете ли обедать?“». И этот всеядный чиновник Министерства внутренних дел, конечно, пришел на перловый суп».¹⁶ Подобная аргументация не выдерживает критики; она-то и заставляет усомниться в верности характеристики, данной Лазаревскому даже столь уважаемым литератором, как Бонч-Бруевич. Кстати, не только в его работе, но и в других мы не обнаружили документальных и даже косвенных подтверждений «смертных грехов» Лазаревского, приписываемых человеку, общение с которым доставляло удовольствие А. Н. Плещееву и Г. З. Елисееву, Ераковым и Салтыкову-Щедрину, Н. С. Курочкину и Некрасову. Документы, приведенные авторами статей, не подтверждают, а, как это ни парадоксально, опровергают их же выводы. Например, дневниковые записи Лазаревского постоянно бесосновательно ставятся под сомнение, а их очевидный смысл расшифровывается субъективно, даже надуманно, и при этом делаются оговорки, что Лазаревский «кокетничает», «лукавит», «двуличничает» и т. п., хотя обнаружить «кокетство» или «лукавство» авторам не удалось ни в одной из иллюстраций, ими использованной. На это следует заметить следующее: Лазаревский вел дневниковые записи не для печати, никому не показывал дневник. Записи делались «без прикрас» и «без оглядки на цензуру». Нелицеприятные характеристики сановных сослуживцев М. Н. Турунова, Ф. Н. Еленева, Г. П. Данилевского, П. А. Вокара, М. Р. Шидловского и даже ироническое отношение к собственной персоне и профессии — важное тому подтверждение. Совершенно верно в этой связи замечание Папковского и Макашина, опровергающее, кстати, их же тезис о неискренности Лазаревского: «Характеристики Лазаревского тем более интересны и объективно ценны, что они, во-первых, относятся непосредственно к тем представителям власти (цензурной), с которыми Некрасов как редактор и литератор больше всего имел дело, и что, во-вторых, эти характеристики и оценки принадлежат хорошо осведомленному человеку и даны с полной откровенностью интимно-дневниковых записей, не рассчитанных на оглашение».¹⁷ Лазаревский с неподдельным отвращением отзывается о своем служебном окружении: «Цензоры — блюстители нравов. Следовательно, мы — члены Совета (цензоры по преимуществу) — должны быть люди безукоризненно нравственные и, как нарочно, — все мер-

рания Муравьева, Василий Матвеевич остался непреклонен, в единственное свое свидание с Муравьевым после этого случая, резко отказавшись от всякого примирения» (Русский архив, 1894, № 8, с. 538).

¹⁶ Звенья, кн. 8, с. 797.

¹⁷ Литературное наследство, т. 49—50, с. 476.

завпы. И оттого — постоянное трогательное единогласие». Со своей стороны Лазаревский мечтает о том, «чтоб цензура составлена была из немалого круга людей честных, ученых, благообразных». ¹⁸

На мой взгляд, эти дневниковые записи не проявление цинизма и двуличности, а скорее юмора и ума, последовательного стремления к благонавию в первоначальном значении этого слова. Вряд ли человек недалекий и бесчестный, как его стремятся представить в названных выше статьях, сделал бы подобные записи, свидетельствующие как раз об обратном. Вот, например, автограф от 21 декабря 1869 г.: «21 декабря. Сегодня Некрасов сообщил мне чрезвычайно любопытное сведение о Турунове. ¹⁹ Оказывается, что Некрасов дал ему деньги на поездку летом за границу.

— То есть занял? — спрашиваю я.

— Какое занял. Просто дал 1500 р., но вчера, — продолжал он, — представьте такое свойство, он опять просит 1500 рублей, иначе не может давать вечеров. Я отказал, т. е. не отказал совсем, а обещал, когда уплатит мне долг барон Врангель.

Турунов порядочный скотина, но все-таки я не думал, что Некрасов просто платит ему, чтобы быть спокойным от <З-го> отделения и от цензуры. ²⁰

Здесь Г. В. Краснов не заметил очевидного, искреннего возмущения Лазаревского продажностью окружавших его чиновников, но сделал неожиданный вывод: «Лазаревский играет роль неподкупного, честного чиновника». ²¹ Таким образом, и добрые качества героя, по желанию литературоведа, становятся признаком нечестности! Перед кем же Лазаревский играет роль? Перед дневником? В другой записи тот же автор увидел Лазаревского «запутавшимся в отношениях с редакторами „Отечественных записок“», хотя речи об этом в приведенной им иллюстрации нет. «Ему хотелось, — размышляет об очевидном Г. В. Краснов, — и было рискованно принять предложение Некрасова». ²² Читаем запись Лазаревского: «17 декабря 1869. У Еракова мы играли с Салтыковым в пикет. Подле сидел Некрасов. Некрасов предложил мне ни с того, ни с сего:

— Хотите, Василий Матвеевич, я устрою у себя карточный вечер собственно для Вас?

Я расхохотался:

— Что я за игрок!

— Ну, хотите играть со мной вообще в доле? Для чего и вручите мне 1000 рублей.

Я отвечал, что если он имеет в виду, чтобы я не был при этом в проигрыше, так я, разумеется, на это не согласен, рисковать же тысячу рублями не вправе и не могу. Он приставал ко мне раз пять-шесть с тем же предложением. Я отказал наотрез. Он затем уехал на игру.

— Что ему пришло в голову, — заметил я Салтыкову, — делать мне подобные предложения?

Замечательно, что Салтыков, вообще очень порядочный господин, заметил между прочим:

— Отчего это он мне никогда подобного не предложит. Я бы согласился». ²³

¹⁸ Там же, с. 478.

¹⁹ М. Н. Турунов — член Совета Главного управления по делам печати.

²⁰ О Некрасове, вып. III, с. 318.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 2, ед. хр. 9, л. 17 об., 18. Впервые в кн.: О Некрасове, вып. III, с. 317—318.

Поясним приведенный здесь эпизод. В «подобном предложении» Некрасова, так удивившем Лазаревского в 1869 г., ничего удивительного, как оказалось, не было для близко знавших поэта, и вскоре Лазаревский сам убедился в этом. Как известно, Некрасов много играл, ему часто нужны были наличные деньги;²⁴ поэтому его предложение Лазаревскому не случайно, скорее ordinarily. И если бы Некрасов действительно хотел подкупить или «материально поддержать» Лазаревского, что постоянно подчеркивается некоторыми его биографами, то он не преминул бы, например, воспользоваться удачным для этого случаем, выпавшим ему под новый, 1871 год: выигрыш более трех тысяч рублей. Перед тем Лазаревский одолжил Некрасову двести рублей на участие в доле выигрыша. Запись Лазаревского от 8 марта 1871 г. красноречиво свидетельствует о том, что денежные отношения Лазаревского и Некрасова были обоюдодружескими. Они часто выручали друг друга, и тот и другой брали в долг по разным поводам и обстоятельствам. «В Новый год я был у него, — записывает Лазаревский в дневнике. — Он показал мне ежедневные отметки игры, в чистом выигрыше было у него 3275 руб. Так как в дни серьезной игры игроки не любят давать денег из кармана, то я, конечно, не спросил их, приписывая непередачу их этому обстоятельству. Я виделся с ним 3 января, — он сказал, что проиграл в эти дни 3 тысячи руб. Я настолько не считал уже себя в этой игре, что, имея в виду отправление детей в школу, прямо написал ему 4 января о присылке мне денег. Он прислал в пакете, без всякой записки, 200 руб. У нас не были еще кончены с ним счета за день последней охоты. По моим расчетам, я был должен ему рублей 80—90. Я на другой день получения 200 руб., т. е. 5 января, послал ему 100 руб., при записке, что если этого не хватает до полного расчета, то он может добавить из переданных ему моих денег Николаем Карповичем Краббе».²⁵

Даже этот небольшой отрывок позволяет убедиться, насколько щепетилен и пунктуален был в денежных вопросах Лазаревский. Когда же Некрасов действительно хотел было в отчаянии подкупить Лазаревского — за умолчание истории с письмами от «государственного преступника» эмигранта П. Л. Лаврова, чья корреспонденция из-за границы, с ведома М. А. Маркович (Марко Вовчок) и Некрасова, но без ведома Лазаревского, была послана в Россию на адрес последнего для передачи редакции «Отечественных записок», — взятка была с негодованием отвергнута Лазаревским, что явствует из продолжения той же записки в дневнике за 8 марта 1871 г. о разговоре с Некрасовым: «Видите ли, я вчера отыгрался вполне от проигрыша после Нового года, с меня вам следует 6-я доля выигрыша до Нового года. — Я возразил на основании того, что, пока он был в выигрыше, я денег не получал, а когда он проиграл, то на спрос мой переслал только мои деньги. Подобный спор продолжался минут 20. Я положительно отказался и вышел, он за мной, уговаривал через 4 комнаты, до лестницы, взять деньги. — Ну, если не хотите взять, так они пусть останутся у меня, теперь у меня пойдет большая игра, может быть я много выиграю — вы в доле. Я так же положительно отказался <...> Весь смысл этого безвременного предложения в том, что и Некрасов, как и Маркия Александровна (Маркович, — В. С.), знал, что первое письмо было от Лаврова, и не сделал ни одного шага, чтобы остановить эту мерзость, зная,

²⁴ См.: Чуковский К. И. Некрасов и карты. — Русское слово, 1913, 19 апреля. Отзвук об этом и других фельетонах см. в публикации Т. С. Царьковой «Записки некрасововеда В. Е. Евгеньева-Максимова» в настоящем издании (с. 228).

²⁵ Литературное наследство, т. 49—50, с. 496.

что я могу расплатиться будущностью моих детей <...> Когда, придя домой, грустно заявил об этом Л<юбови> Ив<ановне>, мне стало положительно ясно, что он хотел подкупить меня этими 500 руб. (т. е. одной шестой частью от выигрыша, — В. С.), более чем подкупить, а обратит меня по делу этой переписки в раба, обязанного молчать». ²⁶ Как говорится, друзья познаются в беде. Испытанием «бедою» и оказался случай с лавровскими письмами, когда Некрасов был вынужден применять разные, даже неприятные для него самого, способы воздействия на своего доброго приятеля, а Лазаревскому в свою очередь пришлось выбирать, «как герою русской сказки <...>, два пути». «Пойду по одному, — записывает он в дневнике, — подлец перед либеральным кружком, пойду по другому — подлец перед семейством. При этом другом — оно пропадет с голоду, я сам пойду на улицу, где либеральный кружок через неделю перестанет узнавать меня». ²⁷

Однако, несмотря на эти колебания (он даже было подумывал признаться в «содеянном» через директора одного из департаментов в Министерстве внутренних дел, Н. Т. Мансурова, властям и уже набросал 17 марта 1871 г. проект оправдательного письма министру внутренних дел Тимашеву), Лазаревский, рискуя потерять, по сути дела, все, чего достиг в обществе, рискуя даже будущим своих детей, в конечном счете не изменил своей совести, не пошел на предательство. О его тяжелейшем душевном состоянии и нравственной борьбе свидетельствует также и черновик неотправленного письма от 17 марта 1871 г. к Некрасову: «Неповинный ни в чем, я вот уже три недели терплю муки поистине невыносимые. Мне предлагают спасение, обратив их из острых в хронические. Так быть граждански — противно разуму общественного склада, физически — не под силу нервам. И когда я думаю, что взяли меня, ничего даже не подозревавшего, взяли обдуманно и повесили на крюк за ребро, и стерегут, чтоб не сорвалась жертва, время от времени отуманивая ее дурманом, — я теряю всякое человеческое чувство, и смысл, и волю». ²⁸ И все же он не предал и мог искренне и с чистой совестью сказать о себе: «В чести прожитого, в чести имени есть своя святость. Тут основа и движение общественных начал; охраняя эту честь, я забывал свое будущее и будущее своего семейства». ²⁹ Это признание не поза и не кокетство. Проследившая историю взаимоотношений Лазаревского с «либеральным кружком» (Некрасовым, Елисеевым, Салтыковым-Щедриным) и раньше с Далем и Шевченко, легко убеждаешься в верности его слов. На мой взгляд, Лазаревский не просто сочувствовал «либералам» (так он называл некрасовское окружение), но, сознательно следуя своему остроумному пониманию закона отрицания отрицания («Две партии литературных направлений — это две гири на концах коромысла. Они вечно балансируют и должны балансировать, иначе — упразднить одно из них и коромысло станет колом. И потом: куда же деваться той силе, которую хотят и предполагают возможным упразднить. Одна будет делать только глупости. Другая — набираться силы. Накопится ее избыток, и должен последовать взрыв»), ³⁰ не слепо исполнял (как Фукс или Турунов) свои обязанности цензора, а глубоко разбирался в существовании литературных произведений, поступавших в Комитет по делам печати, в их художественных достоинствах и эстетической ценности. В его дневнике есть

²⁶ Там же, с. 498. Любовь Ивановна — жена В. М. Лазаревского.

²⁷ Литературное наследство, т. 49—50, с. 498.

²⁸ Там же, с. 502.

²⁹ Там же, с. 499.

³⁰ Там же, с. 494.

запись, иллюстрирующая это заключение: «При чтении я отмечаю карандашом не те места, за которые могли бы обвинять, а те, которыми можно бы оправдать. Хорошими вещами я люблюсь как читатель и болею сердцем как цензурная власть». Мнение самого Некрасова о Лазаревском-цензоре весьма красноречиво подтверждает сказанное. «Я Вашему художественному чутью верю, и мне было приятно узнать Ваше мнение о моей новой поэме» (XI, 193), — признавался поэт Лазаревскому в августовском письме 1871 г.; аналогичные признания встречаются и в других письмах.

Утверждая, что Некрасов боролся за «Отечественные записки», биографы Лазаревского не заметили, что вместе с Некрасовым за его журнал добровольно и по убеждению боролся долгие годы и Лазаревский. После смерти Некрасова Лазаревский продолжал покровительствовать «Отечественным запискам» Салтыкова-Щедрина. И это не требует специальных доказательств, ими буквально наводнены и переписка Лазаревского с разными адресатами тех лет, особенно с Некрасовым, и многие документы Совета Главного управления по делам печати; тем не менее эти свидетельства не были замечены авторами, писавшими на ту же тему, а если и замечены, то истолкованы как второстепенные, не имеющие важного значения. А ведь Лазаревский неоднократно буквально спасал журнал от арестов и предупреждений. Из писем Лазаревского мы узнаем о его деятельности в поддержку и журнала и самого Некрасова. Вот, например, история спасения пятого и шестого номеров, изложенная в письме от 9 июля 1873 г. (мы приводим эту большую часть письма, так как она способствует пониманию роли Лазаревского в борьбе за «Отечественные записки»): «Лонгинов³¹ уехал. В первый затем вторник Ф<укс> докладывает в Совете, что майская книжка за Шелли и июньская за Испанское письмо³² подлежали уничтожению, но так как теперь этого сделать уже нельзя, то поставить об этом на вид Цензурному комитету с тем, чтобы он относился к этому вредному журналу строже.

Что такое! — говорили часа два, были сцены — решили отложить суждение на неделю, чтоб каждый ознакомился со статьями. Какова, между прочим, наглость: заметив, что он тут же чернил формулу заявления и что под рукою у него не было книжек, я потребовал категорически указать, в чем грех и преступление. Он ответил, что не захватил книг. Как же Вы!.. и т. д. и т. д.

Нужно было серьезно проштудировать статьи, но, главное, нужно было носить эту язву в себе целую неделю. Зная, что гадина пускает яд всегда со злости, следовательно, не всегда соображает, как бы вышло побольнее, я перечитал и первую статью Шелли. Расчет был верен. Оказалось, что он ее не читал, — по крайней мере теперь это была пощечина веская. Доказавши, что обе статьи — по всему — близнецы, что если уж говорить о политике радикализма, то именно первую статью нужно было обвинять, так как там-то и обрисован Шелли как политический деятель, хотя в самых микроскопических размерах, что если ни член Совета, ни начальник Главного управления, ни Министр, ни вообще власти не признали генварскую книжку подцензурною, не уничтожили, — то Цензурный комитет, встречаясь с одинаковым явлением, не мог, если бы

³¹ Лонгинов М. Н. (1823—1875) — председатель Главного управления по делам печати (1872—1874). В 50-х годах он был близок к писателям «Современника», в котором сам принимал участие как автор библиографических заметок. Знаком с Некрасовым с середины 40-х годов.

³² Имеются в виду статья о Шелли М. К. Цебриковой и «Письма об Испании» В. Зайцева (обе без подписи) в № 5 и 6 «Отечественных записок» за 1873 г.

хотел, потребовать уничтожения майской, и т. д. и т. д. Не получил Фукса ни единого голоса.³³

Но вслед за тем, формулируя предостережение (второе) Вестнику Европы, он мерзко заметил, что статьи Пыпина все-таки меньше вредны, чем помянутые статьи Отечественных записок (тут оказалось три голоса против двух). Я сказал Краевскому, чтоб он следил теперь строже. — Но, однако же, этого факта не вытравить ничем, как мерзости из Фукса. Думаю, впрочем, что и Лонгинов спасибо ему за это не скажет. — Потолкуем лично <...>

Христос с Вами, голубчик, обнимаю Вас, дорогой, хороший мой Николай Алексеевич. Целую ручки милых Ваших дам. Ваш весь В. Лазаревский.³⁴

Или другое еще более выразительное доказательство моего мнения — письмо Лазаревского от 27 июля 1873 г.: «Гагина (Фукс, — В. С.) не унимается. В заседании 22 июля Цензурный комитет представил Совету, что статья Наумова „Еж“ подрывает все начала рабочего вопроса.³⁵ Фукс, очевидно ее не читавший, не признал за ней такого ужасного характера, но считал нужным занести в журнал как характеризующую положительно вредное направление „Отечественных записок“. Я заметил, что в докладе Комитета не узнаю статьи, которую свежо помню, и рассказал ее Совету по-своему. В прениях Смирнов³⁶ имел неосторожность выразить, что они связаны строгим предписанием касательно рабочего вопроса, а Фукс брякнул, что статья-то сама по себе и ничего бы, но в Отечественных Записках получает особую физиономию. На это я подловил их. Не знаю еще, буду ли в Совете в будущий вторник, но сегодня я послал Каменскому пространное свое мнение (он, разумеется, согласится со мною, Варадинов тоже).

Я боюсь за августовские и сентябрьские книжки. Фукс первоначально взял те же месяцы, что и я, и это выходило отлично, но, как заявил в последнем заседании, изменил намерение и уедет только 15 сентября. Есть причины... <...> Каменский, бедный, в отчаянии. Представьте, что на некоторое время Совет состоит под председательст-

³³ В «Журнале» заседания Совета Главного управления по делам печати от 26 июня 1873 г. запротоколировано выступление члена Совета В. Я. Фукса, в котором тот настаивал на применении к «Отечественным запискам» закона от 7 июня 1872 г., т. е. на их аресте (ЦГИА, ф. 776, оп. 5, 1873 г., ед. хр. 17, л. 3—8). С мнением Фукса не согласились Д. И. Каменский и В. М. Лазаревский, нейтрализовавшие отзыв Фукса. Лазаревский убедил собрание, будто Шелли «с пифической восторженностью выражает свое миросозерцание чисто апокалипсическими вещаниями каких-то отвлеченных образов, для которых невозможна жизнь в пространстве и времени». «Ввиду же того, — предлагал Лазаревский, — что первая половина статьи в течение полугода не обратила на себя внимание властей, цензурный комитет был вправе отнестись и к настоящей, второй половине статьи так же, как отнесся и к первой, т. е. оставить ее даже без заявления Главному управлению по делам печати» (ЦГИА, ф. 776, оп. 2, ед. хр. 12, л. 266—292). Большинство членов Совета согласилось с мнением Лазаревского и сочли возможным «по настоящему заявлению» Фукса «не принимать никаких мер». См. об этом полнее: Богград В. Э. Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. М., 1971, с. 429—430.

³⁴ Литературное наследство, т. 51—52. М., 1949, с. 370.

³⁵ В донесении С.-Петербургского цензурного комитета в Главное управление по делам печати от 14 июля 1873 г. за № 582 о рассказе Н. Наумова (Отечественные записки, 1873, № 7) говорилось, что он крайне тенденциозно «представляет безотрадное положение рабочего мужика». См.: Литературное наследство, т. 51—52, с. 372.

³⁶ А. Н. Смирнов — цензор, заменявший в это время председателя С.-Петербургского цензурного комитета.

вом Варадкинова», из Стремоухова, Фукса, Вакара и Смирнова. Я советовал остаться в составе и держать себя по-прежнему. Постараюсь увидеть Краевского до отъезда. Да, не сладкие вещи, мой милый Николай Алексеевич, а нужно что-нибудь думать. Весь Ваш В. Лазаревский». ³⁷

Лазаревского волнуют и личные дела Некрасова; доброе участие и сочувствие поэту в трудные моменты его литературной жизни тоже говорят о многом. Вспомним хотя бы эпизод с брошюрой М. А. Антоновича и Ю. Г. Жуковского «Материалы для характеристики современной русской литературы», больно ранившей Некрасова. Сочувственное внимание Лазаревского к переживаниям Некрасова, находившегося в самый разгар поднывавшегося вокруг его имени литературно-журнального шума за границей, подкрепляется и делом. Лазаревский дает возможность Некрасову и его единомышленникам еще до появления брошюры в свет (в день поступления ее в Цензурный комитет) ознакомиться с ее содержанием (произошло это еще до отъезда Некрасова за границу), благодаря чему уже в четвертой книжке «Отечественных записок» за 1869 г., чуть позднее выхода брошюры, были опубликованы ответные статьи Салтыкова-Щедрина и Елисеева, опровергавшие основные положения «Материалов для характеристики современной русской литературы» (см. письма Некрасова к Лазаревскому от 5, 6, 6—7 марта 1869). В мае, после появления полемической брошюры Ив. Рождественского «Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского», направленной в защиту Некрасова, Лазаревский спешит порадовать находившегося на лечении за границей «многочтимого и крепко любимого друга, Николая Алексеевича». «Крепко обнимаю и целую Вас, милый Николай Алексеевич, и еще раз целую, — пишет он из Петербурга в Париж 1 мая 1869 г., посылая ему брошюру Рождественского. — Три пакета посылаю Вам. Долго думал над ними. Думалось так, что грешно преследовать Вас даже там этой дребеденью; думалось и то, что после олимпийского свинства (выступления Антоновича и Жуковского, — В. С.) Вам не неприятно будет услышать чистое молодое слово. Говорят, что эту брошюру печатали на студенческие гроши. Вырезана вся суть брошюры. ³⁸ И не хотите всероссийских вещей касаться — киньте в камин». ³⁹ На это Некрасов отвечал из Интерлакена 17/29 мая 1869 г.: «Дорогой Василий Матвеевич, сколь мне приятно было Ваше письмо и говорить нечего. Спасибо и за доброе слово и за вырезки из брошюры. Она, видимо, умно и бойко написана, но мне не это важно, а то дорого, что я увидел, что у меня есть друзья». ⁴⁰ И заключает этот эпизод из биографии Некрасова письмо Лазаревского от 29 мая 1869 г. из Петербурга, в котором говорится: «Поэтому и посылаю Вам, дорогой Николай Алексеевич, вырезки, чтоб Вы видели, что у Вас много друзей, а друзья люди честные. Смятение вообще затихает». ⁴¹

³⁷ Литературное наследство, т. 51—52, с. 372.

³⁸ В примечании к этому письму (Литературное наследство, т. 51—52, с. 358) на основании фразы: «Вырезана вся суть брошюры» — комментатор заключает: «Цензурное изъятие „всей сути“ брошюры — факт ранее неизвестный», тогда как из текста письма ясно, что не цензура, а Лазаревский вырезал «всю суть брошюры», т. е. «суть», касающуюся непосредственно Некрасова, и послал эту «суть», «вырезки из брошюры» в «трех пакетах» поэту; в ответном письме Некрасов благодарит «за вырезки из брошюры» Ив. Рождественского, сделанные и посланные поэту Лазаревским.

³⁹ Литературное наследство, т. 51—52, с. 357.

⁴⁰ Там же, с. 359—360.

⁴¹ Там же, с. 360.

Вышеупомянутые, а также и другие эпизоды отношений Некрасова с Лазаревским, запечатленные в разных документах, определяют особо дружеский, теплый тон их общений в разные годы (1868—1874). Нелепо поэтому выглядят в этой связи обвинения в лицемерии, в неискренности поэта, которые «подтверждаются» в «Звеньях» и «Литературном наследстве» перечислением величаний и обращений Некрасова к Лазаревскому в письмах: «Отец родной», «Отче, друже и брате», «Любезнейший», «Многомилейший», «Дорогой Василий Матвеевич», «Глубокочтимый и любезный друг», «Великодушнейший», «Любезнейший друг» и т. д., подтверждающих скорее простоту и бесхитростность общения Некрасова с Лазаревским. В статье Г. В. Краснова таким же образом «подтверждается» лицемерие Лазаревского. Здесь приводятся обращения Лазаревского к Некрасову: «Крепко обнимаю и целую Вас, милый Николай Алексеевич», «дружески жму хорошую руку Вашу, горячо обнимаю Вас», «храни Вас бог, и душу Вашу, и плоть Вашу» — в качестве доказательства положения статьи: «заискивая перед Некрасовым, играя в либерализм, он маскировался».⁴² Не правда ли, странная система аргументации! А из нее, как логическое завершение, как совершенно очевидное, следует в статье безапелляционное утверждение, что «таким же двулличным, циничным было последнее письмо Лазаревского Некрасову, от 6 сентября 1874 г.,⁴³ после ссоры в охотничьем имении».⁴⁴ Вслед за этим приводится отрывок из письма, которое опровергает исследователя, так как показывает, что для Лазаревского отношения с поэтом были дороги настолько, что даже мысль остаться в памяти Некрасова человеком, «способным оскорбить умышленно», была ему неприятна. Привожу это письмо полностью. Ранее Г. В. Красновым использовался лишь отрывок из него с ошибочной датировкой года, с неверным прочтением отдельных слов, что нарушило логику и исказило его смысл.

«Мы расходимся, но мне было бы крайне тяжело оставаться в памяти Вашей человеком, способным оскорбить Вас умышленно. Вы меня столько раз обязывали, что уже по одному этому дико было бы предполагать это. — Просто, я дурно выразился, а Вы горячо прочитали. Общая мысль моя была та, что у этих людей своя в сем деле логика,⁴⁵ что я высказал и вчера. Образно мне представлялось это так, что на замечание мое Никанору он мог ответить: я ищущу здесь душелей по приказанию барина к его приезду.

Он мне ответил, что Вы ему этого не приказывали. Я полагал, что дело и обойдется тем, что скажете ему дурака. Но Ваше заявление, что приказание ему было Вами дано, а главное тон, в котором вели Вы первую половину беседы, совсем осадили меня. Всем нашим прошлым я так мало был приготовлен к этому, что, признаюсь, мне и теперь все это кажется каким-то дурным сном. 6 IX <1873>. Лазаревский».⁴⁶

В ответном письме (втором за 6 сентября) Некрасов согласился с Лазаревским, что тон его разговора и предыдущее письмо были действи-

⁴² О Некрасове, вып. III, с. 316.

⁴³ Это письмо не последнее. Датировка его у Краснова 1874 г. неверна: см. черновик этого письма, в котором Лазаревским ошибочно указан день — «7» вместо «6» в чистовике. Черновик настоящего письма набросан Лазаревским на обороте письма к нему Некрасова от 6 сентября 1873 г., чем и подтверждается точная дата (ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 1, ед. хр. 131, л. 211). Чистовик письма датирован «6 IX»; ниже приводится впервые полностью.

⁴⁴ О Некрасове, вып. III, с. 317.

⁴⁵ «Эти люди» — слуга Лазаревского Степан и слуга Некрасова Никанор.

⁴⁶ ИРЛИ, ф. 202, оп. 2, ед. хр. 51, л. 1—1 об.

тельно резковаты и что если Лазаревский «подвержен желчным припадкам», то и ему, измотанному болезнью, бывает не легче. «Если б Вы знали, как иногда меня перевертывает желчь, — признавался он, — какие я часы горькие провожу и что я тогда думаю, кого и в чем виню! Все это мне знакомо».⁴⁷

В действительно последнем письме Некрасова к Лазаревскому — снова обращение к их «охотничьим» взаимоотношениям. Примечательно, что в тот день, 14 сентября 1874 г., день последнего «эпистолярного» общения поэта с Лазаревским, Некрасов написал не одно письмо, но два его варианта. При этом неотправленный, написанный первоначально, «ленинградский» вариант (подлинник его в ИРЛИ) в отличие от московского (автограф в ЦГАЛИ) чище, полнее и разъясняет логику появления второго варианта, дошедшего до адресата и имеющего на полях помету Лазаревского: «На это я не отвечал» (XI, 333). Некрасов не только сократил приписку своего первого варианта письма от 14 сентября, рассудив, что коль скоро Лазаревский отказался от своей части аренды «чудовской охоты», то вместе с этим отпала необходимость и просить его согласия об использовании угодий в Чудовской луке по собственному усмотрению, но и изменил эмоциональный строй письма, который стал еще более благожелательным. В частности, если приводимый ниже первый неопубликованный вариант заканчивался словами: «Искренно преданный Вам Н. Некрасов», то во втором заключение имеет иной эмоциональный оттенок: «Искренно преданный Вам с давних пор и доньше Н. Некрасов».

Привожу текст первого варианта, значившегося в Рукописном отделе ИРЛИ как письмо к неизвестному:

«Разумеется, если Вы, Василий Матвеевич, уже порешили не охотиться в Чудове, то мне остается только благодарить Вас, что Вы первому мне предложили Вашу половину аренды, и принять предложение. Но я не могу не выразить моего искреннего сожаления, теряя в Вас доброго товарища по охоте. Каковы бы ни были причины, побуждающие Вас распорядиться таким образом, истинно говорю Вам: я не знаю за собой вольного — намеренного — прегрешения против Вас, а за невольное, буде таковое было, от души прошу Вас простить меня.

Искренно преданный Вам Н. Некрасов.

Р. S. Наш общий знакомый Алексей Андреевич Головачев желает поехать в Чудово на охоту. Будьте добры напишите и пришлите (сегодня) два слова о Вашем согласии на это.

14 Сент. 1874.»⁴⁸

По сути это письмо можно рассматривать не только как вариант письма, опубликованного в двенадцатитомном собрании сочинений поэта, но и как самостоятельное, не отправленное в тот день, 14 сентября 1874 г. Оно несет в своем содержании значительную дополнительную авторскую информацию.

Как видно из многих писем, и для Лазаревского, и для Некрасова охота была одной из глубочайших жизненных страстей. Она была для них не только отдохновением от столичной суеты и службы, «лучшим удовольствием и радостью», но и источником поэтических размышле-

⁴⁷ ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 1, ед. хр. 131, л. 213.

⁴⁸ ИРЛИ, р. I, оп. 20, ед. хр. 27, л. 1.

ний — для Некрасова и темой научных статей и исследований — для Лазаревского. Лазаревский участвовал в разработке законодательства об охоте, был участником и членом охотничьих обществ и комиссий. Без преувеличения можно сказать, что охоте они отдавались с азартом, увлечением и неутомимостью. Принимая все это во внимание, можно представить степень «непримиримости» охотничьих обид и того и другого. Если Некрасов и Лазаревский могли прощать друг другу резкости и особенности характеров в сферах журнальной, служебной или бытовой, то совсем иначе обстояло дело, когда оно касалось охоты. Ведь именно из-за нее, а не из-за социальных противоречий (что, кстати, неохотно, но признают все авторы статей о Лазаревском) возникали серьезные конфликты, конфликты на грани полного разрыва, последний из которых (в сентябре 1874 г.),⁴⁹ как известно, и переполнил чашу «охотничьего терпения» и того и другого.

Среди литературных трудов В. М. Лазаревского наиболее значительны работы, посвященные именно вопросам охоты. В 70-х годах Лазаревский задумал написать труд об охоте, который бы вместил в себя все стороны этого дела (научную, экономическую, промышленную), и тогда же приступил к его составлению, но из-за неотъемлемости этой задачи не успел его завершить; только отдельные разделы его, обработанные для печати, сохранились в его обширном архиве. В 1876 г. свет увидела его книга «Об истреблении волком домашнего скота и дичи и об истреблении волка» — по существу первый опыт статистического исследования столь важного для народного хозяйства вопроса; этот труд и поныне является ценным источником, ссылки на него встречаются неоднократно в специальной литературе. Это научное исследование было написано настолько живо, таким сочным литературным языком, что И. С. Тургенев, глубокий знаток охоты и литературы об охоте и природе, невольно сравнил его с классическими русскими произведениями на эту тему, отметив, что монография Лазаревского «останется в литературе наряду с подобными сочинениями С. Т. Аксакова». Не будем оспаривать авторитетного мнения Тургенева, как это делают наши предшественники, отметим только, что сам способ истолкования личности и деятельности Лазаревского в отдельных работах претенциозен и несерьезен.

В укор Лазаревскому ставится даже его широкий круг научно-литературных интересов. Он занимался диалектологией, фольклором, этнографией, составил «Полный малороссийский словарь», «Географический словарь», помогал В. И. Далю в работе над «Толковым словарем живого великорусского языка», написал несколько рассказов, повестей, романов, комедию, переводил Шекспира, Бомарше, французских новеллистов и, наконец, стал кандидатом философии. И что же? Оказывается, на всем, что бы он ни делал, «лежит яркая печать дилетантизма»;⁵⁰ «это был человек с разносторонними, хотя и дилетантскими, интересами».⁵¹ Наверное, не стоит принимать эти суждения всерьез. Кандидат философии, получивший историко-филологическое образование в университете, как это ни сомнительно, может и не быть профессионалом, но человек, помогавший не один год В. И. Далю (впрочем, и Даля в известном смысле упрекали в дилетантизме, однако, как мы знаем, это не умаляет его

⁴⁹ Об этом см. письма Некрасова к Лазаревскому (XI, 333; Звенья, кн. 8, с. 346—356; здесь же ответы Лазаревского).

⁵⁰ Литературное наследство, т. 49—50, с. 489. Библиографию произведений В. М. Лазаревского см.: Звенья, кн. 8, с. 357.

⁵¹ О Некрасове, вып. III, с. 316.

величайшей заслуги в истории русской филологии) в составлении его знаменитого словаря и собравший колоссальный материал для географического словаря и словаря украинского языка, может быть назван дилетантом лишь с очень большой натяжкой. Тем более если учесть, как высоко ценил научные качества Лазаревского В. И. Даль. Почти все «украинизмы» и большая часть русских слов в словаре Даля собраны и истолкованы Лазаревским. Некоторое время (1848—1849) Лазаревский служил вместе с Далем в Особой канцелярии при петербургском губернаторе. Служебные часы Даль «посвящал обыкновенно своим филологическим занятиям». ⁵² «Самый воздух в канцелярии до того был пресыщен русскою филологией, — вспоминал позднее в очерке «Мое знакомство с Далем» В. М. Лазаревский, — что я скоро серьезно втянулся в это дело». ⁵³ С отъездом Даля в Нижний Новгород (июнь 1849 г.) «дело это» не прекращается. Еще долгое время Даль обращался за помощью к Лазаревскому: «Спасибо, В. М., — благодарит он его 22 августа 1849 г. за помощь по словарю, — за вести ваши, за работу, справку и пр... Прощайте, спасибо за прошедшее и будущее». ⁵⁴ 29 октября того же года он сообщает: «Занимаюсь пословицами, хочу их кончить, тогда уже за словарь. Ради бога, устройтесь таким образом, чтобы ваш словарь не мог сгинуть; это уложило бы меня до времени в могилу!». ⁵⁵ В другом письме Даля о важности труда Лазаревского читаем: «За труд ваш в словаре не смею и благодарить <...> Неполные глаголы ставятся в таком виде, как они есть». ⁵⁶

Можно было бы продолжить характеристику Лазаревского с помощью других свидетельств, которых, кстати, довольно много. Обширнее, например, представить его дневниковые записи, письма и протоколы заседаний Совета по делам печати, поговорить о его взаимоотношениях с Салтыковым-Щедриным или Гончаровым. Однако на такое широкое исследование мы не претендуем. Цель настоящей работы другая и весьма определенная: переосмысление ранее, казалось бы, всесторонне изученного материала. ⁵⁷ И закончу ее словами Некрасова, адресованными Лазаревскому, которые следовало бы иметь в виду их биографам, приступающим к изучению истории их взаимоотношений: «Я с своей стороны остаюсь и остаюсь человеком, благодарным Вам в душе за то доброжелательство ко мне и к журналу моему, которого многочисленные доказательства живы в моей памяти. Это верно <...> Н. Некрасов» (XI, 193).

⁵² Русский архив, 1894, № 8, с. 549.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, с. 550.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См.: Смирнов В. А. Изучение биографии Н. А. Некрасова (1850—1870-е годы). — Русская литература, 1978, № 1, с. 231—232.

Г. В. Краснов

ВОКРУГ ИСТОРИИ ПЕРВОГО ПОСМЕРТНОГО ИЗДАНИЯ
«СТИХОТВОРЕНИЙ» НЕКРАСОВА

Первое посмертное издание «Стихотворений» Некрасова было крупным событием литературной и общественной жизни. Откликаясь на выход первого тома «Стихотворений» с биографическим очерком, написанным А. М. Скабичевским, рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей» писал: «Как поэт Некрасов стоит совершенно особняком, и там, где вопрос касается нашего быта, нашего строя, наших государственных недугов, сложившихся под преобладающим влиянием бюрократии, там ему нет равного по силе выражения, разуму и меткости».¹

Как известно, это издание было осуществлено А. А. Буткевич и С. И. Пономаревым под наблюдением своеобразного «редакционного комитета» в составе Г. З. Елисеева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича — явление невиданное в дореволюционной издательской практике. Известны и общие мотивы названного издания.² Однако многие факты, связанные с историей появления первого посмертного издания «Стихотворений», остаются неосвоенными. По существу не изучены материалы, раскрывающие издательскую деятельность С. И. Пономарева, его взаимоотношения с «редакционным комитетом» по изданию «Стихотворений» Некрасова и др. Цель настоящей статьи обратить внимание на эти вопросы, уточнить, дополнить некоторые устоявшиеся характеристики.

1

С. И. Пономарев ценил Некрасова как выдающегося демократического поэта и отнюдь не судил о нем лишь «с позиций своего мировоззрения консерватора и своей патриархальной религиозности».³ Последнему утверждению противоречит ряд фактов. Работа «Копеечная свечка в память о Некрасове», присланная С. И. Пономаревым в «Отечественные записки» (1878, № 3, 4), содержит тщательно разработанную программу «будущего издания сочинений поэта». Она основана на доскональном знании произведений Некрасова, их опубликованных вариантов, цензурных изъятий, полемической критики и т. п.

¹ Дневник печати. — С.-Петербургские ведомости, 1879, 23 февраля.

² См.: Панченко М. Т. К истории посмертного издания собрания сочинений Некрасова. Письма А. А. Буткевич к С. И. Пономареву. — Литературное наследство, т. 53—54. М., 1948, с. 163—191.

³ Там же, с. 164.

Вероятно, С. И. Пономарев еще при жизни Некрасова изучил различные издания его «Стихотворений», книгу «Последние песни» (1877). Его замечания-предложения к новому изданию сочинений поэта — плод многолетних наблюдений в области эдичионной техники того времени и теории стиха. «Дополнить, по возможности, — рекомендует он, — места, обозначенные точками; некоторые из них в первом издании (М., 1856) были напечатаны вполне». И далее: «...исправить грубейшие опечатки, которые вкрались в последнее издание, опечатки, иногда, по-видимому, не изменяющие смысла, но нарушающие размер, а иногда искажающие и самый смысл стиха».⁴

С. И. Пономарев в «Копеечной свечке» дал первый метрический анализ стиха Некрасова по всем известным частям «Стихотворений» и сделал любопытный вывод: «...трехсложные стопы у Некрасова вовсе не пользуются „предпочтительною любовью перед ямбом и хореем“: из 206 пьес 124 написаны ямбом и хореем, а 82 — дактилем, амфибрахийем и анапестом, и пьесы, написанные ямбом («Тишина», «Несчастные» и «Мать»), несравненно легче и свободнее всех других его пьес. Из размеров трехстопных более прочих удавался Некрасову амфибрахий («Мороз, Красный нос», «Крестьянские дети», «Княгиня Волконская»). Надо заметить и то еще, что „Мороз“ написан по частям, амфибрахийем и дактилем, а „Герои времени“ — всеми возможными размерами <...> Указывая разнообразие размеров, мы не касаемся числа стоп размера; в этом отношении Некрасов был весьма разнообразен».⁵

Весьма ценным был «Свод статей о Некрасове». С дополнением, напечатанным в следующем номере (№ 4) «Отечественных записок», он включал 127 номеров, охватывающих почти полную библиографию работ, рецензий, заметок, посвященных Некрасову. «Свод» был составлен по общим правилам. «Свод статей о Некрасове, — писал Пономарев, — мы начинаем с 1840 года, со времени появления его первой книжки («Мечты и звуки»); мы приводим их в хронологическом порядке появления их и в алфавитном порядке изданий за каждый год. Здесь в помощь собственным библиографическим запасам пользуемся некоторыми изданиями Межова».⁶

Любопытны некоторые пояснения Пономарева к отдельным номерам своего свода. Например, к № 65 (С.-Петербургские ведомости, 1872, № 352, статья В. Буренина): «Критик <...> обрушивающий несправедливый упрек на Некрасова. Ради чего был написан в свое время роман „Три страны света“».⁷ К № 108 («Белинский. Его жизнь и переписка», соч. А. Н. Пыпина): «Отзывов Добролюбова о Некрасове не было и не могло быть в печати по известной причине. Общие отзывы Писарева встречаются изредка в его сочинениях <...> и они тем более замечательны, что Писарев жестоко преследовал наших поэтов».⁸ Даже в своих строго библиографических трудах Пономарев не был нейтральным по отношению к Некрасову. В заключении своей «Копеечной свечки» Пономарев писал, что он обязан поэту «многим добром, неоплачиваемым, неоценимым».⁹ Так может писать человек, проникнувший в суть демократической музыки Некрасова, отдавший ей предпочтение, выразивший глубокое уважение к личности поэта и его творчеству. Некрасовский мо-

⁴ Отечественные записки, 1878, № 3, отд. II, с. 101.

⁵ Там же, с. 103.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 106.

⁸ Там же, с. 107.

⁹ Там же, с. 105.

тив неоплатного, вечного долга был близок и Пономареву. Не случаен и эпиграф к «Копеечной свечке» из некрасовского стихотворения:

Мы знаем все, ты стбишь большей чести,
Но мы даем, что можем дать.

2

«Копеечная свечка» сразу же была замечена и оценена в литературных кругах. Часть ее, «Свод статей о Некрасове», была перепечатана А. К. Голубевым в сборнике «Николай Алексеевич Некрасов» (СПб., 1878, с. 139—153). Голубев писал Пономареву 6 июня 1878 г.: «Приношу Вам глубокую благодарность за разрешение воспользоваться „Копеечною свечкою“. Целиком „Свечку“ я не мог перепечатать за недостатком места в книге».¹⁰

А. А. Буткевич, видимо, не без советов М. М. Стасюлевича и А. Н. Пыпина предложила Пономареву стать редактором нового издания «Стихотворений» поэта, работу над которым уже начал сам Некрасов. Это предложение было лестно и весьма ответственно для Пономарева, не имевшего почти никакого опыта в издании литературных текстов (в 1877 г. им были изданы письма Гоголя к М. А. Максимовичу). Приняв его, Пономарев обратился за помощью к ряду лиц, знавших Некрасова. 12 мая 1878 г. он пишет П. А. Ефремову (с которым был давно знаком и вел переписку): «Ныне припадаю к стопам Вашим и вопию: *помогите!!!* Сестра Н. А. Некрасова, прочитав мою „Копеечную свечку“, пригласила меня редактировать его стихотворения, я, не спросясь броду, сунулся в воду, а теперь кричу „Ух!“ Да не только „Ух!“, а просто тону: спасайте! Все, что есть у Вас о Некрасове, давайте на помощь. А чтобы Вам не переписывать всю гору материалов Ваших, шлите с нею „Копеечную свечку“ мою и все, чего в ней нет, давайте! В „Свечке“ моей вкравлись опечатки (мне не присылали корректуры из апрельской книжки), опечатки будут оговорены в майской. Есть и новых дополнений десятка два, да я уж их придерживаю, — пусть накопится больше <...> Давайте же, давайте все, что у Вас есть. А коли что соврал я в „Свечке“, поправьте, укажите, пальцем ткните. Особенно помогите насчет музыки, т. е. какие пиесы Некрасова и когда положены на ноты, и где оные найти можно. Затем — восстановите пропущенные места в тексте Некрасова, укажите пиесы его неподписанные — в альманахе „Первое апреля“, в стихотворениях и „Заметках“ Нового поэта, в „Литературном Ералаше“, в „Свистке“, в „Отечественных записках“ старых и новых».¹¹ Затем в письме шли конкретные вопросы по поводу анонимных стихотворных текстов в «Современнике» и «Отечественных записках». Пономарев отдавал должное опыту Ефремова, его близким отношениям с Некрасовым, но еще не знал о его неприязни к сестре поэта, ждал от него поддержки.¹²

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 402, оп. 1, ед. хр. 87.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 491, оп. 1, ед. хр. 310.

¹² П. А. Ефремов долго не отвечал. Пономарев вновь обращался к нему, даже тогда, когда работа над основным корпусом «Стихотворений» (т. I—III) была завершена. Письмо Пономарева Ефремову от 21 декабря 1878 г.: «Бога ради, отзовитесь хотя строчкой. Ну, одно слово скажите, что письма мои Вы получили. И тогда мне ясно будет, что Вы знать меня не хотите <...> А я опять за старое. Просил я у Вас помощи по делу редактирования стихотворений Некрасова, и опять прошу и молю: помогите своими великими и богатыми запасами. Уже начинают

С просьбой помочь «добрым советом для издания Некрасова» Пономарев обращался и к А. С. Суворину.¹³ Тот ответил ему пространным, любопытным с разных точек зрения письмом: «Очень рад, что сочинения Некрасова попали Вам в руки. Советов моих Вам, конечно, не нужно. Что могу я посоветовать. Вы такую свечку ему поставили, что я просто и диву даюсь <...>

Ведь полного Некрасова, конечно, издавать не станут, а, по-моему, издать бы следовало *полного*. Натура это такая, что любопытно было бы изучить постепенное его шествие.

Я бы даже водевили его издал и повести, которые он печатал под своим именем в „Репертуаре“ и Пантеоне“ и стихи — под своим именем и под псевдонимом Боба и Ивана Грибовникова. Одно стихотворение „Офелия“,¹⁴ его именем подписанное, по-моему, лучше многих, удостоенных им попасть в „Полное собрание“. Я бы петитом напечатал том его стихов, повестей и водевилей экземпляров 600 и том этот разошелся бы даже по высокой цене <...>

Возвращаюсь к Некрасову: в каком порядке вы его печатаете? В хронологическом, конечно, но внесете ли в него что-нибудь из ненапечатанного или нет? Он любил являться праведным <?>, но разбойник был. Знаете ли, мне всегда кажется, что у него натура легендарного волжского разбойника, который грабил казну, мучил богачей, помогал беднякам — не всегда — и ставил свечки к образу. Елисей со своим лицемерием выступил на защиту его, но кто ж не знает, что в 1863 г. Некрасов выиграл у Абазы 600 тысяч — как сам говорил мне и другим (1 нрзб.). А с каким наслаждением и цинизмом рассказывал он свои карточные подвиги! „Мне хотелось его в одной рубашке пустить... Я радовался, когда он поехал к жене за бриллиантами. Вот разбудит ее, сцена, истерика, слезы, а может и украдет, пользуясь ее сном...“. И, однако ж, он был симпатичен, ум его совершенно забирал вас, а знание журнального дела было необыкновенное».¹⁵

Суворин оказывает явное давление на Пономарева, подчеркивая свое враждебное отношение к редакции «Современника».¹⁶ Однако благодаря своему издательскому опыту Суворин давал и разумные советы, которые, правда, в то время не могли быть осуществлены по разным причинам. «Издательница — сестра поэта, — отвечал Пономарев Суворину 19 мая 1878 г., — считает долгом исполнить волю брата, выраженную печатно еще в 1864 г.: *не перепечатывать после его смерти ничего, не*

набирать „Примечания“; но Ваши заметки, конечно, всегда найдут себе место, и привет, и почет. Назначьте и условия, какие хотите; вперед соглашаюсь» (ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 310). На эту мольбу Ефремов отвечал оправдательным письмом от 26 декабря 1878 г., в котором, в частности, говорилось: «Впрочем, о Некрасове я Вам и хотел сообщить: письма его ко мне чисто личные, стихи, написанные „для автографов“ — не для печати. Кроме того, я близко стоял к „зрелищу“ последних годов его жизни, особенно предсмертной болезни, и, несмотря на все уважение к памяти Некрасова, не мог бы сделать что-нибудь хоть малейшее, удобное для почтенной его сестрицы. Вот и весь ответ» (Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова... к библиографу С. И. Пономареву. М., 1915, с. 101). Пономарев в свою очередь отвечал Ефремову 30 декабря 1878 г. из Копотопа: «„Блажен, иже далече отстоит от града Питера и беззаконий его!“, — воскликнул я, читая Ваши отзывы о „почтенной сестрице“ Некрасова, о „прохвосте“ Вяземском и проч.» (ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 310).

¹³ Письмо от 29 апреля 1878 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 3425.

¹⁴ Пантеон, 1840, № 5 (Примеч. А. С. Суворина).

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 402, оп. 1, ед. хр. 309.

¹⁶ О полемике «Современника» с Суворинным о Некрасове см.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971, с. 339.

принятого им в собрание. Будут только прибавлены немногие пьесы, случайно опущенные им произведение, да напечатанные по смерти. Я согласен с Вами, что хорошо было бы издать петитом том его всякой всячины, в количестве 600 экз., не более, а печатать для публики все его упражнения отнюдь не подобает <...> Я бы Некрасова издал в трех разных редакциях — для народа, для публики, для школьных библиотек, да вижу вот, что Стасюлевич жалуется на неуспех своей „Русской библиотеки“ (см. т. VI). Куда тут затевать *разные* издания!».¹⁷

Что же удалось осуществить Пономареву?

3

С. И. Пономарев готовил в значительной мере авторизованное издание «Стихотворений», выполняя волю поэта и в ряде случаев, как известно, указания А. А. Буткевич. Это касается прежде всего состава собрания. Издатель подчинился жестокому отбору, проделанному в свое время Некрасовым. Первый том открывался стихотворениями, написанными в 1845 г. В четвертом томе, в «Приложениях», были напечатаны некоторые стихотворения 1842—1844 гг.: «Говорун», «Чиновник», «Отрывок» («Родился я в губернии...»).

В предисловии к изданию А. А. Буткевич указывала, что оно «может быть названо полным только в том смысле, что в него вошло все, что поэт сам допустил в последнее собрание своих стихотворений, 1873 года, и что явилось в „Последних песнях“ 1877 года. С. И. Пономарев прибавил к этому только те, впрочем, немногие стихотворения, которые, видимо, были опущены автором по забывчивости и на которые он, однако, сделал указание в своих бумагах; кроме того, приведены все стихотворения, появившиеся в периодических изданиях непосредственно после смерти Некрасова, в течение всего 1878 года».¹⁸ В издание впервые были включены стихотворения, не печатавшиеся по разным причинам в прежних сборниках: «Накануне светлого праздника», «Ночлеги», «Над чем мы смеемся...», «Сыны „народного бича“...», «Дружеская переписка Москвы с Петербургом» и др. Первые три стихотворения включены непосредственно по указанию Некрасова.

Вновь в основном корпусе «Стихотворений» заняла свое место «Колыбельная песня. (Подражание Лермонтову)», не включавшаяся в ряд предшествующих изданий по цензурным причинам.

С. И. Пономареву при участии А. А. Буткевич удалось в некоторых случаях восстановить купюры цензурного происхождения. Это касается, например, произведений «Литература с трескучими фразами», «Из поэмы „Мать“», «О Муза! я у двери гроба!...». Последние строфы из стихотворений «Пророк» и «Кузнец» были напечатаны в комментариях. Из четвертой части «Кому на Руси жить хорошо» удалось напечатать лишь «Песню Гриши» и воспроизвести факсимиле этого текста.

В «Копеечной свечке» Пономарев ратовал за публикацию «важнейших вариантов, хотя бы в особых примечаниях».¹⁹ В «Посмертном издании» даны многие журнальные варианты переделанных автором стихотворений, впервые опубликованы «Затворница», ряд набросков к «Кому

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 3425.

¹⁸ Стихотворения Н. А. Некрасова. Посмертное издание. Т. I. 1845—1860. СПб., 1879, с. VIII—IX. (Далее: Стихотворения...).

¹⁹ Отечественные записки, 1878, № 3, отд. II, с. 101.

на Руси жить хорошо», варианты «Вступления к песням 1876—1877 годов», «Песни об „Аргусе“», стихотворение «Горящие письма».

Хронологический принцип публикации текстов был также во многом обусловлен авторскими заветами. А. А. Буткевич писала: «С. И. Пономарев избрал для посмертного издания хронологический порядок. В большинстве случаев он руководился прямыми указаниями самого автора, а где автор оставляет совсем без указаний — хронология определяется временем первого появления стихотворений в печати».²⁰ В ту пору это было правильное решение. Впоследствии были обнаружены многие ошибки, неточности в датировке Некрасовым своих произведений. Однако для большинства текстов установленная С. И. Пономаревым хронология остается бесспорной, она принята в авторитетных изданиях; она особенно важна в датировке текстов, имеющих разную атрибуцию («Памяти Белинского», «Несжатая полоса», «Ночь. Успели мы всем насладиться...» и др.).

К изданию, подготовленному Пономаревым, естественно, следует подходить исторически. Его минусы очевидны. Они отмечались рецензентами. Критик «Одесского вестника» сетовал на неполноту некрасовских текстов («юношеских произведений», «юмористических пьес»)²¹. Автор «Библиографической заметки» в «Голосе»²² обнаружил курьезную ошибку в IV томе: в разделе «Приложения» как некрасовское было напечатано стихотворение М. Розенгейма «Боры да поляны, — бедная природа...» и еще с искаженным началом («Горы да поляны...»). К тому же «Новое время» отметило, что некоторые газеты «уже перепечатали это стихотворение, по их мнению, „одно из лучших у Некрасова“».²³ Позже были перепроверены данные Пономарева о хронологии некрасовских текстов и обнаружен ряд ошибок.²⁴

Главной бедой Пономарева было то, что он не располагал рукописями поэта. Редакторская работа направлялась и в то же время была ограничена указаниями Некрасова и А. А. Буткевич. Текстология произведений Некрасова возникла по существу только в советское время. В 60—70-е годы XIX в. проблема издания того или иного текста, его выбора не имела ведущего значения. Пономарев следовал в редактировании Некрасова общей культурно-исторической традиции. В ней большое место отводилось биографическому очерку, комментариям, раскрывавшим особенности личности писателя, его общественную позицию, читательские пристрастия. Этой же цели служили и эпиграфы, открывавшие каждый том «Стихотворений Н. А. Некрасова». В первом томе (стихотворения 1845—

²⁰ Стихотворения..., т. I, с. VIII.

²¹ Одесский вестник, 1879, № 58.

²² Голос, 1879, № 55, 24 февраля. Пономарев предполагал, что автором «Библиографической заметки» был П. А. Ефремов (см. письмо С. И. Пономарева А. С. Суворину от 10 марта 1879 г.: ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 3425).

²³ Новое время, 1879, № 1075, 25 февраля. Заметка в «Голосе», ее отклик в «Новом времени» очень задела Пономарева. Он писал библиотекарю русской публичной библиотеки в Киеве С. Г. Ярославцеву 28 февраля 1879 г.: «...заметили ли Вы, как мне нос утерли в „Голосе“, что я среди некрасовских пьес поместил розенгеймовскую? А противное „Новое время“ перепечатало, да еще и хихикает. И так уж дворянские тавгнули. Скоро раздастся целый хор! Прошу Вас усерднее замечать повсюду подобные щелчки мне...» (ЦГАЛИ, ф. 402, оп. 1, ед. хр. 424). В ответ Пономарев хотел «настроить небольшую заметку» и напечатать ее не под своим именем (см. письмо Пономарева Ярославцеву от 8 марта 1879 г.: там же), но это намерение не осуществил.

²⁴ См.: Дернова В. Библиография и хронология сочинений Некрасова. — В кн.: Некрасовский сборник. Незданые письма и воспоминания, статьи, библиография. Пг., 1918, с. 174—175.

1860 гг.) — из «Ответа анониму» Пушкина: «И выстрадавший стих, пронзительно-унылый, Ударит по сердцам с неведомою силой...» и из «Газетной» Некрасова: «Примиритесь же с Музой моей...» и т. д. Те же пушкинские стихи заключают предисловие С. И. Пономарева к «Примечаниям». Во втором томе (стихотворения 1861—1872 гг.) — из «Неизвестному другу» Некрасова: «Я призван был воспеть твои страданья, Терпеньем изумляющий народ!». В третьем томе (стихотворения 1873—1877 гг.) — из поэмы «Мать»: «И если я наполнил жизнь борьбою...» и т. д. В четвертом томе (стихотворения 1842—1877 гг.) — из «Уныния»: «Народ! народ! Мне не дано геройства...» и т. д.

Избранные редактором эпиграфы выражают и его отношение к поэту, понимание им характера демократизма писателя, его общественного служения. Редакторская оценка личности Некрасова была выражена также в «Примечаниях».

4

Пономарев в 1879 г. упрекнул Н. В. Гербеля, что тот в издании сочинений А. В. Дружинина пропустил «его третью статью о Пушкине, собственно рецензию об издании Анненкова, о том, как надо издавать писателей». «Эта рецензия, — добавляет Пономарев, — и надоумила меня при редактировании Некрасова».²⁵ Статья Дружинина действительно интересна. Она критически оценивает общие принципы издания сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова (1855), учитывает практику издания английских классиков, дает ряд советов. «При чтении комментариев г. Анненкова, — пишет Дружинин, — на каждое почти из больших и малых произведений Пушкина мы не могли не сетовать на некоторую неполноту этих комментариев <...> Каждому из читателей, а особенно любителям родной словесности в высшей степени занимательно было бы проследить за отзывами критиков о той или иной пушкинской вещи, подсмотреть ее влияние на журналы и читателя, ознакомиться с полемикой, ею возбужденною, вновь перечитать (хотя бы в сокращении) те печатные голословные укоризны, которыми так часто осыпались лучшие из созданий Александра Сергеевича, те приторные, ничего не выражающие похвалы, которые иногда действуют вреднее открытого гонения».²⁶ Издательская практика Дружинина верно подсказывает тип комментария к литературной классике, очерчивает его главные разделы.

В основе «Примечаний» «Посмертного издания» лежат некрасовские комментарии, заметки писателя. Пономаревым воспроизведены примечания поэта к «Говоруну», «Псовой охоте», «Коробейникам», «Газетной», «Русским женщинам», впервые опубликованы его «замечания» к произведениям («Подражание Лермонтову»), «Плач детей», «20 ноября 1861», «Памяти Добролюбова», «Медвежья охота», а также «Объяснение касательно стихов, признанных неудобными к печатанию, из стихотворения „Тишина“». «К сожалению, — свидетельствовал Пономарев, — примечания сделаны поэтом только к первым четырем частям прежнего издания, а в 5-й и 6-й части нет никаких заметок, вероятно, потому, что он не успел их сделать. Вообще примечания его немногочисленны и часто весьма кратки. Между тем о стихотворениях такого жизненного содержания, с каким являются стихотворения Некрасова, весьма интересно

²⁵ См. письмо С. И. Пономарева Н. В. Гербелю от 15—20 декабря 1870 г.: ГПБ, ф. 179, ед. хр. 89.

²⁶ Библиотека для чтения, 1855, май, отд. VI, с. 5.

было бы знать многое — и поводы, по которым написаны пьесы, и лица, которые очерчивает поэт, и то впечатление, которое возбуждали его произведения в нашем обществе, в нашей журналистике в минуту своего появления и проч.).²⁷ Следовательно, тип комментария подсказывался не только общими советами А. В. Дружинина, но и характером деятельности и творчества Некрасова, его общественным резонансом. Примечания поэта, его «объяснения» подсказывали редактору, будущим издателям содержание самого комментария, его необходимость. «Повторяю, — писал Некрасов по поводу стихотворения «Говорун», — я печатаю эти вирши не потому, что видел в них какое-нибудь достоинство, а чтоб отбить охоту у г. г. библиографов копаться в моих юношеских упражнениях после моей смерти».²⁸ О «(Подражании Лермонтову)»: «Не желаю, чтобы подделку ранних лет считали как черту моей личности».²⁹ К стихотворению «Памяти Добролюбова»: «Я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов».³⁰ К стихотворению «Неизвестному другу»: «Не выдуманный друг, но точно неизвестный мне. Получил, помнится, 4 марта 1866 г. Где-нибудь в бумагах найдете эту пьесу, превосходную по стиху. Ее следует поместить в примечании»,³¹ и т. д.

Такого рода авторские пояснения сами по себе еще нуждаются в специальном изучении. Пока же только заметим, что ими, конечно, руководствовался в своей работе и С. И. Пономарев. Он заботился, пользуясь современной терминологией, о реальном и историко-литературном комментарии. Ему важно было ввести в научный аппарат издания, сохранить достоверные факты, связанные с возникновением некрасовских произведений. Он использует свидетельства А. А. Буткевич, А. С. Суворина и других лиц. «Я даже Вашими замечаниями тайком воспользовался *немножко*,³² — пишет он Суворину 3 сентября 1878 г., — простите! Что бы Вам в минуты досуга не <про>иллюстрировать Некрасова своими замечаниями и объяснениями? Вы его близко знали, много от него слышали, еще больше слышали от других, стало быть пропасть интересного могли бы написать к десятку-другому его пьес. Мои примечания — все выписки, историко-литературного содержания. А хотелось бы заметок личного и общественного характера, но мне их негде было взять. Мне кажется, что сочинение сколько-нибудь значительного писателя должно быть непременно обставлено разнородными, *существенными* примечаниями; они должны идти об руку с каждой выдающейся пьесой и освещать их читателю отзывами известных критиков, историческими подробностями, отношением пьес к другим современным им произведениям. Только при такой обстановке издания личность писателя будет более или менее жива и светла для его современников и потомков».³³

«Заметки» «общественного характера» есть в «Примечаниях» Пономарева. В комментарии к «Размышлениям у парадного подъезда» Пономарев пишет: «Все считали несомненным, что народ наш ни в каком случае не „почил навеки духовно“. Но никто не обратил внимания, что и сам поэт не выражает этого положительно, а только в порыве скорби предла-

²⁷ Стихотворения... т. IV, с. V.

²⁸ Там же, с. CVI.

²⁹ Там же, с. XV.

³⁰ Там же, с. LXXVII.

³¹ Там же, с. LXXIII.

³² В газете Суворина «Новое время» впервые были опубликованы стихотворения «Молодые лошади», «К портрету**», «Без роду, без племени».

³³ ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 3425.

гает вопрос, дышащий желанием скорейшего роста и развития народного». ³⁴ «Малочисленность стихотворений за 1862 год, — пишет он в другом месте, — объясняется, между прочим, тем, что в июне 1862 года „Современник“ был прекращен на 8 месяцев». ³⁵ В «Примечаниях» также указывается, что «Современник» получил предостережение за публикацию «Железной дороги».

К «заметкам» «общественного характера» следует отнести примечания к стихотворению «...одинокий потерянный...» (1860), с ссылкой на «Полемиические красоты» Н. Г. Чернышевского, находившегося тогда в Сибири, а также примечания к стихотворениям, так или иначе связанным с именем Н. А. Добролюбова. Комментарий к стихотворению «20 ноября 1861» вообще выделяется своей обстоятельностью, привлечением дополнительных материалов, показывающих взаимоотношения Некрасова и Добролюбова. По-видимому, Пономарев первый указал, что Добролюбов имел в виду Некрасова, когда писал, что России «нужен был поэт, который бы умел осмыслить и узаконить сильные, но часто смутные и как будто безотчетные порывы Кольцова и вложить в свою поэзию положительное начало, жизненный идеал, которого недоставало Лермонтову». ³⁶ В Грише Добросклонове Пономарев находил черты Добролюбова, о чем писала ему и А. А. Буткевич.

Особое значение Пономарев придавал откликам на литературные произведения. В упомянутом выше письме Н. В. Гербелю, издавшему антологию «Русские поэты», Пономарев убеждал своего адресата: «...в тексте давайте как можно больше биографических черт, анекдотов, историко-литературных объяснений, отзывов о писателях, хоть бы журнальных или газетных (но только дельных); я бы не затруднился делать такие примечания, что пьеса Полонского „Пришли и стали тени ночи“ нравилась Гоголю, что такую-то пьесу особенно любил Пушкин, а такую Белинский, а вот эту списал для себя Шевченко и проч.». ³⁷

Тем более это касалось Некрасова, автора стихотворений необычайного, по словам Пономарева, «жизненного содержания». Редактор «Посмертного издания» имел свою точку зрения на судьбу некрасовского творчества, в принципе верную: Некрасов как выдающийся национальный поэт утверждался в противовес мнениям либеральной и реакционной критики. «Если бы дать больше места выдержкам из этих отзывов, — считал Пономарев, — то каждый наглядно убедился бы, как долго и упорно печать наша не признавала всей силы поэтического значения Некрасова и как публика сама поняла и полюбила поэта. Действительно, Некрасов занял сам с бою, без союзников, свое настоящее положение в русской литературе». ³⁸

Пономарев показывает несостоятельность критики поэзии Некрасова С. С. Дудышкиным, Ап. Григорьевым, Б. Алмазовым. В противовес этой критике он использует суждения Белинского, Добролюбова, Писарева, Достоевского, тем самым опровергая крайность своего вывода («...занял сам с бою, без союзников...»), привлекает письма читателей, учебно-педагогические разборы стихов поэта Вл. Стоюниным.

Однако в подготовленных Пономаревым «Примечаниях» в ряде случаев возникла диспропорция противодействующих оценок, отзывов, не всегда учитывалась эволюция критики, сгущались, как говорится, черные

³⁴ Стихотворения..., т. IV, с. LII.

³⁵ Там же, с. LXIV.

³⁶ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 6. М.—Л., 1963, с. 212.

³⁷ ГПБ, ф. 179, ед. хр. 89.

³⁸ Стихотворения..., т. IV, с. VI.

краски. Это привело к серьезным разногласиям редактора издания и своеобразного «редакционного комитета». Пономарев жаловался на «произвол», на то, что его Г. З. Елисеев «нещадно и беспричинно оборвал, окарнал». ³⁹ «Привел было я отзыв *Тургенева* о Некрасове», ⁴⁰ — пишет он Суворину 20 марта 1879 г., — выкинули! воспоминание о чтении на обеде Коршу — выкинули! историю отношений к Григорьеву, которому „Современник“ выдавал патент на звание оберкритика («Григорьев постепенно смягчал свои отзывы о Некрасове»), выкинули. Отношение Некрасова к Одолевскому ⁴¹ — выкинули. . . Стихи Жадовской Некрасову ⁴² — выкинули. . . Да всего и не вспомнить!». ⁴³

Сокращения, сделанные главным образом по инициативе Елисеева, в целом были справедливы, мотивированы. «Все заметки Елисеева, — писал Стасюлевич А. А. Буткевич 27 января 1879 г., — я выполнил буквально и тем с большим удовольствием, что нашел их весьма правильными». ⁴⁴ Стасюлевич же объяснял Пономареву, что вычеркнутое Елисеевым было согласовано с другими редакторами издания: «Действительно, — продолжал он, — напоминание этих критик не всегда удобно в посмертном издании». ⁴⁵ Поддерживавший дружеские отношения с Пономаревым академик Я. К. Грот уверял, что он «не заметил бы неполноты» примечаний, если бы Пономарев не обратил его внимания на это. ⁴⁶

Суворин, разобиженный еще и тем, что из примечаний было вычеркнуто его имя и заменено названием газеты, пытался подлить масло в огонь. «А нельзя ли то, что у Вас похерили в издании Некрасова, мне дать. Вот бы одолжили. Уж и свиньи они порядочные! Даже избегают упоминать мое имя и мой псевдоним. . .», — писал он Пономареву 15 марта 1879 г. ⁴⁷ Но вряд ли Суворин нашел в отклоненных материалах что-нибудь новое. «Суворин крайне неохотно помещает мои библиографические заметки; ему подавай постоянно что-нибудь пряное. . .», — выражал свое неудовольствие Пономарев в конце 1879 г. в письме Н. В. Гербелю. ⁴⁸

Работа Пономарева над изданием «Стихотворений» Некрасова не сблизила его с редакцией «Отечественных записок», но он был далек и от направления «Нового времени». Пономарев старался держаться особняком от «петербургских партий». И все-таки редактирование сочинений Некрасова расширило общественный горизонт провинциального библиографа. Любопытна его рекомендация для профессора английской литературы Тернера, собиравшегося выехать в Англию с чтением лекций о русской литературе. «Я обращаю его внимание, — писал Пономарев Я. К. Гроту 24 октября 1880 г., — только на *двойственность* отзывов о Некрасове в нашей журналистике; к отрицательным можно отнести статью в „Отечественных записках“, 1861, № 12, ⁴⁹ отзыв Тургенева в „СПб. Ве-

³⁹ Из письма С. И. Пономарева к М. М. Стасюлевичу от 15 марта 1879 г., см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. V. СПб., 1913, с. 86.

⁴⁰ Речь идет об отрицательном отзыве Тургенева о поэзии Некрасова в «Письме редактору» (СПб. ведомости, 1870, № 8, 8 января).

⁴¹ Имеется в виду известный инцидент в связи с публикацией и чтением стихотворения «Филантроп» (1853).

⁴² Речь идет о стихотворении «Н. А. Некрасову» (1857).

⁴³ ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 3425.

⁴⁴ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. V, с. 73.

⁴⁵ Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова. . . библиографу С. И. Пономареву, с. 20.

⁴⁶ ЦГАЛИ, ф. 402, оп. 1, ед. хр. 73—78.

⁴⁷ Там же, ед. хр. 409.

⁴⁸ ГПБ, ф. 179, ед. хр. 89.

⁴⁹ Имеется в виду статья «Стихотворения Н. Некрасова (издание второе. С. Петербург. 1861. Два тома)».

домостях», 1870, № 8, статьи Маркова в „Голосе“, 1878, №№ 42, 46, 47, 57, 88 и 89, да, пожалуй, брошюры Антоновича и кн. Мещерского 1869 г. Из статей хвалебного характера можно указать на статью Миллюкова, 1862 г., „Светоч“, № 1, статью Суворина в „Русской речи“, 1861, № 103, Григорьева — „Время“, 1862, № 7, Эдельсона — „Библиотека для чтения“, 1864, №№ 9 и 10, статью Z. Z. в „Вестнике Европы“, 1878, № 12.⁵⁰ Право, довольно и этого! Может, пожалуй, обратить еще внимание на статью женщины Толычевой (Новосильцевой) в „Русском вестнике“, 1878, № 5. А если хочет большего, пусть заглянет в IV том посмертного издания Некрасова, в мои примечания.⁵¹ Здесь называются статьи, специально посвященные Некрасову, причем теперь уже не вся критика воспринимается как враждебная поэту. Сделаны обобщения иного рода, чем в предисловии к «Примечаниям», что в большей степени отвечает истинной картине борьбы вокруг Некрасова.

Самым строгим рецензентом «Посмертного издания» оказался автор ненапечатанной в то время рецензии — Н. Г. Чернышевский. Его «Заметки при чтении „Биографических сведений о Некрасове, помещенных в I тому «Посмертного издания» его «Стихотворений»“, «Заметки при просмотре „Примечаний“ (к стихотворениям Некрасова)...», «Заметка к своду статей о Некрасове» стали обязательным источником при издании некрасовских текстов и комментариев к ним. Обратим внимание только на то, что Чернышевский дополняет, поправляет, уточняет и не возражает по поводу типа издания, его основных разделов, его структуры. Он справедливо резко пишет о необоснованных претензиях составителя «поправлять стихи Некрасова, кажущиеся ему неправильными».⁵² В то же время он поддерживает тенденцию составителя давать реальный комментарий с необходимыми деталями и подробностями. Чернышевский расширяет комментарий к стихотворениям «Отрывки из путевых записок графа Гаранского», «На Волге. (Детство Валежникова)», «Размышления у парадного подъезда». Он приоткрывает сложную цензурную историю стихотворений поэта, т. е. выдвигает новую тему для текстологии Некрасова, которая была непосильна для С. И. Пономарева.

И все же С. И. Пономарев при участии А. А. Буткевич и своеобразного, как было сказано выше, «редакционного комитета» создал солидный труд, достойный памяти поэта, труд, который стоит у самого начала научного издания текстов Некрасова.

⁵⁰ Т. е. статья К. К. Арсеньева «Н. А. Некрасов как поэт».

⁵¹ ИРЛИ, ф. 234, оп. 7, ед. хр. 19.

⁵² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. I. М., 1939, с. 751.

В. В. Базанов

НЕКРАСОВ В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ
АЛЕКСАНДРА ПРОКОФЬЕВА

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ПОЭТА)

Обращаясь в начале 1958 г. с приветственной телеграммой к участникам торжественно-траурного заседания по случаю 80-летия со дня смерти Н. А. Некрасова, Александр Твардовский высказал мысль об исключительном значении творческого наследия Некрасова для развития советской поэзии. Он подчеркнул, что «советская поэзия в своих лучших образцах более чем кому другому из предшественников и учителей обязана Некрасову».¹

Это высказывание одного из крупнейших советских поэтов перекликается со словами А. В. Луначарского: «... не принижая ни на минуту ни великих алтарей Пушкина и Лермонтова, ни более скромных, но прекрасных памятников Алексея Толстого, Тютчева, Фета и других, мы все же говорим: нет в русской литературе, во всей литературе нашей такого человека, перед которым мы с любовью и благоговением склонялись бы ниже, чем перед памятью Некрасова».² Мнение это подкреплено многими фактами истории советской литературы: многочисленными стихотворениями и даже поэмами советских поэтов о Некрасове,³ их статьями и заметками о нем, до сих пор рассеянными по разным изданиям и не собранными даже библиографически, а также интересными материалами различных анкет о Некрасове, наиболее ранняя из которых относится к периоду первых лет революции и гражданской войны.⁴

¹ Цит. по: Дементьев А. «На всю жизнь» (Твардовский о Некрасове).— Вопросы литературы, 1977, № 8, с. 214.

² Луначарский А. В. Собр. соч. в 8-ми т., т. I. М., 1963, с. 219.

³ В библиографических указателях зарегистрировано более 500 стихотворных произведений о Некрасове, большинство из которых принадлежит советским поэтам. См.: Рейсер С. Некрасов в стихах русских поэтов. (Библиография стихотворений, посвященных Некрасову).— В кн.: Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 560—568; Кожевников Е. И. Некрасов в стихах русских поэтов. (Библиографический указатель).— В кн.: Некрасовский сборник, вып. IV. Л., 1967, с. 272—287; Спивак И. А. Из поэтической некрасовианы.— В кн.: Вопросы русской литературы. Межведомственный республиканский научный сборник, вып. 1 (19). Львов, 1972, с. 126—128.

⁴ В конце 1919 г. анкету «Некрасов и мы» провел К. И. Чуковский, впоследствии неоднократно публиковавший ее полностью или частично; в наиболее полном виде она опубликована в его книге «Некрасов. Статьи и материалы» (Л., 1926), и этот ее вариант воспроизведен также в кн.: Рымашевский В. Некрасов и Маяковский. Литературоведческие очерки. Ярославль, 1959, с. 46—61. Материалы других анкет см.: Крестьянские писатели о Некрасове. (По данным, собранным Литбюро ВОКП).— Жернов, 1927, № 7 (18), обложка; Наши писатели о Н. А. Некрасове

Для вольных трудящихся классов,
Кто творчеством жизни томим,
Дворянское имя Некрасов
Останется вечно родным, —

писал в 1921 г. А. Маширов-Самобытник в стихотворении «Народному поэту». ⁵ Уже поэзия первых послеоктябрьских лет свидетельствует о том, что ее развитие происходило под глубоким и благотворным воздействием творчества Некрасова, ⁶ влияние которого на советскую поэзию с годами не только не ослабевало, но все более и более усиливалось.

Осмыслению связей творчества Некрасова с русской советской поэзией посвящено значительное число исследований. И если первые такие работы ⁷ были подчас слишком общи, претендовали скорее лишь на постановку проблемы, то в последние годы положение это существенно изменилось. К 150-летию со дня рождения поэта появилось немало работ о различных аспектах этой большой темы. ⁸

(анкета «Резца»). — Резец, Л., 1928, № 1 (185), с. 8; № 2 (186), с. 8—9; Современные литераторы о Некрасове. — Начало, Л., 1928, 10 января; «Его слава будет бессмертна...». — Вопросы литературы, 1971, № 11, с. 85—155.

⁵ Петроградская правда, 1921, 6 декабря.

⁶ Подробнее об этом см.: Выходцев П. С. 1) Некрасов и ранняя советская поэзия. (К постановке вопроса). — В кн.: Некрасовский сборник, вып. V. Л., 1973, с. 96—115; 2) Новаторство. Традиции. Мастерство. Л., 1973, с. 141—198.

⁷ См., например: Органищак Я. Некрасов и советские поэты. — В кн.: Литературный Ростов (кн. 10), 1941, апрель—май, с. 268—291; Степанов Н. 1) Некрасов и советская поэзия. — Литературная газета, 1946, 30 ноября; 2) Некрасов и советская поэзия. — Октябрь, 1946, № 12, с. 164—170; 3) Традиции Некрасова в советской поэзии. — В его кн.: Некрасов и советская поэзия. М., 1966, с. 162—239; Юнович М. Некрасовские традиции. — Комсомольская правда, 1946, 4 декабря; Куприяновский П. Традиции Некрасова в советской поэзии. — Рабочий край, Иваново, 1953, 1 января; Мелик-Нубаров С. Замечательные традиции некрасовской школы. — Коммунист, Ереван, 1953, 8 января; Сурпин М. 1) Некрасовские традиции в советской поэзии. — Северный рабочий, Ярославль, 1953, 7 января; 2) Некрасов и современная советская поэзия. — В кн.: Н. А. Некрасов и Ярославский край. Ярославль, 1953, с. 96—103; Швецова Л. К. Традиции Некрасова в советской поэзии (в творчестве В. Маяковского, М. Исаковского, А. Твардовского). Автореф. канд. дис. М., 1954; Пешуков С. И. Традиции Некрасова в советской поэзии. — В кн.: Некрасов в школе. Сб. статей. М., 1960, с. 375—398, и др.

⁸ См., например: Швецова Л. К. Некрасов и советская поэзия (20—40-е годы). — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. 1871—1971. М., 1971, с. 343—380; Кочетков В. Некрасовская традиция. — Молодая гвардия, 1971, № 9, с. 292—305 (вошло также в его кн.: Люди и судьбы. (Заметки о современной литературе). М., 1977, с. 13—33); Овчаренко Ф. Подвиг, пронзивший время. — В кн.: Поэзия, вып. 5. М., 1971, с. 202—219; Осьмаков Н. На правах современника. — Литературная Россия, 1971, 10 декабря, с. 6, 8; Мотышов И. Традиции Н. А. Некрасова и современная детская поэзия. — Детская литература, 1971, № 12, с. 3—6; Никитина Е. «Я лиру посвятил народу своему» (Некрасов и советская поэзия). — Волга, 1971, № 12, с. 149—156; Малкин В. Некрасовская традиция. — Подъем, 1971, № 6, с. 108—114; Перцов В. Наследие Некрасова в творческом преломлении советских поэтов (Некрасов — Маяковский — Твардовский). — Литературная Россия, 1971, 10 декабря, с. 6—7 (вошло также в его кн.: Поэты и прозаики великих лет. М., 1974, с. 164—184); Смирнов И. Эстафета гражданственности. — Наш современник, 1972, № 3, с. 108—113; Бикбулатова К. Ф. Некрасов и советская поэзия 20—30-х годов. — В кн.: Русская советская поэзия. Традиции и новаторство. 1917—1945. Л., 1972, с. 156—211; Федоров Вас. Закон поэтической преемственности. — В кн.: Поэзия, вып. 8. М., 1972, с. 142—153 (вошло также в его кн.: Наше время такое... М., 1973, с. 118—131); Пилипюк Е. Л. Традиции Некрасова в стихотворениях-плачах периода Великой Отечественной войны. — Науч. труды Куйбышевск. пед. ин-та, 1974 (на обл.: 1975), т. 155, с. 90—107; Волкова Л. С. Некрасовские традиции в русской советской поэзии 50—60-х годов. — В кн.: Русская советская поэзия. Традиции и новаторство. 1946—1975. Л., 1978, с. 148—178, и др.

Наряду с работами обзорного характера, рассматривающими некрасовские традиции в советской поэзии в целом, существует большое число и более конкретных исследований о непосредственном воздействии Некрасова на творчество того или иного поэта. Неоднократно уже анализировалось с этой точки зрения послеоктябрьское творчество поэтов первых лет революции, в особенности Александра Блока⁹ и Владимира Маяковского¹⁰ (а вот творчество Демьяна Бедного, с неизменной гордостью считавшего себя «некрасовцем», к сожалению, не стало еще предметом специального анализа с этой точки зрения), а также Валерия Брюсова¹¹ и Сергея Есенина.¹² Ряд исследований посвящен изучению воздействия

⁹ См., например: Оксенов Инн. Некрасов и Блок. — В кн.: Некрасов. Памятка. Пг., 1921, с. 19—20; Рашковская А. Некрасов и символисты. — Вестник литературы, 1921, № 12 (36), с. 5—6; Евгеньев-Максимов В. 1) Блок и Некрасов. — Жизнь искусства, 1922, № 31, с. 2; 2) Россия и революция в поэзии Блока и Некрасова. — Там же, № 34, с. 5; Орлов В. Н. Александр Блок и Некрасов. — Научный бюллетень ЛГУ, 1947, № 16—17, с. 56—63; Крук И. Т. О Блок и М. Некрасов. — В кн.: Київський педагогічний інститут ім. О. М. Горького. Звітно-наукова конференція кафедр інституту за 1962 рік. Тези доповідей. Київ, 1963, с. 94—95; Пьяных М. Ф. 1) Роль поэтических традиций Некрасова в развитии лирики русских символистов. — В кн.: Некрасовский сборник, вып. IV. Л., 1967, с. 158—169; 2) «Двенадцать» А. Блока в свете традиций Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова. — В кн.: Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов. (Сб. научных трудов). Л., 1974, с. 103—118; Скотов Н. Н. Россия у Александра Блока и поэтические традиции Некрасова. — Русская литература, 1970, № 3, с. 37—56 (см. также в его кн.: Некрасов. Современники и продолжатели. Очерки. Л., 1973, с. 210—312); Станкеева З. В. О некрасовских традициях в поэтике Блока. — Учен. зап. Пермск. ун-та, 1971, т. 241, с. 215—229; Будникова Л. И. Традиции Н. А. Некрасова в поэзии А. А. Блока. — В кн.: Проблемы советской поэзии, вып. 2. Челябинск, 1974, с. 54—71.

¹⁰ См.: Слонимский А. Некрасов и Маяковский. (К поэтике Некрасова). — Книга и революция, 1921, № 2 (14), с. 5—10; Степанов Н. Маяковский и русская классическая поэзия. — Литературное обозрение, 1940, № 7, с. 31—35; Рымашевский В. 1) Некрасов и Маяковский. — Северный рабочий, Ярославль, 1946, 20 ноября; 2) Маяковский о Некрасове. — Там же, 1953, 7 января; 3) Некрасов и Маяковский. — В кн.: Н. А. Некрасов и Ярославский край. Ярославль, 1953, с. 54—80 (см. также в его кн.: Книги и жизнь. Литературная критика. Ярославль, 1955, с. 58—94); 4) Некрасов и Маяковский. Литературоведческие очерки. Ярославль, 1959; 5) «...И все-таки повторился!». — В кн.: Истоки великой поэмы. Ярославль, 1962, с. 239—256; 6) Помнящий родство. — В кн.: Рымашевский В. С красной строки. Ярославль, 1964, с. 187—310; Кожин В. Некрасов и Маяковский. — Литературная газета, 1953, 14 июля; Молдавский Д. 1) Некрасов и Маяковский. — Ленинское знамя, Петрозаводск, 1953, 7 января; 2) Великая преемственность. — Советская Татария, Казань, 1953, 14 апреля; Ларцев В., Шагинян Р. К вопросу о влиянии традиции Некрасова на творчество Маяковского. — Звезда Востока, 1953, № 7, с. 100—107; Мильков В. Некрасов и Маяковский. — Московский комсомолец, 1953, 8 января; Тимофеева В. В. Некрасов и Маяковский. — В кн.: Некрасовский сборник, вып. II. М.—Л., 1956, с. 345—368; Ларцев В. Г. Лирический «рассказ в стихах» в творчестве Н. А. Некрасова и В. В. Маяковского. — Труды Узбекск. ун-та, 1958, вып. 93, с. 45—81; Трегуб С. Повторился ли Некрасов в Маяковском? — Литература и жизнь, 1960, 2 марта (см. также в его кн.: Спутники сердца. М., 1964, с. 483—501); Маков В. И. Некрасов и Маяковский. — Учен. зап. Ташкентск. вч. пед. ин-та, 1961, вып. 12, с. 91—116; Гончаров Б. П. Некрасов и Маяковский. — В кн.: Некрасов и русская литература. Тезисы докладов и сообщений межвузовской конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Некрасова. Кострома, 1971, с. 131—132.

¹¹ См.: Сиволов Б. М. Брюсов и Некрасов. — В кн.: Некрасовский сборник, вып. IV. Л., 1967, с. 170—178; Гиндин С. И. Брюсов о Некрасове. (К изучению путей кодификации литературных явлений). Статья 2-я. Попытка раскрытия (1919—1924). — Сб. науч. трудов Ярославск. пед. ин-та, 1975, вып. 40, с. 101—128.

¹² См.: Жаворонков А. З. Некрасовские традиции в творчестве Есенина. — В кн.: Некрасовский сборник, вып. IV, с. 179—191; Крупышев А. М. Традиции Н. А. Некрасова и поэма С. Есенина «Анна Снегина». — Сб. науч. трудов Ярославск. пед. ин-та, 1975, вып. 40, с. 129—142.

Некрасова на творчество и некоторых советских поэтов последующих периодов. Это прежде всего Михаил Исаковский и Александр Твардовский,¹³ а также Алексей Сурков, Борис Ручьев и др.¹⁴ Наконец, несколько специальных работ опубликовано о некрасовских традициях в советской поэме.¹⁵

В изучении роли творческого наследия Некрасова в развитии советской поэзии, таким образом, сделано уже немало. Столь же очевидно, однако, что многое еще только предстоит сделать, ибо целый ряд существенно важных в этом плане фактов и материалов не только никак не осмыслен, но и не выявлен. Наглядный пример тому — недавние публикации неизвестных ранее материалов Твардовского,¹⁶ которые внесли много нового в понимание уже неплохо, казалось бы, изученной проблемы творческих «взаимоотношений» поэта с Некрасовым. Творчество многих поэтов, к сожалению, и вовсе не стало еще предметом специального исследования с этой точки зрения; не собраны и не систематизированы, а порой не полностью выявлены их отзывы и высказывания о Некрасове. К числу последних относится и один из крупнейших советских поэтов Александр Прокофьев. Между тем тема «Некрасов и Прокофьев» заслуживает более пристального внимания. Не претендуя на ее целостное рассмотрение, мы в порядке постановки вопроса остановимся на некоторых ее аспектах, стремясь прежде всего ввести в научный оборот непосредственно относящиеся к ней некоторые новые и малоизвестные материалы из литературного архива поэта.

¹³ См.: Беседина Т. А. О некрасовских традициях в творчестве М. Исаковского и А. Твардовского. — Учен. зап. Вологодск. пед. ин-та, 1950, т. VII, с. 91—134; Ровенский Н. Традиции Некрасова в творчестве Исаковского. — Советский Казахстан, 1953, № 1, с. 127—134; Выходцев П. С. Твардовский и русская классическая поэзия. — В кн.: Вопросы советской литературы, вып. III. М.—Л., 1956, с. 199—243; Бузник В. В. Раннее творчество М. Исаковского и традиции русской классической поэзии. — Там же, с. 288—334; Ильин Я. И. Традиции Некрасова в творчестве М. В. Исаковского. — Научні записки Слов'янського держ. ін-ту, 1956, т. I. Серія історико-філол., вип. 1, с. 56—75; Скатов Н. Н. 1) Некрасов и советская поэзия. — Звезда, 1971, № 12, с. 169—181; 2) Некрасов и Твардовский. — В кн.: Некрасов и литература народов Советского Союза. Ереван, 1972, с. 436—455; 3) Некрасов и советская поэзия. Лирика Михаила Исаковского, эпос Александра Твардовского. — В кн.: Скатов Н. Н. Некрасов. Современники и продолжатели..., с. 313—359.

¹⁴ См.: Кандалин Н. И. Некрасовские традиции в языке и стиле советской поэзии (Н. А. Некрасов и А. Сурков). — В кн.: Вопросы русского языка, вып. 6. Ярославль, 1971, с. 50—64; Лазарев А. Глубоко созвучие. Poleмические заметки о некрасовских традициях. — Урал, 1974, № 12, с. 142—150; Пьяных М. Ф. Стихотворения К. Симонова «Родина» и «Ты помнишь, Алеша, дороги смоленщины...» в свете поэтической традиции Н. А. Некрасова. — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. Кострома, 1974.

¹⁵ См.: Вразовская Л. В. 1) Место народного стиха в поэмах Н. А. Некрасова и современной русской поэме. — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Кострома, 1971, с. 132—134; 2) Полиметрические конструкции в творчестве Н. А. Некрасова и современной советской поэме. — В кн.: Сборник трудов аспирантов и соискателей Киргизского ун-та. Серия гуманитарных наук, вып. 8. Фрунзе, 1972, с. 98—109; Лурье А. Н. Некрасовские традиции в советской эпической поэме. — В кн.: Некрасовский сборник. Калининград, 1972, с. 96—99; Теплинский М. В. Наследие Некрасова и вопросы развития советской поэмы. — В кн.: Некрасов и литература народов Советского Союза. Ереван, 1972, с. 418—435.

¹⁶ См., например, публикацию А. Тарасовым студенческой работы А. Твардовского о «Кому на Руси жить хорошо» в кн.: О Некрасове. Статьи и материалы, вып. IV. Ярославль, 1975, с. 279—311. Ряд новых материалов приведен в статье: Деметьев А. «На всю жизнь» (Твардовский о Некрасове). — Вопросы литературы, 1977, № 8, с. 190—215. См. также публикацию Т. Бесединой «Письма Исаковского и Твардовского о Некрасове»: Русская литература, 1977, № 4, с. 157—158.

1. «ПОЭТ БОРЬБЫ И СКОРБИ НАРОДНОЙ...»

Подобно Твардовскому и многим другим поэтам (и не только поэтам) А. А. Прокофьев узнал и полюбил поэзию Некрасова в раннем детстве. Из автобиографического очерка поэта «О себе» известно, что одним из первых произведений Некрасова, с которым он познакомился в семейном кругу, была поэма «Коробейники». Отдельные фрагменты поэмы стали давно популярными народными песнями («Коробушка» и др.). Именно они впервые и познакомили поэта с творчеством Некрасова. «Отец мой любил читать, любил песню, — писал Прокофьев в очерке «О себе». — „Коробушку“, „Хорошо было детинушке...“, „Варяга“, „Ермака“ и даже „Не бил барабан перед смутным полком...“ я услышал от отца».¹⁷

Более подробно о своем тогдашнем восприятии произведений Некрасова Прокофьев рассказал в 1971 г., отвечая на анкету журнала «Вопросы литературы»: «Нынче, как и в далеком детстве, проведенном на берегу северного озера, я плачу над стихами Некрасова. Любовь к его поэзии зародилась у меня еще в младенчестве, и я — говорю это с гордостью — пронес ее через всю жизнь. При имени Некрасова мое сердце наполняется гордой радостью.

Помню, как отец мой — простой ладожский крестьянин и рыбак — расхаживал по комнате и вслух, по памяти, декламировал некрасовские стихи: „Одни я в мире подсмотрел Святые, искренние слезы — То слезы бедных матерей: Им не забыть своих детей, Погибших на кровавой ниве, Как не поднять плакучей иве Своих поникнувших ветвей...“.¹⁸ Много лет прошло с тех пор, много воды утекло в северных реках, десятки раз весна приходила в наш край, но и теперь я не могу спокойно читать строфы Некрасова, рожденные в глубоко впечатлительном сердце».¹⁹

И в это время, и несколько позднее Прокофьев воспринимал Некрасова прежде всего как народного печальника — певца горя и печали народа. Показательно в этом плане его юношеское выступление («беседа», как сам он называл его) перед незадолго до того образовавшейся своей комсомольской ячейкой молодежи одного из сел Новоладожского уезда Петроградской губернии, текст которого, озаглавленный «О задачах молодежи» и датированный 19 марта 1920 г., сохранился в его архиве.²⁰ Вскользь касаясь дореволюционных условий жизни, Прокофьев органично включил в свою речь — очевидно, по памяти приведенные им (и потому не вполне точно воспроизведенные) — строки из некрасовского «Размышления у парадного подъезда», дав при этом краткую характеристику и самого Некрасова: «Товарищи, ваш союз недавно организовался, он еще не проявил своей работы, но шаг вперед сделан. Молодежь деревни начинает просыпаться. И пора. В хорошее время живем мы, то-

¹⁷ Прокофьев Александр. Собр. соч. в 4-х т., т. 1. М.—Л., 1965, с. 32. Помимо песен на слова Некрасова поэт упоминает здесь и ряд других: «Варяг» — песня на слова Я. Решнинского; «Ермак» — вероятно, песня на слова К. Ф. Рыльева «Смерть Ермака» («Ревела буря, дождь шумел...») (1822); «Не бил барабан перед смутным полком...» — песня на слова И. И. Козлова (1825), вольный перевод стихотворения Чарльза Вольфа «На погребение английского генерала Джона Мура».

¹⁸ Прокофьев цитирует здесь стихотворение Некрасова «Внимая ужасам войны...» (1855).

¹⁹ «Его слава будет бессмертна...» — Вопросы литературы, 1977, № 11, с. 131.

²⁰ ИРЛИ, ф. 726 (А. А. Прокофьев), оп. 1, ед. хр. 2, л. 31 об.—32 об. Поскольку этой записи предшествует черновой набросок заметки, начинающейся словами: «В родной деревне (селе Кобона, — В. Б.) организовался Союз молодежи...» (л. 29), а после нее следует заметка «День 1-е Мая в селе Кобона» (л. 38 об.—40 об.), можно предположить, что это — выступление перед молодыми односельчанами поэта.

варищи. Забитые, оплеванные до Великой Октябрьской революции, мы начинаем осознавать, что будущность наша в нас самих. Я кратко коснусь, товарищи, чем мы были в проклятое старорежимное время. Окончив кое-как, с грехом пополам сельскую школу, а то и не кончив даже ее, приходилось сразу же впрягаться в тяжелую лямку батрацкой жизни. Ни откуда просвета. По шаблону, изъеденному и покрытому плесенью, текла вся жизнь вплоть до гроба. Гулянье, пьянство, драки, женитьба, семья и тяжелая безысходная нужда. О культурных потребностях, потребностях души разговора не было и в помине. Открывали не школы, а кабаки, трактиры, портерные, и люду, трудовому люду была единственная возможность утопить свое горе, свою безысходную нужду в казенной водке. „Волга, Волга, весной многоводной Ты не так закрываешь поля, Как великою скорбью народной Переполнена наша земля“, — так говорит об этом великом горе певец печального горя народного Некрасов». ²¹

Вполне закономерно обусловленная местом, временем и, главное, темой выступления предельная лаконичность этой обобщенной характеристики Некрасова молодым — ему только что исполнилось тогда 19 лет — поэтом-коммунистом (еще за год до этого, в марте 1919 г., А. А. Прокофьев вступил в партию), разумеется, не дает возможности ответить на многие вопросы, связанные с его личным отношением в ту пору к своему великому предшественнику, хотя и недвусмысленно подчеркивает то главное, что привлекало в нем Прокофьева. Правда, это главное определено здесь слишком односторонне. Представление о Некрасове лишь как о печальнике народного горя — достаточно, впрочем, распространенное в то время ²² — нуждалось в существенных коррективах. В дальнейшем сам Прокофьев будет полемизировать с упрощенным истолкованием творчества Некрасова.

Последующие высказывания и отзывы Прокофьева о Некрасове связаны, как правило, с подготовкой и проведением очередных некрасовских юбилейных и памятных дат. В основе их лежат слова Н. Г. Чернышевского о бессмертной славе великого поэта из его письма к Пышину от 14 августа 1877 г., написанного в вилюйской ссылке по получении известия о смертельной болезни поэта: «Если, когда ты получишь мое письмо, Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его как человека, что я благодарю его за доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума». ²³ Эти материалы — будь то статья, стихотворение или выступление — снова и снова утверждают бессмертие Некрасова и его наследия, величие гражданского и творческого подвига поэта.

²¹ ИРЛИ, ф. 726, оп. 1, ед. хр. 2, л. 31 об.

²² См., например: А лек. Певец горя народного. — Мирское дело, М., 1918, № 4, с. 9—12; Багрий А. В. Н. А. Некрасов — поэт горя личного и народного. (Из речи). К 40-летию со дня смерти. — Народная жизнь, Самара, 1918, № 2—3, с. 8—13; № 4—5, с. 3—7; Евгеньев-Максимов В. Певец народной свободы и печальник народного горя. (Жизнь и поэзия Н. А. Некрасова). М., 1918 (на обл.: 1919), 44 с.; Разумихин Л. Певец народного горя. — Объединение, М., 1919, № 13, с. 11—14, и др. Подробно об изучении Некрасова в первые послеоктябрьские годы см.: Груздев А. И. Изучение творчества Н. А. Некрасова в первые годы советской власти (1917—1921). — В кн.: О Некрасове. Статьи и материалы, вып. II. Ярославль, 1968, с. 129—144.

²³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV. М., 1950, с. 88.

Такова, например, статья Прокофьева «Бессмертная слава», написанная к 60-летию со дня кончины поэта. Опубликованная в свое время на страницах одной из ленинградских газет,²⁴ она затем не перепечатывалась и ныне практически не известна, не попала даже в специальную библиографию статей и выступлений Прокофьева по вопросам литературы.²⁵ Между тем статья эта представляет несомненный интерес: это не просто дань памяти великого русского поэта, Прокофьев стремится определить здесь то, чем близок и дорог Некрасов народу страны победившего социализма.

Во многом примечательна и полемика, которую ведет Прокофьев с Ф. М. Достоевским, давшим, как известно, высокую оценку Некрасову и его творчеству. Позитивная часть этой оценки вполне разделяется Прокофьевым, и он с сочувствием цитирует, например, то место из «Дневника писателя», где утверждается мысль о бессмертии Некрасова («...я не равняю Некрасова с Пушкиным, я не меряю аршином, кто выше, кто ниже, потому что тут не может быть ни сравнения, ни даже вопроса о нем. Пушкин по обширности и глубине своего русского гения до сих пор есть как солнце над всем нашим русским интеллигентным мировоззрением... И мимо всех мерок, кто выше, кто ниже, за Некрасовым остается бессмертие...»),²⁶ подчеркивая при этом: «Так говорил Достоевский об одном из величайших русских поэтов. Вся Советская страна, весь советский народ являются свидетелями этого бессмертия. Мы и только мы — прямые наследники поистине громадного поэтического богатства, многославного на века».

Вместе с тем решительное неприятие Прокофьева вызывает трактовка Достоевским народности Некрасова, и он энергично полемизирует с представлением о поэте как о «добром русском барине», безутешно скорбившем о невыносимом гнете народных масс: «Дальше в том же „Дневнике писателя“ Достоевский, говоря о народности поэзии Некрасова, пишет: „Вопрос о том, поймет ли Некрасова теперь прямо весь народ русский, — без сомнения вопрос явно невыносимый... Не говорю в будущем — в будущем народ отметит Некрасова. Он поймет тогда, что был когда-то такой добрый русский барин, который плакал скорбными слезами о его народном горе и ничего лучше и придумать не мог, как, убегая от своего богатства и от грешных соблазнов барской жизни своей, приходив в очень тяжкие минуты свои к нему, к народу и в неудержимой любви к нему очищать свое измученное сердце...“²⁷

В будущем, по Ф. М. Достоевскому, народ именно так должен был отметить Некрасова. Это будущее пришло в лице советской действительности, в лице советского народа.

Так ли мы отмечаем Некрасова?

На этот вопрос весь многомиллионный советский народ может дать только один страстный ответ: нет, совсем не так, как предрекал Достоевский. Не слезливым, добрым русским баринном, ищущим утешения, представляется народу Некрасов, а он представляется ему как поэт народа, воспевавший его, любивший его до самозабвения. И народ платит

²⁴ Красная газета, 1938, 7 января.

²⁵ См.: Морщихина А. С. Библиография статей А. А. Прокофьева о литературе. — В кн.: Прокофьев Александр. Свет поэзии. Статьи и заметки о литературе. Л., 1975, с. 359—378.

²⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. художественных произведений, т. 12. М.—Л., 1929, с. 354.

²⁷ Там же, с. 355—356.

ему тем же. Некрасов — великий поэт принадлежит народу, понятен ему, любим им, неотъемлем от него».

Особый интерес в этой статье представляют размышления и заметки Прокофьева о значении художественного наследия поэта-демократа для развития советской поэзии, о традициях Некрасова в творчестве поэтов 30-х годов. «Советская поэзия, — подчеркивал он, — благодарно принимает наследие Н. А. Некрасова. В первую очередь прямую перекличку с поэзией Некрасова мы находим в поэме А. Твардовского „Страна Муравия“ и в рассказе в стихах „Мать“ Н. Дементьева. Эти стихи, окрашенные прямым некрасовским влиянием, зазвучали свежо и сильно».

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Столь естественное для нас сегодня отнесение «Страны Муравии» к числу произведений, окрашенных «прямым некрасовским влиянием», было далеко не столь очевидно и естественно сорок с лишним лет тому назад. Прокофьев одним из первых увидел в поэме Твардовского «некрасовское начало». Однако дело не только в этом. Едва увидев свет,²⁸ «Страна Муравия», как известно, стала предметом столь же оживленной, сколь и острой литературной — и не только литературной — полемики со взаимоисключающими выводами, характер которой усугублялся стремлением некоторых критиков политически дискредитировать молодого поэта.

Оставляя в стороне подробности этой полемики вокруг раннего творчества Твардовского (частично она уже освещена в специальной литературе о поэте),²⁹ отметим только, что прокофьевская оценка «Страны Муравии» при всей ее лаконичности приобрела еще более существенное значение. Уверенно поставив поэму Твардовского в число наиболее значительных произведений советской поэзии, окрашенных «прямым некрасовским влиянием», Прокофьев тем самым выступил против вздорных обвинений, предъявлявшихся молодому поэту, лишь незадолго до того вышедшему к всесоюзному читателю.

«Говоря о влиянии Некрасова на советскую поэзию, — подчеркивал далее Прокофьев в своей статье, — конечно, никоим образом нельзя ограничиваться этими примерами». Интересны и заслуживают внимания его последующие размышления о том, что в качестве связующих нитей между Некрасовым и советскими поэтами выступают прежде всего поиски народности литературы и той высокой, поистине пушкинской простоты искусства слова, которыми отмечены лучшие произведения русской классической литературы и народного творчества. «Всем известно стремление советской поэзии к простоте и народности, — писал он. — Великий поэт Некрасов владел этой подлинной простотой и народностью, как владел ею Пушкин.

Недаром народ взял как свои песни стихи Некрасова и поет их, и бережет их так горячо и любовно.

Чуть не полмира в себе совмещая,
Руть широко протянулась родная,
Много у нас и лесов и полей...

Не отсюда ли истоки нашей народной советской „Песни о Родине“? Во всяком случае очевидна перекличка зачина песни:

²⁸ Красная новь, 1936, № 4, с. 3—33.

²⁹ См.: Выходцев П. С. А. Т. Твардовский. Семинарий. Л., 1960, с. 8—41.

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек ³⁰ —

с приведенными выше некрасовскими строками».

Статья заканчивалась утверждением величия творческого подвига Некрасова, великого поэта «борьбы и скорби народной» (в этой «формуле» — вновь внутренний спор с Достоевским, да и не только с ним: поэт не просто скорби и печали народа, но борьбы и скорби, причем борьба полемически выдвинута здесь даже на первое место), страстно мечтавшего о том времени, когда не будет «человеческой крови и слез». Цитируя стихотворение «Что ни год — уменьшаются силы...» (1861), Прокофьев писал: «Твои желанья, великий поэт борьбы и скорби народной, ныне сбылись.

Над твоею и нашей землей горит солнце.

Ты мечтал о нем, мы его обрели путем борьбы, труда и лишений.

Под этим солнцем нас вдохновляет и на века будет вдохновлять на жизнь, на подвиги, на славу твое благородное, пламенное слово!».

С этой статьей Прокофьева во многом перекликается и его стихотворение «Некрасову», также написанное к 60-летию со дня смерти поэта. Бессмертие благородного подвига Некрасова он видит здесь в том, что поэт, «презрев всю тьму угроз», мужественно воспел мир свободы и, твердо веря в неиссякаемые нравственные и физические силы родного народа, услышал в мучительных стогах последнего его бессмертие, и не только не утратил веру в него, но и весь свой могучий талант художника отдал святому делу социального пробуждения народных масс.

Сохранившиеся в архиве Прокофьева материалы позволяют с достаточной полнотой проследить этапы создания этого стихотворения. Воспроизведем его черновой автограф, датированный автором 5 января 1938 г.:

НЕКРАСОВУ

Мы,³¹ разгромив судьбу иную,
Объяты ³² думою одной:
Как ты любить страну родную,
Как ты любить народ родной.

Сильней громов твои б звучали,³³
Какими далями мы шли,
Какие зори нас встречали,³⁴
Какую родину нашли!

О, если б видел ты, могучий,
Как быстрокрыл страны полет,
Как не хватает нам созвучий,
Когда вся родина поет!

Там дни оковами гремели
Из года в год, из рода в род...
Бессмертен тот, кто так поверил ³⁵
В твое бессмертие, народ!

Бессмертен подвиг благородный,
Когда презрев всю тьму угроз,

³⁰ Строки из «Песни о Родине» В. Лебедева-Кумача.

³¹ Слово вписано над зачеркнутым «И».

³² Слово вписано вместо ранее зачеркнутого: «Им дело».

³³ Вся строка вписана вместо ранее зачеркнутой, из которой удалось восстановить лишь одно (последнее) слово — «прозвучала».

³⁴ Строка вписана вместо зачеркнутой: «Какие солнца мы нашли».

³⁵ «Так поверил» вписано вместо зачеркнутого: «в смерти видел».

Не раболепный, а свободный
Великий дар ты ³⁶ в мир принес!

... Пылает ³⁷ солнце ³⁸ на затонах
Горит багровых звезд восход...
Бессмертен тот, кто слышал в столах
Твое бессмертие, народ! ³⁹

Стихотворение, как видим, написано на одном дыхании. Большая часть его не имеет правки, и только семь строк несут на себе следы авторской работы, не столь уж, впрочем, значительной: как правило, это всего лишь отдельные стилистические (прежде всего) уточнения, никак не затрагивающие основу стихотворения.

Легко заметить, однако, известную «клочковатость», «разорванность» этого текста; стихотворение словно «рассыпается» на отдельные куски-строфы, не обладая ни необходимым в данном случае единством темы, ни последовательностью развития сюжета. Не удивительно поэтому, что, переписывая текст набело, поэт продолжил работу над ним. Совсем сняв начальную строфу, он предпринял затем ряд композиционных перестановок: четвертая и пятая строфы стали соответственно первой и второй, вторая строфа переместилась на место четвертой (третья осталась там же, где и была), и заключала стихотворение по-прежнему шестая строфа (ставшая, однако, теперь пятой), причем первая строка ее подверглась небольшой правке: вместо «...Пылает солнце на затонах» стало «...Сияет солнце на затонах» (каких-либо иных чисто текстовых изменений в этом варианте по сравнению с предшествующим больше нет).⁴⁰

Стихотворение в значительной мере обрело теперь недостающую ему цельность. Закономерно выдвинутый на первый план мотив бессмертия поэта, «увязанный» с основополагающей категорией народности («Бессмертен тот, кто так поверил В твоё бессмертие, народ!»), получил логическое развитие и существенно важную конкретизацию во второй строфе, утверждавшей бессмертие именно творческого подвига Некрасова, «великий дар» которого, по Прокофьеву, заключался прежде всего в том, что в условиях социального гнета, когда «из года в год», «из рода в род» «дни оковами гремели», он мужественно воспел не всячески насаждаемое и поощряемое «верхами» раболепие, а духовную и физическую свободу. Наконец, дальнейшее углубление тема бессмертия получает в заключительной строфе, наполняясь при этом новым принципиально важным содержанием: «Бессмертен тот, кто слышал в столах Твое бессмертие, народ!».

Прокофьев, таким образом, обратился в данном случае к так называемой кольцевой композиции стихотворения, достаточно широко распространенной в русской классической поэзии.⁴¹ Это позволило ему прочно сцементировать два равнозначных плана стихотворения, один из которых связан с развивающейся и углубляющейся темой исторического бессмертия и величия Некрасова; другой же, заключенный в средних строфах, утверждает мысль о живой преемственной связи Некрасова и его

³⁶ «Великий дар ты» вписано вместо зачеркнутого: «Великую песню».

³⁷ Слово написано вместо ранее зачеркнутого, восстановить которое не удалось.

³⁸ Слово вписано вместо ранее зачеркнутого: «зори».

³⁹ ИРЛИ, ф. 726, оп. 1, ед. хр. 73, л. 1.

⁴⁰ Там же, л. 2—3.

⁴¹ Подробнее о ней см.: Жирмунский В. Композиция лирических стихотворений. Пг., 1921 (главы «Кольцо строфы» и в особенности «Кольцо стихотворения»).

творчества с послеоктябрьской действительностью, ставшей реальным воплощением той мечты великого русского поэта, которая, вселяя уверенность в светлом будущем родного народа, неизменно вдохновляла его на создание замечательных произведений. Возвращая читателей к первой строфе, заключительные строки стихотворения не только подводят своеобразный итог развития темы бессмертия поэта, но и органично включают в нее мотив второго плана, что в конечном счете и придает стихотворению необходимую цельность.

Однако и этот вариант текста, существенно улучшенный по сравнению с предшествующим, не был свободен от одного — и достаточно значительного — просчета. Совсем сняв начальную строфу чернового автографа:

Мы, разгромив судьбу иную,
Объяты думою одной:
Как ты любить страну родную,
Как ты любить народ родной, —

поэт тем самым не только во многом обеднил содержание стихотворения, но и лишился очень важного его компонента, в котором берет свое логическое начало мотив, развиваемый во втором плане, и который, таким образом, является удачным и очень естественным переходом к этому второму плану стихотворения. Поэтому в дальнейшем Прокофьев восстанавливает этот текст, поместив его между второй и третьей строфами, а заодно и возвращается к прежнему варианту первой строки заключительной (снова ставшей шестой) строфы (вместо «... Сияет солнце на затонах» вновь пишет «...Пылает солнце на затонах»). Именно в таком виде стихотворение и было опубликовано (под заглавием «Бессмертный») в «Ленинградской правде»,⁴² а затем дважды перепечатано — уже под своим первоначальным заглавием «Некрасову» — в довоенных сборниках поэта, после чего текст его не воспроизводился и оно практически выпало из поля зрения не только читателей, но и исследователей, которые, как правило, даже вскользь не вспоминают об этом безусловно интересном произведении, о чем нельзя не сожалеть.⁴³

2. ПИСЬМА В. Е. ЕВГЕНЬЕВА-МАКСИМОВА

В конце 1944 г. Александр Прокофьев был избран первым секретарем правления Ленинградского отделения Союза писателей СССР, и на этом высоком и ответственном посту, который писатели Ленинграда неоднократно доверяли ему и в дальнейшем, он встретил исполнившееся в конце 1946 г. 125-летие со дня рождения Н. А. Некрасова.

Несмотря на трудности восстановительного периода, юбилейная дата была отмечена достаточно широко. Инициатором всесоюзного чествования Некрасова выступила — по предложению Владислава Евгеньевича Евгеньева-Максимова (1883—1955), одного из виднейших исследователей жизни и творчества поэта, немало сделавшего для того, «чтобы очистить человеческий и поэтический облик Некрасова от чуждых ему на-

⁴² Ленинградская правда, 1938, 8 января. По свидетельству С. Рейсера (см.: Рейсер С. Некрасов в стихах русских поэтов. (Библиография стихотворений, посвященных Некрасову). — В кн.: Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 567), оно тогда же было напечатано и в ряде других областных газет.

⁴³ Ныне это стихотворение вошло в подготовленный мною первый том нового собрания сочинений поэта, см.: Прокофьев Александр. Собр. соч. в 4-х т., т. 1. Л., 1978, с. 379.

слоений»,⁴⁴ — возглавляемая Прокофьевым Ленинградская писательская организация. Об этом свидетельствуют публикуемые ниже письма В. Е. Евгеньева-Максимова Александру Прокофьеву. Раскрывая большую работу Прокофьева по подготовке юбилея Некрасова, письма В. Е. Евгеньева-Максимова, кроме того, представляют интерес и содержащимися в них оценками творчества поэта, которые при всем их лаконизме заслуживают внимания, поскольку принадлежат одному из крупнейших советских некрасоведов.

Почти за год до предстоящего юбилея, в феврале 1946 г., В. Е. Евгеньев-Максимов обратился к поэту как руководителю Ленинградской писательской организации с письмом, в котором напоминал о приближающемся юбилее и просил оказать содействие в деле организации в Ленинграде музея Н. А. Некрасова:

«15 II 1946 г.

Глубокоуважаемый Александр Андреевич!

В конце этого года исполняется 125-летие рождения Н. А. Некрасова. Будет весьма огорчительно, если к этому времени „Квартира Некрасова“ (угол> Литейного и ул. Некрасова) не будет преобразована в „Некрасовский музей“. А между тем дело об этом тянется с 1939 г.⁴⁵ Состоялось соответствующее постановление Ленсовета, но военные обстоятельства и отсутствие средств у Института литературы,⁴⁶ в ведении которого передана квартира, задерживают организацию музея.

Чтобы двинуть дело, необходимо Ваше авторитетное вмешательство.

Не буду говорить о том, что организация „Некрасовского музея“ — в интересах Союза писателей, в интересах широких кругов ленинградской общественности. Обращаюсь к Вам как к даровитому поэту, одному из подлинных преемников Некрасова в современной литературе. Не решаюсь ничего Вам советовать, так как убежден, что Вы лучше меня знаете, что нужно сделать. От Вас многое зависит, в особенности теперь, когда Вы увенчаны столь заслуженными Вами лаврами.⁴⁷

С почтением Вл. Евгеньев-Максимов».⁴⁸

Дальнейшее развитие событий свидетельствует о том, что это письмо В. Е. Евгеньева-Максимова нашло поддержку у А. А. Прокофьева и других членов правления Ленинградской писательской организации. При Ленинградском отделении Союза писателей была создана специальная комиссия по подготовке к предстоящему юбилею, намечен и утвержден план работы. Было решено также в дальнейшем возбудить перед правительственными органами ходатайство с предложениями о всесоюзном чествовании Н. А. Некрасова и о проведении ряда мероприятий по увековечению его памяти, в том числе и о реорганизации мемориальной квар-

⁴⁴ Прийма Федор. Он лиру посвятил народу своему. — Наш современник, 1971, № 12, с. 105.

⁴⁵ О необходимости скорейшего восстановления музея Н. А. Некрасова в Ленинграде В. Е. Евгеньев-Максимов писал еще в 1936 г. в статье «На некрасовском фронте» (Литературный Ленинград, 1936, 26 июля).

⁴⁶ Так назывался тогда Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

⁴⁷ За несколько дней до этого, 26 января 1946 г., Прокофьев был удостоен Государственной премии за поэму «Россия» и стихотворения «Не отдадим», «Клятва», «Застольная», «За тебя, Ленинград».

⁴⁸ ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 362, л. 1—1 об.

тиры поэта в некрасовский музей. О некоторых деталях принятого тогда решения свидетельствует второе письмо В. Е. Евгеньева-Максимова, написанное через четыре месяца после первого:

«1 VI 1946 г.

Глубокоуважаемый Александр Андреевич!

Время двигать некрасовские дела. Вл. Ник. Орлов сообщил мне, что Н. С. Тихонов очень сочувствует идее всесоюзного чествования памяти Некрасова в связи со 125-летием его рождения. Так как и Вы и весь состав Правления Ленинградского отделения ССП сочувственно отнеслись к моему предложению возбудить соответствующее ходатайство перед Правительством, то, думается, настало время его составить, подписать и послать. Если бы Вы зашли в Дом творчества или же разрешили мне побывать у Вас (авось, дотащусь), то мы могли бы набросать проект этого ходатайства.

Чем скорее мы это сделаем — тем лучше: „Надо ковать железо, пока горячо!“.

Вместе с тем посылаю проект, разумеется, ориентировочный, „Проведения годовщины в Ленинграде“. Надо нажимать на И. М. Широкова. Я ведь у него был и заручился его принципиальной поддержкой.

Одним словом, нам необходимо увидеться по всем этим делам.

Душевно Вам преданный, искренний почитатель Вашего таланта.

В. Евг.-Максимов». ⁴⁹

Письмо это не нуждается в особых комментариях. Ходатайство было вскоре рассмотрено правительством и по нему было вынесено положительное решение. В конце года был создан Всесоюзный комитет по проведению 125-летия со дня рождения Н. А. Некрасова под председательством генерального секретаря Союза писателей СССР А. А. Фадеева ⁵⁰ (его членами стали также В. Е. Евгеньев-Максимов и А. А. Прокофьев). 4 декабря 1946 г. состоялось решение Совета Министров СССР по проведению ряда мероприятий по увековечению памяти великого русского поэта, в том числе и об открытии музея Некрасова в Ленинграде (тогда же, в декабре, он и открылся), ⁵¹ а также об организации мемориального музея поэта в селе Карабиха, где Некрасов жил и работал. ⁵²

Наконец, третье (и последнее) письмо В. Е. Евгеньева-Максимова к поэту, относящееся к концу декабря того же 1946 г., напоминает об одном из проектов, намеченных ленинградской комиссией по подготовке к юбилею Некрасова:

«28 XII 1946 г.

Глубокоуважаемый Александр Андреевич!

Меня очень огорчает, что одно из постановлений Некрасовской комиссии при Ленинградском отделении Союза писателей остается нереализованным. Мы ршили издать сборник „Ленинградские писатели Некрасову“ (поэзия, проза, критика). Лениблиздат согласился этот сборник

⁴⁹ Там же, л. 2—3.

⁵⁰ См.: О 125-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Вечерняя Москва, 1946, 29 ноября.

⁵¹ См.: Ломан О. В. Музей Н. А. Некрасова. (Краткий обзор последних постановлений). — В кн.: Некрасовский сборник, вып. I. М.—Л., 1951, с. 226.

⁵² См.: Тарасов А. Ф. Мемориальный музей Н. А. Некрасова в селе Карабиха. — В кн.: Некрасовский сборник, вып. I. М.—Л., 1951, с. 237.

издать. Между тем, насколько мне известно, ничего для реализации этого начинания не делается. Те лица, которым Некрасовская комиссия поручила это, должно быть, забыли об этом поручении.

Нужны Ваш авторитет и Ваша кипучая энергия, чтобы двинуть это дело. Убедительно прошу у Вас: взмахните магическим жезлом, и я готов всемерно Вам помогать.

С почтением В. Евг.-Максимов». ⁵³

К сожалению, решение, о котором пишет здесь В. Е. Евгеньев-Максимов, так и осталось невыполненным. Вряд ли виной тому был недостаток необходимого материала: еще в предвоенные годы ленинградскими поэтами было создано немало стихотворений о Некрасове, многие из которых безусловно заслуживают внимания; ряд произведений о нем был написан и прозаиками; что же касается литературно-критических работ ленинградских исследователей о Некрасове, то сами по себе они могли бы составить даже не один том.

3. «К НЕМУ НЕ ЗАРАСТЕТ НАРОДНАЯ ТРОПА...»

Значительное число документов и материалов сохранилось в архиве Александра Прокофьева в связи с подготовкой и проведением следующей по времени памятной некрасовской даты — 75-летия со дня кончины поэта, которое исполнилось в январе 1953 г.

31 октября 1952 г. в Ленинграде была организована Некрасовская комиссия, которую возглавил Прокофьев. Активное участие принимал Прокофьев и в работе всесоюзной Некрасовской комиссии, образованной в связи с этой датой.

Наряду с различными деловыми заметками и тому подобными материалами ⁵⁴ в архиве поэта сохранились тексты его публичных выступлений в связи с этой датой. В каждом из них явственно ощущается неповторимо прокофьевское — в языке, стиле, образе мыслей, самой манере подачи материала.

В архиве поэта сохранились тексты пяти его выступлений в связи с этой датой — при открытии вечера памяти Некрасова, на могиле поэта и при закладке памятника ему, причем их хронологическая и тематическая прикрепленность к одному и тому же событию не обусловила у Прокофьева, как это можно было бы предположить, сколько-нибудь существенных самоповторов: в совокупности они могли бы составить целостную статью о Некрасове, своеобразную поэму в прозе о великом русском поэте.

Критерий народности и гражданственности, как известно, всегда был основополагающим в эстетике Прокофьева. Именно с этой точки зрения анализировал он, органично включая в критерий народности и понятие формы, стихи своих современников; понятие народности определяло и его оценки творчества поэтов-классиков. Некрасов дорог ему прежде всего тем, что весь свой могучий талант художника он отдал родному народу,

⁵³ ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 362, л. 4—4 об.

⁵⁴ См.: ИРЛИ, ф. 726, оп. 1, ед. хр. 459, записная книжка № 12, л. 6—11 (текст выступления поэта на заседании всесоюзной Некрасовской комиссии), л. 12—20 (различные деловые записи и пометы Прокофьева в связи с подготовкой к памятной дате). См. также написанную поэтом заметку «Некрасовские дни» (там же, ед. хр. 390, л. 1—2), где подробно перечислены все мероприятия, проведенные в этой связи в Ленинграде.

став тем самым «высоким примером мужества и верности долгу служения Родине и интересам народа». ⁵⁵ Эта же мысль лежит в основе выступления Прокофьева на открытии вечера памяти Некрасова и всех последующих, в том числе и краткого выступления поэта у могилы Некрасова, которое мы приводим:

«Товарищи! Разрешите мне сказать слово по поручению Правления Союза писателей СССР.

Мы собрались здесь, у этой великой могилы, чтоб отдать дань нашей любви и уважения гениальному сыну русского народа, поэту, пламенному борцу за народное счастье. В первых рядах дорогах, светлых для нашей Родины, для нашего народа имен стоит имя Некрасова. Оно бесконечно дорого нашей Родине, народу, — любимо, священно!

Стихи Некрасова, полные очарования русской природы, любви к Родине, к народу, сопровождают нас всю жизнь. Они вдохновляют нас на беззаветное служение Отчизне и народу.

Патриотическая поэзия Некрасова, полная любви к трудовому народу, ненавидящая всякий гнет и притеснение, близка и дорога каждому советскому человеку.

Неиссякаема была вера великого поэта в народ!

В рабстве спасенное,
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

В наше время исполнились благородные мечты поэта, беззаветно верившего, что народ „вынесет все — и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе“.

Широкая и ясная дорога проложена нашим народом, и по ней ныне он идет не один, а вместе с братскими народами Советского Союза, с народами стран народной демократии, со всем передовым и прогрессивным человечеством.

Все эти народы, спаянные волей труда, мира, созидания, чтут и любят Некрасова, вся поэзия которого служила и служит делу прогресса, труда, делу осуществления светлых идеалов человечества.

Поэзия Некрасова — бессмертна!

Народная любовь к ней никогда не умрет!» ⁵⁶

Тексты двух следующих выступлений Прокофьева ⁵⁷ связаны с одним и тем же событием — предполагаемой закладкой памятника Некрасову в Ленинграде. Установка такого памятника предусматривалась еще постановлением Совета Министров СССР от 4 декабря 1946 г. ⁵⁸ По ряду причин закладка памятника поэту в дни его памяти так и не состоялась, хотя Прокофьев сделал все от него зависящее, чтобы это, наконец, произошло, и был настолько уверен в положительном решении вопроса, что заранее подготовил текст своего выступления по этому поводу, причем даже в двух вариантах, текстually совершенно различных и отличающихся друг от друга по объему: один из них менее развернут, другой — более расширенный.

Еще один текст выступления, совсем уже лаконичного, не имеет каких-либо «опознавательных знаков», и трудно поэтому сказать, для произ-

⁵⁵ ИРЛИ, ф. 726, оп. 1, ед. хр. 390, л. 4—6.

⁵⁶ Там же, л. 3.

⁵⁷ Там же, л. 9—14.

⁵⁸ Подробнее об этом см.: Чуковский Корней. О памятнике Н. А. Некрасову. — Литературная газета, 1953, 6 января.

несения перед какой аудиторией и по какому случаю он был предназначен: «Товарищи! Память о великом русском поэте, так много сделавшем во имя нашего народа, жива и бессмертна. Некрасов был не только замечательным поэтом, литературным критиком, прозаиком и драматургом, но и одним из самых передовых общественных деятелей XIX века. Наряду с Белинским, Добролюбовым и Чернышевским он являлся борцом за глубоко идейную литературу, проникнутую пафосом революционной борьбы с существующим крепостничеством и самодержавным строем России. Его стихи, обращенные прямо и непосредственно к русскому народу, пробуждали в нем гражданское самосознание и подымали чувство протеста и веру в собственные силы.

Некрасов справедливо считал народ творцом истории. И ему — русскому народу — он посвятил всю свою жизнь и все свое творчество.

Советский народ благодарно чтит одного из самых выдающихся поэтов революционной России Н. А. Некрасова, имя которого стоит в одном ряду с великим Пушкиным».⁵⁹

⁵⁹ ИРЛИ, ф. 726, оп. 1, ед. хр. 390, л. 7—8.

IV. ПУБЛИКАЦИИ

Б. В. Мельгунов

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К ДЕКАБРИСТСКОЙ ТЕМЕ В АРХИВЕ НЕКРАСОВА

Конспект «Записок» М. Н. Волконской, составленный Некрасовым со слов сына мемуаристки, который в продолжение трех вечеров переводил поэту с французского воспоминания Марии Николаевны,¹ до сих пор еще не опубликован в полном объеме. На выставке, посвященной 25-летию со дня смерти Некрасова (Ярославль), среди других автографов поэта экспонировались «восемь листов собственноручной (карандашом) программы „Русские женщины“», полученных от Н. К. Михайловского.²

В 1922 г. В. Е. Чепихин-Ветринский опубликовал четыре первых листа конспекта — ту часть, которая легла в основу поэмы «Княгиня Волконская».³ Найденный К. И. Чуковским план продолжения произведений декабристского цикла⁴ с детальным описанием быта декабристов и их жен в Сибири побудил С. Великанову опубликовать еще два листа конспекта, содержащие отрывок, повествующий о жизни в Чите.⁵

Большая часть конспекта хранится в настоящее время в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва). Архивное название документа — «Первоначальные записи воспоминаний Волконской Марии Николаевны, сделанные Некрасовым Н. А. со слов ее сына Волконского Михаила Сергеевича».⁶ В указанную архивную единицу входят три документа.

1. Некрасовский конспект «Записок» Волконской составляют листы 1—10, 21—24 (последний чистый лист не нумерован). Листы одинакового формата (22×35 см), плотной писчей бумаги без водяных знаков. Листы 1—10 и неразрезанные листы 22 и 23 линованные; неразрезанные листы 21 и 24 линованы в клеточку. Весь текст написан карандашом; на полях карандашные пометы и вставки (лишь на л. 3 к стихотворному наброску на полях приписан чернилами один стих). Конспект

¹ Записки княгини Марии Николаевны Волконской. СПб., 1904, с. XV (далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Записки, страница).

² См.: Каталог Ярославской юбилейной некрасовской выставки 27—29 декабря 1902 года. Ярославль, 1902, с. 3.

³ Ветринский Ч. К изучению «Княгини Волконской» Н. А. Некрасова. (Запись содержащая записок княгини М. Н. Волконской, сделанная самим поэтом). — В кн.: Некрасовский сборник. Ярославль, 1922, с. 71—76.

⁴ Чуковский К. И. Некрасов и декабристы. — Огонек, 1926, № 2.

⁵ Великанова С. Из записей Н. А. Некрасова к поэме «Русские женщины». (Автограф 1872 года из собрания Ярославского мемориального музея Н. А. Некрасова). — В кн.: Н. А. Некрасов и Ярославский край. Ярославль, 1953, с. 183—191.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 23.

составлен беглым, трудно читаемым почерком, со множеством недописанных или сокращенных до начальных букв слов.

2. На отдельном, нумерованном (25-м) листке почтовой бумаги — еще не известный в литературе о Некрасове беловой автограф (карандаш) стихов 293—320 поэмы «Княгиня Волконская» с вариантами и разночтениями по отношению к окончательному тексту в стихах 294, 295, 314. Над текстом карандашная помета «к 6-му», что свидетельствует о принадлежности этого листка к наборной рукописи (авторизованной копии А. А. Буткевич) «Княгини Волконской», хранящейся в Рукописном отделе ИРЛИ, где на л. 6 есть соответствующие пометы о вставке «на особом листке».⁷

3. На л. 11—20 описываемой архивной единицы ЦГАЛИ — чья-то неудачная попытка расшифровать отдельные страницы некрасовского конспекта.

Двойной лист из конспекта Некрасова (бумага того же формата и качества), опубликованный Великановой, в настоящее время находится в Доме-музее Некрасова «Карабиха», инвентарный номер МН 379. Архивная нумерация листов автографа ЦГАЛИ произвольная, конспект следует читать в таком порядке: автограф ЦГАЛИ, листы 1—4, 10, 9, 22, 23, 21, 7, 8; далее следуют два неразрезанных листа из архива Карабихи, после которых остальные листы ЦГАЛИ — 5, 6.

Переложенные в таком порядке листы конспекта представляют большую часть (примерно 0,8) записи Некрасова, без пропусков. Недостаёт последних двух-трех листов с записью содержания второй половины последней главы «Записок» Волконской — «Петровский завод».

Конспект при внимательном изучении даёт широкое представление о работе поэта над декабристской темой. Первое, что следует отметить: Некрасов пришёл слушать «Записки» М. Н. Волконской «не с пустыми руками». Его конспект свидетельствует о превосходном знании литературы вопроса и исторической эпохи, о которой идёт речь у декабристки. Из других источников поэт хорошо знал о событиях на Сенатской площади, о ходе следствия, о вечере в салоне Зинаиды Волконской и обстоятельствах отъезда Марии Николаевны в Сибирь.

Очевидно, поэтому первая глава «Записок» Волконской конспектировалась поэтом не столь подробно, как эпизоды путешествия в Сибирь и последующие «сибирские» главы. Некрасов вначале заносит в конспект лишь наиболее важные детали и факты, иногда лишь называя их. Вместе с тем он успевает по ходу записи вставлять в текст собственные уточнения, комментарии. Так, в описании допроса Волконского Некрасов не повторяет анахронизма мемуаристики, называющей А. И. Чернышева «военным министром» (Записки, с. 8). В конспекте читаем: «Татищев, военный министр» председатель» Следственной Комиссии» (автограф ЦГАЛИ, л. 1).

К словам о подвиге генерала Н. Н. Раевского под дер. Дашковой (Записки, с. 18) поэт от себя прибавляет: «есть у Жуковск<ого>» (ЦГАЛИ, л. 1), имея в виду стихотворение «Певец во стане русских воинов». Впоследствии в примечании к соответствующим строкам поэмы автор дал полную и точную ссылку на Жуковского с цитатой из его стихотворения и сопоставлением с другими свидетельствами (III, 86).

В описании вечера в честь отъезжающей Марии Николаевны поэт вставляет в конспект фразу, которой нет в «Записках»: «Зинаида пела хорошо» (ЦГАЛИ, л. 1). Подобная же вставка сделана по ходу записи

⁷ ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 181, л. 6.

о Пушкине: «В Тульчине живал у Раевских в доме (есть в «Архиве» лет 8-мь назад)» (ЦГАЛИ, л. 1 об.). Здесь идет речь о статье П. Бартенева «Пушкин в Южной России», напечатанной в «Русском архиве» (1866, вып. 8, 9). В процессе последующей работы над поэмой «Княгиня Волконская» Некрасов использовал материалы указанной статьи⁸ и другие работы, о чем он и сообщает в примечании 7 к поэме (III, 87).

Внимательный читатель и внимательный слушатель, Некрасов не пропускает самых, казалось бы, малозначительных совпадений в текстах «Записок» и прочитанных ранее других источников. Заноса в конспект фразу о ручных мельницах в читинском остроге, поэт тут же в скобках замечает: «У Розена» (л. 23 об.). В «Записках декабриста» А. Е. Розена, известных Некрасову по первому лейпцигскому изданию 1870 г., эти мельницы действительно тоже упоминаются.⁹

В тексте конспекта есть также и одно ошибочное «уточнение» Некрасова, объяснить которое мы затрудняемся. Волконская цитирует по памяти и потому с искажением пушкинские строки о ней: «Твои пленительные очи Яснее дня, чернее ночи».¹⁰ Некрасов записывает одну пушкинскую строчку, исказив ее по-своему: «Светлее дня, темнее ночи», ошибочно указав в скобках источник: «Кавказский пленник» (л. 1 об.). Разумеется, поэт мог забыть, в какую из «южных» поэм Пушкина вошли эти строки, но у М. Н. Волконской есть точное указание: «Бахчисарайский фонтан» (Записки, с. 24). Указанное «разночтение» позволяет предположить, что в автографе «Записок» не было этой ссылки, включенной в текст издателем — М. С. Волконским.

Вообще печатный текст «Записок» М. Н. Волконской нуждается в текстологической сверке. Книга много раз переиздавалась как до Октябрьской революции, так и в советскую эпоху, однако во всех случаях текст воспроизводился по первому изданию, без сличения с оригиналом, написанным по-французски. Первый издатель «Записок» М. С. Волконский, по-видимому, при подготовке текста к печати не ограничился отдельными уточнениями. Конспект Некрасова позволяет высказать предположение, что в печатном тексте «Записок» есть изъятия, сделанные Волконским по цензурным, а, возможно, и личным соображениям. Так, в описании расстрела группы Сухинова в конспекте Некрасова читаем: «приказ» стрелять в упор, а когда и этого мало — добывать прикладами» (л. 2 автографа в Карабихе). В печатном тексте (Записки, с. 88) этой фразы нет.¹¹

Другой эпизод. Мария Николаевна рассказывает о рождении сына Миши, дочери Нелли и о своей материнской любви к ним. «Моя любовь к вам обоим была безумная, ежеминутная», — читаем мы в «Записках». За этой фразой следует рассказ о смерти Муравьевой, начинающийся словами «шесть месяцев после...» (Записки, с. 96). В конспекте Некрасова абзац о детях записан почти дословно. Но после фразы «Это была любовь сумасшедшая» и перед началом другого эпизода «6-ть месяцев»

⁸ Подробнее об этом см.: Розанова Л. А. К истории создания образа Пушкина в поэме Некрасова «Русские женщины». — Учен. зап. Ивановск. гос. пед. ин-та, 1954, т. VI. Филологические науки, с. 106—120.

⁹ Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907, с. 155.

¹⁰ У Волконской: «ее очи яснее дня, темнее ночи» (Записки, с. 24).

¹¹ С. Великанова пишет по поводу этого несоответствия: «Возможно, что эти подробности мучительной смерти осужденных были сообщены Некрасову М. С. Волконским во время чтения записок» (Великанова С. Из записей Н. А. Некрасова к поэме «Русские женщины», с. 190).

после» в конспекте начало какой-то неизвестной по «Запискам» фразы: «Если и вы оба...» (ЦГАЛИ, л. 5 об.).

Некрасов продолжал работать над конспектом как документальной основой будущей поэмы и после прослушивания текста «Записок» в зимние вечера 1872 г. Некоторые дополнения делались, вероятно, по памяти после домашнего прочтения конспекта. Не исключено, впрочем, что Некрасов для таких дополнений просил М. С. Волконского повторно прочитать некоторые эпизоды. Особенно густо исписан лист 4 (ЦГАЛИ), где поля заполнены на лицевой и оборотной сторонах продолжением текста и вставками, причем французское «descente aux enfers» вписано, по-видимому, М. С. Волконским.

Таким же образом на полях лицевой стороны листа 9 автографа ЦГАЛИ приписана фраза с указанием места вставки на оборотную сторону того же листа (см. публикуемый текст конспекта). Подобные вставки приписаны на полях листов 22 и 23 автографа ЦГАЛИ, на обороте первого листа автографа Карабихи.

Поэт ощущал неадекватность конспекта самим «Запискам» и перед отъездом на лето в Карабиху просил (безуспешно) владельца рукописи дать ему «Записки» на время работы над поэмой (XI, 212). В конспекте почти полностью пропущена сцена свидания Волконской с мужем в крепости, зато в стихах 292—320 (листок, входящий в состав архивной единицы ЦГАЛИ) этот эпизод воспроизводится во всех подробностях. Не исключено, что эти стихи были написаны после первого же чтения «Записок».

Другой стихотворный набросок, передающий чувства героини и узников во время встречи в руднике, торопливо записан Некрасовым на полях первого подвернувшегося под руку листа конспекта (ЦГАЛИ, л. 3; в конспекте соответствующая сцена — на обороте следующего листа). Отдельная же стихотворная строчка, написанная чернилами на том же листе, — поэтический комментарий после прочтения соответствующего места конспекта, записанный тут же. В конспекте читаем: «Догнала Трубецкую. Это была радость делиться мыслями» (ЦГАЛИ, л. 3—3 об.). На полях: «Как горе, и радость одна не живет» (ЦГАЛИ, л. 3).

В марте—начале апреля 1872 г. Некрасов получил письмо от В. П. Буренина, с которым поэт ранее делился мыслями о задуманной новой поэме, посвященной Волконской. Буренин обращал внимание Некрасова на недавно вышедшие из печати записки декабриста Н. В. Басаргина и неопубликованные мемуары И. И. Горбачевского,¹² хранящиеся в редакционном портфеле «Русского архива» М. И. Семевского.¹³

В это же время (до отъезда в Карабиху в июне 1872 г.) Некрасов знакомится еще с целым рядом заграничных изданий записок декабристов и другими материалами эпохи Александра I. Запись имен и названий на полях оборотной стороны листа 21 автографа ЦГАЛИ (см. текст конспекта) свидетельствует о том, что наряду с неопубликованными записками Горбачевского поэт знал «Воспоминания» князя Е. М. Оболенского (Будущность, Париж, 1861, № 9—12), «Записки» М. А. Фон-Визина (Лейпциг, 1859), «Из записок, приписываемых М. А. Бесугужеvu» (Полярная звезда на 1862 г., кн. 7, вып. 2), «Из записок И. Д. Якуш-

¹² Литературное наследство, т. 51—52. М., 1949, с. 169—170.

¹³ Записки мемуариста, имя которого было к тому времени забыто в редакции «Русского архива», появились в этом журнале лишь в № 2 за 1882 г. под заголовком «Записки неизвестного». Имя автора записок стало известно в литературе еще через восемь лет, когда П. Бартев (публикатор «Записок неизвестного») получил новые сведения об их авторе (см.: Русский архив, 1890, № 9, с. 111—112).

кина» (там же, вып. 1), шеститомное издание «Император Александр и его сподвижники» под редакцией А. И. Михайловского-Данилевского (СПб., 1845—1849).

Записки Н. В. Басаргина, изданные Бартеневым в 1872 г. в сборнике «Деятельный век», Некрасов приобрел и увез в Карабику.¹⁴ Перечитывая конспект «Записок» Волконской, Некрасов сделал на полях против строк о смешных «выходках» поляка Рукевича помету: «Есть о нем у Басаргина».¹⁵

Текст дошедшей до нас части конспекта печатается полностью. Листы 10, 9, 22, 23, 21, 7, 8, 5, 6 автографа публикуются впервые.

* * *

Второй печатаемый здесь автограф еще не привлекал внимания исследователей. Это двойной лист почтовой бумаги, первая страница которого заполнена записями также конспективного характера.¹⁶ Судя по содержанию записей, их следует датировать весенними месяцами 1872 г. Они примыкают к конспекту «Записок» Волконской, хронологически следуя за ним. В окончательном тексте «Княгини Волконской» эти заметки реализовались в следующих стихах IV главки:

Я скоро в Москву прискакала
К сестре Зинаиде. Мила и умна
Была молодая княгиня.
Как музыку знала, как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл,
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;

В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанью поэта —
«Цвет южного неба в очах припесла».
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, — житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И Северной звали Коринной.

(III, 65)

В первоначальные намерения автора поэмы «Княгиня Волконская» входило, вероятно, более подробное описание салона Зинаиды Волконской, устроенной 27 декабря 1826 г. прощальный вечер в честь отъезжающей в Сибирь М. Н. Волконской. В «Записках» декабристки нет почти никаких сведений о Зинаиде Волконской как творческой личности и общественной деятельнице. О присутствии на этом вечере поэта Веневитинова Некрасов вряд ли знал в 1872 г., в печати об этом стало известно через три года.¹⁷ Однако в поэме мы встречаем Веневитинова среди других почетных гостей Зинаиды Волконской. Некрасов, по-видимому, знал, что Веневитинов, влюбленный в З. А. Волконскую, был частым гостем в ее салоне.

¹⁴ См.: Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 368.

¹⁵ В «Записках Н. В. Басаргина» (М., 1872, с. 127) действительно упоминаются два поляка, но у мемуариста названы Сосинович и Кучевский, осужденные по делу С. Конарского (1838 г.; см. о них: Записки декабриста Д. И. Завалишина, т. II. Мюнхен, 1904, с. 126). Между тем друг А. Мицкевича Михаил Рукевич, сосланный за связи с декабристами, также был в Нерчинске (см.: Максимов С. В. Сибирь и каторга, ч. 3. СПб., 1900 (гл. VI); Janik M. Dzieje polakow na Syberji. Krakow, 1928, s. 110—111).

¹⁶ Рукописный отдел ГБЛ, ф. 195, картон 1, ед. хр. 10.

¹⁷ См.: Веневитинов А. В. Вечер у княгини Зинаиды Волконской 27 декабря 1826 года. — Русская старина, 1875, № 4, с. 822—824.

Эти начальные сведения автор «Русских женщин» мог почерпнуть из книги воспоминаний А. Н. Муравьева, что, возможно, послужило толчком для обращения к литературе о Д. В. Веневитинове. Брат Муравьева-«вешателя» А. Н. Муравьев, религиозный деятель и писатель, в 1820-е годы был близок к Любомудрам, писал и печатал стихи, бывал в доме Зинаиды Волконской.

Автор воспоминаний так писал о Веневитинове в салоне княгини Зинаиды: «... был один юноша, даровитый поэт <...> которого влекло к ней не одно лишь блистательное общество; горящий чистою, но страстною любовью, ей посвящал он звучные меланхолические свои стихи и безвременно сошел в могилу».¹⁸ В «Княгине Волконской» портрет Веневитинова (также не называемого по имени) близок портрету, данному Муравьевым:

... был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил
Безвремено взятый могилей.

(III, 66)

Первый абзац записи Некрасова — вероятнее всего, конспективно фиксирует биографические сведения из работы биографа Веневитинова А. П. Пятковского. Здесь сообщаются некоторые сведения о талантливой хозяйке московского салона, прозванной в русском обществе «Северной Коринной» (разумеется, Некрасов мог знать об этом и из устных рассказов), и в частности сказано: «Два стихотворения „Элегия“ и „Италия“ <...> несколько изображают личность любимой особы и характер любви к ней Веневитинова. Из первого мы узнаем, что она только вернулась с юга и „принесла в очах цвет южного неба“».¹⁹

Строки из «Элегии» Веневитинова у Некрасова (в отличие от Пятковского) записаны точно, по изданию сочинений поэта 1862 г. В примечаниях к стиху 667 («Цвет южного неба в очах принесла») автор «Княгини Волконской» ссылается именно на это издание (III, 87), имевшееся, кстати, в караихской библиотеке поэта.²⁰ Здесь же мы находим биографические сведения о Веневитинове, конспективно записанные Некрасовым в добавочной заметке на полях. Из «Биографического очерка» о Д. В. Веневитинове, принадлежащего перу того же Пятковского, приводим выдержки, соответствующие записям Некрасова.

«Спасаясь от горестных воспоминаний, он думал развлечь себя петербургскими маскарадами, сам ездил замаскированный к своим знакомым (причем, всегда был узнаваем по необыкновенно массивным ступням)...».

На этой же странице цитируется письмо Веневитинова от декабря 1826 г.: «Я дружусь с моими дипломатическими занятиями. Молю бога, чтобы поскорее был мир с Персией: хочу отправиться туда и на свободе петь с восточными соловьями».²¹

Таким образом, говоря о «месте гибели» Грибоедова, Некрасов имеет в виду место его дипломатической службы, где автор «Горя от ума» погиб в 1829 г.

Цитата из Баратынского приведена в конспективной записи Некрасова тоже без искажений. По-видимому, автор «Русских женщин» обра-

¹⁸ Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 12—13.

¹⁹ Пятковский А. П. О жизни и сочинениях Веневитинова. СПб., 1859, с. 17—18.

²⁰ Литературное наследство, т. 53—54, с. 373.

²¹ Веневитинов Д. В. Полн. собр. соч. СПб., 1862, с. 24.

щался к «Стихотворениям Евгения Баратынского» в двух частях, изданным в 1835 г. в Москве, куда вошло и стихотворение «Княгине З. А. Волконской». Указанное издание было в карабахской библиотеке Некрасова.²²

При публикации в угловых скобках помещены пропущенные (в обоих автографах) слова и недописанные части слов, в квадратных — зачеркнутые варианты.

«1. КОНСПЕКТ «ЗАПИСОК» М. Н. ВОЛКОНСКОЙ»

А в т о г р а ф Ц Г А Л И

(л. 1) Звуки, которыми я убаюкивала твое ребячество.

Дитя ссылки.

В 25 году выш⟨ла⟩ замуж.

Татищев — в⟨оенный⟩ м⟨инистр⟩ пр⟨едседатель⟩ С⟨ледственной⟩ К⟨омиссии⟩.

Стыдитесь кн⟨язь⟩ прапорщики показывают более вас.

Ехала в апреле к теще — приехала в Пет⟨ербург⟩ к статс-даме. Брат не допускал приятельниц, чтобы не было их влияния, но они пер⟨выми⟩ с Трубецкою в Нерчинске. Граф Орлов сам отвозил в крепость. Свидан⟨ие⟩ старались бодрить друг друга. Переменился он с нею платком, в нем несколько слов утеш⟨ения⟩ написанных на уголке платка.

По объявл⟨ении⟩ приговора другая пища, сер⟨ая⟩ одежда.

Под Дашковой взял 2-х детей, есть у Жуков⟨ского⟩.

Прощание было немое, — я думала кончено. — Я не увижу больше отца. Я умерла для семейства. — Теща денег в обрез.

Молилась перед колыбелью.

Я провела вечер, играя с ребенком. Печать — игрушка. Эта красная большая печать нравилась ребенку.

В Москве у м⟨оей⟩ с⟨естры⟩. Зинаида пела хорошо. Зинаида собр⟨ала⟩ итальянцев и из общества хороших талантов. Мысль, что я в после⟨дний⟩ раз слышу эту музыку, делала мне ее еще приятнее. (л. 1 об.). Она просила еще петь — я больше этого не услышу).

Пушкин был на этом вечере — пользовался покровит⟨ельством⟩ ее отца, в Тульчине жил у Раевских в доме (есть в «Архиве» лет 8-мь назад) был на Кавказе, я с от⟨цом⟩ Раевск⟨им⟩, дружба с братьями. 15 лет. — Пут⟨ешествие⟩ на Кавказ. — «Как я завидовал волнам», «светлее дня темнее ночи» (в «Кавк⟨азском⟩ пленнике»). Посла⟨ние⟩ не поспело.

Приехала Орлова — —

От сестры салоп, книги, шерсть.

Два дня в Москве для свид⟨ания⟩ с родств⟨енниками⟩ ссыльных, они приносили письма и проч. — взяла еще кибитку.

Л⟨акей⟩ и г⟨орничная⟩, встреча ссыльных.

Где находила самовар готовым, — брала в кибитку кусок пирога.

В Казани нак⟨ануне⟩ Нового года, из окон гостиницы видела бал. — Контраст: здесь веселье, а я еду в крепость. Детск⟨ие⟩ эти выходк⟨и⟩ были естеств⟨енны⟩: мне только стукнуло 21 год. —

С Казани начались остановки пугали, что Трубец⟨кую⟩ вернут из Иркутска. — Я сказала, что имею разреш⟨ение⟩ Государя.

Сестра Орлова сказала ей: может он стал пьяница, может опустился. — Я отвечала — тем более я нужна ему.

²² Литературное наследство, т. 53—54, с. 367.

Переждать метель, — нет еду — не с так <ими> мет<елями> придется мне бороться; опустить велела рогожу. —

Образовался сугроб меж ею и ямщиком.

(л. 2) Я заставила звонить часы — они пробили полночь. — Новый год. Я повер<нулась> к гор<ничной> пожелать Нового года. Она была неприветлива, я обрат<илась> к ям<щику>, с Новым годом поздрав<ила>.

А мысль вер<нулась> к родным, к молод<ости>, к детству. Ск<оль> радост<ен> был день празд<ника> нам, с<колько> рад<ости>, с<колько> удовольств<ия>. А Сергей? Что он делает? Вся жизнь восстала м<оя> <?>, и я только об нем одн<ом> стала думать.

Лошади не подвигались. Сбились с дороги, попали в зимовье лесни<ка> вошли. Огонь, чай, люди, я ожд<ала> рассвета чт<обы> пр<одолжать> путь.

Т<ак> ех<али> 15 д<ней>. То говор<ила> стихи, то песни. — Ничего не видела — так было холодно и так закрыла кибитку.

(л. 2 об.) «Серебрянка» — костры среди деревни, возков 30—40 — (1 нрзб.) горн перековывать <?> лошадей ст<оял> народ. Надежда узнать что-нибудь от оф<ицера>.

— Я их не знаю, да и знать не хочу, был ответ.

Солдат — я их видел здоровы, живут в Нерч<инске> в Благод<атском> руднике.

Раз лошади понесли с самой высокой горы Алтая, выскочила в глуб<окий> снег без вреда.

Город — река вели<колепная> <?> вошла в церковь отслужить молебен, служил тот поц, который сделался свящ<енником> каземата. —

Фортепяно прислала сестра Зинаида. — Это ее обрадовало (всего там было одно у губернатора в Иркутске). Она принялась играть. Мне казалось, что я больше не одна. — Там же, где Трубец<кая>. Губернатор уговаривал вернуться.

Наша поездка бросила слишком добрый свет на ссыльных — переписка, нельзя пр<екратить> <?> память об них.

Осмотр вещей, чиновник<ов> прислали.

Записать пришлось немного белья 3 платья, семейные портреты — открыли ящики. «Бумагу», копию для памяти.

Человек: зачем подписа<ли> не чита<я> что? Вы не знаете.

— Все равно поедем.

(л. 3) Содерж<ание> бумаги:

Дети — в каз<енные> завод<ские> крепост<ные> крестьяне. Не брать ценных вещей — и по правилам и для безопасности. Отъезд<ом> в Нерч<инский> кр<ай> уничтож<ается> право на людей. Под<орожная> на имя казака, но воз<ок> от губ<ернатора>. — Приехала Муравьева.

И для слез и для смеху были нас окружав<шие> какие-то карикатуры — те же чиновники пришли.

При перее<зде> через Байкал слеза мерзла в глазу, в Верхнеуд<инске> у пол<ковника> Муравьева.

Жена, сын, ночевали.

Перекладная. Мысль ехать так ее забавляла, но грудь заболел<а>. Остановливалась ям<щика> чтоб перевести дух. Так 600 верст. Голод — не предупредили. Ст<анции> держат буряты. Говядина сырая, вяленая на солнце, кирпич<ный> чай с солью.

В Банкине пир у бог<атого> купца: встретили как царицу. Падала от сна, заснула на диване.

На другой день приех<ала> в Нерч<инский> завод.

Догнала Трубецкую.

Стихотворный набросок на полях:

Все бледны понуры, суровы
 Стояли кругом; на недвижных ногах
 Не издали звука оковы
 И в воздухе поднятый молот застыл
 Все тихо — ни[за] песни, ни речи.
 Как будто бы каждый здесь с на<ми> делил
 И горе и счастье встречи.

Стих, приписанный чернилами:

Как горе и радость одна не живет.

л. 3 об.) Это была радость делиться мыслями. — Тут узнала, что муж в 12 вер<стах>. Труб<ецкая> подписала 2 бум<агу> поехала туда п е р в а я предупредить Сергея об ее приезде.

Видеть мужа только 2 раза в неделю в присут<ствии> офиц<ера>, не носить вина, не вых<одить> из деревни без разрешения.

И это по<сле> <?> того, что бросила родных, ребенка, родину, проехала 600<0> верст, подписала отречение от всего и даже от покровительства законов и после этого только 2 раза в неделю видеть мужа!

У них от<ныне> <?> не наслад<аться> семейною жизнью, что позволено простым <каторжным>. Видела я как они по окончании работ шли в семейства — их только после повтор<ения> преступлений заковывали а наши с 1-го дня закованы!

В саях Бур<нашова> в Благодатский рудник.

(л. 4) Отвор<илась> тюрьма.

Конура 3 ар<шина> длины, 2 ширины, низк<ая>, на троих, еще Труб<ецкой> и Оболенский.

С Бур<нашовым> она входит — темь, открыв дверцу налево — вошла к мужу. Сергей бросился ко мне; шум цепей поразил. Я не знала, что он в цепях. Это дало мне понять, что он выстрадал. Вид железа воспламен<ил> душу, тронул меня до того, что я бросилась перед ним на колени, поцеловала эти цепи прежде, а уж потом его самого.

Бур<нашов> не мог войти за нею, просто остолб<енел> при виде уважения, которое я показала мужу. Он небрежно <?> ему говорил «ты» и обр<ащался> как с каторж<ным>.

Убеждение. Заслужи<вает> уважения соотечеств<енников>. Кто кладет голову за убежден<ия> — тот любит свое отечество, хотя может быть и преждевременно затеял свое дело. Старалась я быть бодрой. Я воз<вышала> голос (дядя). —

Пошла в кр<естьянскую> избу — для Кат<аши> и ее, изба тесная, головой у стены, ноги упир<аются> в дверь, печь дымила, нельзя топить при ветре, стекло не было в окнах.¹

(л. 4 об.) Каждый день работа с 5 до 11, урок в 3-х пудах руды для каждого. Доб<рый> свой народ. Рискую быть оскорблена, зарезан<а> в рудниках, и что начальство даже не сумеет оградить; я была среди этих призн<анных> последним классом людей; они окружали нас уваже<нием> боготв<орили> Катю и меня; ссыльных называли «князьки» наши, господа наши; работали за них уроки, приносили для них печ<еный> картофель ими тут же вы<копанный> из золы. Кончив свой курс раб<от> эти лю<ди> пред<анные> и луч<шие> нравст<венно> начинали работать

¹ Часть текста предпоследнего абзаца (от слов «за убеждения») и последний абзац записаны на полях.

для себя и выходили из них н(е)хуждые отцы и даже честные торговцы. Кто-то из галер(ников) Франции и понтонов Англии сто́ит этих?

На друг(ой) день пошла гулять по деревне, расспр(ашивая) где работает муж. Мне показали дверцу, ведущ(ую) как бы под землю, сторож стоит с саблей наголо — «вот тут», можно ли посм(отреть) как работают? — Сторож подал свечку, род факела. Я опустила с друг(ой) стороны в этот тем(ный) лабиринт. Дов(ольно) тепло. Воздух спертый. — Я шла.

Скоро услышала за собой голос остановиться. Я потушила факел и побежала вдоль тем(ного) коридора. Вдали увид(ела) светлые точки, там были они. Они опустили мне лестницу. Я вскарабкалась. Все работало на небольш(ом) возвыш(ении). Я увид(ела). Извест(ия) письма передала. Муж тут не был. Видела Д(авыдова), Бор(исовых), Мур(авьева-Апостола). Это были 8 первых попавших в Нерч(инские) рудн(ики). Офицер злился внизу, звал и сердился. Наконец я спустилась — из шахты. — Муравьев назвал эту сцен(у) «спуск в ад» — *descente aux enfers*.

(л. 10) Прибыти(е) их было полезн(о). Заведова(ли) переписк(ой). Денег не было. Только 700 рублей, осталь(ные) у губернатора. Сели на диету — суп и каша, отказались от ужина, Катя, избалованная у отца, приучил(а) себя к хле(бу) с квасом. За таким ужином застал ее т(юремный) ст(орож) и передал мужу. Посылали обед мужьям. Латали (?) белье, Катя привезла кухонные книги (из Парижа), готовила соусы. Не стали принимать обеды, узнав полож(ение). Тогда солдаты взяли на себя их прикармливать. Это было кстати. Горничные стали скверны, не помогали, сошлись с офицерами. Не понравилось начальству. Потребовали их отсылки. С грустью мы увидали их отъезд в Россию. Все сосла(нные) стояли у окон и следил(и) за экипажем. Каждый гов(орил) себе: «Этот путь закрыт для меня». Остались без горничн(ых). Я мела, уб(ирала) ком(нату), чесала волосы Кате, и, уверяю тебя, что все хозяйство у нас шло.

Когда началась [морозы] оттепель, я заметила, что каторж(ные) несемей(ные) и живущ(ие) в казар(ме) сидят на пороге (л. 10 об.) и смотрят вдаль. Я спросила — почему? — Приход(ит) весна, им являет(ся) желание бежать, они рад(ы) теплу, ибо не имеют пуб и солнце (2 нрзб.) побег. Некоторые уходили в Россию, их не выд(авали) там.

Прогулки по дерев(енскому) кладбищу. Мы спр(ашивали) др(уг) у друга — тут ли мы останемся? Перестали ходить в эту сторону от этих (?) мыслей. В хорошее время делали до 15 верст пешк(ом). Садилась на камень проти(в) окна нашей тюрьмы. Возвысив сильно голос, велела перегов(оры) с мужем. Ее шокиров(ало) что другие каторж(ные) выходили в лес за дровами почти голы(ми) без ру(башек) или в одних штанах. Купила холст, велела надеть белье. Деньги у начальника. Ходили в Большой завод, отдавали отчет в расходах. Ездил в телеге, возница (?). Одевалась в полевой наряд.

Мы старались наблюдать за собой из убеждения, что не должно опускаться — в далеком краю, где благ(одаря) на(ряд)у нас узнавали изд(али), подходили к нам с уважением, несмотря. Я возвращал(ась) из завода, сидя на мешке черной муки, или ехала (1 нрзб.) верхом (на) казацкой лошади. Купила муку и приехала для отчета к Бурнаш(ову). Он читал их со вним(анием).² (л. 9).

² Последний абзац записан на полях.

На этот раз рассердился. — Вы не имеете право раздавать рубашки. 5—10 к<ошечек> а не одевать за правит<ельство>. Прикажите их сами одеть. Я не видел<а> голых л<юдей>. — Ну, не сердитесь. Вы откров<енны>. Я люблю в Вас это. Пора.

— Вы верхом?

Он за мной. Он нигде не видел женского седла, выразил удивление. Гуляла верхом, ступала на (1 нрзб.) землю, — 12 в<ерст> мена продук<тов> — ход<или> благодатские жители.

2 р<аза> в нед<елю> свид<ание> с мужем.

Рик усугубил полож<ение> (велел в камеры не давать свеч), в потемках с 3 до 7 утра оставались все, зады<хались>. Решили не принимать пищу, что напугать, возвр<ащали> обед, ужин. День, два. Рик передал госуд<арю> рапорт. — Взбунтовались, хотя ум<орить> себя голодом.

Явился Бурнашов, со свитой, — что это значит? — суд будет над секретными. И вижу — подходит Серг<ей> Труб<ецкой> под конвоем. Кате показалось, что у Сер<гея> завязаны руки сзади (неправда, привычка) (л. 9 об.), подбежала к солдату — обрадовала — ничего! Но. . .³ Я спр<осила> солдата — палки? — нет. Муж подходит ближе.

Я стала на колени в снегу и умоляла ради меня <?> не выходить из тер<пения>.

Он отвечал, что покоен <?>.

Бур<нашов> ска<зал> — кнутом.

Потом позволил объясниться.

Запирал в клетку без огня, не позволял есть вместе, не подавал свечи, им темно и душно.⁴

Затем муж воз<вратился> и, проходя мимо меня, сказал — Все вздор! Привели других.

Когда все уехали, мы пошли к Бур<нашову>. Я спр<осила>. Он отвечал — нет ничего, мой офицер сделал из мухи слона.

Разд<еляя> стр<ах> Ри<ка>.

Рика сместили. Резан<ов> на место. Сам прих<одил> играть в шахматы, водил на прогулки, по нес<колько> час<ов>. Ходил с Борисовы<ми>, собирал растения, сделал коллекцию бабочек и насекомых.

Кроме — другая тюрьма бежав<шие> по нес<колько> раз, у болота, канд<алы> тяжелей, урок сильней. Орлов - разб<ойник> между ними. (л. 22). Нападал на купцов и чинов<ников>, даже высек нек<оторых>. Имел голос, составил хор из товар<ищей>, при заходе солнца. — Как они пели с верностью и выражением. Была до крайности грустная песня:

Воля, воля дорогая

Это одно развлеч<ение>. Всегда в те<мноте> свеч им не выдавали. Я садилась около их темн<ицы> гру<стной> <?> и доставляла им удовольствие, слушала их пение.

Орлов бежал. Не нашли. Гуляла около тюрьмы. Каторж<ный>, которого я знаю. Он был гусар.⁵ Он бежал за мной и гов<орил> — княгиня, Ор<лов> п<ослал> м<еня> к вам, он жи<вет>-де в скале. Шубу. Вернулась домой, взяла 10 руб. — Не иди за мной, заметь место. Я наклонюсь.⁶

³ Это слово недописано.

⁴ Этот абзац приписан на полях лицевой стороны листа против строк, близких ему по содержанию.

⁵ Последние две фразы, за исключением слова «Каторж», приписаны на полях слева.

⁶ Два последних предложения приписаны на полях слева.

Он деньги нашел

Через 2 нед(ели) б(ыла) одна в св(оей) ком(нате). Катя не было (она была в т(юрьме)). Я пела. Было темно. Вдруг кто-то (л. 22 об.) входит, падает на колени, высокий, два ножа за поя(сом). — Я умираю с голоду, дайте что-нибудь, бог вам вер(нет), в(аше) с(иятельство). — Уходи скорее (5 руб.).

Катя испугалась, да и было отче(го). Я легла тогда поздно. Страх. «Вы хотите возмутить каторжных». Ночью слыш(им) выст(релы). Побежали в тюр(ьму). Там все спокойно. В деревне схватили кого-то на горе — все схвачены, кроме Орлова. Сбежал через трубу (он напился с др(угими) беглыми). Расправа: секут — допытаться, кто дал день(ги).

Никто меня не назвал. Для гусар(а) допустим(ее), чтоб его обвинили в воровстве, чем выдать меня. Он рассказал мне это потом.

Сколько благо(дарности) и пред(анности) (л. 23) у этих людей, которых мы описыва(ем) чудовищами. Настал вел(икий) пост. Просили попа. Церкви не было в Благо(датском). Поехали в Большой завод, говели 4 дня. Грустно праздно(вали), одн(о) развлечение — сидеть недале(ко) от тюр(ьмы). Играла с дер(евенскими) детьми, расск(азывала) свящ(енную) историю. Слушали с интере(сом) (?). Однажды откр(ывается) дверь, входит чинов(ник) пьяный. — Христос воскре(с). Целоваться.

Я загород(илась) стулом и пошла с ним к двери. Человек ⁷ вошел, Катя разговаривала с чин(овником), почтмей(стер). Послал Ефим завтр(акать) у его начальника.

На след(ующий) день Катя поехала в Б(ольшой) завод. У купца-шпиона остановилась, много народу, хозяйка пригласила. Нельзя отказаться (сибир(яки) хлебос(ольны)) Катя села — сосед тот же чин(овник). — Мы старые знак(омы), не так ли? — Нисколько, ведь я б(ыл) у вас несколь(ко) (л. 23 об.) пьян, и вас позабыл.

Она переменяла разговор. Запрещено видеться и даже останавливаться. Ее личные письма под(авались) открытыми сн(ачала) к коменд(анту), к губер(натору) в Иркутск, потом в III Отд(еление) — шли шесть месяцев.

Клопы.

Ночи на чердаке.

Возвращаясь из тюрьмы, вытряхи(вала) свою одежду. Наказ(ание) вроде пы(тки) (?), в Персии. Известия от Мур(авьевой) из Читы, увед(омляла) о Лепарском. Все в Читу. Радость. Все будем вместе. Укладывала. Пришел Бур(нашов) со свитой. — Готовы к отъезду? — Да, с удив(лением). — Не торопитесь. Не скоро. Дороги — ссыльные взбунт(овались) грабят на дороге.

Правда. Но он себе вообразил, что пр(исоединятся) к ним.

2 телеги выехали — 2 раз по душе, кр(асивые) леса, всю(ду) цветы, устр(оилась) у Гогула купца остан(авливались) — В Чите остановились у Мур(авьевой). Нар(ышкина), Енталь(цева). На чердаке большое окно. Алекса(ндрина) показала ссыльных. Трубки, лопаты, книги, они казались спокой(ными) чисто одеты. Были очень молодые люди 18—19 лет. Фр(олов), Беляевы. На раб(оты) выходили, но руд(ников) не было.

Чистили хлева, кон(юшни). Летом мели улицы. Муж через 2 дня с необ(ходимой) свитой. Ручные мельн(ицы) (У Розена) вроде монастырских.

Так 15 лет — прожила молодости — в заключ(ении), вместо их ссылки и работ, а не закл(ючения).⁸ (л. 21). Поселились с Мур(авьевой). Я, Катя,

⁷ На полях слева помечено: Ефим.

⁸ Последний абзац записан на полях.

Ент<альцева> (44 года) в доме дьякона. Она ⁹ все прочитала. Раз<говор> был очень прият<ен> пред<ана> мужу.

Катя прив<ыкла> ко всему, после роскоши, ходила по мр<аморным> доскам Нерона из Рима. Любила свет<ские> разго<воры>, ум т<он>ки<й>, нрав прият<ный> и пр.

Мур<авьеву> любили более всех. Сердечное благородст<во>, в действиях энтузиазм, любовь к мужу, чтоб все ему поклонялись.

Н<икита> М<уравьев> был ум<ен>, уч<ен>, но неск<олько> далек от жизни <?> — мы не любили, не соглаш<ались>.

Нар<ышкина> — мал<енькая> пол<ная> <?>, добр<ая>, уважаемая жена, надо было привыкнуть, манеры горяч<ие> — не все любили <?>.

Фон-Виз<ина> — лицо русское, белое, свежее, гол<убые> глаза, (1 нрзб) т<олстенная>, м<аленькая>, болезн<енная>. Бессонница, — видения, кричала по ночам. Все это прошло в ссылке. Мания говорить в лицо <?>, смотреть на вас, пред<сказывать> будущность. Возвратившись в Россию, потер<яла> мужа, вышла замуж в возраст<е> 53 лет за Пущина — кр<естного> своего от<ца>.

Аннен<кова> — м-мль Поль, красав<ица>, умная, веселая, всегда умела смеяться. Поднимала каждого на смех.

Ком<ендант> ск<азал> ей, что получил приказ от гос<ударя> — согласен. Анн<енкову> в церк<ви> в минуты веч<анья> с<няли> кандалы (по н<овому> <?> закону). (л. 21 об.). Дамы провожали. Поль не понимала. Смеялась с шафера<ми> Св<истуновым> и А. Мур<авьевым>. Под этой беспечностью скрывалось чувство любви к Ан<ненкову>. Она пожертво<вала> и родин<ой> и свобод<ой>. Под<ала> просьбу. Он не препятствовал. В коляске. — Вы замужем? — Государь, я мечтаю разделить его судьбу.¹⁰

(л. 7) Она ничего не получала сначала — родные были за границей. Другие получали вино для больных и проч. — Дозволи<ли> сходитья в домах, подъехали <?> припасы, все разделила между товар<ищами> мужа. Трудно было передавать вино. Сергей приходил к ней, всовывал по бутылке в карман и носил товар<ищам>. В Чите стало сноснее. Дамы гуляли. Мужч<ины> все сошлись, книги, общ<ее> <?> делили. Было тесно, 1 арш<ин> — расстояние между кроватями. Шум цепей, разговоры, пение, тюрьма, окна как в конюшне под са<мым> потолком. Летом оставались на воздухе. Уголок огорода. Но зимой было невыносимо. Их было 73. Свидание 2 раза в неделю.

Мы приходили к высокому частоколу, толстые бревна были неплотны, в щели можно было друг друга видеть. 1-е время делала это со стрх<ом> и риском, боясь коменданта или его адъютантов, которые вертелись у тюрьмы. Мы подкупали часовых и те не уведомляли. (л. 7 об.) Однажды од<ин> солдат кричал на нас и ударил кулаком Катю. Я побежала к См<ольянинову> — начал<нику> ч<итинских> <?> с<сылных>, <?> он поцу<гал> солдата, угрожал наказ<анием>. Я написала резкое письмо коменданту. Он надулся, но с этой минуты мы могли уже оставаться около острога сколько хотели. Катя отправл<ялась> (1 нрзб.), садилась на складной стул и вокруг нее собирались послушать страждущие, ожидали очереди поговорить с ней и др.

⁹ Слово она в автографе связано звездочкой (*) со словом Ент<альцева>.

¹⁰ На полях незаполненной части листа запись: Горбачевский В «Будущности» Оболенского записки. Герцена издания о декабристах. Записки Фон-Виз<ина>, Бестужева, Якушкина, «Сподвижники Александра» Михайловского-Данилевского.

Приехал фельдъегерь взять одного и увезти для новых допросов в Петербург. — Кого? Каждая боялась за св<оего> мужа. Она начала ходить около дома ком<енданта>, встретила курьера — он был ей знаком. — Кого? — Не знаю его имя. Прид<ите> в (л. 8) церковь и покаж<ите>. Встала утром, пошла в церковь, просила бога, чтоб не отнял мужа. Слышу шпоры, курьер стал сзади меня и, кладя земной поклон, шепчет: «Корниловича». Я поблагод<арила> бога, осталась до конца обедни, несмотря на желание успокоить мужа скорее, шпионы стояли [ждали] сзади. Я побежала в тюрьму сообщить новость. Это было зимой. Стоял 40-гр<адусный> мороз. Холод (1 нрзб.) Не в<ерили> фельдъегерю <?> — Он ехал ночью. Мы решили не спать, поделили между собой улицы. Я выбр<ала> комендантскую, ближе к мужу. — Я на минуту забежала к Мур<авьевой> выпить чашку чаю. Она была в центре — всю ночь у нее самовар. Полночь, час, два, ничего нового, наконец Катя (л. 8 об.) говорит, что есть движение в почтовом доме. Бегу в тюрьму к мужу, там Корнилович, его взяли.

Встретилась с Муравьевой. Ночь была чудесная, видим — едет шагом кибитка, колокольчики подвязаны, не шумят, офицеры шли сзади. Мы высыпали, когда поравнялись и закричали: «Добрый путь, Корнилович». Это поразило начальство, что мы все знали, даже кто едет. Комендант поразил<ся> и долго думал над этим.

Корнилов<ич> не вернулся. Умер в креп<ости> Финлян<дии>. Это был человек твердый и конечно же после того как он выдержал прав<ственную> и физ<ическую> пытку — (1 нрзб.)

Автограф в музее «Карабиха»

(л. 1) Привезли 2 поляков. Рукевич смешил выходками — он против дома Муравьев<ой> помещен¹ — он стал против частокола и пел романс —

Когда в тюрьме сидит
Юноша прекрасный —

Не спросила в чем дело. Кончен иным срок — на поселе<ние>. Лихарев, гр<аф> Чернышев, бр<ат> Мур<авьевой>, Ентальцев, Лисовск<ий>, Кривцов и др. — рассталась она с Ент<альцевой> — в Березов, м<аленький> гор<од> на севере самой Тоб<ольской> губ<ернии> Прощание<е> Муравьевой и гр<афа> <?> с брат<ом> были раздирательны. Через 2 год<а> Черны<шева> пересла<ли> солда<том> на Кавказ.

Они их снаряжал<и> в путь — все отдавали. Прощание с дамами с позвол<ения> коменд<анта>.

1829 <год>. Великое известие снять кандалы. Она привыкла. Слушала их с удовольстви<ем>, ибо они предупре<ждали> ее о припл<ижении> Сергея.

(л. 1 об.) Сначала надеялась, что ссылка конч<ится> через 5 лет, потом через 10, потом через 15, но после 25 перестала надеять<ся>. Дети.

В Чите получила известие о смерти Коли. Пушкин, уведомляя ее, — п<исал>²: В сияньи, в радостн<ом> покое Благосл<овляет> мать и молит за отца. Я так была мало к этому готов<а>. Она заболел<а>. Д<октор> Воль<ф> навещал ее с поз<воления> коменд<анта>. Слух о новой тюрьме строил коменд<ант> без окон. Это испугало.³

¹ Слева на полях помета: Есть о нем у Басаргина.

² Эпитафия приписана слева на полях.

³ Перед следующим абзацем на полях слева приписано: За год до отъезда.

Еще встре<ча>. Цепь каторж<ных> прошла через Читу. Сухинин и др. Все простр<анство> прошли пешком, с убийц<ами> и ворами.

Муж послал ее навстречу, нести что-нибудь <?> успо (л. 2) коить Сухинина, он был экз<альтирован> св<оим> положением, совет держ<аться> с терп<ением>.

Они ост<ановились> в 3-х верстах — Вол<конская>, Ентальцева и К<аташа> рано на рассвете <?> вышли. Мороз. Сделали круг обойти солд<ат>, было еще темно, подошли к частоколу.

Соловьев ее успокоил — тем не менее она имела предч<увствие> О Сухинине. 200 — он отдалился.

Бежали на кит<айскую> границу. Китайцы выдают — их перел<овили> казаки на границе — бросили в тюрьму. Курьер к Госуд<арю> — пр<иказ> в 24 ч. осудить и гл<авных> расстрелять. Коменд<ант> уехал и выполнил.

Сухи<нин> узнал накануне, он повесился на бревнах потол<ка>, на ремне от своих кандалов. 20 остальных, казнь совершилась. Дали пр<иказ> стрелять, ружья были старые, не умели целиться — поп<адали> то в руку, то в ногу — пр<иказ> стрелять в упор, а когда и это<го> мало — добывать прикла-(л. 2 об.)дами.

Коменд<ант> долго молился на коленях, как бы прося у Б<ога> пр<ощения>. Узнали от Моз<галевского> и Соловьев<а> — их привез<ли> к ним. Коменд<ант> вернул<ся> мрачный. — Побег, пожары, тороп<ился> око<нчить> Пет<ровскую> тюрьму.

Мур<авьева> богаче других, от свекр<ови> деньги [утаив] через лакея и др<угие> средст<ва> — выстроила дом близ тюрьмы — им помогала <?> (У них нехвата<ло>) прогулка: Нар<ышкина>, Ент<альцева> отпра<вились> гулять за деревн<ю>, прошли д<алеко>, не замечая.

Петровская т<юрьма> кончена, по 30 верст в день. Мур<авьева> и 2 д<ругие> дамы уехали вперед. Она, Н<арышкина>, Ф<онвизина>, могли видеть<ся> с партией. Партия ост<ановилась> в 6 в<ерстах> от г. Удинска, Розен тут присоеди<нилась> — хорошая, методич<ная>. 1 год — уехала на пос<еление> в Т<обольскую> Г<убернию> Юшн<евская> приехала нежданно, 44 года, волосы белые, веселость юная. Путь далее. На пос<ледней> ст<анции> ком<мендант> пер<ед> Петр<овском> передал письма из Р<оссии> и газеты. Известие об Июльск<ой> Рев<олюции>. Порад<овались>.

А в т о г р а ф Ц Г А Л И

(продолжение)

(л. 5) Они пораж<ены> видом Пет<ровской> тюрьмы в форме подковы (с крепкой) крышей). Вид мра<чный> ни одного окна в наруж<ную> сторону. Писали Бенк<ендорфу> просьбу сидеть с мужем. Дозволено — Мур<авьева> пост<роила> д<ом> в Петр<овске>. Другие в казематах мужей. Мур<авьева> посел<илась> в д<оме>.

Она купила тут дом для горн<ичной> и чел<овека>, приходила туда одеваться, брать ванну. Ост<альное> время за замком в тюрьме.

Через год — женатым жить вне тюрьмы. Отсут<ствие> окон, ц<елый> д<ень> при свечах. Устр<оила> номер. Она обила стены шелк<ом> материи — из ст<арых> зан<авесей> из Ро<ссии>. Форт<епьяно>, библиот<ека>, два дивана — од<ним> сл<овом> роскошно. Нап<исали> Бенк<ендорфу> — окна. — Дозволили. Ком<мендант> трусил, пробил под потолком. Они

уже жили в своем доме. Устроили подмостки к окнам и садились за (1 нрзб.).

Приехала Камилла Ле Дантю. Невеста к Ивашову. (л. 5 об.) чудесная. Ив(ашов) был счастлив. Свадьба. Не так противно. Без кандалов. Жених [приехал] вышел одет с шаф(ерами). Хотя под воор(уженным) конвоем. Она была пос(аженая) мать. Дам(ы) в церкви. Чай у них, обед. Слов(ом), нач(али) жить и воз(вращаться) к об(ычному) св(оему) облику. На кухне сам(а) не работала, люди, но солдаты, солдаты были повсюду. За каж(дым) шел (?) солдат, чтоб не за(бывал) о за(ключении).

В 32 г. М(иша). Она са(ма) корм(илица) нян(ьк(а) и немног(о) воспит(ательница) и когда че(рез) год с(естра) Нелли — счастье было завер(шенно) — более ни о чем (?) как о детях — почти не ходила к подр(угам). Это была любовь сумасшедшая. Если и вы оба. . . 6-ть ме(ся)цев пос(ле) (1 нрзб.) М(уравьева) заболела. Вольф сделал все, но б(ог) с(удил) иначе. Пос(ледние) минуты удивит(ельные). Продиктовала письма к родным. Не хотела разбудить с(воего) ребенка Нон (л. 6) нуш(ку) 4 лет в то вр(емя) (?) велела принести ее куклу и поцеловала за реб(енка). Исполнив роль (?) обя(зательную) (?) занялась мужем, успокоила стр(ах) (?) перед см(ертью). Силы. Умерла как солдат на своем посту. См(ерть) ее повер(гла) в уныние, горест(ь), каждая из н(ас) говор(ила) о себе: что же будет с детьми нашими после нас?

В те дол(гие) годы боль(шие) перемены в судьбе. У несколь(ких) вышел срок, из дам поехали Фон-Визина, Нар(ышкина), Роз(ен), Ива(шова) — умерла на поселении. Муж вскоре. Мать пр(иехала) к н(им), увезла в Р(оссию) сирот.

Вне г(осударственных) р(абот) время проводили: (?) Бест(ужев) портреты, механик — часы, кольца. У каждого к(ольцо) из оков. Т(орсон) — м(одели) мельниц мол(отильных) машин. Ст(олярные) раб(оты). Столи(ки), ящи(чки) для чая. Одоев(ский) — поэзией. (л. 6 об.) Сол(датом) пер(еведен) на Кав(каз). Убит в бою (?) с гор(цами). Тюрьма пуста от заключенных. Их разос(лали) по Сибири. Жизнь без се(мей), без друз(ей), без общества еще тяжелее чем тюрьма. Наста(ла) наша очередь. В(ольф), Н(икита) М(уравьев), и мы поехали следом. Сергей попросил — вместе с Вольфом. Уход его за детьми (1 нрзб.) Я хот(ела) быть где Вольф. Около Иркутс(ка) в д(еревне) Урик — гр(язная) (?) деревня, климат умерен(ный) для Сибири. Мне все равно — врач.

Лунин там же — за 8 вер(ст) к Поджио. (Из Шлисс(ельбургской) крепости за год) — рад — 8 лет в т(юрьме)—одинок(е). Никого кроме привратника и изр(едка) коменданта не видел, не выхо(дил) на воздух. Спраш(ивал) у кар(аульного) — какой день? — Не знаю, воз(ражал) (?) Поль(ское) восстание, Июль(ская) револ(юция), В(осточная) в(ойна) с Т(урцией). Хол(ера). Стр(аж) умер у двери его камеры. Он не знал.

Одн(ажды) блеск луны на стене тюрьмы. Когда залез под (?) до окна, просунул гол(ову) на свеж(ий) воз(дух).

2.) СЕВЕРНАЯ КОРИННА

А в т о г р а ф ф Г Б Л

Вен(евитинов) был влюблен в З(инаиду) В(олконскую). Когда она только что вернулась из Италии, он ей написал 2 ст(иха):

На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла

Есть у Баратынского к ней же: до поездки в Италию:

Из царства виста и зимы
Где под управой их двоякой
И атмосферу и умы
Сжимает холод одинакой

Приписано слева на полях:

Массивные ступни — узнавали по ним в маскараде. Год когда умер Веневитинов (27) думал поехать в Персию на то самое место, где погиб Грибоедов — умер.

Н. Н. Мостовская

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО М. К. ЦЕБРИКОВОЙ О НЕКРАСОВЕ

Мария Константиновна Цебрикова (1835—1917) — одна из первых женщин-критиков, писательница, общественная деятельница, сотрудница «Отечественных записок», «Дела», «Слова» и других журналов демократического направления. Начало ее литературной известности как автора остро публицистических статей связано с «Отечественными записками» Некрасова. По свидетельству самой М. К. Цебриковой, «первый замеченный» ее труд была статья «Наши бабушки (о женских типах в «Войне и мире» Толстого)», которую начинающая писательница — «с трепетом, примут ли» — понесла в 1868 г. в «Отечественные записки».¹

В журнале Некрасова в 70-е годы вышли в свет наиболее значительные ее работы, посвященные анализу творчества Л. Толстого, Шпильгагена, Писемского, Гончарова, Жорж Санд, Шелли и др., в которых утверждались принципы революционно-демократической эстетики, защищались традиции Белинского, Чернышевского, провозглашалась общественно-преобразующая роль искусства. В статье «Герои молодой Германии» о романах Шпильгагена «Один в поле не воин», «Молот и наковальня», опубликованной в «Отечественных записках» (1870, № 6—8), М. К. Цебрикова открыто писала о гражданской миссии писателя-борца: «Наше время — время борьбы; оно говорит: кто не за меня, тот против меня; оно требует от писателя служения жизни».²

Почти во всех своих литературно-критических работах М. К. Цебрикова обращалась к решению важнейших в общественной жизни России публицистических задач. Романы Л. Толстого, Гончарова, Шпильгагена служили для нее поводом, чтобы «высказать свое представление о „новом герое“, его борьбе, его взглядах, его нравственных и этических принципах».³ В статьях, посвященных «Войне и миру» Толстого (Отечественные записки, 1868, № 6), «Обрыву» Гончарова (1870, № 5), повести Писемского «Люди сороковых годов» (1870, № 2), так же как и в специальных педагогических этюдах критика, обсуждался актуальный в 60—70-е годы «женский вопрос».⁴

¹ См. автобиографию М. К. Цебриковой, написанную в 1913 г. для С. А. Венгерова: Русская литература, 1971, № 1, с. 109 (публикация А. П. Могилянского).

² Отечественные записки, 1870, № 6, отд. II, с. 200.

³ Кулиш Ж. В. Традиции Чернышевского в литературно-критических выступлениях М. К. Цебриковой. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, вып. 6. Саратов, 1971, с. 155. См. также: Теплинский М. В. «Отечественные записки». 1868—1884. Южно-Сахалинск, 1966, с. 214—227, 279—285.

⁴ См.: Воспоминания М. К. Цебриковой. «Двадцатипятилетие женского вопроса. 1861—1886». — Звезда, 1935, № 6, с. 190—208 (публикация В. А. Мануйлова). В письме к А. Н. Пешковой-Толиверовой от 20 декабря 1900 г. М. К. Цебрикова раскрывала свое понимание женского вопроса: «Мало давать свод того, что дела-

М. К. Цебрикова выступала в журнале Некрасова и в качестве переводчицы, знатока немецкой, английской, французской литературы. Подготовленные ею в 70-е годы переводы книг английских прогрессивных писателей Э.-К.-Г. Мюррея («Депутат города Парижа. Повесть из времен Второй империи»), Д. Мак-Карти («Потомок Тайронов»), Д. Мередита («Карьера Бьючемпа»), более поздний перевод с французского I тома «Истории XIX в.» Ж. Мишле (1883) и др. также свидетельствовали о ее демократических убеждениях и вкусах.⁵ Интерес переводчицы к социальным и тенденциозным⁶ произведениям отчетливо прослеживается в ее письмах к Некрасову 70-х годов. Обращаясь к переводной литературе, она выбирала произведения, наиболее близкие общественно-литературному направлению «Отечественных записок». В одном из писем к Некрасову писательница рекомендовала перевод романа Диккенса «Тяжелые времена» вместо романа «Жизнь и приключения английского джентльмена, мистера Николая Никльби», в котором, по ее мнению, «не затронуто никакого интересующего в наше время социального вопроса».⁷ По поводу романа «Мишурный век», написанного М. Твенем в соавторстве с Ч.-Д. Уорнером, М. К. Цебрикова писала: «О рабочем вопросе и социальном, увы, ни слова».⁸

Публицистичность литературного дарования М. К. Цебриковой наиболее ярко проявилась в ее известном «Письме к императору Александру III». Сама писательница расценивала открытое обращение к верховной власти России как итог своей общественной и литературной деятельности. Вместе с тем М. К. Цебрикова отнюдь не преувеличивала своей роли в общественном движении, называя себя «рабочей единицей в сотне миллионов», глубоко сознающей возложенный на нее долг и нравственное право «вывести наружу всю гнилость государственного порядка», пробудить сознание интеллигенции, прервать рабье молчание.⁹

Современники неоднократно отмечали независимость, прямоту и свободомыслие публицистки.¹⁰ За ее деятельностью постоянно следило III отделение. Об этом свидетельствует как цензурная история многих ее литературно-критических статей, в частности напечатанных в «Отечественных записках», так и нелегкая биография писательницы.¹¹

Исходя из интересов движения, надо выяснять значение самого женского вопроса в общем прогрессе» (ИРЛИ, ф. 227, № 79).

⁵ В предисловии от переводчицы к роману Э.-К.-Г. Мюррея М. К. Цебрикова отмечала намерение автора «изобличить продажных деятелей империи». По поводу одного из героев, Эмиля, она писала: «Отдаст всего себя на служение своей идее и видит в ней не средство для достижения своих личных целей, но религию жизни» (Отечественные записки, 1872, № 6, с. 311—312). Роман Д. Мак-Карти «Прекрасная саксонка» («Fair Sakson») первоначально был озаглавлен переводчицей «За свободу» и лишь позднее название было изменено на более нейтральное — «Потомок Тайронов» (Отечественные записки, 1874, № 1—4).

⁶ В понимании М. К. Цебриковой «тенденциозность доказывает чуткость писателей к требованиям общества» (Слово, 1881, № 2, отд. II, с. 4).

⁷ Литературное наследство, т. 51—52, кн. 2. М., 1949, с. 546.

⁸ Там же, с. 545—546.

⁹ См.: Цебрикова М. К. Письмо к Александру III. СПб., 1906, с. 31.

¹⁰ Отзыв А. Н. Плещеева, С. Смирной (Сазоновой), Ф. Толстого о М. К. Цебриковой см. в кн.: Теплинский М. В. «Отечественные записки». 1868—1884, с. 216, 226. Э. Л. Войнич писала о М. К. Цебриковой как об «одной из наиболее героических личностей» (см.: Таратута Е. Э. Л. Войнич. М., 1960, с. 254). Выказывания Г. З. Елисеева о «вольном духе» публицистки цитируются в ее автобиографии (Русская литература, 1971, № 1, с. 109) и в ее воспоминаниях «Из былого» (см. Письмо к Александру III, с. 36).

¹¹ См. письмо М. К. Цебриковой к М. М. Стасюлевичу от ноября 1874 г.: Стасюлевич и его современники, т. V. СПб., 1913, с. 157—158. См. также: Ильин В. В. М. К. Цебрикова на Смоленщине (по архивным материалам). — Русская литература, 1978, № 4, с. 140—144.

Знакомство М. К. Цебриковой с Некрасовым состоялось в середине 1868 г. Сведения о дальнейших творческих отношениях редактора и сотрудницы журнала весьма скудны. Из ее немногочисленных писем к Некрасову 1873—1874 гг. известно, что редактор самого передового органа печати в России вполне доверял общественно-литературным вкусам переводчицы. Отмечал Некрасов и оригинальные ее статьи, искренность убеждений публицистки. В одном из неопубликованных писем к А. К. Шеллеру-Михайлову она вспоминала отзыв Некрасова о ее работах, проникнутых «чувством искренности»: «Это и Некрасов признавал <...> были вещи, бывшие молодежи по сердцу, и она их помнит».¹²

М. К. Цебрикова высоко ценила Некрасова как редактора и журналиста, его помощь начинающим писателям. Глубоко понимание гражданской направленности поэзии Некрасова и ее подлинной художественности содержится в некрологической статье М. К. Цебриковой, посвященной поэту, напечатанной в журнале «Воспитание и обучение» (1878, № 2).¹³ Некрасов назван в некрологе «лучшим поэтом нашего времени». Здесь же определялось огромное значение его творчества для развития русской поэзии и русского общества. О Некрасове-художнике М. К. Цебрикова писала и в другой своей статье, посвященной Г. Успенскому, Н. Н. Златовратскому, Н. И. Наумову, А. И. Эртелю. Анализ произведений этих «летописцев жизни народа» предшествовала высокая оценка поэта, «со смертью которого поэзия наших дней едва ли не перестала быть поэзией. Ни одна муза мести и печали европейских поэтов, равных по силе таланта Некрасову, — писала она, — не пела так много и таких скорбных песен».¹⁴

Писательница неоднократно цитировала стихотворения поэта, мыслила его образами. В частности, в «Воспоминаниях. Двадцатипятилетие женского вопроса. 1861—1886», в которых защищались гражданские права женщин, право «дышать, действовать и жить», использовались заключительные строки стихотворения «Родина».¹⁵ К «поэту народной скорби» публицистка обращалась в статье о Достоевском («Двойственное творчество»), обосновывая тезис о трагической оторванности западников от народных масс.¹⁶

Публикуемое письмо М. К. Цебриковой к редактору «Русского богатства» Н. К. Михайловскому явилось своеобразным критическим откликом на статью П. Ф. Гриневича (псевдоним П. Ф. Якубовича) о Некрасове «Муза мести и печали», напечатанную к 25-летию со дня смерти поэта в № 11 и 12 «Русского богатства» за 1902 г. Выступая в письме против разъяснения П. Ф. Гриневичем истории «муравьевской оды», Цебрикова высказалась откровенно и сурово по поводу этого сложнейшего эпизода в творческой биографии Некрасова.¹⁷

Этот неизвестный в научной литературе о Некрасове документ представляет интерес для характеристики личности «старой могиқанши 60-х годов» (так публицистка называла себя), бескомпромиссности ее убеждений. Вместе с тем отраженная в нем полемика с П. Ф. Гриневичем

¹² ИРЛИ, ф. 123, оп. 2, № 517.

¹³ См.: Кулиш Ж. В. Об одном забытом некрологе. — Русская литература, 1972, № 4, с. 143—147.

¹⁴ Цебрикова М. К. Народ в литературных эскизах. — Дело, 1882, № 1, отд. II, с. 2.

¹⁵ См.: Звезда, 1935, № 6, с. 196.

¹⁶ См.: Слово, 1881, № 2, отд. II, с. 14.

¹⁷ Объективно-историческая оценка этого стихотворения сформулирована в работе В. И. Лепина «Еще один поход на демократию» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 84).

(Якубовичем) вносит новые штрихи в историю подготовки посмертного издания «Стихотворений» Некрасова 1879 г. и значительно дополняет немногочисленные отзывы М. К. Цебриковой о поэте. Сформулированная в письме нравственно-этическая программа общественной деятельницы, участницы освободительного движения в России существенна и для понимания прогрессивных настроений русского передового общества 1900-х годов.

Письмо публикуется по подлиннику, хранящемуся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 181, оп. 1, ед. хр. 746, л. 9—12 об.). Дата в письме, как и в большинстве корреспонденций М. К. Цебриковой, отсутствует, и датируется оно по содержанию. Письмо написано в период жительство писательницы на Смоленщине.

«Конец декабря 1902 г.»

Многоуважаемый Николай Константинович!

Пишу Вам эти строки с горьким и болезненным чувством, которое вызвало во мне сказанное в № 11 Гриневичем в обеление известного стихотворения Муравьеву.¹ Давно собиралась писать, немедля по прочтении, но нервы так плохи, что была не в состоянии касаться своих больных мест, да и могла бы наговорить лишнее, теперь я спокойнее.

Что за жалкая дичь, что за неверие в силу идеи, что за непонимание ее значения в жизни, следовательно» ее роли. Дело шло не о спасении одного «Современника», а о сохранении возможности существования «новой идеи» и т. д. Неужели Русь сошла клином и вымер бы бог в душе людей, если бы в клубе Муравьеву-вешателю, тормозу крестьянской реформы, гасителю всего светлого, не было сказано стихотворение?

Что Некрасов» не пошел суворинской дорогой? — Он убил бы тогда свой талант. Поэту органически невозможно быть Суворинным.² Что он не пошел в офицеры³ и т. п. Ведь это целая жизнь ломки, насилования своей природы. Но это одно дело, а извлечь неверный звук из лиры,⁴ растерявшись от грозы, — другое. Челове»к с «громадным умом» понял бы, что существование новой идеи в России зависит от причин сложнее и поглубже смены режима эмансипации «муравьевщиной». Вы это не можете не понять, и я объясняла себе эти строки Гриневича в «Русском Богатстве» Вашим недосмотром.⁵

Печально, что это доказывает низкий уровень понимания общественной нравственности в молодых писателях, да и вдобавок плохость политического нюха. Во имя знамени рвут клочок его же. Все это нечаевщина.⁶ Политика — вот оправдание. Но политика же и не должна допустить забрасыванья знамени грязью. Знаю я, как на Западе ценят наших доморощенных политиков. В <18>72 г. эмигранты из Австрии, Пруссии хохотали над нашими нечаевцами.⁷ Это место статьи Гриневича» — отрывок нечаевщины.

Я старая могиканша 60-х годов. Достоевщины во мне ни капли,⁸ а припомнились мне строки, когда мужик (Федор — по-моему), нанятый для убийства главарем пятерки, говорит, что главарь считает его дураком. Я, пожалуй, дурак 6 дней, а один день умен и насквозь его вижу. Таков смысл слов.⁹ Ну и Муравьев оказался в своем умном дне, повернув спину Некрасову».

Некрасова» я лично мало знала. На мой нюх людей, не обманывавший меня и с первого взгляда, и это до сего дня, — он был далеко не апостол. И я думаю, что в стихотворении Муравьеву» играло немалую роль и опасение утратить блестящее и выгодное положение. Настоящий-то апостол не поставит никогда существование идеи в зависимость

от такой мелочи и вдобавок тошнотворной, как стихотворение» Муравьеву.

Сам Некрасов исключил «его» из издания своих стихотворений. А первое посмертное издание появилось с этим стихотворением. Узнав о том, когда еще печаталось, я побежала к Елисееву. — Выключайте. — «Я редактор — это дело издателя». — Я к сестре Некрасова (Барыня дошная в денежных делах). — Не могу, лист отпечатан. — Это рублией» 30—40 жаль. Вообразили, будто без этого стихотворения запретят Некрасова.¹⁰

Я сильно устала от жизни и истомили меня не столько враги, сколько свои тем, что не умели как должно держать знамя, поэтому что оно колеблется в руке, не чуждой лавочничества. Для знамени нужна твердая рука. Вот образчик: появились «Бесы». Елисеев не берет мою статью.¹¹ Я опечалилась. — «Что вы, статья как статья, а нам не с руки писать против Достоевского», он взял авансом 500 и не даст ничего, если будет против него статья». До этого категорического ответа Елисеев заговаривал мне зубы, уверяя, что не стоит ополчаться против вымершего, т. е. идей «Бесов», и высказал, когда я прижала его к стене, уловив в хитро-сплетениях.

А отзыв «Отчественных» Записок» после соловьевского дела, когда и «Вестник» Европы» и «Слово» ограничились перепечаткой из «Правительственного Вестника», тогда на манер архиславянофилов полкалялись и буквами в палец толщиной вывели титул.¹²

Наше горе в том, что не умеем мы стоять дружно против общего врага.¹³ Вот чему надо учить, а не макиавеллизму, да еще шитому такими белыми нитками, как стихотворение Муравьеву. При отсутствии исторической и политической выучки молодежь наша губит идеи зачастую в кровавых нелепостях.¹⁴ Хоть бы золотая грамота о приказе царя бить бар, или поджигание еврейских погромов иными социалистами: «Пусть-де зверь тонет в крови».¹⁵ Это одна крайняя степень. Все тот же пример.

Пишу несвязно, в несколько приемов. Может быть, меня осудят за «морализм и нетерпимость», но каждый меряет своей меркой. У меня была мерка — дядя декабрист,¹⁶ а с детства — отец, из-за своей религии «престол отечества» рисковавший надеть серую куртку и пустить по миру семью.¹⁷ Не взыщите, искренно уважающая Вас

М. Цебрикова.

Вообще для имени Некрасова лучше бы проходить скорбным молчанием эпизод с муравьевщиной, а не разводить доморощенный макиавеллизм. Да и укажите, что создано в жизни макиавеллизмом?

¹ М. К. Цебрикова имела в виду разъяснение истории прочтения Некрасовым стихов на официальном чествовании М. Н. Муравьева в Английском клубе 16 апреля 1866 г. В № 11 «Русского богатства» П. Ф. Гриневич писал: «В 1866 году <...> над „Современником“ и даже, — думалось тогда многим, — над всей русской литературой нависла грозная туча. Людям нашего поколения трудно и представить себе ту мрачную пелену панического страха, которая, по единогласному свидетельству современников, окутала в те дни самые неробкие сердца и недоожинные умы <...> В этот-то момент всеобщей растерянности и заботы о спасении дрогнул и Некрасов, — и рука его „исторгла у лиры неверный звук“ <...> Вообще, если Некрасов рассчитывал отвести грозу, главным образом от своего „Современника“, то он горько ошибся: журнал был вскоре закрыт» (Русское богатство, 1902, № 11, отд. II, с. 38). Далее в статье Гриневича цитируется «записка» Г. З. Елисеева по этому поводу (см. о ней: Из неизданной переписки П. Л. Лаврова и Г. З. Елисеева. — Литературное наследство, т. 19—21. М., 1935, с. 260—261; Из разысканий о Некрасове в архивных фондах III отделения и департамента полиции. Публикация С. Макашина. — Там же, т. 53—54, кн. III. М., 1949, с. 207—208). Ее содержание, оправдание Г. З. Елисеевым, а вместе с ним и автором статьи о Некрасове,

тактики компромиссов, несовместимой, по мнению М. К. Цебриковой, с высокими этическими принципами освободительного движения, и вызвало негодование публицистки.

«Известно, что в том мраке... — писал Г. З. Елисеев, — ни одна публичная мысль, ни одно публичное слово, а тем более дело не могли явиться без компромиссов. А у Некрасова на руках было большое публичное дело, дело расширения и упрочения за прессою свободного слова, с целью дать возможно широкое пространство в обществе новой идеи <...> Дело шло не о спасении одного „Современника“, а о сохранении возможности существования новой идеи, о предупреждении гонения на литературу, как на литературу только... Законность и необходимость принесенной Некрасовым жертвы, наверное, будет выяснена для всех историй нашего времени» (Русское богатство, 1902, № 11, отд. II, с. 39—40). Позиция Г. З. Елисеева полностью разделялась автором статьи «Муза мести и печали». «Апология поэта, написанная Елисеевым, — замечал П. Ф. Гриневич, — кажется нам чрезвычайно важной не по одним лишь крайне интересным подробностям, но и по существу, как голос не адвоката только, но и свидетеля, человека, который сам, подобно Некрасову (хотя и в значительно меньшей степени), „прошел через цензуру незабываемых годов“» (там же, с. 43).

² А. С. Суворин (1834—1912) — публицист, издатель. Начал свою деятельность как корреспондент «С.-Петербургских ведомостей», автор фельетонов либерально-демократического направления. С момента издания реакционного «Нового времени» общественная позиция Суворина резко правее, он становится предпринимателем, дельцом, угрожающим вкусам правительственных кругов. В статье П. Ф. Гриневича цитируется отзыв Г. З. Елисеева о Суворине: «Этот робкий чиж скромно чирикал свои либеральные фельетоны у Корша, завидуя славе и блеску такого сокола-соловья, как Катков. Но вдруг у него родилось желание направить свое чириканье во славу (сильных и сытых мира сего). Он попробовал — и на него полились деньги и слава <...> Чего же бы, каких почестей и какого богатства не достиг Некрасов при его громадном уме и таланте, если бы захотел хотя бы несколько умерить свое направление? Но он не пошел этой дорогой. А не пошел потому, что не мог петь фальшиво» (Русское богатство, 1902, № 11, отд. II, с. 40).

³ Юношей Некрасов был послан отцом в Петербург для поступления в Дворянский полк. Эта биографическая подробность могла быть известна М. К. Цебриковой из разных источников, в том числе из вступительной статьи А. М. Скабичевского к первому посмертному изданию «Стихотворений» Некрасова (т. I, СПб., 1879, с. XXIII).

⁴ В стихотворении «Умру я скоро» (1867), явившемся ответом на обвинения поэта в отступничестве в связи со стихами, обращенными к М. Н. Муравьеву, Некрасов писал: «Не торговал я лирой, но, бывало, Когда грозил неумолимый рок, У лиры звук неверный исторгала Моя рука...» (II, 261).

⁵ М. К. Цебриковой, очевидно, не было известно, что П. Ф. Якубович посылал свои материалы самому редактору «Русского богатства», мнением которого он дорожил. В одном из писем к Н. К. Михайловскому за 1902 г. П. Ф. Якубович писал по поводу стихотворения памяти Г. Успенского и статьи о Некрасове «Муза мести и печали»: «Вот что вышло у меня, дорогой Николай Константинович <...> Обсудите, годится ли для чтения. Теперь сажусь за обработку второй статьи о Некрасове; беспокоюсь только о судьбе первой: неужели до сих пор нет ответа от цензора» (ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 810, л. 86).

⁶ С. Г. Нечаев (1847—1882) — руководитель тайного общества «Народная расправа». Программа общества, предусматривавшая террористическую и иезуитскую тактику борьбы (цель оправдывает средства), была изложена в «Катехизисе революционера», написанном Нечаевым. После политического процесса 1871 г. в Петербурге над группой революционеров, вызванного убийством членами этого общества во главе с С. Г. Нечаевым студента И. И. Иванова, террористические иезуитские методы революционной борьбы получили название «нечаевщины». См. об этом: Государственные преступления в России в XIX в., т. I (1825—1876 гг.). СПб., 1906, с. 184—185; Революционное движение 1860-х годов. М., 1932, с. 204—210. См. также комментарии В. А. Тунина к «Бесам»: Достоевский и Ф. М. Полн. собр. соч., т. XII. Л., 1975, с. 192—196.

⁷ До 1872 г. М. К. Цебрикова ездила за границу и была знакома с настроениями русской революционной эмиграции. Публицистке могли быть известны отрицательные оценки «нечаевщины» со стороны Герцена, Г. А. Лопатина. В автобиографии она писала: «Мне не давали заграничного паспорта с 72 г. Полагаю, за то, что, когда в Цюрихе красные затеяли демонстрацию о невыдаче Швейцарией Нечаева, я после одной ссудки на площади перед гостиницей, где была ссудка, невольно сымпровизировала речь. Досталось и террористам, выставляющим юнцов и юниц, которые манифестацией портили себе культурную работу в России. Досталось и властям» (Русская литература, 1971, № 1, с. 105).

⁸ Под определением «достоевщина» М. К. Цебрикова подразумевала «двойственность» мироощущения. Именно так была озаглавлена ее статья, посвященная анализу «Братьев Карамазовых», — «Двойственное творчество» (Слово, 1881, № 2, отд. II, с. 1—30).

⁹ М. К. Цебрикова пересказывает слова Федьки Каторжного из «Бесов» о Петре Степановиче Верховенском: «У того коли сказано про человека: подлец, так уж кроме подлеца он про него ничего и не ведает. Али сказано — дурак, так уж кроме дурака у него тому человеку и звания нет. А я, может, по вторникам да по средам только дурак, а в четверг и умнее его» (Д о с т о е в с к и й Ф. М. Полн. собр. соч., т. X, Л., 1974, с. 205).

¹⁰ Первое посмертное издание «Стихотворений» Н. А. Некрасова в 4 томах вышло в свет в Петербурге в 1879 г. В его подготовке принимали участие сестра поэта А. А. Буткевич (издательница), С. И. Пономарев (фактический редактор и составитель примечаний), М. М. Стасюлевич (в типографии которого печаталось это издание), Г. З. Елисеев, А. Н. Пыпин, М. Е. Салтыков-Щедрин. См.: Панченко М. К истории посмертного издания собрания сочинений Некрасова. Публикация 17 писем А. А. Буткевич к С. И. Пономареву. — Литературное наследство, т. 53—54, кн. III, с. 163—191. См. также статью Г. В. Краснова «Вокруг истории первого посмертного издания „Стихотворений“ Некрасова» в настоящем выпуске (с. 149—159). В исследовательской литературе о Некрасове отсутствуют какие-либо фактические материалы, подтверждающие версию М. К. Цебриковой.

¹¹ Очевидно, М. К. Цебрикова написала статью о «Бесах» накануне публикации в «Отечественных записках» (1875, № 1) романа Достоевского «Подорожков». В «Отечественных записках» статья не была напечатана. Рукопись ее неизвестна.

¹² Имеется в виду статья Н. С. Кутейникова «Покушение 2-го апреля» в «Отечественных записках» (1879, № 4, с. 1—18 отд. пагинации). Она была написана в верноподданническом духе по поводу покушения 2 апреля 1879 г. народником А. К. Соловьевым на Александра II. Кроме кратких сведений из официальной газеты «Правительственный вестник» (1869—1917) от 2 апреля 1879 г. в «Отечественных записках» были перепечатаны пространные комментарии из «Нового времени» и трижды цитировалось обращение Александра II к собравшимся приветствовать его в Зимнем дворце правительственным кругам. Текст обращения был напечатан крупным жирным шрифтом. В журналах «Вестник Европы» (1866—1918) и «Слово» (1878—1884) эти материалы отсутствовали.

¹³ Ср. с письмом М. К. Цебриковой к А. М. Скабичевскому от 9 февраля 1887 г., в котором она писала: «У нас нет настоящего товарищества и потому гнет не может встретить у нас нравственного сопротивления. Мало в нас чувства независимости и братства» (ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, № 191, л. 2).

¹⁴ Ср. с высказыванием в «Письме к Александру III» (СПб., 1906): «Вся система гонит в стан недовольных, в пропаганду революции даже тех, кому противны кровь и насилие <...> Изломанная, озлобленная молодежь уходит в красные. Мне кровь противна с какой бы стороны ни лили ее, но когда за одну кровь дают ордена, а за другую веревку на шею, то понятно, какая кровь имеет для молодежи обаяние геройства» (с. 28).

¹⁵ Страстная противница деспотизма, М. К. Цебрикова тем не менее не одобряла террористических методов борьбы. В «Письме к Александру III» она писала: «Придет пора, когда гонение за право мыслить и веровать по совести будет казаться страшным сном: гонение ведет к тому, что пора эта придет в зареве пожаров и дымящейся крови» (с. 23). «Пусть-де зверь тонет в крови» — вольное переложение цитаты из Библии: «Меч господя наполнится кровью, утучнеет от тука, от крови агнцов и козлов <...> И буйволы падут с ними, и утучеет земля их кровью, и прах их утучнеет от тука» (Книга пророка Исаи, гл. 34, ст. 6—7).

¹⁶ Имеется в виду Николай Романович Цебриков — декабрист, член Северного общества. По свидетельству М. К. Цебриковой, «дядя-декабрист дал «ей» политическое образование» (Русская литература, 1971, № 1, с. 104).

¹⁷ Отец М. К. Цебриковой — Константин Романович Цебриков, флотский офицер, генерал-лейтенант. В автобиографии, написанной по просьбе В. В. Святловского, М. К. Цебрикова писала об отце почти в тех же выражениях, что и в письме к Н. К. Михайловскому: «Это был из последних могоман религии „престол отечества“... Бестужев-Марлинский, завербовав старшего брата Николая и минуя второго, усиленно вербовал третьего брата — Константина. Отец был боевой натурой. Удивлялись, как в Кронштадте, этом гнезде краж, он мог усидеть на месте» (Русская литература, 1971, № 1, с. 104). Цебрикова посвятила отцу воспоминания «Русский человек» (Современник, 1911, № 7, с. 152—180) и повесть «Мой отец» (М., 1911).

В. Е. Евгеньев-Максимов

ИЗ ПРОШЛОГО. ЗАПИСКИ НЕКРАСОВОВЕДА (1902—1921)

ПУБЛИКАЦИЯ Т. С. ЦАРЬКОВОЙ

Первая часть книги «Из прошлого. Записки некрасововеда» была закончена автором в 1940 г. В следующем году началась публикация «Записок некрасововеда» в журнале «Звезда» (1941, № 4). Ее прервала война. С небольшими сокращениями были напечатаны только первые четыре главы. В них Владислав Евгеньевич рассказывал о своем знакомстве со стихами Некрасова в детстве, о роли отца в воспитании у него интереса к русской литературе, о годах учения в С.-Петербургском университете, о встречах с Блоком.

Обрывается публикация в «Звезде» эпизодом «подневольного отъезда» в 1908 г. из Царского Села, где В. Е. Максимов занимал место учителя русского языка и словесности в реальном училище. Поводом для увольнения со службы и высылки послужило чтение лекций о Некрасове в рабочих и студенческой аудиториях. Возобновились занятия исследователя поэзией Некрасова только в 1912 г. С событий, относящихся к этому времени, и начинается V глава.

Настоящая публикация (главы V—XI) открывается кратким авторским вступлением ко всей книге — «Вместо введения», которое ранее не печаталось. Упомянутая в нем вторая часть «Записок некрасововеда» не была написана, до нас дошел лишь ее план, который будет опубликован после заключительных глав первой части (главы XII—XV), в следующем выпуске «Некрасовского сборника».

Машинопись воспоминаний В. Е. Евгеньева-Максимова в настоящее время находится в архиве ученого, хранящемся в Музее-квартире Н. А. Некрасова в Ленинграде. Там же собраны письма к Евгеньеву-Максимову и письма-ответы на анкету о Некрасове, проводившуюся журналом «Жизнь для всех», которые цитируются в «Записках некрасововеда».

Книга В. Е. Евгеньева-Максимова представляет несомненный интерес как документальное свидетельство о времени становления советского некрасоведения одного из основоположателей этой области в литературоведении.

Печатаются воспоминания с незначительными сокращениями.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Естественно и законно, когда большие люди пишут воспоминания о себе, о своей жизни и деятельности. Я не принадлежу к большим людям. Значит ли это, что я не должен писать воспоминания?

Нет, не значит!

Будучи средним человеком, сорок лет своей жизни я отдал, однако, большому делу — изучению и популяризации того поэта, который общим голосом многомиллионных масс сопричислен ныне к лику великих народных поэтов нашей страны. Эта сторона моей деятельности, думается, не лишена и литературного и общественного интереса. Ей-то и посвящены мои воспоминания, охватывающие лишь первую половину моего некрасововедческого пути — двадцатилетие от 1902 до 1921 г.

Быть может, у меня хватит сил и умения написать воспоминания и о втором двадцатилетии моей работы по Некрасову. Но для этого покамест еще не пришло время: трудно писать воспоминания о том, что еще не окончательно отошло в прошлое.

В предлагаемой вниманию читателей работе я пытаюсь соединить два элемента — повествовательно-мемуарный с документальным. Документы, которые я цитирую, это по большей части письма ко мне различных лиц.

Решаясь напечатать свои воспоминания, испытываю и колебания и смущение: я писал и печатал очень много, но в таком роде не писал и не печатал ничего.

V

Конец 1911 и начало 1912 г. у меня ушли на работу по составлению учебника по истории русской литературы, предложенную мне киевским издательством «Сотрудник». Я взялся за нее не только потому, что в качестве педагога средней школы крайне ощущал отсутствие сколько-нибудь удовлетворительного учебника из числа апробированных Министерством народного просвещения, но и потому, что надеялся с его помощью укрепить свой все еще испытывавший значительные колебания бюджет. Затем мне во что бы то ни стало хотелось ввести в школьный обиход поэзию Некрасова. И действительно, в составе моей книги (Максимов В. Е. Очерки по истории русской литературы 40—60-х годов. СПб., 1912) Некрасову был отведен не один десяток страниц. Книга имела хорошую прессу, но в качестве учебника для средней школы была забракована Ученым комитетом Министерства народного просвещения, усмотревшим в ней политическое вольномыслие.

Зимой 1912 г., когда в литературных кругах вспомнили о приближающемся тридцатипятилетию кончины Некрасова, редакция журнала «Заветы», основанного очень недавно, но уже вызвавшего общий интерес сочетанием левонароднических тенденций своего политического отдела с ультрасимволистским, иначе говоря, ультраиндивидуалистическим, направлением своей беллетристики, обратилась ко мне с предложением дать для декабрьского номера статью о Некрасове.

Я охотно принял это предложение, более того в известной мере был польщен им, ибо мне еще не приходилось печататься в толстых литературно-политических журналах.¹ Предложение это передал мне очень по-

¹ В журналах специального характера я печатался уже давно. Еще до революции 1905 г. несколько моих статей об общественных работах как средстве борьбы с последствиями неурожаев появились в журнале проф. Ходского «Народное хозяйство» и журнале проф. Дерюжинского «Трудовая помощь». Эти статьи с присоединением нескольких других составили мою первую книгу «Очерки общественных работ в России» (1905 г.), за которую я получил премию на конкурсе сочинений по благотворительности и трудовой помощи. (Примеч. В. Е. Евгеньева-Максимова).

пулярный в те времена писатель, в котором многие видели преемника Н. К. Михайловского, — Р. В. Иванов-Разумник. Здесь я должен отметить, что Разумник Васильевич, встречаясь со мной еще в царскосельские времена (он также был царскоселом), неизменно проявлял благожелательное внимание к моим занятиям Некрасовым. Это внимание для меня, начинающего, неуверенного в себе и своих силах литературоведа, было весьма небезразлично.

Моя статья в «Заветах» была озаглавлена «Народнические настроения и общественное миросозерцание Н. А. Некрасова».² Перечитывая ее теперь, по прошествии почти 30 лет, я должен сказать, что основные положения ее мне не перестали казаться правильными. Только в одном отношении не могу не сделать весьма существенной оговорки. Я все время говорю в ней о «народнических настроениях» Некрасова, и это не может не создавать впечатления, что Некрасов является в моих глазах народником. Тем не менее ни в этой статье, ни в некоторых статьях последующего времени, даже в тех из них, в которых я прямо называю Некрасова народником, не приводится никаких данных, которые позволяли бы утверждать, что поэт разделял основные положения народнической теории. Объективное исследование вопроса, которым я, к великому моему сожалению, удосужился заняться много позже, привело меня к убеждению, что, будучи одним из самых народолюбивых русских поэтов, будучи последовательным и убежденным революционным демократом, Некрасов никогда не был народником в том смысле, в каком принято называть народниками последователей Лаврова и Михайловского. Теперь это для меня ясно, а в дни моего сотрудничества в «Заветах», да и впоследствии, я этого еще не понимал. Отсюда ряд неточных, методологически ошибочных формулировок в моих ранних работах о Некрасове, по поводу которых я не могу не воскликнуть «*mea culpa! mea culpa!*».³

Объяснением, но не оправданием этой вины служит тот факт, что в том литературно-общественном кругу, в котором я вращался в конце XIX—начале XX в., Некрасова все считали народником, и я принял на веру это утверждение.

Называл Некрасова народником и тот единственный из сотрудников «Отечественных записок», с которым мне неоднократно приходилось о нем разговаривать, — Сергей Николаевич Кривенко, но, насколько я припоминаю, решительно никаких доказательств в подтверждение этого мнения не приводил, может быть потому, что считал его не нуждающимся в доказательствах.

Вообще из бесед с С. Н. Кривенко я вынес убеждение, что особенно близок с Некрасовым он не был, хотя с начала своего сотрудничества в «Отечественных» записках» (1873 г.) встречался с ним довольно часто.

Едва ли не этим недостатком близости приходится объяснить тот факт, что Сергей Николаевич уклонился от предложения записать воспоминания Некрасова, которое было ему сделано умиравшим в тяжелых муках поэтом. В бумагах отца, работавшего над биографией Кривенко, я нашел копию с собственноручной заметки об этом Кривенко. Вот этот любопытный документ, если не ошибаюсь напечатанный в какой-то статье Е. Колосова о Кривенко, но с тех пор абсолютно забытый.

«Как мне досадно, что я не взялся написать некрасовские литературные воспоминания. Тот сам об этом говорил и самому ему это было желательно. Обратился он с этим, должно быть, месяца за полтора до смерти

² Заветы, 1912, № 9, с. 62—88.

³ по моей вине! по моей вине! (лат.).

ко мне и Николаю Константиновичу.⁴ Вместе мы были у него, а также старики — Салтыков и Елисеев. — „Вот, — говорит, — господа, вы молодые (т. е. я и Н. К.), приходите ко мне и записывайте, что я буду говорить. Много интересного... Только вот беда: кричу я иногда от боли по целым дням, так что часов определенных никак нельзя назначить. Трудно это вам, пожалуй, покажется: придете, а я как раз в эту самую минуту ору на весь дом, так что, может быть, несколько раз придется приходить, пока выдаться часок-другой свободный“. Переглянулись мы с Н. К., да тем все и кончилось. А очень стоило потрудиться. Я просто поделикатничал, потому что не лично ко мне он обратился, а к обоим нам, а затем Н. К. и знал его больше, чем я, так что вообще мне как-то неловко было на себя это брать. С Н. К. же я тогда так близок и дружен не был. Кое-что я, впрочем, после его смерти записал по памяти, по просьбе Скабичевского, когда он биографию составлял, и отдал ему в материалы. А не запиши я, как он ужасно нуждался в первые годы по приезде в Петербург, так это и осталось бы незаписанным».

Мне С. Н. Кривенко также рассказывал об этом эпизоде, причем не останавливался перед резким самоосуждением. Видно было, что ему прямо-таки тяжела и неприятна мысль о допущенной им ошибке, которую при желании можно было истолковать как вопиющее невнимание к просьбе умирающего. Даже в последнее мое свидание с ним, происшедшее летом 1906 г. на террасе его скромного домика в Туапсе, он заговорил со мной о Некрасове, о его последней болезни и о его предсмертных воспоминаниях, так и не записанных им до конца.

А между тем смерть уже стояла за спиной самого Сергея Николаевича. Когда утром следующего дня я подходил к его домику, меня поразили громкие женские рыдания. Оказалось, что ночью Кривенко скончался от паралича сердца, и жена и дочь его, до крайности потрясенные этой внезапной кончиной, в голос ошлакивали его.

А еще через день по улицам Туапсе, тогда еще убогого провинциального городишка, двигался скромный погребальный кортеж. За гробом шло всего несколько человек — ближайšie родственники и знакомые. Но как только шествие достигло строившегося в то время порта, несколько десятков торговых рабочих, бросив работу, присоединились к шествию.

В моей памяти навсегда врезалась эта картина. Ослепительно яркое южное небо; вечно движущееся, вечно переливающееся перламутром южное море; погребальная колесница, медленно поднимающаяся в гору, на «Кадош», где Сергей Николаевич, несмотря на преклонные годы, своими собственными руками строил себе летнюю хибарку. Теперь уже не маленькая, а большая толпа провожающих с нестареющей песней «Мы жертвою пали в борьбе роковой» на устах.

Похороны забытого писателя превратились, таким образом, в политическую демонстрацию. Участники ее, за исключением родственников и знакомых, мало знали Кривенко, тем более не имели представления о его пародническом прошлом. Для них он был только одной из бесчисленных «жертв борьбы роковой», одним из бесчисленных «страдальцев и печальников» русской революции. Этого было достаточно, с точки зрения шедших за гробом рабочих, чтобы отдать ему последний долг, чтобы почтить его память...

Я заговорил о Кривенко, между прочим, и потому, что в моей статье в «Заветах» использован ценный материал, переданный мне Сергеем

⁴ Михайловскому. (Примеч. В. Е. Евгеньева-Максимова).

Николаевичем незадолго до смерти. Это, во-первых, интереснейшие воспоминания о Некрасове его старого приятеля, в течение нескольких лет заведывавшего конторой, т. е. хозяйственной частью «Современника», — Ипполита Александровича Панаева, и, во-вторых, одно из не предназначенных для печати по своей нецензурности стихотворений Некрасова, списанное самим Кривенко с автографа:

Есть и Руси чем гордиться,
 С нею не шути!
 Только славным поклониться —
 Далеко идти.
 Вестминстерское аббатство
 Родины твоей —
 Мир подземного богатства,
 Снеговых степей.

Статья моя в «Заветах», если не ошибаюсь, первая моя статья о Некрасове, подписанная псевдонимом «Евгеньев». Необходимость прикрыть свое лицо забралом в виде псевдонима была продиктована горьким опытом. Я не мог не сознавать, что сотрудничество в «Заветах» должно было усугубить недоброжелательное внимание «властей предержащих» к моей скромной особе. Все бывавшие в редакции этого журнала знали, что за помещением редакции была учреждена полицейская слежка.

Однажды, когда я пришел в редакцию за гонораром, кто-то из работников редакции, взглянув в окно, воскликнул:

— Ого! число приставленных к нам шпииков увеличилось вдвое. Уж не заарестовать ли всех нас собираются?!

В результате мне и еще двум-трем случайным посетителям редакции было предложено воспользоваться «секретным ходом», т. е. спуститься по лестнице в одну из квартир, имевших выход на другую улицу <...>

Почему именно мною был выбран псевдоним «Евгеньев» — объяснить нетрудно. Этим псевдонимом я как бы подчеркивал свою не только кровную, но духовную связь с отцом — человеком, которому я столь многим обязан в своем развитии.

VI

Прорабатывая еще в университетские годы литературу о Некрасове, я не мог не прийти к убеждению, что, довольно многочисленная количественно, качественно эта литература стоит на невысоком уровне.

Даже выход в 1905 г. книжки о Некрасове столь авторитетного ученого, как А. Н. Пыпин, не внес сколько-нибудь существенных перемен в это положение вещей. Ведь книжка эта ни в каком отношении не могла быть названа научным исследованием, так как почти сплошь была заполнена воспоминаниями автора о Некрасове и кружке «Современника», письмами Тургенева к Некрасову, информацией о некоторых прозаических произведениях Некрасова, а отчасти их беглым разбором, библиографическими ссылками и указаниями и т. п.

Задумываясь над тем, почему Пыпин вместо исследования дал только сборник материалов, — пусть ценных и интересных, но малообработанных, — я пришел к заключению, что Пыпин не мог поступить иначе, так как процесс собирания материалов естественно должен предшествовать процессу научной разработки проблем, связанных с изучением того или иного писателя.

В отношении Некрасова вопрос стоял особенно остро: и потому что его произведения были не собраны, а целый ряд их вовсе не опубликован;

и потому, что бывшие в ходу издания его сочинений являлись живым примером того, как не следует издавать классиков; и потому, что огромная переписка поэта оставалась в большей своей части неизвестной; и потому, наконец, что как критические статьи о Некрасове, так и воспоминания о нем современников отличались чрезвычайной противоречивостью и разногласиями.

Очередная задача некрасововедения — в собирании материала, — вот то убеждение, к которому я пришел ко времени появления в печати моей первой журнальной статьи о нем.

Согласно этому своему убеждению, я и стал планировать свою некрасововедческую работу.

Вскоре мне удалось выяснить, что бумаги Некрасова, находившиеся в его петербургской квартире и перешедшие после его смерти в распоряжение его сестры Анны Алексеевны Буткевич, не надолго пережившей поэта, хранятся у Анатолия Федоровича Кони.

Кони и по своему служебному положению (он был сенатором и членом Государственного Совета) и по той всероссийской известности, которую он так заслуженно приобрел, будучи действительно выдающимся общественным деятелем, оратором, наконец писателем, стоял далеко от привычного круга моих знакомых, и мне трудно было надеяться на знакомство с ним, тем более на доступ к бережно им хранимым бумагам Некрасова — «петербургскому архиву» поэта.

Однако и здесь пришел ко мне на помощь отец, уже несколько лет с успехом подвизавшийся в некоем благотворительном ведомстве — Попечительстве о трудовой помощи. Отец был управляющим делами этого попечительства, а А. Ф. Кони состоял членом Комитета, который являлся как бы высшим руководящим органом учреждения. Совместная работа в Попечительстве если и не сделала отца и Кони друзьями, то все-таки сблизила их настолько, что отец имел полную возможность, со значительными шансами на успех, просить Кони принять меня и допустить к изучению «петербургского архива» Некрасова.

Результат превзошел наши с отцом ожидания, Кони очень охотно пошел навстречу просьбе отца, и через несколько дней я уже получил от него открытку с просьбой явиться к нему в такое-то время. . .

Я имею все основания утверждать, что знакомство с Кони и доброе отношение, которое он ко мне проявил, — крупнейшая удача моего некрасововедческого пути, а вместе с тем и всей моей жизни. Если мне и удалось кое-что сделать для русского некрасововедения, то этим я прежде всего обязан Кони.

При первом нашем свидании он держался в отношении меня с несколько официальной любезностью, от которой веяло чуть заметным холодком, но затем мало-помалу стал оттаивать и повел беседы со мной в тоне дружеской простоты и откровенности.

Кони был одним из самых некрасивых, но в то же самое время одним из самых обаятельных людей, каких только мне приходилось встречать. Когда он говорил, то красота его речи, соединявшая красоту мысли с красотой словесного выражения, заставляла забывать и на редкость неправильные черты его плоского лица, и малорослость его сутулой, приземистой фигуры, и крайнюю непропорциональность его сложения.

«Какой противный гномик!», — прошептала некая слишком экспансивная девица, пришедшая по моему совету на одну из лекций Кони, при первом появлении лектора на эстраде. «Какой очаровательный, какой умница!», — твердила она, возвращаясь с лекции. «Противным гно-

миком» Кони никогда мне не казался, но с двумя последними определениями его я не мог не согласиться.

До сих пор не знаю, кому или чему я обязан расположением Кони. Отец ли, которого он очень ценил и уважал, сумел внушить ему доброе чувство ко мне? Проявляемый ли мною энтузиазм ко всему, что касалось Некрасова, расположил его в мою пользу? Как бы то ни было, я благодаря Кони получил возможность ознакомиться с таким количеством интереснейшего и ценнейшего материала по Некрасову, что как исследователь сразу же ощутил у себя под ногами твердую почву.

Очень быстро наметилась существенная перемена и в моем положении как литератора. Если в конце 1912 г. я был чрезвычайно польщен тем, что редакция «Заветов» предложила мне написать статью к 35-летию смерти Некрасова, то начиная с 1913 г. устраивать свои статьи в «толстых» журналах для меня уже не составляло труда. Наоборот, многие из них искали моего сотрудничества, зная, что в каждую из моих статей о Некрасове в большей или меньшей мере входят неизданные материалы. А основным источником, из которого я черпал эти последние, был все тот же «петербургский архив» поэта, доступ к которому открыл мне Кони.

И когда в тех же «Заветах» я печатал статью «Некрасов и политическая реакция его времени» (1913, № 2) и «Предсмертные думы поэта-гражданина» (1913, № 6), то «изюминкой» их являлся ряд переданных мне Кони неизданных стихотворений Некрасова на политические темы. Точно так же интерес статьи в «Русском богатстве» «Некрасов в начале 40-х годов» (1913, № 10) в значительной степени зависел от неизданных писем Некрасова к Федору Алексеевичу Кони, предоставленных мне Анатолием Федоровичем. От Кони же я получил пачку неизданных писем к Некрасову его отца Алексея Сергеевича, которые были положены в основу моей статьи в «Голосе минувшего» «Некрасов и его отец» (1913, № 10).

Число подобных примеров я мог бы увеличить в несколько раз.

Даже теперь, по прошествии почти 30 лет, в моем бюро хранятся копии некоторых документов, которые в свое время дал списать мне Кони и которые до сих пор еще мною не опубликованы. Не потому, чтобы я избегал их опубликования, а исключительно потому, что уж очень велик был запас новых материалов, разысканных мною благодаря Кони.

Я не случайно употребил выражение «разысканных мною». До отказа загруженный своей служебной, общественной, литературной работой, Кони не имел времени, достаточного для детальной разработки и систематизации, не говоря уже для изучения, хранившихся у него сокровищ. Я несколько раз предлагал Анатолию Федоровичу свои услуги по части разборки, систематизации, а то и научного описания архива Некрасова, но он упорно не шел на это. Более того, Кони избегал демонстрировать свою некрасовскую сокровищницу в ее полном виде и предоставлял мне для ознакомления только сравнительно небольшие папки, содержание которых не всегда достаточно хорошо знал. Изучение этих папок сплошь да рядом наталкивало меня на такие открытия, которые были неожиданностью для самого Кони <...>

Когда в печати появлялись какие-либо статьи, содержащие в себе неблагоприятные суждения о личности Некрасова, Кони и волновался и огорчался. У меня сохранилось письмо Анатолия Федоровича, в котором он благодарит меня за печатные комментарии к воспоминаниям о Некрасове Е. Жуковской (Былое, 1923, № 22), доказывающие фактическую необоснованность целого ряда обвинений, предъявленных автором воспоминаний Некрасову.

Не нравились Анатолию Федоровичу и проникавшие в печать отрицательные отзывы о подруге последних лет жизни поэта — Зинаиде Николаевне. Мне неоднократно приходилось слышать от него, что Некрасов относился к Зинаиде Николаевне с полным уважением и не допускал в ее присутствии фривольных разговоров, до которых были падки некоторые из его близких знакомых, особенно в послеобеденные часы. Впоследствии Кони включил эту подробность в текст своих воспоминаний о Некрасове, вышедших в дни столетия рождения поэта отдельным изданием.

Не только как мемуарист, но и как лектор поддерживал Кони добрую память о Некрасове.

Не будет, думается, лишним сказать здесь несколько слов о лекциях Кони по литературе. Когда в пылу борьбы за новый, рожденный Октябрьской революцией строй некоторые чересчур горячие головы готовы были трактовать классическую литературу как негодное наследие прошлого, Кони был одним из первых, восставших против такого взгляда. С этой целью он, 75-летний старец, пошел в массы с лекциями о Пушкине, Толстом, Достоевском, Гончарове, Некрасове и т. д. И где только не приходилось ему лекторствовать в эти годы! Он читал лекции и индустриальным рабочим, и красноармейцам, и кооператорам, и служащим Мурманской железной дороги, и студентам, и трудшкольникам, и т. д., и т. п. Несмотря на свой возраст, несмотря на тяжелые последствия материальных невзгод, коснувшихся и его, читал он с подъемом и увлечением и пользовался неизменным успехом. Прямо поразительно, как этот глубокий старик, столь тесно связанный с высшими кругами дореволюционной России, умел найти слова, доходившие до самого сердца рабочекрестьянских аудиторий.

Для человека того общественного круга, к которому в течение многих десятилетий принадлежал Кони, для человека его лет это неустанное и постоянное лекторство было истинным подвигом. И во имя чего он его совершал? Во имя и во славу все той же русской литературы! Но, совершая этот подвиг, Кони надорвал свое здоровье и ускорил свою кончину.

Что касается лекций Анатолия Федоровича особенно о Некрасове, а их, кстати, он особенно любил читать, то прежде всего необходимо отметить, что они по своему содержанию только частично повторяли его воспоминания. Воспоминания, вернее, составляли вторую часть каждой из этих лекций. Первую же часть Кони обычно посвящал характеристике Некрасова как поэта. О том, как строил он эту характеристику, можно судить по статье его «Мотивы и приемы творчества Некрасова» (см.: Памятка ко дню столетия рождения Некрасова. ГИЗ, 1921), представляющей собой как бы конспект того, что говорил Кони в начале своей лекции. Конечно, статья эта с точки зрения современного литературоведения слабовата, — Кони ведь никогда и не претендовал на звание записного литературоведа, — но в устной передаче она производила очень сильное впечатление на тех, по большей части простых людей, отнюдь не литературоведов, пред которыми произносилась.

Особенно нравилось аудитории образное описание детства поэта и влияний, предопределивших, по мнению Кони, основное настроение и направление некрасовской поэзии <...>

Необыкновенно душевный тон лекций Кони, а лекций его о Некрасове в частности, его несравненный дар излагать любой вопрос, любую проблему удивительно просто и понятно, не впадая в то же время в слащавую вульгаризацию, более чем преклонный возраст самого лектора, за согбенным станом которого рисовались тени его великих современников,

в своем совокупном воздействии на аудиторию давали необычайно сильный психологический эффект. То, что говорил Кони, этот неповторимый лектор-художник, захватывало и покоряло слушателей и неизгладимыми чертами врезывалось в их память. Самые беспокойные, недисциплинированные аудитории буквально замирали при первых звуках негромкого голоса Анатолия Федоровича. Успех вечера, на котором дал свое согласие выступить Кони, можно было потому заранее считать обеспеченным. Не боясь упрека в преувеличении, я решаюсь утверждать, что «некрасовские дни», павшие на декабрь 1921 г. (столетие со дня рождения поэта), приобрели в Ленинграде значение крупного общественно-литературного события и заставили всколыхнуться весь город, еще не залечивший тяжких ран, нанесенных годами разрухи, голода и интервенции, в значительной мере благодаря тому, что их оживлял своим интенсивным участием Анатолий Федорович Кони.

VII

Окрыленный успехом своего обращения к Кони, я прилагал все усилия, чтобы завязать отношения и с другими лицами, у которых можно было получить материалы по Некрасову. На этом пути мне нередко сопутствовал успех, а иногда подстерегали и неудачи.

Весьма любезно отнесся ко мне старенький генерал Алексей Николаевич Данилов, который был женат на одной из дочерей Александра Николаевича Еракова, воспитаннице Анны Алексеевны Буткевич. Он передал в мое распоряжение интереснейшие письма Некрасова к Еракову, с которым, как известно, поэта связывали узы теснейшей дружбы.

Очень сочувственное отношение встретил я и со стороны другого старика, также дослужившегося до генеральских чинов, правда, уже не по военному, а по гражданскому ведомству, — Андрея Квинтилиановича Голубева. Голубев принадлежал к истинным почитателям Некрасова и тотчас же после смерти поэта выпустил особый сборничек, посвященный его памяти. Несколько позже Голубев принял на себя звание попечителя выстроенной на средства Некрасова школы близ Грешнева, в погосте Абакумцево. Андрей Квинтилианович обрадовал меня ценным подарком — письмами Некрасова к священику Зыкову, помогавшему ему в устройстве школы, и рукописной копией четвертой части поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — «Пир на весь мир». На «Пире», как помнит читатель, и при жизни поэта и в первые годы после его кончины лежал строгий цензурный запрет.

Петр Алексеевич Картавов, человек купеческой складки, без широкого образования, но фанатически преданный коллекционерству (он собирал и автографы, и гравюры, и марки), очень обязательно ознакомил меня с своим собранием автографов Некрасова, которым особенно интересовался, может быть, отчасти потому, что был его земляком, и предоставил мне возможность списать текст приобретенных им у какого-то букиниста неизданных водевилей Некрасова (для детей) и «Сказки о царевне Ясносвете». Мало того, он разрешил мне использовать содержание этих произведений для одной из моих статей.

Однако далеко не всегда собирание материалов по Некрасову шло так гладко: иной раз мне приходилось терпеть ощутительные неудачи, причем — любопытная вещь! — чем дальше стоял собственник тех или иных материалов от литературы, тем охотнее он шел мне навстречу. Заправские же литераторы и лица, по своим родственным отношениям

связанные с литературным кругом, очень часто не проявляли никакого желания помочь мне.

В престранном положении я очутился, когда был принят «последним из могикан» некрасовского «Современника» Максимом Алексеевичем Антоновичем.

Скромная передняя.

Ко мне навстречу выходит беленький, беленький старичок. Не даром Антоновича даже тогда, когда он не был еще седым, его жена называла «Белочкой».

Я рекомендую — старичок молчит.

Говорю о цели моего посещения — то же молчание.

Когда я, смущенный и раздосадованный таким приемом, уже был готов откланяться, старичок, так же молча, показывает на двери прилегающей к передней комнаты.

Я следую за ним.

Старичок садится и, опять-таки не говоря ни слова, указывает мне на стул против себя.

Я рассказываю ему о своей работе по Некрасову, старательно обходя щекотливые темы, вроде печатного выступления Антоновича против Некрасова в 1869 г., — молчание.

В отчаянии я вынимаю список вопросов, который заготовил, собираясь к Антоновичу, и зачитываю его. Тот же результат.

Только к самому концу моего, кстати сказать, очень непродолжительного, визита Антонович начал иногда прерывать молчание и, отвечая на тот или другой вопрос, отговариваться незнанием.

Лишь на один вопрос он дал более или менее определенный ответ: автором стихотворения «Шарманка» («Тридцать лет таскал старик по дворам шарманку») был, по его словам, Некрасов. А между тем вскоре я получил неопровержимое доказательство того, что «Шарманку» написал Зотов.

Антоновичевская «игра в молчанку» повергла меня в состояние полнейшей растерянности. Я, по совести говоря, не знал, чем ее объяснить: память ли изменила сидящему против меня семидесятивосьмилетнему старику или же он просто не хочет говорить и отваживает меня. Просидев около получаса у Антоновича и не добившись от него никакого толку, я распростился с ним и отправился восвояси.

Обдумывая впечатления от посещения Антоновича, я все более и более склонялся к мысли, что странность оказанного мне приема объясняется именно его забывчивостью. Не прошло, однако, и трех лет, как я должен был отказаться от этого предположения. Одна из моих статей в «Голосе минувшего», в которой я довольно подробно касался взаимоотношений Некрасова, Елисеева, Антоновича, возбудила неудовольствия этого последнего, и он ответил мне большой полемической статьей, которая, хотя и показалась мне неубедительной, но во всяком случае свидетельствовала о том, что несмотря на более чем преклонный возраст Антонович довольно отчетливо помнит даже стародавнее прошлое.⁵

Еще более тягостное впечатление, чем свидание с Антоновичем, произвела на меня переписка с Михаилом Николаевичем Чернышевским.

Имея в виду посвятить особую статью отношениям Некрасова и Чернышевского, я счел необходимым увидеться с сыном Николая Гавриловича, чтобы путем личной беседы проверить некоторые неясные для меня пункты. В марте 1913 г. я написал Михаилу Николаевичу особое письмо,

⁵ Об этой полемике я довольно подробно рассказываю в моей книге «Последние годы „Современника“», стр. 97. (Примеч. В. Е. Евгеньева-Максимова).

в котором в высшей степени почтительных выражениях просил о свидании с ним. Мало того, я послал Михаилу Николаевичу свою книгу о Некрасове, чтобы, проглядев ее, он знал, с кем имеет дело.

На мое письмо я тотчас же получил ответ, увы, не только не утешительный, но показавший мне очень обидным.

«Что касается, — писал мне Михаил Николаевич 12 марта, — до Вашего намерения побеседовать со мной, то я сильно сомневаюсь, чтобы это могло быть Вам полезно... Я не принадлежу к людям, которые с легким сердцем открывают свою душу любому интервьюеру. Тяжелые впечатления детства и юности наложили свою печать и на мой характер, и я вообще избегаю серьезных разговоров с людьми, мне совершенно незнакомыми»...

До крайности взволнованный этим ответом, я побежал к отцу, с которым всегда советовался в затруднительных случаях жизни. Отец обиделся за меня еще, кажется, больше, чем я сам. Было решено, что я должен ответить Михаилу Николаевичу и ответить резко.

Вот текст моего ответного письма.

«Милостивый государь⁶ Михаил Николаевич,

Пишу Вам под впечатлением Вашего письма, явно написанного Вами с целью прекратить дальнейшую переписку со мной.

С детства я зачитывался произведениями Вашего отца. Как я чту его память, Вы могли видеть из моей книги „Очерки по истории русской литературы 40—60-х годов“ и из моих статей в „Заветах“. И вот теперь от сына столь любимого и уважаемого писателя мне пришлось услышать презрительные слова „любой интервьюер“...

Я, милостивый государь, обращался к Вам не как любой интервьюер, а как добросовестный исследователь, желающий прежде чем публиковать неизданные материалы, касающиеся отношений двух крупнейших писателей, познакомиться с их содержанием сына одного из этих писателей, во избежание возможных ошибок.

Ваше предположение о том, что я добивался, чтобы Вы раскрыли мне свою душу, ни на чем не основано, и я удивляюсь даже, каким образом оно могло возникнуть. Относительно того, что я „совершенно незнакомый Вам человек“, должен заметить, что, если бы Вы пожелали проявить в этом деле большую отзывчивость, Вам легко было справиться обо мне у наших общих знакомых: Е. А. Ляцкого, П. Е. Щеголева и В. И. Срезневского).

Мое письмо имело несколько неожиданный для меня результат. Михаил Николаевич счел нужным извиниться передо мной, но постарался обставить свое извинение столькими оговорками, что смысл его письма в конце концов сводился к тому, что во всем происшедшем я виноват в несравненно большей степени, чем он.

Через несколько дней после этого quasi-извинительного письма Михаил Николаевич обратился ко мне с новым, на этот раз очень длинным (13 страниц) письмом (от 18 марта), в котором он пытался дать обстоятельный «психологический анализ» нашего конфликта.

Заключительный вывод гласил: «Вы поступили необдуманно, не наведя обо мне справок и не заручившись рекомендациями лиц, мною уважаемых. Я поступил обдуманно, но без достаточных объяснений. В результате взаимная обида, совершенно бесцельная и никому не нужная».

⁶ Обращение «Милостивый государь» я заимствовал из письма М. Н. Чернышевского. (Примеч. В. Е. Евгеньева-Максимова).

По прочтении этого письма для меня стало совершенно ясно, что Михаил Николаевич — человек крайне нервный и болезненно впечатлительный. Знай я это раньше, я, думается, сумел бы избежать с ним конфликта. Грустнее всего было то, что Михаил Николаевич затаил ко мне недоброе чувство, в чем мне вскоре пришлось убедиться уже при совершенно других обстоятельствах.

Столь же безрезультатным, как обращение к сыну Чернышевского, было мое обращение к Елизавете Михайловне де Пассано — дочери М. Е. Салтыкова-Щедрина, другого великого соратника Некрасова. И ее в самых почтительных выражениях я просил об «аудиенции», о доступе к архиву ее покойного отца, и ей я послал, в подкрепление моей просьбы, экземпляр своей книги.

Ответ не заставил себя ждать. До сих пор у меня хранится листок почтовой бумаги с золотым обрезом, изготовленной, надо думать, по специальному заказу. На этом когда-то раздушенном листке мелким бисерным почерком написано (<22 февраля 1913 г.>):

«Милостивый государь,

Очень благодарна Вам за книгу, и прочту ее с большим интересом, но я лично не могу ничем быть Вам полезной, так как в имеющихся у меня бумагах моего покойного отца не нашлось ничего касающегося Некрасова.

Примите уверение в совершенном моем почтении,

Маркиза де Пассано».

Мне трудно было поверить, что так-таки в бумагах Салтыкова, работавшего с Некрасовым и в «Современнике» и особенно в «Отечественных записках», имевшего с поэтом обширную, долголетнюю переписку, наконец, нередко занимавшего у него деньги, нет «ничего касающегося Некрасова». Однако смысл записки «прекрасной маркизы», несмотря на великосветски-любезную форму, был настолько категоричен, что мне ничего не оставалось, как отказаться от дальнейших сношений с нею.

Итак, М. Н. Чернышевский и маркиза де Пассано не захотели помочь мне.

В иных случаях мои обращения терпели неудачу потому, что те лица, к которым я обращался, не могли мне помочь.

Сошло, в подтверждение, на письмо ко мне библиографа Степана Ивановича Пономарева, первого редактора и первого комментатора сочинений Некрасова, к тому же неплохого редактора и комментатора. Зная о той добросовестности, с которой Пономарев работал над четырехтомным изданием Некрасова 1879 г. (лучшим дореволюционным изданием), имея основания предполагать, что в его распоряжении находились ценнейшие материалы, присланные ему издательницей А. А. Буткевич, сестрой поэта, я написал и ему.

Вот что отвечал мне Пономарев в письме (от 13 февраля 1913 г.), написанном столь дрожащим и неровным почерком, что разобрать его стоило немалых трудов:

«Глубокоуважаемый Владислав Евгеньевич!

Сердечным спасибо и не одним полновесным поклоном начинает свою письменную беседу с Вами 84-летний старец, давным-давно потерявший слух, а ныне теряющий и зрение. Простите краткость и малосодержательность моих строчек:

На этом и оборвалась моя переписка с Пономаревым. Но я навсегда сохранил благодарное воспоминание о нем: хотя он и не был в состоянии помочь мне делом, но добрым словом он несомненно мне помог. Для меня отнюдь не было безразлично, что единственный литературный работник прошлого века, подходивший к Некрасову не как критик, не как публицист, а как ученый, как текстолог, нашел для меня доброе слово. Доброе слово, я никогда не сомневался в этом, в иных случаях равноценно доброму делу.

В ноябре того же 1913 г. я с грустью прочел газетные сообщения о смерти С. И. Пономарева. Таким образом, он пережил свои письма ко мне всего на полгода <...>

VIII

Чем более развивалась и углублялась моя работа по изучению Некрасова, тем острее вставал передо мною вопрос об отношении к его поэзии широких рабоче-крестьянских масс.

Я знал и получал чуть ли ни каждый день новые тому подтверждения, что реакционная часть русского общества его терпеть не может, что для «черносотенцев» XX в. он так же ненавистен, как для «охранителей» различных мастей и рангов середины XIX в. Неоднократно убеждался в том, что к Некрасову в лучшем случае холодна, а то и прямо враждебна либеральная часть нашей интеллигенции — не даром искренних и двоядушных российских либералов с такой беспощадной суровостью разоблачали на страницах «Современника» и «Свистка» все три Николая: и Николай Алексеевич, и Николай Гаврилович, и Николай Александрович <Добролюбов>.

Кровно связанный с демократическим сектором общественности, я прекрасно был осведомлен, что широкие круги демократической интеллигенции продолжают относиться к Некрасову и в начале XX в. с таким же теплым сочувствием, как и в 60—70-е годы. Некрасов, как известно, очень высоко ценил симпатии к себе этого «читателя-друга», «читателя-гражданина», но в то же время страстно мечтал о популярности среди народных масс. Пусть теперь, при его жизни, забытый и угнетенный народ его не знает, но рано или поздно придет, должно прийти «желанное времячко», когда «широкие лапти народные» проторят дорогу и к его могиле. Эта надежда, в сущности, никогда не оставляла Некрасова. Обманула ли она или не обманула поэта?

У меня были некоторые основания предполагать, что не обманула. Я старательно накапливал факты, свидетельствующие о том, как растет популярность Некрасова среди рабоче-крестьянских масс, но, увы, фактов этих в конце концов в моем распоряжении было немного. Во всяком случае на их основе сколько-нибудь широких выводов сделать было нельзя.

В начале 1913 г. мне пришла в голову счастливая мысль <распространить> анкету среди демократического читателя об отношении его к Некрасову. Я выработал для этой анкеты следующие вопросы:

1. Когда и при каких условиях состоялось мое знакомство с поэзией Некрасова?

2. Какое впечатление она на меня произвела первоначально и какое производит теперь?

3. Какие стихотворения Некрасова представляются мне наиболее удачными и какие наиболее слабыми?

4. Какие факты, характеризующие отношения к поэзии Некрасова крестьян, рабочих, ремесленников, мне известны?

5. Считаю ли я полезным знакомство с поэзией Некрасова широких масс народных, а если считаю, то почему?

6. Какими путями это знакомство легче всего могло бы осуществиться?

При решении вопроса, каким образом распространить эту анкету среди тех, кому она была адресована, я остановился на мысли использовать хотя бы один демократический по составу своих читателей журнал и хотя бы одну газету. Выбор мой пал на «Жизнь для всех» и «Современное слово».

Почему на эти именно издания? По мотивам в значительной степени личным и случайным.

К редакции «Жизни для всех» очень близко стоял мой отец, снабжая В. А. Поссе средствами на первые расходы по изданию. Что касается меня, то я числился постоянным сотрудником журнала по литературно-критическому отделу и поместил в нем немалое количество статей, в том числе и статей о Некрасове. Кой-какие связушки были у нас с отцом и с редакцией «Современного слова».

Когда я начал получать ответы на анкету, количество которых было несравненно более многочисленным, чем можно было ожидать, — я почувствовал, что у меня за плечами вырастают крылья. Не буду распространяться, как я любил и ценил Некрасова, но в первые годы моих занятий по изучению его меня столько упрекали в крайней переоценке Некрасова, что я стал колебаться не в своем некрасоволюбии (в нем-то я никогда не колебался), а в своем взгляде на его поэзию. Колебания эти нигде и никому не были мной высказаны, но они, что греха таить, бывали. А какое значение имели для меня эти колебания? Они неизбежно влекли за собой сомнения в правильности избранного мною жизненного пути...

Анкета раз навсегда устранила эти колебания и сомнения, ибо благодаря ей я впервые услышал уже не единичные, часто противоречивые голоса критиков-интеллигентов, а мощный голос масс. И этот голос, провозгласив Некрасова великим народным поэтом, первоклассным художником слова, певцом революционных стремлений и чаяний трудящихся, тем самым поддержал ту точку зрения на него, которую — худо ли, хорошо ли — я развивал во всех своих статьях о нем.

Здесь не место подводить итоги произведенной анкеты, тем более что это уже сделано мною и сделано не один раз: на страницах «Жизни для всех» в статье «Некрасов и читатель из народа» (1914, № 3) и в одной из глав моей второй книги о Некрасове (Некрасов. Сборник статей и материалов. М., 1914, с. 266—296).

Однако, кроме подведения итогов, есть еще один способ ознакомить с ней читателей настоящих мемуаров — цитация наиболее интересных писем. Такая цитация, думается мне, представляет несомненный интерес, хотя бы уже потому, что ни разу мною не производилась. Краткие выдержки из писем я, конечно, давал, не мог не давать, подводя итоги анкеты, но отдельно ни одно из этих писем еще не было опубликовано.

Затем мне хочется, и я думаю, что имею на это нравственное право, назвать имена некоторых из авторов, приславших мне свои письма. В 1914 г., т. е. в годы старого режима, я никоим образом не мог на это решиться, ибо опубликование имен авторов неминуемо повлекло бы репрессию если не против всех них, то во всяком случае против некоторых.

Начинаю с крестьянских писем, хотя они и не составляют большинства среди ответов на анкету.

Письмо Василия Тарасова.

«Я надеюсь, что Вы извините меня за незнание грамматики! Я окончил только церковно-приходскую школу и хотя многому научился путем самообразования, но грамматику не могу осилить без помощи учителя; платить же учителю не имею средств, хотя и очень хотелось бы изучить ее, так как я кое-что пописываю...»

Когда началось мое знакомство с Некрасовым — определенно не могу сказать; думаю, что началось с тех песен из поэмы „Коробейники“, что поют по святой беспредельной Руси, да еще из тех немногих строк, что допущены в учебники церковно-приходских школ. Но мне и этого было недостаточно, чтобы почуять близкое и родное моему сердцу творчество. Не имея никаких средств и данных к добыванию произведений Некрасова, я старался улавливать каждый звук кем-либо заученного его стихотворения. Назойливо выпрашивал книгу у того, кто ее имел.

Какое впечатление производит на меня поэзия Некрасова?! Я лежал втоптаный в грязь всеобщим произволом. Кто знает, сколько бы я там пролежал, если бы не услышал страшный, за душу хватающий крик: „Как вы смели втоптать его в грязь?..“. И увидел я тогда мужа, прекрасного в гневе своем, с венцом глубокого страдания на челе.

Кто не познает личным страданием страдания других, кто видит ближнего своего лишь в том, с кем пьет на брудершафт, тот, конечно, сможет найти неудачные стихотворения у Некрасова. Люди же, пишущие историю народа на собственном сердце и собственной кровью, не найдут слабых.

Да если бы и были они, можно ли говорить о них после таких шедевров, как „Мороз, Красный нос“, читая который, чувствуешь ледяное дыхание его, видишь причудливые узоры инея на ветвях, стоишь рядом с умным Савраской у воза с хворостом, посреди жуткой и таинственно-прекрасной лесной чащи и мечтаешь с этой обездоленной сестрой-крестьянкой о ее горьком житье-бытье.

У кого найдется столько красоты, силы и души, чтобы так воспеть неизмеримую красоту богатыря-пахаря и его скитания по матушке Руси в поисках правды?

А кто еще с такою психологическою чуткостью подметил и указал нам на грань, разделившую два мира детей: один культурно стреноженный, искалеченный разными нянюшками и мамушками, не умеющий пройти трех комнат своего дома, чтобы не заблудиться, — другой свободный, дикий, такой, каким его сформировала сама природа и с колыбели указала ему на все то, что он призван осуществить? Этим детям и темный бор не страшен и степь широкая узка.

Наконец, кто наделил таким светлым ореолом русскую женщину на всех поприщах жизни? Кто указал в ней и духовное и социальное равенство, начиная с княгини, идущей в холодную тундру, чтобы облегчить страдания благородному мужу, до богатыря-крестьянки, способной коня на скаку остановить?

Если и находятся люди, отрицающие творчество Некрасова, то сердце этих людей — грохот, который золотоносный песок просеивает, а булыжник оставляет...

Как воздух необходим для дыхания, как солнце необходимо для согревания, так и Некрасов необходим для широких масс, потому что он является их духовным защитником, их сторожем и целителем.

Не было такого случая у меня, чтобы те из крестьян, которых я так или иначе знакомил с поэзией Некрасова, не просили еще почитать.

Рабочие, насколько я знаю, считают его одним из любимейших своих поэтов. Василий Тарасов».

Письмо Ивана Молодцова.

«Семь-восемь лет тому назад, когда мне было 18—19 лет... я стал читать книги, отыскивая в них ответы на мучащие меня вопросы. В это время и прочел Некрасова...

Впечатление он произвел на меня неотразимое. С тех пор я не перечитывал Некрасова, но передо мной и сейчас стоят высокие образы „Русских женщин“, я восхищался их чистотой и подвигом. Они были для меня идеалом. Образы эти, а также образы из „Кому на Руси жить хорошо“ и „Размышлений у парадного подъезда“ потрясли меня, заставили пережить чувство, подобное тому, которое получаешь, присутствуя первый раз при смертной казни...

Я сам мужик и хотя в деревне давно уже не был, но чувствую ее близость к себе... Некрасов, по-моему, это все равно, что нашелся бы такой мужик с громадными способностями, с русскими мужицкими болями в груди, взялся бы этак и описал свое русское нутро и показал бы его своим братьям мужикам: „Смотрите-де на себя“! А оно, это нутро, заражает и воспламеняет, и не к дурному, а к хорошему. Ив. Молодцов».

«Ответы-воспоминания» И. Кирячка.

«В 1905—1906 г., во время „незыблемых свобод“, когда чуть ли не вся Россия содержалась в тюрьме, как „неблагонадежная“, — я тоже отдыхал там от трудов праведных и учился уму-разуму. Золотое и богатое воспоминаниями то было время. Для многих была тюрьма, но для нас, крестьян, „народный университет“. Много вышло оттуда простого деревенского люда с облагороженной душой. Широкое поле деятельности было там для интеллигенции, стремившейся открыть глаза и показать свет слепым... Миллионы брошюр „Донская речь“⁷ Парамонова проскальзывали сквозь скважины тюремных замков и буквально изъедались простым людом...

Там и мне пришлось более шире ознакомиться с поэзией Некрасова и Никитина, которых не только я, но почти все поголовно, не исключая и неграмотных, изучали наизусть. О, если бы глашатаи „тащи и не пушай“ знали, какую пользу народу дала тюрьма, они, наверное, изменили бы свой лозунг!

Когда кто-нибудь декламировал Некрасова — вся камера вставала на ноги и хором пела. Чувствовалось, что все живут, что поэзия Некрасова как раз написана и приурочена к настоящему моменту; чувствовалось что-то неожиданное, великое, воодушевляющее и связывающее эту черную массу в одно целое, нераздельное и несокрушимое. Старички-крестьяне от умиления чуть ли не целовали тех, которые удачно декламировали. — „А дивись, барин, а як усе до правди написав“, — говорит мне один старик, растроганный „У парадного подъезда“.

Если кто-либо падал духом, то стоило кому-нибудь сказать: „не робей, не пропадешь“ или „не предавайся особой унылости: случай предвиденный, даже желательный“, — как уже грусть и уныние спадали с лица грустившего, а хор голосов подхватывал подбадривающе:

⁷ Вероятно, имеется в виду «Донская речь. Газета политическая, общественная и литературная» (Новочеркасск, 1887—1905).

Иди в огонь за честь отчизны,
 За убежденье, за любовь.
 Иди и гибли безусловно:
 Умрешь не даром... Дело прочно,
 Когда под ним струится кровь.

Некрасовым начинался и кончался день. Поэзия Некрасова еще только начинает и бесконечно будет жить в народе... Иван Кирычек».

Среди ответов на анкету, принадлежащих перу фабричных рабочих, первое место должно быть отведено следующему замечательному письму.

Письмо П. А. Калачова.

«Знакомство мое с поэзией Некрасова состоялось пятнадцать лет тому назад. Первые слова из незабвенных его творений я услышал из уст фабричного рабочего, когда сам пятнадцатилетним юношей оказался в этой обстановке. Как сейчас помню, он мне декламировал „Размышления у парадного подъезда“. Стихотворение так мне понравилось, вызвало такое волнение в моей душе, что тут же я попросил продиктовать его мне, а через неделю я уже знал его наизусть слово в слово.

Все мои попытки тогда найти собрание сочинений Некрасова оказались тщетными, потому что оно было запрещено в народных библиотеках и только некоторые из его произведений ходили между нами в рукописной форме, со всеми же остальными его произведениями я имел возможность познакомиться несколько лет спустя.

Меня прежде всего поразили в поэзии Некрасова знание им народной души, его глубокая любовь к простому народу и скорбная печаль о его порабощении, а также вера в его духовную мощь. Я с первого же знакомства с его печальной музой проникся святым благоговением к ней и ее автору, и по мере моего знакомства с Некрасовым чувство восхищения и благоговения перед его поэзией все усиливалось, и теперь сочинение Некрасова стало для меня настольной книгой, — больше, стало святая святых моей души. Для меня ваши Пушкины, Лермонтовы, Байроны и т. п. это ничто. Простите, может быть, я преувеличиваю его значение, но я крестьянин и в поэзии Некрасова живет моя душа и все мое существо со всеми верованиями и надеждами.

Неудачных или менее удачных стихотворений я у Некрасова не нахожу, я нахожу все его стихотворения удачными, а некоторые прямо восхитительными, например поэма „Дедушка“, „Размышления у парадного подъезда“, „Железная дорога“, „Мороз, Красный нос“, „Орина мать солдатская“, „Коробейники“, „Русские женщины“ и много других, а отдельные строфы прямо алмаз! например, из поэмы „Дедушка“: „Зрелище бедствий народных Невыносимо, мой друг, Счастье умов благородных — Видеть довольство вокруг!“ или „Непроницаемой ночи Мрак над странюю висел, Видел — имеющий очи И за отчизну болел“, — что за чудные по красоте и силе слова! Просто не знаешь, чем больше восхищаться, некоторые его вещи я без слез не могу читать, в душе поднимается такое волнение, что спазмы сдавливают горло и тогда закрываешь книгу. Господи! сколько он дал мне счастливых минут в жизни, за это одно будь благословенно имя его, и память о нем горит неугасимым светом в душе моей.

Среди рабочих отношение к Некрасову благоговейное, доходящее до поклонения; я знаю, например, одного рабочего, который чуть не одну треть произведений Некрасова знает наизусть, декламирует, например, такие вещи, как „Дедушка“, без запинки. Одно время среди единичных лиц поднимался вопрос о сборе среди крестьян и рабочих всей России

средств для постановки Некрасову в одной из средних губерний грандиозного памятника, но для такого дела не нашлось достаточно энергичных и культурных рабочих, чтобы преодолеть препятствия, но я глубоко верю, что это рано или поздно случится.

Способствовать популяризации Некрасова — священная обязанность каждого человека, находящегося на более или менее культурной ступени развития, потому что ни один из русских поэтов по сущности и характеру своих произведений не стоит так близко к народным массам, как Некрасов, потому что быт народный, страдания народные, его психологию, думы и мысли ни один из поэтов так красочно, правдиво и рельефно не описал, как он. Вот почему я считаю насущной необходимостью знакомство народных масс с произведениями Некрасова.

Единственный путь к этому, по моему мнению, это дешевое издание его сочинений, хотя избранных, в форме небольших брошюр; важно бы, конечно, среди крестьян устроить передвижные библиотеки, но возможно ли это? Брошюры по цене не должны превышать 5 коп. за экземпляр, а еще важнее, если бы нашлись силы и средства для знакомства с поэзией Некрасова, организовать целую группу странствующих лекторов.

Я как умел высказал свой взгляд на творчество Некрасова.

С совершенным почтением. П. Калачов. Г. Иваново-Вознесенск, 4-го мая 1913 г.»

Прочие письма рабочих не могут равняться по своей яркости с этим письмом, но высказывают тождественный взгляд на поэзию Некрасова. Таково, например, письмо А. Богатырева:

«В 1906 году мне случайно пришлось увидеть у рабочего нашего (паровозного) цеха книгу Некрасова. Я узнал, что она принадлежит одному из моих знакомых, рабочему Баклушину. Но чтобы получить ее, мне пришлось ожидать очереди не менее месяца, и только тогда я получил первый том, а потом и второй. И, таким образом, эти два тома побывали почти у всех сознательных рабочих нашего цеха, а они составляют большой процент. С какой бережливостью они с ними обращаются, можно судить по тому, что, прошедши множество рук, эти два тома совершенно новые и в чистой обертке поверх корок.

Некоторым рабочим произведения Некрасова так пришлись по душе, что они некоторые стихотворения выучивают наизусть, а Б. знал чуть ли не все и декламировал при первом удобном случае.

Своей простотой, ясностью, верностью правде жизни и картинностью слога Некрасов затрагивает лучшие стороны души и располагает прийти на помощь угнетенному народу.

Знакомство с произведениями Некрасова считаю полезным потому, что читатель привыкает смотреть на жизнь не в розовом свете, а в настоящем и будет готов всегда встретить препятствия лицом к лицу. Аркадий Богатырев. 5 VI 1913. Воткинск. Паровозный цех».

Заслуживает внимания и письмо «Е. Н.»:

«Первый раз 17-летним юношей я познакомился с именем Некрасова, когда один подвыпивший тип пел его песню „Укажи мне такую обитель“. Не знаю, чувствовал ли что-либо певший или нет, но я переживал многое. Мне казалось, что где-то стонут хуже меня люди, где-то они закованы в цепях, и мне хотелось быть великаном, чтобы их освободить. И с окончательными словами песни „Навеки духовно почил“ — мне хочется крикнуть: „Скоро встанет!..“.

Я — рабочий, но от имени всей рабочей массы говорить не берусь. Скажу только о себе. Я уважаю больше тех писателей, которые уважают рабочих и плачут об их горе и радуются их радостям. И если только русский рабочий достанет читать сочинения Некрасова, то, наверное, „с упреком мимо не пройдет“, а снимет шапку и скажет: „Спи спокойно, дорогой наш печальник; мы воздвигнем тебе памятник, и к нему не зарастет народная наша тропа“. Е. Н.».

Одним из наиболее замечательных писем, полученных в ответ на анкету, является письмо казака, участника русско-японской войны.

Письмо П. Жвалова.

«С поэзией Некрасова познакомился в 1906 году, в начале которого я вернулся с войны, на которую попал как истый патриот, готовый умереть за веру, царя и отечество. Но судьба, по-видимому, благоволила ко мне, я остался жив, получив в награду знак отличия св. Георгия 4-й степени и... порок сердца.

На войне же со мной произошла страшная перемена, которую без войны получить мне наверное бы не удалось, потому что из нас, казаков, еще с детства готовится материал для выполнения известных государственных целей. При выработке этого материала, чтобы закрыть истину, стараются внушить веру в такие принципы жизни, что отделаться от них в обыкновенное время редко кому удается. Перемена, о которой я уже упомянул, такая, что все те идеалы, которым я поклонялся, как-то сами собой развенчались, разоблачались, падали в моих глазах.

И вот вследствие падения прежних идеалов во мне появилась какая-то пустота, которую я и старался заполнить, читая все, что только мне попадалось в руки. Попалось мне и собрание сочинений Некрасова.

Впечатление некрасовская поэзия имела на меня громадное, и думалось мне: почему это люди, желающие крестьянину скорее выбраться из темноты к свету и свободе, не догадаются распространять Некрасова, хотя так, как они распространяли подпольные издания, которые существенной пользы принесли мало. Удачными стихотворениями, волнующими при чтении слушателей крестьян, считаю „Размышления у парадного подъезда“, „Бабушка Ненила“. Это стихотворение вселяет в слушателей враждебное чувство к помещикам, и они, как выражаются, были бы рады, если бы помещиков постигла та же участь, как того барина, который лежал в дубовом гробу. Одним словом, чтобы помещики отдали богу свои господские души... „Коробейники“, читая которых видишь, что слушатели понимают все, что говорится в этом стихотворении. И много других, перечислять которые значило показать чуть ли не наполовину всего Некрасова, произведения которого для меня <...> имеют цену почти все.

Знакомство широких масс с поэзией Некрасова считаю необходимым, потому что оно дает понять, что всякий человек прежде всего человек и подразделение на классы вредно и ненужно. В некоторых стихотворениях прямо просвечивает ненужность высших классов. Например, „Наш помещик Пантелеев целый век кутил и пил“ и т. д. и т. п. Вообще с Некрасовым народ будет знакомиться, в силу распространения грамотности среди крестьян и рабочих, сам. Путиами более целесообразными считаю расчленивать произведения некрасовской музыки и распространять их вместе с песенниками, которых много предлагается по всем селам и весям нашего отечества и на которые падка грамотная молодежь обоего пола.

С почтением П. С. Жвалов».

В заключение приведу письмо представителя демократической интеллигенции — кооператора, вышедшего, по-видимому, из рабочей среды.

Письмо В. Егорова.

«С сочинениями Н. А. Некрасова я познакомился мальчиком лет двенадцати. Помню, как в мастерскую принес его сочинения один из моих старших товарищей, уже ходивший на вечерние рабочие курсы, и тогда же он прочитал вслух некоторые его стихотворения. Из них особенно сильное впечатление произвело на меня стихотворение „У парадного подъезда“, которое вскоре заучил наизусть и, несмотря на то что с тех пор прошло 13 лет, не забыл его и до сих пор.

Теперь знакомый с великими писаниями Запада и России, все-таки всегда с чувством благоговения, любви перечитываешь „Мороз, Красный нос“, и невольно к глазам подходят слезы, спирает дыхание, и закрываешь книгу, чтобы успокоиться. Какие яркие забываемые картины русской многострадальной деревни, картины, полные слез и горя!

Люблю читать и „Рыцаря на час“, полную поэзии картину трагедий многих русских интеллигентов и отчасти самого Н. А. Некрасова.

Некрасов стал уже национальным поэтом, стихотворения его распеваются как песни по всей России, например „Коробочка“, „Катерина“, «В полном разгаре страда деревенская», „Назови мне такую обитель“. Некрасов наиболее близок и понятен народу из всех русских поэтов.

Расскажу о впечатлении, произведенном на крестьян чтением „Мороз, Красный нос“.

В феврале месяце нынешнего года, будучи безработным, я поехал с товарищем к его знакомым крестьянам, в глухой угол Тверской губернии, помочь им устроить кредитное товарищество. Пробыли мы там две недели и между кооперативными беседами устраивали литературные чтения. Прочитано было до 30 сочинений лучших писателей, и самое огромное впечатление произвели „Мороз, Красный нос“ и „Власть тьмы“ Толстого. При чтении „Мороз, Красный нос“ женщины чуть не плакали, читался он при туманных картинах.

Сочинения Некрасова должны стать общим достоянием, для этого нужно организовать сбор в фонд для выкупа его сочинений. В. Егоров».

Восторженно-взволнованный тон приведенных (и многих еще не приведенных!) писем, характер и категоричность их суждений о Некрасове, как я выразился выше, окрылили меня, убедив в правильности избранного мною пути. Вот почему свое обращение к демократическому читателю и те ответы, которые я получил на это обращение, я не могу не считать одним из важнейших моментов в моей многолетней некрасоведческой деятельности.

И да не обвинят меня в сентиментальности, если, адресуясь к участникам анкеты, скажу:

Товарищи, откликнитесь! Я знаю, что многих из вас уже нет в живых, ибо в наше боевое время «вещи человеческом сократилася», как сказал гениальный русский поэт XII в.⁸ Но те, кто уцелел, кто невредимым прошел через горнило мировой войны, революции, разрухи с ее мрачными спутниками — голодом и эпидемиями, пусть подадут голос. Мне так хочется заглядеть свою давнюю ошибку: дела и ответственность помешали ведь мне завязать письменные отношения с отвечающими на анкету, помешали от души поблагодарить их за их прекрасные письма. Мне так

⁸ Неточная цитата из «Слова о полку Игореве».

хочется хоть теперь, на старости лет, узнать своих корреспондентов поближе, обменяться с ними письмами и при случае крепко-крепко пожать их руки.

Откликнитесь же, товарищи!

IX

Первая моя поездка в Ярославль в «некрасовские места», относящаяся к лету все того же 1913 г., была довольно успешна по результатам, не говоря уже о том, что она дала ряд прямо-таки незабываемых впечатлений.

Предпринимая эту поездку, я имел в виду произвести ряд «архивных раскопок» в самом Ярославле, затем побывать в Грешневе — на родине⁹ Некрасова и, наконец, завязать знакомство с родственниками Некрасова (братом его Федором и членами его многочисленной семьи), жившими в подгороднем имении Карабиха.

«Архивные раскопки» удались только наполовину. В общегубернский архив я так и не получил доступа, а там, по моему убеждению, впоследствии подтвердившемуся, хранилось немало документов, характеризующих различные стороны жизни отца и дедов Некрасова, в частности их имущественное положение. Зато директор Ярославской гимназии Н. А. Веригин, к которому я имел письмо от одного из влиятельных петербургских педагогов, горячо рекомендовавшего ему меня, как «молодого педагога, интересующегося гимназическими годами Н. А. Некрасова», открыл передо мной двери гимназического архива. Перебирая пыльные кипы архивных дел, мне посчастливилось найти немалое количество документального материала, проливающего свет на четырехлетнее пребывание Некрасова в гимназии, о котором до сих пор ничего не было известно. Я понимал, что с помощью этих материалов смогу заполнить один из вопиющих пробелов в биографии Некрасова, и чувствовал себя именинником. Хотя денег у меня было маловато, а поездка в Ярославль требовала значительных расходов, тем более что мне отсутствовала жена, я обратился к фотографу и просил его заснять несколько найденных мною документов. Фотограф оказался малый не промах и заломил с меня сумасшедшую цену. Пришлось вместо намеченных 15—20 снимков ограничиться четырьмя. Эти снимки впоследствии получили значение первоисточников, ибо во время белогвардейского мятежа в Ярославле весь гимназический архив погиб в огне.

Итоги моих «раскопок» в архиве гимназии я подвел сначала в газетном «подвале» (Речь, 1913, № 235, 29 августа), а затем более подробно в одной из глав моей второй книги о Некрасове.

Немало интересных впечатлений дала мне и моей жене поездка в Грешнево, которую не лишне будет описать подробно.

Чтобы попасть в Грешнево из Ярославля, надо переправиться на другой берег Волги, проехать через расположенную на той стороне подгороднюю слободу, а оттуда катить по старой костромской дороге, прямым путем до самого Грешнева.

⁹ О «родине» в данном случае можно говорить только условно. Некрасов, как известно, родился не в Грешневе, а в «местечке» Ювлин Каменец-Подольской губернии. Однако в своих автобиографических стихотворениях родиной Некрасов обычно называет именно отцовскую усадьбу в Грешневе. (Примеч. В. Е. Евгеньева-Максимова).

С выездом на костромскую дорогу сразу пахнуло некрасовским духом. Сколько раз, начиная с раннего детства, приходилось проезжать по ней поэту, как хорошо знакомы были ему ее незатейливые пейзажи, какими неизгладимыми чертами запечатлелись в его памяти фигуры сновавших по ней «людей рабочего звания» и «копателей канав» — вологжан, и лудильщиков, и портных, и шерстобоев, и ярославских купцов, любивших под праздник съездить помолиться богу в близлежащий Бабаевский монастырь.

Погруженные в мысли, навеянные дорогой, мы и не заметили, как проехали большую часть пути...

— А вот и церковь в Абакумцево видать, — раздался вдруг голос ямщика.

В самом деле, в какой-нибудь полуверсте от дороги показалась белая церковь точь-в-точь такая, какой она изображена в незабываемых строфах «Рыцаря на час»:

В стороне от больших городов,
 Посреди бесконечных лугов,
 За селом, на горе невысокой...
 Церковь старая чудится мне,
 И на белой церковной стене
 Отражается крест одинокий...

В ограде абакумцевской церкви покоится прах матери Некрасова, этой «рускоудрой и голубоокой красавицы», благотворному влиянию которой поэт, по его собственному сознанию, обязан тем, что «наполнил жизнь борьбою за идеал добра и красоты». Поэтому миновать Абакумцево для почитателей Некрасова невозможно; мы сворачиваем по узкому проселку, и через каких-нибудь десять минут наша тройка останавливается перед чистеньким церковным домиком. Приветливо и радушно встречает нас престарелый священник с. Абакумцево, о. Сергей Филагриевский. Ворота церковной ограды незаперты — дом священника расположен как раз против церкви, — и мы, не теряя времени, принимаемся за осмотр кладбища. Кирпичный, насквозь пропитанный сыростью и затхлостью фамильный склеп Некрасовых, в котором похоронены «секунд-майор Алексей Сергиев Некрасов», первая жена его младшего сына Федора и двое их малолетних детей, ничего интересного не представляет. Бегло осмотрев его и сделав не вполне благополучно окончившуюся попытку спуститься вниз, к самым гробам, мы спешим к памятнику, воздвигнутому над могилой матери поэта. Далеко не роскошен этот памятник, сделанный из белого мрамора, нет в нем ничего показного, кричащего, но чувствуется, что соорудила его любящая рука. Расположенный на солнечной стороне, он в тысячу раз приветливее неуклюжего и мрачного склепа. «И хоть бесчувственному телу равно повсюду истлевать», но едва ли нашелся бы человек, который предпочел «почивать» в склепе, а не под памятником. Становятся понятными чувства поэта, сказавшего:

Я рад, что ты не под семейным сводом
 Погребена — там душно, солнца нет...

Образу хрупкой воздушной женщины, далекой «мирского треволенья», «с неземным выраженьем в очах», трудно было бы ассоциироваться с сырым, промозглым кирпичом склепа; в белом же мраморе памятника чувствуется какое-то родственное этому образу начало...

Под впечатлением осмотра кладбища мы стали перелистывать старые метрические книги, в надежде на их пожелтевших листах сыскать

кое-какие сведения о грешневской «фее», об этой «изгнаннице, лишенной отчизны», «затворнице, забытой в глуши». Увы, метрические книги сохранили одну только запись: «1841 года. 29 июля умерла от чахотки у майора Алексея Сергеева жена его, Елена Андреева, 45 лет отроду; хоронил иерей Стефан». Вот и все. Но под этими лаконичными словами скрывается целая повесть о загубленной жизни, о душевных и физических страданиях, надломивших «святую женскую душу», бросивших в нестарый еще организм семени неизлечимого недуга. Некоторые страницы из жизни Елены Андреевны ожили под вдохновенным пером ее сына, но в целом летопись ее печальных дней безвозвратно погибла.

«Не поехать ли вам в Грешнево, ведь еще жив кой-кто из крестьян, знавших и Николая Алексеевича и его родителей», — обратился к нам о. Сергей, заметив наше огорчение по поводу почти безрезультатных поисков в метрических книгах.

Через полчаса мы уже в Грешнево. Останавливаемся у крыльца трактира «Раздолье», построенного на месте бывшей усадьбы господ Некрасовых. Как все изменилось здесь за последние 50 лет! Не верится, что об этой именно усадьбе поэт говорил в своей поэме «Затворница»:

Я посетил заброшенный наш сад,
Он все темней, прохладней с каждым годом,
В нем семь ключей сверкают и гремят,
Вершины лип таинственно шумят

и т. д.

Нынешний сад превратился почти в выгон; деревьев сохранилось очень мало — десятка два старых лип, не более, уныло чернеют на всем протяжении огромной, занимающей целых двенадцать десятин, усадьбы; сверкающих и гремящих ключей не осталось и следа — лишь один запущенный колодезь указывает на присутствие подпочвенных вод...

— Мое заведение, — объяснил нам словоохотливый владелец «Раздолья», — построено на том месте, где жили крепостные музыканты Алексея Сергеевича, а назвал я его «Раздольем» потому, что помещение для музыкантов, как рассказывали старые люди, «Раздольем» же называлось. В ту пору, правда, кому раздолье было, а кому мука-мученическая. Вот старый барин Алексей Сергеевич в свое удовольствие пожил, нечего и говорить, а что крестьяне его, да жена, да дети вытерпели, один бог знает.

— А от кого вы слышали рассказы о Некрасове-отце?

— Жил тут у нас в Грешнево один старичок древний, Эраст Максимович Торчин, годов пять как помер. Любил он захаживать в «Раздолье»; ну, за стаканчиком чайку, бывало, разговорится, да про господ и почтен рассказывать. Он ведь всю подноготную про них знал, потому что Алексей Сергеевич старостой его у себя сделал. «Сиж у я вот у тебя в „Раздолье“ да чаек попиваю, — говаривал мне Торчин, — и заботы мне никакой нету, а в старое время мимо усадьбы мы проходить-то не смели, неровен час — увидит барин да пошлет на конюшню. А на конюшню у него попасть ничего не стоило: шашку ли забудешь снять, наложнице ли барской — три их у него было — чем не угодишь, — сейчас задаст такого, что не дай бог. А хуже всех барыне доставалось. Вот из чего у них ссора постоянная выходила: старший-то сын, Коля, значит, больно любил с крестьянскими ребятами играть, отец не позволял, а мать покрывала; чуть услышит, что муж с охоты возвращается, бежит в сад к Коле, чтобы не застал его барин врасплох. Наши-то ребята сейчас за забор да в деревню, а Колю барыня в дом отведет. Ну, а в бар-

ской дворне наушники были, — сейчас же барину и доложат обо всем. Разъярится он и привяжет жену, в наказание, к липе, строго-настрого запретит давать ей пить, а сам опять уедет на охоту. Коле-то жалко матери станет, по его же вине пострадала, придет к ней, к привязанной-то, принесет стакан воды. Немало ему за это от отцовской плетки попадало». Вот что Эраст Максимович мне рассказывал. Правильный был старик, выдумывать бы не стал, — так закончил наш собеседник.

Не хотелось верить справедливости его рассказа; слишком уж оскорбляла чувство гуманности нарисованная им со слов Торчина картина, но, с другой стороны, припоминались больше чем резкие отзывы поэта об отце. «Гнусный сластолюбец», — так характеризовал он его в беседе с Колбасиным. «Ты палача покровством не смягчила», — стоит в автографе стихотворения «Затворница» (в печатном тексте слово «палач» заменено словом «деспот»). А от «гнусного сластолюбца» и «палача» всего можно было ожидать...

Не менее интересную беседу пришлось нам вести с Сергеем Семеновичем Поляниным, уже не с чужих слов, а по личным впечатлениям характеризовавшим отца поэта. Сергей Семенович, которому в то время уже за семьдесят лет было, попал в Грешнево довольно случайно: его отец был не то продан, не то проигран в карты Некрасову помещиком села Петропавловского Шушериным. В 1852 г. девятилетнего Сергея (род. в 1843 г.) взяли в барскую дворню. Сравнительно хорошо грамотный, благодаря частому общению с Николаем Алексеевичем значительно расширивший свой умственный кругозор, Полянин представляет собой далеко не заурядную фигуру в крестьянской среде. Однако самая его интеллигентность послужила ему скорее во вред, чем на пользу: она пробудила в нем чувство собственного достоинства; условия же, в которых пришлось провести Полянину свою молодость, были таковы, что это чувство постоянно оскорблялось и унижалось самым варварским образом. Отсюда незаживающая рана в душе Полянина, который, несмотря на пятидесятилетнюю давность, без слез не мог вспоминать о тех надругательствах над его личностью, которым он подвергался в доме А. С. Некрасова.

— Нечем мне барина хорошим помянуть, — говорил нам только что исповедавшийся и причастившийся по случаю своей тяжелой болезни Сергей Семенович. — Сколько битья-то этого мне вытерпеть пришлось. У нас на голове не столько волосу, сколько у меня на теле колосу от барских побоев; верите ли, места живого нет! И за что бил-то? Письма мне диктовал, а я еще мальчонком был, грамоте не больно знал, напишу что-нибудь не так — сейчас и примется гвоздить. А то раз собаке его нечаянно ногу отдал, — на конюшню послал; там били меня так, что едва жив поднялся. И считали еще, что со мною барин милостиво обошелся, — нужен ведь я ему был, — другого дворового за ту же вину в солдаты отдал.

Надо было видеть, как все это говорилось: худое болезненное лицо старика мучительно подергивалось, глаза постоянно наполнялись слезами, руки дрожали... Чувствовалось, что неотразимое сознание старых обид властно охватило его душу.

— А как же относился Николай Алексеевич к своему отцу и его жестокому обращению с крестьянами?

При имени Николая Алексеевича Полянин оживился.

— Николай Алексеевич-то... Другого такого не сыщешь; вот человек-то был. Народник был настоящий, а отец, известное дело, крепостник, дикий барин. Ладить они, конечно, между собою не могли. И за мать, и

за крестьян Николай Алексеевич на отца обижался. 12 лет, — сороковые это годы были, — в Грешнево не ездил и не писал отцу ничего. Ну, а потом, в 60-х уже, значит, годах, написал ему письмо. Вот уж письмо было, за душу хватало. Сколько лет прошло, а вспомнить его без слез не могу. Да что я? Сам «дикий барин», как прочел, прослезился. Тотчас написал Николаю Алексеевичу, чтобы приезжал к нему. Тот приехал и с тех пор уже часто ездил: поохотиться в родных местах любил. И уж никто его приездам так не радовался, как я: ведь старый барин приставлял меня к нему на все время, пока он в Грешневе, а от него никогда никакой обиды я не знал, одну ласку только видел. А на чай сколько давал — по четыре красненьких за одно лето. И все у нас на селе радвались его приезду: всех ведь он умел обласкасть да угостить. Знал он житье-бытье крестьянское и любил простой народ всей душой. Что говорить, народник был. А уж стихи как писал. Нет книжки-то у меня со стихами его, да все же многое до сих пор наизусть помню...

— Ты скажи что-нибудь, что помнишь-то, — подхватила жена Сергея Семеновича, Катерина Эрастовна, дочь того самого Торчина, о котором уже было говорено, и, обращаясь к нам, прибавила:

— Ведь он до страсти любит Николая Алексеича стихи говорить; как станет говорить, так заслушаешься. Ну, Сергей Семенович, начинай.

Лицо старика Полянина приняло благоговейное, почти молитвенное выражение: медленно, немножко нараспев, четко и выразительно он начал:

В счастливой Москве, на Неглинной,
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом
и т. д.

После третьей строфы голос чтеца пресекался, в нем явственно зазвучали слезы, видно, одолевали Сергея Семеновича тяжелые воспоминания... Мы сочли неловким продолжать свои расспросы, так как разговор о Некрасове и его отце чересчур уже волновал больного старика, и, от души поблагодарив Полянина, покинули его избу.

Беседы с другими старожилыми Грешнева подтвердили верность всего как рассказанного Поляниным, так и переданного со слов Торчина.

Престарелый сын этого последнего, которого мы застали совсем больным, при одном упоминании об А. С. Некрасове вскочил с постели. «Старого-то барина не помнить, благодетеля нашего... В гроб буду ложиться, не забуду, что вытерпеть от него пришлось!».

Очевидно, органически не был способен вызывать хорошее отношение с чьей бы то ни было стороны этот неукротимый крепостник — типичное порождение той эпохи, когда каждый помещик имел право сказать про себя:

Ни в ком противоречия:
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание.
Кулак — моя полиция,
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорот.

Все слышанное в Грешневе привело меня к убеждению, что все еще не зажили те глубокие раны, которые нанесли сердцу русского много-страдального крестьянина «годы рабства темного». Показывая на свои

виски, покрытые редкими волосами, Полянин грустно говорил мне: «За виски меня чаще всего барин драл, долго не зарастали, да вот будто начали зарастать». Виски зарастут, а боль душевная не уймется до самой смерти...

Уезжая из Грешнева и сознавая, что мною опрошены далеко не все крестьяне и крестьянки, помнившие поэта и его родителей, я убедил сына священника Филагриевского, учителя духовного училища в Угличе, продолжить мною начатое. Он обещал исполнить мою просьбу и сдержал свое обещание.

Вот выдержки из его писем ко мне (от 21 августа и 11 сентября 1913 г.).

«Вы просили меня ответить на следующие три вопроса: какие стихи знает Сергей Полянин, 2) что помнит о Некрасовых Татьяна Широкова и 3) когда умерла Аграфена. Постараюсь сообщить Вам все, что мне удалось узнать и по возможности в буквальных выражениях. Начну по порядку.

Полянин, кроме стихотворения, которое читал Вам: 1) „В счастливой Москве на Неглинной“, читал еще: 2) „Знахарка в нашем живет околотке, гадает на гуще, на водке“, а потом заявил, что знал много стихотворений, но теперь уже позабыл и не может прочесть, а помнит только содержание стихотворений. Например, помнит, что в одном стихотворении Николай Алексеевич „описал дорогу от Ярославля до Грешнево“, припоминает также стихотворение о том, „как собака разорвала курицу“. В последнем стихотворении Полянин с особенным удовольствием отметил, что „названия собак из точки в точку“, т. е. сохранены и подобраны в рифму действительные клички собак. На мой вопрос, откуда Полянин знает эти стихотворения, он ответил, что Николай Алексеевич в Петербурге издавал „Современник“ и присылал своему отцу, присылал еще „Северную Пчелу“ Греча (Полянин сам назвал и фамилию редактора) и „Гражданин“. Это было в ту пору, когда отец и сын находились в ссоре.

Татьяна на мой вопрос, помнит ли она что-нибудь о Некрасове, заявила, что все хорошо помнит. Про Николая Алексеевича выразилась: „хороший барин, добрый; что говорить, как мать, так и он“. Когда я спросил об отце, она ироническим тоном заметила: „ну уж барин, какой барин!“. Особенно подробно Татьяна вспоминала о поборках с крестьян. Каждая женщина должна была доставить ежегодно: 10 аршин холста, баранок, сколько потребуют (на содержание дворни); 2-х петухов; души нет (т. е. земли), так купи да отдай. Если девка долго не вышла замуж, то и с нее брали то же самое. Из огорода овощи не считали; в огороде рубили любые кочны. Жали днем и ночью. Когда Татьяна заговорила о жестоком обращении Алексея Сергеевича с крестьянами и особенно дворней, Полянин со своей стороны добавил, что „поролы друг друга по очереди, провинился кто-нибудь — мне приказывают его пороть; на другой день он меня порет“.

Про Елену Андреевну Татьяна отозвалась: „барыня — цены нет. Когда барин собирался бить дворового, она бросалась к нему на шею и барин отступался“.

Татьяна еще очень бодрая старуха 80 лет. Для своих лет, можно сказать, молода. Ходит сгорбившись, но очень мало; обладает вполне твердой и легкой походкой; очень разговорчива и обладает хорошей памятью, о чем можно заключить из того, что она очень легко припоминала различные подробности барской жизни...

Аграфена¹⁰ из деревни Гоголино умерла в 1903 году, 85 лет от роду».

В одном из последующих писем, отвечая на вопрос, оказана ли материальная помощь Полянину — старику, очень бедному, к тому же тяжело больному, Филагриевский сообщал, что помощь Полянину оказана, но что здоровье Полянина плоховато.

Прошло несколько дней, и я получил письмо уже от самого Полянина, которое привожу без всяких изменений с соблюдением его орфографии.

«Милостивый благодетель Владислав Евгеньевич.

Благодаря Вашему почину о моей бедной судьбе Константин Федорыч Некрасов¹¹ определил мне на содержание 30 руб., которую сумму распределил так: на 1-й месяц 12 руб. — а прочь по 6 руб. на 1 месяц. Я получил от отца Сергея 12 руб. При бедности прежде я не мог для болезни ничего приобрести.

Желая лечь в больницу, 12 августа ходил, но меня там не приняли, как и прочих многих, и теперь нахожусь дома. К Константину Федоровичу обратиться не смею, чтобы положить меня бесплатно, за плату не имею средств.

Еще прошу благодетельного покровительства к положению меня в больницу.

С истинным почтением и с упованием на Ваше ко мне усердное внимание

остаюсь Сергей Семенов Полянин».

Я очень взволновался по прочтении этого письма, так как знал наверное, что Сергей Семенович не любил просить за себя и без крайней нужды не стал бы ко мне обращаться. Я тотчас послал на адрес Полянина малую толику денег, а Константина Федоровича в особом письме просил устроить его в больницу.

Увы! уже было поздно. Около середины октября Полянин скончался, а 16 октября его похоронили на том же самом Абакумцевском кладбище, где был погребен и столь немилостивый к нему «барин» <...>

XI

Вернувшись летом 1913 г. из Ярославля в Петербург, я отдался работе над своей новой книгой о Некрасове, об издании которой договорился с Константином Федоровичем. Могу сказать, что никогда я не работал с таким подъемом и увлечением. Эти подъем и увлечение в значительной степени были обусловлены достигнутыми мною успехами на поприще собирания материалов, но не только ими.

На меня не могла не влиять, и не влиять благотворным образом, та общественная атмосфера, которая к этому времени установилась в русской жизни.

Свинцовая реакция, сменившая революционную грозу 1905—1906 гг., явно шла на убыль. Чувствовалось, что нарастал новый революционный шквал. Революционные явления исторического и литературного прошлого, а в том числе и поэзия Некрасова, вызвали повышенный интерес.

¹⁰ Это как раз та Аграфена, которая была главной наложницей Алексея Сергеевича, причем сделалась ею еще при жизни матери поэта. (Примеч. В. Е. Евгеньева-Максимова).

¹¹ Племянник поэта. (Примеч. В. Е. Евгеньева-Максимова).

Библиографический журнал «Бюллетени литературы и жизни» имел достаточные основания утверждать в том же 1913 г. (№ 6): «Ни одному из наших покойных писателей, — если, конечно, оставить в стороне Толстого, — не уделяется сейчас столько внимания, как Некрасову. Чуть не каждый месяц приносит какие-нибудь новые биографические подробности о нем. Любовно изучаются, обсуждаются и эти и старые материалы, а также характер его творчества, значение его деятельности; выказывают заботу о судьбе оставленного литературного наследства, но особенно заняты разгадкой его личности».

Не случаен, конечно, и тот факт, что именно в эти годы (1912—1913 гг.) Некрасов попал в орбиту внимания нескольких выдающихся представителей русской критики. Некоторым из их печатных высказываний суждено было приобрести значительный общественный резонанс.

В первую голову это относится к ряду фельетонов Корнея Ивановича Чуковского, появившихся в газетах «Речь» и «Русское слово».

В первом из них «Мы и Некрасов» («Речь», 1912, № 300) Чуковский собрал ряд неопровержимых фактов, свидетельствующих о том, что «молодой литературе» последних лет, т. е. символизму в лице наиболее выдающихся его представителей, принадлежит заслуга сопричисления Некрасова к лику великих русских поэтов.

Во втором фельетоне «Искалеченный Некрасов» («Речь», 1913, № 34) приводились многочисленные и чрезвычайно яркие доказательства того, как безобразно издаются стихи Некрасова его наследниками.

Наконец, в фельетоне «Русского слова» «Некрасов и карты» (от 19 апреля 1913 г.) говорилось о страстном увлечении Некрасова картами и давался психологический анализ этого увлечения.

Не все в этих фельетонах было мне по душе.

Так, например, я считал излишним в газетных статьях, рассчитанных на массового читателя, печатать длинный, тщательно подобранный перечень тех более чем резких суждений о Некрасове, на которые не скупчились некоторые из его современников. В высшей степени поспешным представлялся мне вывод: «Читатели его боготворили. Но писатели ненавидели». А разве не было читателей, реакционных читателей, которые «ненавидели» Некрасова?! А разве не было писателей, демократических писателей, которые «боготворили» Некрасова?!

Тема фельетона «Некрасов и карты», сложная, мучительная в некоторых отношениях тема, — по самому существу своему казалась не фельетонной.

Но за всем тем чтение фельетонов Чуковского доставило мне большую радость. Чувствовалось, что Некрасовым заинтересовался критик большого дарования, обладающий целым рядом таких качеств, которых, увы! недоставало мне. Разве я смог бы, например, так остро и хлестко пробрать «зарвавшихся осквернителей» — так называл Чуковский своекорыстных, невежественных, подчас прямо-таки циничных издателей стихотворений Некрасова? А пробрать их следовало, ох, как следовало! «Нашего полку прибыло!», — не один раз повторил я после прочтения фельетонов Чуковского.

Вскоре состоялось и наше личное знакомство. Состоялось оно при обстоятельствах несколько необычных. По поводу фельетона Корнея Ивановича «Искалеченный Некрасов» мне пришлось высказаться в одной редакции, в присутствии нескольких литераторов. «Статья очень хорошая, — заявил я, — жаль только, что в ней допущены три-четыре ошибки».

Слышавший мои слова некий «литературный сплетник» — порода, которая в воде не тонет и в огне не горит, — она не вывелась и по сей час, — тотчас же подбежал к Чуковскому.

«А знаете ли, Корней Иванович, что Евгеньев про Вашу статью говорит: он в ней тридцать четыре (34!) ошибки насчитал».

Передержка, сделанная сплетником, преследовала определенную цель: навеки поссорить Чуковского со мной. К счастью, сплетник на этот раз промахнулся. Корней Иванович сделал как раз то, что и следует делать в подобных случаях. Он написал мне в самом дружеском тоне, прося моих объяснений. Дать объяснения для меня не составило ни малейшего труда. Вместо ссоры завязалась переписка, а затем Корней Иванович приехал ко мне в Царское Село (я проводил тогда лето в Царском), и мы познакомились.

Должен признаться, что за всю свою долгую жизнь я не встречал человека, который умел бы так очаровывать при первой же встрече, как Корней Иванович. Уже впечатление от его внешности было безусловно располагающим в его пользу: мягкие и вкрадчивые движения при огромном росте; внимательный, подчас сосредоточенный, подчас искрящийся лукавством взгляд больших глаз; гибкий и выразительный голос. А сколько и ума и остроумия в его разговоре! Слушаешь Корнея Ивановича и буквально заслушаться не можешь. Если добавить сюда исключительную, прямо-таки бьющую в глаза одаренность его незаурядной природы, то читатель получит некоторое представление о Чуковском как человеке, но не как писателе.

Писатель Чуковский отличается исключительной разносторонностью: он острый критик, осведомленный историк литературы, текстолог не из последних, а главное на редкость талантливый художник. Печать несомненного художественного дарования лежит не только на его великолепных, в наше время уже ставших классическими, стихах для детей, но и на всем, что он пишет. Его критические статьи принадлежат, собственно говоря, к художественно-повествовательному жанру, и Чуковский имел вполне веские основания свою последнюю книгу о Некрасове назвать «Рассказами о Некрасове».

Я знаю, что подобное смешение двух жанров возмущает некоторых литературоведов староакадемического типа, но мне их точка зрения всегда была чужда. «Какое мне дело до смешения жанров, — так рассуждал и продолжаю рассуждать я (может быть, немножко по-дилетантски), — когда получается хорошо!». А у Корнея Ивановича действительно получалось хорошо. Не всегда, разумеется. Иной раз, отдаваясь своему художественному темпераменту, Чуковский хватал через край и в результате вместо прямого зеркала получалось кривое, но кто из нас в большей или в меньшей степени не хватает через край?!

Возвращаясь, однако, к нашей первой встрече. Как зачарованный, слушал я Чуковского, а говорил он, конечно, только о Некрасове. Хотя Корней Иванович во время нашего разговора несколько раз повторил, что его интерес к Некрасову имеет временный характер, что его задача — очень скромная задача: он собирается посвятить Некрасову не более как «психологический этюд», именно «психологический», а не «историко-литературный», однако для меня было ясно, что он в данном случае ошибается.

Во всем, что он говорил о Некрасове, чувствовалась такая осведомленность не только в проблемах психологического порядка, но и в биографических и историко-литературных, что нельзя было не прийти к заключению, что Корней Иванович уже тогда, на заре, так сказать, своей

«некрасововедческой деятельности», посвятил изучению Некрасова массу времени, сил и труда. В первое же свидание с Чуковским я проникся уверенностью, — и будущее оправдало ее, — что передо мной писатель, который не изменит Некрасову в течение всей своей жизни, как не изменял и не изменю ему и я.

— Вот у Вас появился конкурент и опасный конкурент, — соболезнующе сказал мне один из моих прикосновенных к литературе приятелей вскоре после появления в печати первых фельетонов Чуковского о Некрасове.

— Если бы Некрасовым, кроме меня, занимался не один Чуковский, но целый десяток критиков и историков литературы, и тогда смешно было бы говорить о конкуренции: Некрасов так мало изучен, что всем работы хватит, — ответил я.

Увы! Этот ответ, правда, с некоторыми ограничениями, я мог бы повторить и теперь, по прошествии почти трех десятков лет. Чуковский и я кое-что сделали для изучения Некрасова; в последние годы появился целый выводок молодых некрасововедов, но работы по Некрасову все еще остается непечатый угол. . .

Итак, имевшее, а может быть, имеющее хождение в некоторых кругах мнение, что мы с Чуковским — конкуренты, я решительно отвергаю. Это, конечно, не значит, что наше многолетнее знакомство не бывало иной раз омрачено довольно острыми разногласиями. Однажды разыгралось нечто вроде конфликта. . . Но именно потому, что мы не были конкурентами, и разногласия и даже конфликты удавалось без особого труда ликвидировать.

Скажу с полным сознанием ответственности за свои слова: никто лучше меня не сознает, насколько велики заслуги Корнея Ивановича как некрасововеда. Исходя из этого факта, я не далее как одно из прошлогодних (1939 г.) писем к нему закончил стихами, вычитанными мной в стародавнее время в каком-то журнале (автора не упомянул):

Одному всегда мы
 Всей душой служили,
 К одному стремились,
 За одно боролись,
 Только шли мы к цели
 Разными путями. . .

 И порой иного
 Не хочу я счастья, —
 Как к моим стремленьям
 Твоего участия.

Зимой, если не ошибаюсь, того же 1913 г. состоялся мой ответный визит Чуковскому, жившему круглый год на даче в Куоккале.

Выехали мы с женой с одним из утренних поездов. Не слишком долгий путь от Петербурга до Куоккалы промелькнул незаметно благодаря вагонной встрече с Леонидом Гроссманом, который тоже ехал к Чуковскому. Гроссман только что вернулся из Парижа, где жил несколько лет, и с увлечением рассказывал о своей парижской жизни и впечатлениях от встреч с выдающимися представителями французской литературной богемы.

Вот и перрон Куоккалы. Выглянув из окошка, я увидел высокую фигуру Корнея Ивановича, пришедшего нас встретить: о дне и часе приезда мы сговорились заранее. Обмен приветствий, быстрые рукопожатия. . . Стараемся не задерживаться на вокзале, ибо Куоккала встретила нас жестоким морозом. . . После 10—15 минут езды по пустынным ули-

цам сани останавливаются у дачи Чуковских. Знакомимся с Марьей Борисовной — любезной и приветливой хозяйкой.

День проходит в разговорах не только о Некрасове, — неудобно же Гроссмана угощать разговорами только на некрасовские темы, — но преимущественно о Некрасове.

Корней Иванович показывает мне большие книжные полки, значительную часть которых занимают бесчисленные номера некрасовских журналов. «Кому придет в голову, — мелькает мысль, — перечитывать некрасовские журналы, как не человеку, для которого Некрасов — не временный эпизод, а дело всей жизни»... .

Темнеет. Надо подумать о возвращении. Сани поданы. Жена садится с Гроссманом, я — с Корнеем Ивановичем.

Эта короткая поездка почему-то особенно врезалась мне в память.

Опушенные снегом, быстро мелькающие сосны и ели — по бокам; высокое, темное, неподвижное небо — над нами; сидящий рядом Корней Иванович с исключительным подъемом, не взирая на мороз, читает эти поистине бессмертные стихи:

Не заказано ветру свободному
 Петь тоскливые песни в лесах,
 Не заказаны волку голодному
 Заунывные стоны в лесах;
 Спокон веку дождем разливаются
 Над родной стороной небеса,
 Гнутса, стонут, под вьюгой ломаются
 Спокон веку родные леса.
 Спокон веку работа народная
 Под унылую песню кипит,
 Вторит ей наша муза свободная,
 Вторит ей — или честно молчит...
 Примиритесь же с музой моей.
 Я не знаю другого напева,
 Кто живет без печали и гнева,
 Тот не любит отчизны своей... .

И выбор стихов, принадлежащих к самым характерным в творчестве поэта, и искреннее чувство, звучащее в голосе чтеца, убеждают меня в том, что Корней Иванович не только глубоко понимает Некрасова, но и очень любит его... .

Совсем иное впечатление я вынес от знакомства, правда, очень мимолетного, с другим видным представителем тогдашней литературы, также начавшим уделять внимание Некрасову, — Дмитрием Сергеевичем Мережковским.

Когда осенью 1913 г. в газетах появилось объявление о том, что 15 октября в зале Тенишевского училища Мережковский прочтет публичную лекцию на тему «Тайна Некрасова», многие очень удивились. «С какой это стати, — говорили они, — Мережковский задумал заниматься Некрасовым? Что общего между ним, одним из зачинателей русского „декаданса“, и „печальником горя народного“?».

Общего действительно было мало, тем более что к 1913 г. одним из «коньков» Мережковского стала никчемная, если говорить по существу, мысль о необходимости органического слияния двух идей — идеи христианства и идеи революции.

Тем не менее справедливость требует отметить, что еще двенадцать лет тому назад, в начале 90-х годов, в своей книге «О причинах упадка современной русской литературы»¹² Мережковский говорил о Некрасове

¹² Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893.

как о «бессмертном русском поэте, таком же вечном, как Пушкин и Лермонтов», и что мы «имеем право, мы должны гордиться Некрасовым перед Европой».

Я помнил эти суждения Мережковского, а потому с особым интересом шел на его лекцию. Однако содержание ее разочаровало меня.

Не то чтобы она была бесталанна, — я всегда считал автора поэмы об Аввакуме, трилогии «Христос и антихрист», романов об Александре I и декабристах, трагедии «Павел I» не только большим эрудитом, но и даровитым художником, — нет, и задумана и построена она была в достаточной степени интересно. Дело портили крайняя субъективность целого ряда ее положений, стремление притягивать за волосы, в доказательство этих положений, материал, который нимало в сущности их не подтверждал. А главное — основное положение Мережковского: «Некрасов — единственный, соединивший правду религиозную с правдой политической» — было не только не убедительно, но явным образом фальшиво. Это не мешало Мережковскому упорно, на всем протяжении лекции к нему возвращаться и повторять его на разные лады.

Крайне неприятное впечатление производила и манера, усвоенная лектором. Он старался не просто говорить, а «вещать», изображая из себя какого-то «новоявленного пророка». «Прилизанный Христосик», — случайно донеслась до меня презрительная кличка по его адресу, совпавшая с уст какого-то лохматого студента. Это звучало, конечно, грубовато, но не один лохматый студент находил, что и прическа с пробором и тщательно расчесанная бородка имели своей целью напомнить об иконописных изображениях Христа.

По мере того как Мережковский углублял и развивал тему своей лекции, у меня нарастало желание с ним поспорить. В антракте между первым и вторым отделениями я подошел к С. А. Венгеру и просил его познакомить меня с Мережковским. Венгер очень обязательно согласился.

Когда мы вошли в лекторскую комнату, там, кроме Мережковского и Зинаиды Николаевны Гиппиус, никого не было. Гиппиус, кажется, стояла, а Мережковский сидел, развалившись на кресле, в позе человека, отдыхающего после трудов праведных.

Венгер поздоровался с Мережковским и, подводя к нему меня, промолвил: «Вот, Дмитрий Сергеевич, молодой исследователь Некрасова, автор книги об его „Литературных дебютах“. Он очень хотел бы с Вами познакомиться».

Мережковский пробормотал что-то невнятное и протянул мне руку... Я пожал ее без особого энтузиазма, потому что очень неприятно был поражен изумительно высокомерной манерой обращения Мережковского. Допустим, что у него не было достаточных оснований хотя бы привстать, здороваясь со мной, человеком молодым и малоизвестным, но я не мог переварить того, как небрежно, не меняя позы, он сунул руку уже «маститому» Семену Афанасьевичу.

— Вашей книги я, к сожалению, не только не читал, но и не видел, — сказал мне Мережковский.

Мне оставалось только промолчать на это не слишком любезное замечание.

Вмешалась Зинаида Николаевна и, очевидно, желая смягчить неприятное впечатление от слов и интонации мужа, начала убеждать последнего, что он не мог не знать и не видеть моей книги, причем точно указала то место в его книжном шкафу, где она стояла.

Говоря это, Зинаида Николаевна упустила из виду, что ее слова, в сущности, уличают Мережковского во лжи: ведь он только что говорил, что не видел книги.

Мережковский понял это и уже с явным неудовольствием сказал:

— Я сказал, что этой книги в глаза не видал.

Мы с Венгеровым молча переглянулись. Сцена, несмотря на всю свою мелочность, становилась тягостной. Но тут раздался звонок, вещавший о начале лекции.

Маленькая фигурка Мережковского пришла в движение, он поспешно встал и быстрыми шагами покинул лекторскую.

Естественным выводом из содержания лекции Мережковского и из моей встречи с ним (едва ли эту встречу можно назвать знакомством) было убеждение, что для Дмитрия Сергеевича и лекция о Некрасове и, что гораздо хуже, сам Некрасов только случайные эпизоды на его извилистом, более богатом провалами, чем взлетами, литературно-общественном пути.

Любопытно, что впечатление Чуковского от лекции Мережковского в общем совпало с моим. На другой или на третий день после я получил от него письмо, в котором он, между прочим, писал: «Очень бы мне хотелось повидаться с Вами, побеседовать. Я искал Вас в Тенишевском, чтобы поделиться мнениями о лекции Мережковского. Такое равнодушное пережевывание старых общих мест, уже отвергнутых критикой, такое святое невежество. Он даже Вашей книги не читал, откуда он почерпнул бы больше о христианских настроениях Некрасова.¹³ И какие вульгарные мысли!».

¹³ В «Литературных дебютах» я действительно говорю о «христианских настроениях» Некрасова в связи с анализом некоторых его юношеских стихотворений. (Примеч. В. Е. Евгеньева-Максимова).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. Ю. 6
 Аввакум 232
 Авенардус В. П. 16
 Авсеенко В. Г. 16
 Аграфена 226, 227
 Аксаков И. С. 127, 158
 Аксаков С. Т. 147
 Алек 165
 Александр I 179, 232
 Александр II 199
 Александр III 194
 Алексеева О. Б. 66, 67
 Алмазов Б. Н. 157
 Андреев Н. П. 107
 Анненков И. В. 188
 Анненков П. В. 4, 16, 23, 28, 47, 54, 60, 66, 155
 Анненкова П. Е. (урожд. Полина Гебль) 188
 Антонович М. А. 19, 104, 144, 159, 209
 Апостол П. 123
 Арсеньев К. К. 159
 Архипов В. А. 11
 Ашукин Н. С. 128
- Багрий А. В. 165
 Базанов В. В. 160, 164
 Базилевская Е. В. 20, 21
 Байрон Д.-Г. 21, 104, 217
 Баклушин 218
 Баранов С. Ф. 23
 Баратынский Е. А. 181, 182
 Барсуков Н. П. 152, 158
 Бартенев П. И. 136, 178, 180
 Басаргин Н. В. 178, 180, 189
 Бахрушин Ю. А. 73, 81
 Бедный Д. 162
 Белинский В. Г. 3, 7, 8, 19, 25—27, 29—34, 42, 43, 45, 94, 108, 109, 150, 157, 175, 193
 Белинская М. В. 20
 Белкин А. см. Сенковский О. И.
 Белоголовый Н. А. 66, 125
 Бельевы 187
 Бенкендорф А. Х. 190
 Беседина Т. А. 163
 Бессонов Б. Л. 47, 53
 Бестужев М. А. 179, 188
 Бестужев-Марлинский А. А. 199
 Бикбулатова К. Ф. 161
 Благово В. А. 108
 Блок А. А. 162, 200
 Боб (псевд. Некрасова Н. А.) 152
 Богатырев А. 218
- Боград В. Э. 57, 143
 Бомарше П.-О.-К. 147
 Бонч-Бруевич В. Д. 138
 Борисов А. И. 185
 Борисов П. И. 185
 Боткин В. П. 28, 54, 94
 Брюсов В. Я. 162
 Будникова Л. И. 162
 Бузник В. В. 163
 Булгарин Ф. В. 113, 114
 Бунге Н. Х. 95
 Бурачек С. А. 33
 Буренин В. П. 179
 Бурнашев Т. С. 184, 186
 Буткевич А. А. 67, 69, 71, 72, 149, 151, 153, 154, 156—159, 177, 199, 205, 211, 212
 Бутков Я. П. 116, 117
 Бутурлин Д. П. 27
 Бухмейер К. К. 36
 Бухштаб Б. Я. 58, 108, 119
 Бушканец Е. Г. 57
 Бушмин А. С. 12, 23
- Вандалковская М. Г. 57, 64
 Варадинов Н. В. 143, 144
 Вацуро В. Э. 37, 106
 Великанова С. 176—178
 Венгеров С. А. 128, 134, 193, 232
 Веневитинов А. В. 180
 Веневитинов Д. В. 181, 191
 Веретенников П. Ф. 134
 Веригин Н. А. 221
 Викторова З. Н. см. Некрасова З. Н.
 Витензон Р. А. 129
 Вовчок Марко см. Маркович М. А.
 Войнич Э. Л. 194
 Вокар П. А. 138, 144
 Волков А. С. 161
 Волконская З. А. 177, 180, 182, 183, 191
 Волконская М. Н. 176—180, 182
 Волконская Н. С. 178
 Волконский М. С. 176, 178, 179, 190, 191
 Волконский Н. С. 189
 Волконский С. Г. 182, 189
 Вольф Ф. Б. 191
 Вольф Ч. 164
 Вразовская Л. В. 163
 Врангель 139
 Выходцев П. С. 161, 163, 167
- Гарибальди Д. 101
 Гаркави А. М. 23, 25—27, 31, 58, 71, 100, 111, 119, 120, 122, 125, 126, 129

- Гейне Г. 104
 Генин Л. Е. 37
 Гербель Н. В. 155, 157, 158
 Герцен А. И. 3, 11, 47, 50—52, 54, 57, 59—61, 63, 188, 198
 Гершензон М. О. 59, 61
 Гете И. 21
 Гин М. М. 37, 41, 45, 111
 Гиндин С. И. 162
 Гишпиус В. В. 112
 Гишпиус З. Н. 232, 233
 Гирс Д. Н. 102
 Гоголь Н. В. 4, 27, 32—35, 151, 157
 Головачев А. А. 146
 Голубев А. К. 208
 Гольцев В. А. 62
 Гончаров Б. П. 162, 193
 Гончаров И. А. 7, 129, 137, 148, 207
 Горбачевский И. И. 179, 188
 Горленко В. П. 113, 212
 Грановский Т. Н. 43—45
 Гредескул Н. А. 24
 Гречинина О. Н. 37
 Грибовников И. (псевд. Некрасова Н. А.) 152
 Грибоедов А. С. 181, 192
 Григорович Д. В. 12, 16, 48
 Григорьев А. А. 106, 107, 157—159
 Григорьев В. В. 66, 67, 82
 Гриневич П. Ф. см. Якубович П. Ф.
 Гришунин А. Л. 25, 27, 31
 Гроссман Л. П. 230, 231
 Грот Я. К. 158
 Груздев А. И. 25, 27, 75, 76, 82, 165
 Гюго В. 101

 Давыдов В. Л. 185
 Даль В. И. 115, 117, 135—137, 141, 147, 148
 Данилевский Г. П. (псевд. — А. Скваронский) 7, 11, 138
 Данилов А. Н. 208
 Дементьев А. Г. 49, 51—55, 160, 163
 Дементьев Н. И. 167
 Демерт Н. А. 101
 Дернова В. 154
 Дерюжинский Н. Ф. 201
 Добролюбов Н. А. 4—7, 13, 17, 35, 36, 54, 57, 58, 63, 97, 150, 155—157, 175, 213
 Дорофей, старообрядец 11
 Достоевский Ф. М. 22, 45, 56, 118, 127, 157, 162, 166, 168, 195, 197, 207
 Дрешер В. В. 48
 Дружинин А. В. 7, 54, 95, 96, 99, 155, 156
 Дудышкин С. С. 157
 Дымман Е. 119
 Дьяков В. А. 57

 Е. Н. 218, 219
 Евгеньев-Максимов В. Е. 22, 32, 33, 42, 43, 47—49, 53, 56, 59, 63, 102, 111, 113—115, 119—121, 124, 137, 140, 162, 165, 170—173, 200, 201, 203, 204, 209—211, 221, 227, 229
 Евнин Ф. И. 119, 120, 122
 Евстигнеева Л. А. 68, 71, 73, 82

 Еголин А. М. 112, 113
 Егоров В. 220
 Еленев Ф. И. (псевд. — Скалдин) 98, 138
 Елисеев Г. З. 137, 138, 141, 144, 149, 152, 158, 194, 197—199, 203, 209
 Ентальцев А. В. 189
 Ентальцева А. В. 187—190
 Есенин С. А. 162
 Ефим, слуга 187
 Ефремов П. А. 67, 72, 82, 151, 152, 154

 Жадовский 158
 Жаворонков А. З. 162
 Жвалов П. 219
 Жданов В. В. 124
 Жирмунский В. М. 169
 Жуковская Е. И. 206
 Жуковский Ю. Г. 144, 177, 182

 Завалишин Д. И. 180
 Зайцев В. А. 142
 Златовратский Н. Н. 195
 Злотников, владелец типографии 56
 Зотов В. Р. 58
 Зыков И. Г. 208

 Иванов И. И. 198
 Иванов-Разумник Р. В. 59, 202
 Ивашов В. П. 191
 Ивашова К. П. (урожд. Ле Дантю) 191
 Изгоев А. С. 24
 Ильин В. В. 194
 Ильин Я. И. 163
 Исаковский М. В. 163
 Иссерлин Г. М. 48

 Калачев П. А. 217, 218
 Каменский Д. И. 143
 Кандалин Н. И. 163
 Каракозов Д. В. 38, 40
 Каракозов М. М. 55
 Карлейль Т. 94
 Карнеев М. В. 129
 Картавов П. А. 208
 Катков М. Н. 16, 198
 Кельсиев В. И. 9
 Кирячек И. 216, 217
 Ключников В. П. 16
 Ковалевский П. М. 127
 Кожевников Е. И. 160
 Кожинов В. В. 162
 Козлов И. И. 164
 Козлов П. А. 123, 127
 Козлова О. А. 123, 127, 129
 Козлова О. П. 123
 Козьмин Б. П. 57
 Колбасин Е. Я. 61, 224
 Колесницкая И. М. 108
 Колосов Е. Е. 202
 Кольцов А. В. 8, 107—109, 111, 157
 Комаров А. С. 3
 Конарский С. 180
 Кони А. Ф. 67, 81, 113, 205, 207, 208
 Корнилович 189
 Коротков Ю. Н. 57
 Корш В. Ф. 198
 Костомаров Н. И. 97

- Котляревский Н. А. 112
 Кохановская см. Соханская Н. С.
 Кочетков В. 161
 Краббе Н. К. 140
 Краевский А. А. 143
 Краснов Г. В. 54, 100, 131, 136, 139, 145, 149, 199
 Крестовский В. В. 107, 129
 Кривенко С. Н. 202, 203
 Кривцов С. И. 189
 Крук У. Т. 162
 Крупышев А. М. 162
 Кубасов И. А. 114
 Кудрявцев П. Н. 3, 95
 Кулиш Ж. В. 193, 195
 Курочкин Н. С. 49, 50, 138
 Кутейникова Н. С. 190
 Кучевский 180
- Лавров П. Л. 99, 140, 197, 202
 Лазарев А. И. 163
 Лазаревская А. А. 135
 Лазаревская Л. И. 141
 Лазаревский В. М. 135—148
 Лазаревский М. М. 136
 Ламартин А. 93
 Лангер Ф. 95
 Ларцев В. Г. 162
 Лебедев А. 67
 Лебедев Ю. В. 130
 Лебедев-Кумач В. И. 168
 Левин Ю. Д. 100, 104
 Левитов А. И. 129
 Лейкин Н. А. 132
 Лемке М. К. (псевд. — Маврин М.) 47, 48, 50—52, 55—57, 59, 60, 62—65
 Ленин В. И. 24, 195
 Лепарский С. Р. 187
 Лермонтов М. Ю. 35, 107, 108, 153, 155, 157, 160, 217, 232
 Лесков Н. С. 132
 Лисовский Н. Ф. 189
 Лихарев В. Н. 189
 Ломан О. В. 172
 Лонгинов М. Н. 43, 44, 142
 Лопатин Г. А. 198
 Луначарский А. В. 160
 Лурье А. Н. 163
 Ляцкий Е. А. 50, 210
- Маврин М. см. Лемке М. М.
 Майков В. Н. 3, 100
 Макарий, митрополит 11
 Макашин С. А. 9, 136—138, 198
 Мак-Карти Д. 194
 Маков В. И. 162
 Максимов С. В. 131, 132, 180
 Максимович А. Я. 37
 Максимович М. А. 151
 Малкин В. А. 161
 Мансуров Н. Т. 141
 Мануйлов В. А. 193
 Маркевич Б. М. 100
 Марков Е. Л. 159
 Маркович М. А. (псевд. — Вовчок Марко) 140
 Маркс К. 90
- Маслов В. С. 25
 Маширов-Самобытник А. И. 161
 Маяковский В. В. 160, 162
 Медведев П. М. 129
 Межов В. И. 150
 Мелик-Нубаров С. О. 161
 Мельгунов Б. В. 93, 96, 176
 Мельник В. И. 112, 117
 Мендельсон Н. М. 56, 57, 63
 Мередит Д. 194
 Мережковский Д. С. 231—233
 Мецкерский В. П. 159
 Миллер-Красовский Н. А. 119
 Мильков В. И. 162
 Милкоков А. П. 159
 Милютин В. А. 3
 Милютин Н. А. 137
 Михайлов М. И. 63
 Михайлов М. Л. 101
 Михайловский Н. К. 23, 61, 64, 82, 100, 176, 195, 198, 202, 203
 Михайловский-Данилевский А. И. 180, 188
 Михеева О. М. 57
 Мицкевич А. 180
 Мишле Ж. 194
 Могилянский А. П. 193
 Мозгалевский Н. О. 190
 Молдавский Д. М. 162
 Молодцов И. 216
 Морщихина А. С. 165
 Мостовская Н. Н. 193
 Мотяшов И. П. 161
 Муравьев А. Н. 181, 183, 188
 Муравьев М. Н. 19, 39, 137, 181, 196—198
 Муравьев Н. А. 188
 Муравьев Н. М. 191
 Муравьева А. Г. 178, 183, 187—191
 Муравьева С. Н. 191
 Муравьев-Апостол С. И. 185
 Муррей Э.-К.-Г. 194
- Наградская Е. Н. 47—49
 Нарышкина Е. П. 187, 188, 190, 191
 Наумов Н. И. 143, 195
 Некрасов А. С. 206, 222—225, 227
 Некрасов К. Ф. 227
 Некрасов Ф. А. 222
 Некрасова А. А. 212
 Некрасова Е. А. 35, 223, 226
 Некрасова Е. С. 62
 Некрасова З. Н. (Викторова Ф. А., Некрасова Ф. А.) 36, 207
 Нерон 188
 Нефедов Ф. Д. 128
 Нечаев С. Г. 198
 Нечкина М. В. 57
 Никанор, слуга 145
 Никитенко А. В. 98
 Никитин И. С. 216
 Никитина Е. П. 161
 Новосильцева см. Толычева.
- Оболенский Е. М. 179, 188
 Обручев Н. Н. 50, 57, 58
 Огарев Н. П. 9, 47, 49, 50, 53, 55, 57, 60, 61

- Огарева М. Л. 48—50, 53, 54, 60
 Огарева-Тучкова Н. А. 60
 Огрызко И. 103
 Овчаренко Ф. Е. 161
 Одовский А. И. 158, 191
 Оксенов И. А. 162
 Оксман Ю. Г. 32, 33
 Опришко Е. Н. 25, 27
 Органищак Я. 161
 Орлов 186, 187
 Орлов А. Ф. 182
 Орлов В. Н. 162, 172
 Орлова Е. Н. 182
 Островский А. Н. 127—129
 Осьмаков Н. В. 161

 Панаев И. А. 51, 52, 55, 204
 Панаев И. И. 3, 19, 20, 32, 95
 Панаева А. Я. 3, 31, 36, 47, 48, 50—55,
 60—63, 65
 Панченко М. Т. 150, 199
 Папковский Б. В. 136—138
 Пассано Е. М., де 211
 Перегудова З. И. 52
 Перовский В. А. 136
 Перцев В. О. 161
 Петрашевский М. В. 3, 7, 9, 16
 Петров А. Г. 66—68
 Петряев Е. Д. 114
 Пешкова-Поливерова А. Н. 193
 Пилипюк Е. Л. 161
 Писарев Д. И. 17, 150, 157
 Писарев М. И. 123, 124, 128—130
 Писемский А. Ф. 129, 193
 Плетнев П. А. 19, 20
 Плещеев А. Д. 48
 Плещеев А. Н. 127, 129, 138, 194
 Погодин М. Н. 103
 Покусаев Е. И. 14
 Полевой Н. А. 111
 Полонский Я. П. 21, 129, 157
 Полянин С. С. 224—227
 Полянина К. Э. 225
 Пономарев С. И. 72, 149—159, 199, 211—
 213
 Порох И. В. 56, 57
 Поссе В. А. 214
 Прийма Ф. Я. 3, 13, 21, 112, 171
 Прокофьев А. А. 163—174
 Прокшин В. Г. 81, 82, 85, 92
 Прыжов И. Г. 131
 Пушкарев Н. Л. 104
 Пушкин А. С. 27, 35, 107, 112, 125, 155,
 157, 160, 166, 167, 175, 178, 189, 207,
 217, 232
 Пышин А. Н. 66, 68, 149—151
 Пьяных М. Ф. 162, 163
 Пятковский А. П. 49, 181

 Рабинович Г. Б. 104
 Раевские 178
 Раевский Н. Н. 177
 Разумихин Л. 165
 Рахманова Е. С. 178, 191
 Рашковская А. 162
 Резанов 186
 Рейсер С. А. 48, 52, 57, 58, 160, 170

 Рейхель М. К. 47
 Решинский Я. 164
 Рик 186
 Ровенский Н. 163
 Рождественский И. А. 144
 Розанова Л. А. 81, 88, 89, 132, 178
 Розен А. Е. 178, 191
 Розенгейм М. П. 154
 Ростопчина Е. П. 111
 Рукевич М. И. 180, 189
 Ручьев Б. А. 163
 Рыбников П. Н. 131
 Рылеев К. Ф. 164
 Рымашевский В. В. 160, 162

 Сазонова С. см. Смирная С.
 Саксаганская А. А. 48
 Салтыков-Щедрин М. Е. 3—24, 35, 66,
 67, 82, 104, 118, 136—139, 141, 142, 144,
 148, 149, 199, 203, 211
 Санд Ж. 193
 Сатин Н. М. 47, 54, 55
 Свистунов П. Н. 188
 Святловский В. В. 199
 Семевский М. И. 179
 Сенковский О. И. (псевд. — Белкин А.)
 111
 Сераковский З. 103
 Сервантес М.-С. 21
 Серов А. Н. 95
 Сивололов Б. М. 162
 Сидельников В. М. 106, 107
 Скабичевский А. М. 149, 198, 199, 203
 Скавронский А. см. Данилевский Г. П.
 Скавронский Н. см. Ушаков А. С.
 Скалдин см. Еленев Ф. Н.
 Скатов Н. Н. 112, 119, 120, 162, 163
 Слепцов А. А. 57
 Словацкий Ю. 104
 Словцов Р. 48
 Слонимский А. Л. 162
 Случевский К. К. 127
 Смирная С. (псевд. Сазоновой С.) 194
 Смирнов А. Н. 143, 144
 Смирнов В. А. 135, 137, 141, 143, 144, 148
 Смирнов В. Б. 43
 Смирнов И. 161
 Смольянинов 188
 Солдатенков К. Т. 31
 Соллогуб В. А. 16, 108—111
 Соловьев В. Н. 190
 Соловьев А. К. 199
 Соловьев С. М. 8
 Сосинович 180
 Соханская Н. С. (псевд. — Кохановская)
 12
 Спивак И. А. 160
 Срезневский В. И. 210, 212
 Станкеева М. Ф. 162
 Стасюлевич М. М. 149, 151, 153, 158, 194,
 199
 Степан, слуга 145
 Степанов Н. Н. 161, 162
 Степанов С. Н. 127
 Стефан, иерей 223
 Стокюн В. Я. 157
 Страхов Н. Н. 84, 96

- Стремоухов, цензор 144
 Струве П. Б. 24
 Студенкин Г. И. 127
 Суворин А. С. 12, 152, 154, 156, 158, 159, 196, 198, 212
 Сурков А. А. 163
 Суршин М. 161
 Сухинин 190
- Тарасов А. Ф. 163, 172
 Тарасов В. 215, 216
 Таратута Е. Э. 194
 Татищев А. И. 177, 182
 Твардовский А. Т. 160, 163, 164, 167
 Твен М. 194
 Тверитинов А. Н. 128
 Теплинский М. В. 163, 193, 194
 Тернер Ф. Г. 158
 Тимашев А. Е. 141
 Тимофеев А. Г. 125
 Тимофеева В. В. 162
 Тихонов Н. С. 172
 Толстой А. К. 160
 Толстой Л. Н. 22, 35, 193, 207
 Толстой Ф. М. 194
 Толычева (псевд. — Новосильцева) 159
 Торчин Э. М. 223—225
 Трегуб С. А. 162
 Трозинер Ф. Ф. 128
 Трубецкая Е. И. 179, 182—190
 Трубецкой С. Г. 184, 186
 Туниманов В. А. 198
 Тургенев И. С. 4, 6, 7, 15—17, 19—22, 24, 37, 50, 51, 54, 60, 61, 100, 101, 107, 127, 129, 147, 158, 204
 Турунов М. Н. 138, 139, 141
 Туткевич А. А. 208
 Тютчев Ф. И. 95, 127, 137, 160
- Уваров С. С. 94, 98
 Уорнер Ч.-Д. 194
 Урусов А. И. 129
 Успенский Г. И. 195, 198
 Успенский Н. В. 12
 Ушаков А. С. (псевд. — Скавронский Н.)
 7
- Фадеев А. А. 172
 Федоров В. Д. 161
 Фермор М. Ф. 127
 Фет А. А. 95, 101, 102, 160
 Филагриевский С. 222, 223, 226, 227
 Фон-Визин М. А. 179, 188
 Фон-Визина Н. Д. 188, 190, 191
 Фролов П. 187
 Фукс 141—144
- Халютин Л. И. 97
 Хмельницкая Т. Ю. 48
 Ходский 201
- Царькова Т. С. 53, 55, 59, 140, 200
 Цебриков Н. Р. 199
- Цебрикова М. К. 142, 194—199
- Чалый М. К. 135
 Червяковский С. А. 81
 Чернышев А. И. 177
 Чернышевская О. С. 127
 Чернышевский М. Н. 209—211
 Чернышевский Н. Г. 4—7, 11, 12, 15—17, 35, 36, 50—52, 57, 63, 65, 84, 97, 121, 126, 128, 129, 157, 159, 165, 175, 193, 209, 213
 Чернышов З. Г. 189
 Черняк Я. З. 49, 51, 53—58, 61, 62
 Чешихин-Ветринский В. Е. 176
 Чичерин Б. Н. 8
 Чуковская Е. Ц. 48
 Чуковская М. В. 230
 Чуковский К. И. 28, 37, 38, 43, 44, 48, 53, 55—57, 59, 60, 63, 82, 83, 106, 123, 126, 131—133, 140, 160, 174, 176, 228—231, 233
 Чулков Г. И. 107
- Шагинян Р. П. 162
 Шаншиев (Шамшиев) Н. С. 47, 53—55, 61
 Шварц А. К. 56
 Швецова Л. К. 161
 Шевченко Т. Г. 136, 137, 141, 157
 Шекспир У. 100, 147
 Шеллер-Михайлов А. К. 195
 Шелли П.-Б. 142, 143, 193
 Шестериков С. П. 56, 63
 Шидловский М. Р. 138
 Шиллер И. 21
 Шилов А. А. 52
 Широков И. М. 172
 Шлейден М. Я. 93, 99
 Шильгаген Ф. 193
 Шушерин 224
- Щапов А. П. 9, 102
 Щеголев П. Е. 210
 Щепетев А. 24
- Эльзон М. Д. 56, 123
 Энгельгардт А. Н. 97
 Эртель А. И. 195
 Эткина С. И. 37
- Юшков Н. Ф. 129
- Языков М. А. 3
 Яковлев П. Л. 114—117
 Якубович П. Ф. (псевд. — Гриневич П. Ф.) 195—198
 Якушкин И. Д. 179, 188
 Якушкин П. И. 128, 131—134
 Ярославцев С. Г. 154

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. А. НЕКРАСОВА

- «Балет» 231
 «Баюшки-баю» 125
 «Безвестен я, Я вами не стяжал...» 125, 126
 «В. Г. Белинский» 17, 25—34
 «В больнице» 28, 29
 «В дороге» 106, 126
 «В Сардинии» 113
 «В черные дни» 68
 «Вор» 124
 «Воспоминание. (Памяти А«сенков»ой)» 31
 «Вступления к песням 1876—1877 годов» 154
 «Вчерашний день, часу в шестом» 123—126, 128
 «Газетная» 18, 155
 «Говорун» 153, 156
 «Горящие письма» 154
 «Даже вполголоса мы не певали» («Отъезжающему») 23, 125
 «20 ноября 1861» 155
 «Двадцать пять рублей» 112, 114—117
 «Дедушка» 217
 «До сумерек» 125
 «Дружеская переписка Москвы с Петербургом» 153
 «Друзьям» 7
 «Еще скончался честный человек» 38
 «Еще тройка» 17
 «Железная дорога» 23, 217
 «Забятая деревня» 219
 «За городом» 32
 «Затворница» 153, 223, 224
 «Извозчик» 111
 «Из поэмы „Мать“» 153
 «Как убить вечер?» 37, 38, 40, 52
 «Катерина» 220
 «Княгиня М. Н. Волконская» 150, 177, 180, 181
 «Колыбельная песня. (Подражание Лермонтову)» 153
 «Кому на Руси жить хорошо» 9, 11, 17, 22, 32, 46, 66—92, 121, 126—129, 134, 153, 154, 163, 174, 208, 212, 216, 225
 «Коробейники» 155, 164, 217, 220
 «Крестьянские дети» 150
 «Кузнец» 137, 153
 «Литература с трескучими фразами» 153
 «Мать» 155
 «Медвежья охота» 32, 35—38, 41, 42, 45, 46, 155
 «Мечты и звуки» 35
 «Мороз, Красный нос» 150, 217, 220
 «Музе» 126
 «На Волге. (Детство Валежникова)» 159
 «На улице» 124, 128
 «Над чем мы смеемся...» 153
 «Накануне светлого праздника» 153
 «Недавнее время» 44
 «Неизвестному другу» 36, 155, 156
 «Не пошлость старого обычая поэтов...» 127
 «Несжатая полоса» 154
 «Несчастные» 150
 «Ночлеги» 153
 «Ночь. Успели мы всем насладиться...» 154
 «Огородник» 106, 108, 109, 111, 126
 «О муза! я у двери гроба!» 125, 153
 «О погоде» 125
 «Орина, мать солдатская» 217
 «Отец твой, поп бездельник...» 20
 «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» 159
 «Отрывок» («Родился я в губернии...») 153
 «Отъезжающему» см. «Даже вполголоса мы не певали...»
 «Памяти Белинского» 154
 «Памяти Добролюбова» 155, 156
 «Певица» 113
 «Песня» («Отпусти меня, родная...») 40
 «Песня Еремущке» 119, 120, 121, 122
 «Песня об „Аргусе“» 154
 «Песня о труде» 40
 «Петербургские углы» 113
 «Пир на весь мир» 17, 67—92, 208, 212
 «Плач детей» 155
 «(Подражание Лермонтову)» 155, 156
 «Последние песни» 68, 92, 128, 150, 153
 «Поэт и гражданин» 28, 30
 «Притча» 98
 «Пророк» 153
 «Псовая охота» 106, 155
 «Размышления у парадного подъезда» 126, 156, 159, 216, 217, 219
 «Родился я в губернии» см. «Отрывок»
 «Родина» 195
 «Ростовщик» 113
 «Русские женщины» 155, 181, 216, 217
 «Русскому писателю» 28, 30
 «Рыцарь на час» 220, 222
 «Салтыкову» 98
 «Саша» 31
 «Свадьба» 31
 «Свобода» 38
 «Современники» 22, 23, 150
 «Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“» 37, 38, 40—45
 «Сыны „народного бича“...» 98, 153
 «Тишина» 150, 155
 «Тройка» 106
 «Утомонись, моя муза задорная...» 125
 «Уныние» 125, 155
 «Человек сороковых годов» 42
 «Черный день! Как нищий просит хлеба...» 125
 «Чиновник» 153
 «Шила в мешке не утаишь» 113
 «Я день и ночь тружусь для суеты...» 35

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ

Ф. Я. Прийма. Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин	3
А. М. Гаркави. Творческая история поэмы «В. Г. Белинский»	25
М. М. Гин. Эволюция замысла «Медвежья охота» и духовная драма Некрасова 1866—1867 гг.	35
Б. Л. Бессонов. Об утраченной переписке А. Я. Панаевой и Некрасова (история одной публикации)	47

II. ПОЛЕМИКА

О. Б. Алексеева. К вопросу об основном тексте «Пира на весь мир»	66
А. И. Груздев. О названиях глав в «Пире на весь мир»	75
В. Г. Прокшин. «Эпилог. Гриша Добросклонов»	81

III. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Б. В. Мельгунов. Редакционные предисловия и примечания в журналах Некрасова	93
В. Э. Вацуро. Один из источников «Огородника»	106
В. И. Мельник. История одного сюжета (рассказ Некрасова «Двадцать пять рублей»)	112
Б. Я. Бухштаб. К истолкованию стихотворения «Песня Еремушке»	119
М. Д. Эльзон. О датировке стихотворения «Вчерашний день, часу в шестом...»	123
Ю. В. Лебедев. Об источниках образа Павлуши Веретенникова в поэме «Кому на Руси жить хорошо»	131
В. А. Смирнов. В. М. Лазаревский — современник Некрасова	135
Г. В. Краснов. Вокруг истории первого посмертного издания «Стихотворений» Некрасова	149
В. В. Базанов. Некрасов в творческой биографии Александра Прокофьева	160

IV. ПУБЛИКАЦИИ

Б. В. Мельгунов. Из материалов к декабристской теме в архиве Некрасова	176
Н. Н. Мостовская. Неизвестное письмо М. К. Цебриковой о Некрасове	193
В. Е. Евгеньев-Максимов. Из прошлого. Записки некрасововеда (1902—1921). — Публикация Т. С. Царьковой	200
Указатель имен	234
Указатель произведений Н. А. Некрасова	239